

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

Том 23. № 2

2024

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Главная тема номера: / Mainstream issue:

«Новая искренность» как лингвистический феномен

The Concept of "New Sincerity" as a Linguistic Phenomenon

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

Volume 23. No. 2

2024

Founder:

Federal State Autonomous
Educational Institution
of Higher Education
“Volgograd State University”

Учредитель:

Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение
высшего образования
«Волгоградский государственный университет»

The journal is registered in the Federal Service for Supervision of Communications, Information Technology and Mass Media (Registration Number **ПИ № ФС77-78163** of March 13, 2020)

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (регистрационный номер **ПИ № ФС77-78163** от 13 марта 2020 г.)

The journal is included into “**The Index of Peer-Reviewed Academic Journals and Publications That Must Publish the Main Academic Results of Candidate’s Degree Theses and Doctoral Degree Theses**” that came in force on December 1, 2015

Журнал включен в «**Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук**», вступивший в силу с 01.12.2015 г.

The journal is included into **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** and **Scopus**

Журнал включен в базы **Web of Science Core Collection (Emerging Sources Citation Index)** и **Scopus**

The journal is also included into the following Russian and international databases: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **eLIBRARY.RU** (Russia), **MLA** (USA), **CrossRef** (USA), **DOAJ** (Sweden), **ProQuest** (USA), **CiteFactor** (Canada), **COPAC*** (Great Britain), **Google Scholar** (USA), **Journalindex.net** (USA), **JournalSeek** (USA), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (USA), **OCLC WorldCat®** (USA), **SHERPA/RoMEO** (Spain), **MIAR** (Spain), **ZDB** (Germany), “**CyberLeninka**” **Scientific Electronic Library** (Russia), “**Socionet**” **Information Resources** (Russia), etc.

Журнал также включен в следующие российские и международные базы данных: **Russian Science Citation Index** (RSCI, Web of Science), **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**, **MLA** (США), **CrossRef** (США), **DOAJ** (Швеция), **ProQuest** (США), **CiteFactor** (Канада), **COPAC*** (Великобритания), **Google Scholar** (США), **Journalindex.net** (США), **JournalSeek** (США), **ULRICHSWEB™ Global Serials Directory** (США), **OCLC WorldCat®** (США), **SHERPA/RoMEO** (Испания), **MIAR** (Испания), **ZDB** (Германия), **Научная электронная библиотека «КиберЛенинка»** (Россия), **Соционет** (Россия) и др.

ISSN 1998-9911 (Print)
ISSN 2409-1979 (Online)

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕСТНИК

ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2

ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2024

Том 23. № 2

MINISTRY OF SCIENCE AND HIGHER EDUCATION
OF THE RUSSIAN FEDERATION

SCIENCE JOURNAL

OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2024

Volume 23. No. 2

18+

SCIENCE JOURNAL OF VOLGOGRAD STATE UNIVERSITY

LINGUISTICS

2024. Vol. 23. No. 2

Academic Periodical

First published in 1996

6 issues a year

Mainstream issue:

The Concept of “New Sincerity” as a Linguistic Phenomenon

Editorial Staff:

Assoc. Prof., Dr. *E.M. Sheptukhina* – Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *E.Yu. Ilyinova* – Deputy Chief Editor
(Volgograd)

Prof., Dr. *S.V. Ionova* (Moscow)

Prof., Dr. *S.S. Takhtarova* (Kazan)

Cand. *I.A. Safonova* – Executive Secretary (Volgograd)

Cand. *O.S. Volkova* – Copy Editor (Volgograd)

Editorial Board:

Prof., Dr. *R.S. Alikaev* (Nalchik);

Prof., Dr. *N.S. Bolotnova* (Tomsk);

Prof., Dr. *D. Vovodich* (Novi Sad, Serbia);

Prof., Dr. *V.Z. Demyankov* (Moscow);

Leading Researcher, Dr. *N.N. Zapolskaya* (Moscow);

Prof., Dr. *M.V. Zelikov* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *D.Yu. Ilyin* (Volgograd);

Prof., Dr. *V.I. Karasik* (Volgograd);

Prof., Dr. *A.F. Kelletat* (Mainz, Germany);

Prof., Dr. *K. Koncharevich* (Belgrade, Serbia);

Prof., Dr. *E.I. Koriakowcewa* (Siedlce, Poland);

Prof., Dr. *L.P. Krysin* (Moscow);

Prof., Dr. *O.A. Leontovich* (Volgograd);

Prof., Dr. *I.P. Lysakova* (Saint Petersburg);

Prof., Dr. *O.A. Prokhvatilova* (Moscow);

Prof., Dr. *O.N. Prokhorova* (Belgorod);

Prof., Dr. *V.I. Terkulov* (Donetsk, DPR);

Dr. Phil., Prof. of Slavonic Philology *V.S. Tomelleri*
(Turin, Italy);

Assoc. Prof., Dr. *E. Hoffmann* (Vienna, Austria);

Prof., Dr. *N.L. Shamne* (Volgograd);

Prof., Dr. *L. Shipelevich* (Warsaw, Poland);

Dr. *R. Schmitt* (Mannheim, Germany);

PhD, Assoc. Prof. *Yan Kai* (Zhuhai, China)

Editors, Proofreaders: *M.V. Gayval, I.V. Smetanina*

Editors of English texts: *O.S. Volkova, D.A. Novak*

Making up and technical editing by *O.N. Yadykina*

Passed for printing on Febr. 29, 2024.

Date of publication: June 27, 2024. Format 60×84/8.

Offset paper. Typeface Times.

Conventional printed sheets 17.3. Published pages 18.6.

Number of copies 500 (1st printing 1–31 copies).

Order 40. «C» 11.

Open price

Address of the Printing House:

Bogdanova St, 32, 400062 Volgograd.

Postal Address:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Publishing House of Volgograd State University.

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Address of the Editorial Office and the Publisher:

Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd.

Volgograd State University.

Tel.: (8442) 40-55-79. Fax: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Journal website: <https://l.jvolsu.com>

English version of the website:

<https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

ВЕСТНИК ВОЛГОГРАДСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Серия 2. ЯЗЫКОЗНАНИЕ

2024. Т. 23. № 2

Научно-теоретический журнал

Основан в 1996 году

Выходит 6 раз в год

Главная тема номера:

«Новая искренность» как лингвистический феномен

Редакционная коллегия:

д-р филол. наук, доц. *Е.М. Шептухина* – главный редактор (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *Е.Ю. Ильинова* – зам. главного редактора (г. Волгоград)
д-р филол. наук, проф. *С.В. Ионова* (г. Москва)
д-р филол. наук, проф. *С.С. Тахтарова* (г. Казань)
канд. филол. наук *И.А. Сафонова* – ответственный секретарь (г. Волгоград)
канд. филол. наук *О.С. Волкова* – технический секретарь (г. Волгоград)

Редакционный совет:

д-р филол. наук, проф. *Р.С. Аликаев* (г. Нальчик);
д-р филол. наук, проф. *Н.С. Болотнова* (г. Томск);
д-р филол. наук, проф. *Д. Войводич* (г. Нови Сад, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *В.З. Демьянков* (г. Москва);
д-р филол. наук, ведущий науч. сотр. *Н.Н. Запольская* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *М.В. Зеликов* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *Д.Ю. Ильин* (г. Волгоград);

д-р филол. наук, проф. *В.И. Карасик* (г. Волгоград);
д-р, проф. *А.Ф. Келлетат* (г. Майнц, Германия);
д-р филол. наук, проф. *К. Кончаревич* (г. Белград, Сербия);
д-р филол. наук, проф. *Е.И. Коряковцева* (г. Седльце, Польша);
д-р филол. наук, проф. *Л.П. Крысин* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Леонтович* (г. Волгоград);
д-р филол. наук, проф. *И.П. Лысакова* (г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук, проф. *О.А. Прохватилова* (г. Москва);
д-р филол. наук, проф. *О.Н. Прохорова* (г. Белгород);
д-р филол. наук, проф. *В.И. Теркулов* (г. Донецк, ДНР);
д-р филологии, проф. слав. филологии *В.С. Томеллер* (г. Турин, Италия);
д-р, доц. *Э. Хоффманн* (г. Вена, Австрия);
д-р филол. наук, проф. *Н.Л. Шамне* (г. Волгоград);
д-р гуманитар. наук, проф. *Л. Шипелевич* (г. Варшава, Польша);
д-р социол. наук *Р. Шмитт* (г. Мангейм, Германия);
PhD (филология), доц. *Янь Кай* (г. Чжухай, Китай)

Редакторы, корректоры: *М.В. Гайваль,*
И.В. Сметанина

Редакторы английских текстов: *О.С. Волкова, Д.А. Новак*
Верстка и техническое редактирование *О.Н. Ябыкиной*

Подписано в печать 29.02 2024 г.

Дата выхода в свет: 27.06 2024 г. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Гарнитура Таймс. Усл. печ. л. 17,3.
Уч.-изд. л. 18,6. Тираж 500 экз. (1-й завод 1–31 экз.).
Заказ 40. «С» 11.

Свободная цена

Адрес типографии:

400062 г. Волгоград, ул. Богданова, 32.

Почтовый адрес:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Издательство

Волгоградского государственного университета

E-mail: izvolgu@volsu.ru

Адрес редакции и издателя:

400062 г. Волгоград, просп. Университетский, 100.

Волгоградский государственный университет.

Тел.: (8442) 40-55-79. Факс: (8442) 46-18-48

E-mail: vestnik2@volsu.ru

Сайт журнала: <https://l.jvolsu.com>

Англояз. сайт журнала: <https://l.jvolsu.com/index.php/en/>

СОДЕРЖАНИЕ

ГЛАВНАЯ ТЕМА НОМЕРА

- Барбина Н.С.* Ризомная модель междисциплинарности в исследовании феномена «новой искренности» 5
- Гладко М.А.* Дискурсивная реализация «новой искренности» в коммуникативном пространстве медиа 18
- Иссерс О.С., Герасимова А.С.* Стратегии интервью в контексте «новой искренности»: «секрет на миллион» и немного меньше 29
- Каминская Т.Л.* Проявление «новой искренности» в медиатекстах соцсетей: интенции, эффекты и речевое воплощение 46
- Го Лицзюнь, Шетинина А.В.* Лексико-семантическое поле «Новая искренность»: неологизмы в российском и китайском медиадискурсе 57
- Зверева Е.А., Кочкина Е.Л., Дрожжина А.А.* От иронии к постиронии: средства выражения «новой искренности» в журналах «Правила жизни» и «The New Yorker» 70
- Чемодурова З.М.* Аффективный поворот в метамодернистской литературе и «новая искренность» [На англ. яз.] 84
- Леонтьева Т.В., Атлагич С.* Технологичность «новой искренности» 98

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

- Грицевская И.М., Литвиненко В.В.* Фрагменты «Княжьего сборника» в сербском сборнике XVI в. Slav. 125 из собрания Венской национальной библиотеки 113
- Маринова Е.В.* Язык антицифрового сопротивления: особенности создания протестных номинаций в русскоязычных медиатекстах 134

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

- Клейменова В.Ю., Широва И.А., Сергаева Ю.В.* Лингвистическое моделирование возможных миров в англоязычной интернет-дискуссии 147

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

- Коровкина М.Е.* Профессиональная компетенция синхронного переводчика в когнитивно-дискурсивной парадигме [На англ. яз.] ... 158

ДИСКУССИИ

- Кравченко М.А.* Метаязык в зеркале его функций 172

CONTENTS

MAINSTREAM ISSUE

- Barebina N.S.* Rhizomic Interdisciplinary Model in the Research into the Phenomenon of “New Sincerity” 5
- Gladko M.A.* Discourse Implementation of “New Sincerity” in Communicative Space of Media 18
- Issers O.S., Gerasimova A.S.* “New Sincerity” Interview Strategies: *Million Dollar Questions* and Smaller Conversational Exchanges 29
- Kaminskaya T.L.* “New Sincerity” in Social Media Texts: Intentions, Effects and Speech Features 46
- Guo Lijun, Shchetinina A.V.* Lexical-and-Semantic Field “New Sincerity”: Neologisms in Russian and Chinese Media Discourse 57
- Zvereva E.A., Kochkina E.L., Drozhzhina A.A.* From Irony to Post-Irony: Means of Expressing “New Sincerity” in the Magazines *The Rules of Life* and *The New Yorker* 70
- Chemodurova Z.M.* The Affective Turn in Metamodernist Fiction and “New Sincerity” 84
- Leontyeva T.V., Atlagić S.* The Technological Nature of “New Sincerity” 98

EVOLUTION AND FUNCTIONING OF THE RUSSIAN LANGUAGE

- Gritsevskaya I.M., Lytvynenko V.V.* Fragments of *Knyazhy Izbornik* in the Serbian Miscellanea of the 16th Century Slav. 125 from the Collection of the Austrian National Library 113
- Marinova E.V.* The Language of Anti-Digital Resistance: Features of Protest Nomination Formation in Russian-Language Media Texts 134

INTERCULTURAL COMMUNICATION AND COMPARATIVE STUDIES OF LANGUAGES

- Kleimenova V.Yu., Schirova I.A., Sergaeva Yu.V.* Linguistic Modelling of Possible Worlds in English Netspeak Discussions 147

MATERIALS AND REPORTS

- Korovkina M.Ye.* Simultaneous Interpreter Professional Competence in a Cognitive and Discursive Paradigm 158

DISCUSSIONS

- Kravchenko M.A.* Metalanguage in the Reflection of Its Functions 172

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.1>

UDC 81:177.3
LBC 81B6

Submitted: 11.12.2023
Accepted: 27.02.2024

**RHIZOMIC INTERDISCIPLINARY MODEL
IN THE RESEARCH INTO THE PHENOMENON OF “NEW SINCERITY”**

Natalia S. Barebina

Irkutsk State Transport University, Irkutsk, Russia;
Baikal State University, Irkutsk, Russia

Abstract. The article localizes the problem of interscientific system methodology in the study of a new social practice domain, which manifests itself in the form of the trend towards sincerity and frankness in language interaction. The purpose of the article is to consider the issues that arise within the overlapping scientific approaches in the context of polyparadigmality in linguistics. The article describes vectors and scenarios of discipline interaction, as well as the examples of interdisciplinary transfer practice. The author presents the concept of rhizomic interdisciplinarity as a nonlinear development of scientific research that contains the potential for differentiation and integration. The system methodology application has enabled the author to build the core part of the model for describing linguistic facts. It includes some clusters of scientific knowledge that are undergoing a development phase. The article outlines the problems of “new sincerity” with an emphasis on network communication. For illustration, data from social events with elements of a flash mob, cases of cancel culture and eco-alarmism were used. The patterns that form a social community in the form of thematic fashion, Internet communication algorithms, and mobilizing potential are indicated. The author presents several clusters of research into the phenomenon of “new sincerity” from the perspective of the science of language. Being indicative of the dynamics of interaction amongst currently existing approaches and theories, they can form the core of the research model.

Key words: science studies, synergy, interdisciplinary transfer, rhizomic interdisciplinarity, post-postmodernism, new sincerity.

Citation. Barebina N.S. Rhizomic Interdisciplinary Model in the Research into the Phenomenon of “New Sincerity”. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 2, pp. 5-17. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.1>

УДК 81:177.3
ББК 81B6

Дата поступления статьи: 11.12.2023
Дата принятия статьи: 27.02.2024

**РИЗОМНАЯ МОДЕЛЬ МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОСТИ
В ИССЛЕДОВАНИИ ФЕНОМЕНА «НОВОЙ ИСКРЕННОСТИ»**

Наталья Сергеевна Баребина

Иркутский государственный университет путей сообщения, г. Иркутск, Россия;
Байкальский государственный университет, г. Иркутск, Россия

Аннотация. Статья локализует проблему междисциплинарной системной методологии в исследовании участка новой социальной практики в виде проявления тренда искренности и откровенности в языковом

взаимодействии. Цель статьи – рассмотреть вопросы, возникающие в зоне взаимодействия научных подходов в условиях полипарадигмальности языкознания. Охарактеризованы практика междисциплинарных трансферов, векторы и сценарии взаимодействия подходов и теорий. Представлена концепция ризомной междисциплинарности как нелинейного развития научного поиска, содержащего потенциал дифференциации и интеграции. Системная методология позволила построить ядерную часть модели описания языковых фактов, включающую некоторые кластеры научного знания, проходящие фазу развития. В статье эскизно очерчена проблематика «новой искренности» на примере сетевой коммуникации. Для иллюстраций использованы данные социальных акций с элементами флешмоба, кейсы культуры отмены и экоалармизма. Определены закономерности, которые формируют социальную общность в виде тематической моды, алгоритмов коммуникации в Сети, ее мобилизующего потенциала. Показано несколько кластеров исследования феномена «новой искренности» с позиции науки о языке, которые могут составить ядро модели исследования, так как в них наблюдается динамика взаимодействия между существующими сегодня подходами и теориями.

Ключевые слова: науковедение, синергия, междисциплинарный трансфер, ризомная междисциплинарность, постпостмодернизм, новая искренность.

Цитирование. Барбина Н. С. Ризомная модель междисциплинарности в исследовании феномена «новой искренности» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 5–17. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.1>

Введение

Проблематика статьи относится к лингвистическому науковедению. Хотя оно не является сложившимся направлением, необходимость обсуждения путей и механизмов взаимодействия разных наук осознается все большим количеством лингвистов: и практиков, и теоретиков. Еще большую востребованность вопросы, связанные с обменом научными подходами, приобретают в условиях возникновения новых феноменов в социуме. Одним из них, требующим научного описания, является «новая искренность». Она, согласно исследованиям последних лет, охватывает политику, моду, искусство, медиапространство [Bowden, 2021; Kelly, 2016; Konstantinou, 2017; Zahurska, 2022]. Эстетика откровенности и искренности становится актуальным коммуникационным трендом [Иссерс, 2020], характерным для «общества усталости» [Хан, 2023]. Появляются научные разработки, показывающие роль сетевой морфологии современного социума, легитимирующей новые клише и модели общения в нем [Фортунатов, Воскресенская, 2021]. Однако систематическое изучение концепции «новой искренности» в языке только начинается.

На наш взгляд, прежде чем приступить к работе с этим материалом и далее – к научному описанию этого феномена с лингвистических позиций, необходимо охарактеризовать исследовательскую парадигму и обозначить

потенциальные междисциплинарные связи, обеспечивая таким образом последовательность и достоверность исследования. Первая часть статьи представляет собой экскурс в практику междисциплинарных и внутрдисциплинарных контактов в науке о языке. Во второй части статьи намечены подходы к исследованию проявления «новой искренности» в речи и охарактеризовано их динамичное состояние в аспекте синергетического эффекта. Специфика феномена «новой искренности» такова, что он не может быть изучен только с лингвистических позиций, к этому процессу необходимо подключить другие системно связанные дисциплины и концепции. В статье показано, что пока это проблематично ввиду несогласованности лингвистических подходов.

Материал и методы

В работе использовался метод обобщения данных по науковедению в виде статей, классификаторов, содержащих рубрикацию задач науковедения, в частности ГРНТИ (<https://grnti.ru>). Для анализа динамики междисциплинарного взаимодействия применялся метод ретроспекции в сочетании с обзором публикаций по тематике междисциплинарности [Глебкин, 2014; Кошелев, 2018; Авдонин, 2019; Демьянков, 2023; и др.]. Проведен анализ источников по тематике «новой искренности» в языковедческом освещении [Гладко, 2022; Sokolov, Shabrova, 2020; и др.].

Хотя анализ языкового материала не входил в задачи статьи, собран корпус примеров, который был отобран методом сплошной выборки из новостных агрегаторов, в которых представлены кейсы культуры отмены и экологического алармизма. Кроме того, поиск осуществлялся по хештегам #MeToo, #янебоюсьсказать, #faceofdepression. Для разметки текстов привлекались методы функционально-стилистического анализа, методика целостно-текстового анализа при рассмотрении этических конструкций и эмотивных языковых средств.

Результаты и обсуждение

Сложные и междисциплинарные проекты являются нормой в современной научной среде. Это требует объединения знаний и опыта, а также больших усилий по координации работы специалистов. Ученых давно интересует положительный эффект синергии в области междисциплинарного трансфера научного результата [Зимин, 2020; Ратушева, 2018]. Для эффективной интеграции методов синергетики в плоскость лингвистики необходимо обратиться к диахроническому аспекту взаимодействия науки о языке с другими областями. Пользуясь терминологией синергетики и теории сложных систем, отметим, что ретроспекция позволяет задействовать *опережающее отражение* как стратегию нахождения закономерностей научного прогноза на основе механизмов памяти системы. Одним из таких механизмов, по мысли С.П. Курдюмова, является режим с обострением [Курдюмов, 2004, с. 90], который возникает во время нестабильности. Если исходить из определения науки как системы знаний [Макаренко, 2019, с. 87], то она, будучи элементом мира, содержит и элемент памяти. Поэтому рефлексия относительно динамики меж- и внутридисциплинарных взаимодействий предоставляет доступ к осмыслению точек роста в формировании современного методологического дизайна в науке о языке.

Приведем примеры. Историко-генетическая (в другой терминологии – историческая, эволюционная) парадигма является направлением, объединившим те школы, которые опирались на принцип историзма. Значимым результатом исследований в рамках

этой парадигмы стало построение генеалогической классификации языков и реконструкция праязыков. Данная парадигма легитимировала рассмотрение языка как научного объекта по аналогии с живыми организмами. В научный обиход современного языковедения вошли такие термилируемые биоморфной метафорой понятия, как морфология, родственные языки, языковая семья, генеалогическое древо, жизнь и смерть языка, языковые мутации и др.

Следующий пример – это таксономия как раздел систематики в биологии, которая реализована в таксономической (структуралистской) парадигме. В сферу приложения данного понятия к дисциплинам, имеющим дело со сложноорганизованными дискретными объектами, вошла и лингвистика. Структурная лингвистика сформировала большой контекст знания, основанного на презумпции о том, что язык состоит из иерархически упорядоченных дискретных элементов. Методы формализации стимулировали составление лексических классов, грамматических парадигм, например падежных и числовых форм, семантических сетей и карт в семантике, иерархии синтаксических предикатно-аргументных отношений – это то знание, которое сейчас представлено в школьном языковом образовании.

Антропоцентрическая парадигма появилась в ходе становления и развития когнитивной науки и рассматривает язык как систему представления знаний. В связи с тем, что эта парадигма формировалась при участии таких наук, как антропология, психология, нейрология, она часто ассоциируется с когнитивной лингвистикой. Генеральной идеей антропоцентризма является представление о человеке как центральном фокусе языка. Исходя из этого, проводятся исследования и выдвигаются теоретические конструкты, которые основаны на изучении языка в его связи с культурой, сознанием, общением и социальными взаимодействиями людей. «Человекоразмерный» фактор в лингвистике дает основания исследовать то, как язык формирует мышление, восприятие мира и механизмы взаимодействия с другими людьми. В настоящее время лингвистика является преимущественно антропоцентрической, экспансия принципа антропоцентризма наблюдается в любом научном исследовании.

довании и по отношению к любому знанию, связанному с языком.

Имеется много примеров междисциплинарного трансфера из частнонаучных подходов и теорий. Так, некоторые модели коммуникации, разработанные в математике и кибернетике, были адаптированы к языковому взаимодействию, но имеют большое количество недочетов в объяснении принципов коммуникации. Этот пример является иллюстрацией тезиса о том, что взаимодействие разных дисциплин далеко не всегда удачно, в основном оно представляет собой долгий процесс согласования терминологии, методов, областей применения.

Рассмотренные примеры демонстрируют **вертикальный трансфер** научного взаимодействия, который часто изображают в виде наложения кругов-дисциплин А и Б, имея под этим в виду то, что области взаимного наложения представляют собой различные варианты трансдисциплинарности, наиболее благоприятным из которых является полное совпадение дисциплинарных «кругов», когда образуется новое, общее для дисциплин А и Б знание [Федорова, 2014]. Вертикальный вектор междисциплинарного трансфера знаний в лингвистике означает применение идей, методов и концепций из различных дисциплин к изучению языка и языковых явлений, то есть использование знаний, полученных в других научных областях, для расширения понимания языковых процессов и явлений. Представим это в виде восходящей стрелки (рис. 1) для изображения варианта синергии как сложения суммы факторов и наиболее благоприятного варианта взаимодействия дисциплин.

Динамика взаимодействий может иметь и обратный, нисходящий тренд. Так, историко-генетическая парадигма выступает сегодня лишь как одно из направлений в изучении языка, тогда как ранее ей принадлежала монополия на объяснение языковых фактов. Одно время лингвистика являлась преимущественно таксономической. Выскажем мнение, что в современных дисциплинах языковедческого цикла данная методология играет второстепенную роль в научных обобщениях. При этом существует методологическая проблема разработки принципов и оснований выделения таксонов, классификации языковых единиц разного уровня, например дискурсов. Очевидна и рассогласованность методологических подходов с когнитивным направлением, так как последнее эксплицирует холистичность, а таксономизация предполагает выделение дискретных единиц.

Сегодня в науке высказываются мнения о том, что методологический индивидуализм, характерный для антропоцентрической парадигмы и преобладающий сегодня в науке о языке, имеет негативные последствия. Постулируется кризис антропоцентрической доктрины в связи с чрезмерным увлечением ученых культурными концептами, излишним погружением в психологические аспекты функционирования языков разных этносов. Язык понимается как инструмент культуры, формирующий языковую личность. Этот парадигмальный термин несет большую смысловую нагрузку. В общем смысле «языковая личность» – это совокупность речевых особенностей, которую можно проследить по текстам и другим речевым произведениям, что используется в таких подходах, как лингво-

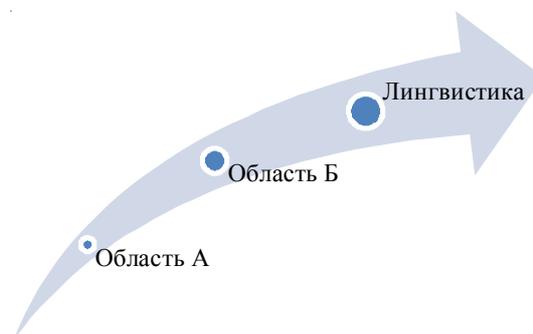

Рис. 1. Вертикальный вектор междисциплинарного трансфера

Fig. 1. Vertical vector of interdisciplinary transfer

персонология и коммуникативная лингвистика. Языковая личность как научный конструкт задействуется при изучении как конкретного говорящего, так и национальных или социальных языковых типов.

По мнению некоторых исследователей, например Г.Г. Москальчук, антропоцентрическая лингвистика не учитывает физико-биологический слой фактов, законы природы, в которых функционирует текст [Москальчук, 2003, с. 14]. Сходную мысль находим у П. Линелла, считающего, что сейчас «чересчур пристальный интерес к отдельной личности, проявляемый западной культурой и гуманитарными науками, наконец-то начинает входить в разумные рамки» [Линелл, 2013, с. 44], начинает рассматриваться «нейронная, телесная и направленная на реальный мир активность – своя и других – в процессе взаимодействия с артефактами и другими предметами внешнего мира» [Линелл, 2013, с. 44]. Еще один аспект критики антропоцентризма в лингвистике связан с активно разрабатываемым подходом «от языка к мышлению», что означает обусловленность мышления языковой формой. Данный тезис сторонников гиперантропоцентризма не соответствует действительности, так как язык в этом случае выступает в качестве объекта, используемого в инструментальной функции для выражения и передачи мыслей. Такая трактовка является недостатком в общей методологии в исследовании языка [Кравченко, 2022, с. 7], в соответствии с этим М.В. Никитин отмечает ложный постулат лингвистического детерминизма [Никитин, 2005]. А.И. Милостивая пишет, что язык принимает участие в когнитивных процессах, но не он один обуславливает их [Милостивая, 2012, с. 225].

Однако утверждать, что мы стоим на пороге смены научной парадигмы в лингвистике, преждевременно. Идеи пересмотра антропоцентрического императива в науке о языке обсуждались и несколько десятилетий на-

зад. Например, в трудах В.М. Алпатова мы находим рассуждения об антропоцентризме и системоцентризме [Алпатов, 1993]. А.И. Милостивая, продолжая идеи ученого, устанавливает оппозицию «антропоцентризм – неантропоцентризм системоцентричного типа» и указывает, что эти подходы не являются взаимоисключающими, что при сохранении антропоцентрического тренда есть возможности сочетать его с точными системоцентрическими методами и приемами анализа эмпирики [Милостивая, 2012]. Мы разделяем такое мнение и выступаем за реализацию принципа дополнительности, который поможет избежать кризисных проявлений в актуальной лингвистической парадигме.

Горизонтальный вектор научного трансфера (рис. 2) представлен во внутридисциплинарной научной коммуникации.

Во внутридисциплинарном взаимодействии ученых важной проблемой является качество научной коммуникации, которая предполагает сотрудничество между экспертами из разных областей. Однако здесь наблюдается парадоксальная картина. Укажем несколько оснований, вызывающих настороженность методологов науки, предпослав этому тезис о том, что трансфер происходит не только между разделами науки о языке, но и между языковедческими дисциплинами, и уже – между разными подходами в лингвистике.

Итак, во-первых, кризисные тенденции наблюдаются в научной коммуникации, которая формирует эклектичность научного знания. Это вызвано тем, что разные внутрилингвистические дисциплины развиваются изолированно и зачастую противоречат друг другу. Показательны метафоры Вавилонской башни [Кошелев, 2013] и коммунальной квартиры [Олейник, 2008, с. 117], характеризующие научные контакты представителей разных лингвистических школ. В значительной степени данное обстоятельство усугубляется отсутствием консенсуса между лингвистами отно-

Рис. 2. Горизонтальный вектор внутридисциплинарного трансфера знаний

Fig. 2. Horizontal vector of interdisciplinary knowledge transfer

сительно того, что представляет собой естественный человеческий язык, это и делает междисциплинарный дискурс невозможным [Кравченко, 2015, с. 162–163].

Действительно, до сих пор в науке о языке нет единства по вполне простым вопросам. Например, на вопрос о том, является ли язык автономным самостоятельным модулем, генеративисты ответят утвердительно, а приверженцы функциональной лингвистики – отрицательно. Проблема роли языка в мышлении также делит лингвистов на два лагеря: одни считают язык инструментом для передачи уже сложившейся мысли, другие придают ему роль полноценного участника в формировании мысли. Как отмечает А.Д. Кошелев, существующие подходы и теории не только противоречат друг другу, но и бесосновательно отвергают другие концепции, претендуя на единственно верные подходы к языку [Кошелев, 2018, с. 139]. Есть и другие, более частные проблемы, такие как разнородность терминов и различие концептуальных баз в лингвистических подходах, что является главной проблемой в дисциплинарном общении.

Междисциплинарная концепция исследования

Для того чтобы представить работоспособную концепцию исследования языковой данности «новой искренности» необходима некоторая междисциплинарная модель. Мож-

но предложить следующий способ интеграции научных данных других дисциплин.

Во-первых, в построении модели исследования мы считаем важным использовать концепцию ризомной междисциплинарности. Для ее визуализации предлагаем объемную нелинейную структуру ризомы (рис. 3), отношения элементов которой не иерархичны, не противопоставлены друг другу, а формируют некую новую сущность, которую нельзя построить и сформировать путем простого наложения дисциплинарных кругов. При этом в ризомной модели, реализующей символ номадологии как концепции отказа от жесткой структуры, можно задавать точки роста в виде некоторых системных опор.

Во-вторых, необходимо построить ядерную часть модели. Это важно в условиях несогласованности лингвистических подходов. По обоснованному мнению А.Д. Кошелева, «наличие оппозиционных друг другу теорий характеризует лишь определенную стадию развития науки, когда она обращается к изучению какого-то нового аспекта своего объекта» [Кошелев, 2018, с. 137]. На наш взгляд, такие оппозиционные теории требуют некоторой генерализации в аспекте комплементарности, то есть взаимного соответствия с другими сходными теориями. Где-то они образуют точки бифуркации, а где-то интеграцию. Сами точки бифуркации означают переход на другой уровень или в другое направление исследования. Если ядро признается учеными,

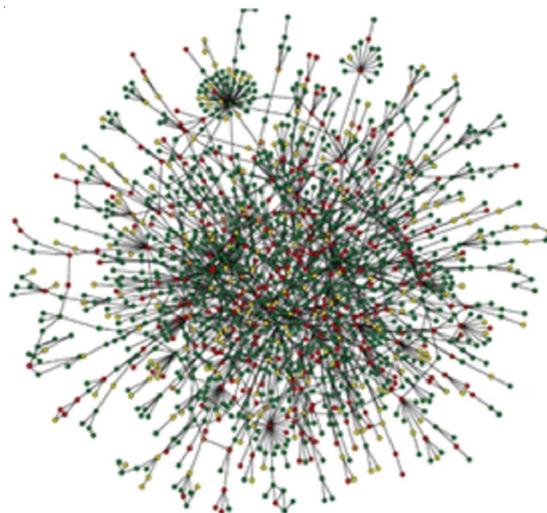

Рис. 3. Образ ризомы
Fig. 3. The image of the rhizome

то далее можно задавать линии исследования, в противном случае разрабатывается альтернативная модель.

Безусловно, возникает вопрос о критериях отбора элементов модели, что предполагает разработку некоторого методологического «фильтра». В основу такого отбора мы предлагаем положить понятия системной методологии. В соответствии с ортогенетическим принципом развития в любой системе происходит развитие от исходной синкретичности к большей дифференцированности, а затем – к большей интеграции. Следовательно, нужно зафиксировать, в какой фазе развития находится соотношение научных теорий или подходов – дифференцированности (бифуркации) или интеграции. Рассмотрим значимые для любой динамической системы качественные состояния, которые, как показывает динамика междисциплинарного трансфера, можно описать в виде эклектики, синкретизма, синергии, синергетики. Обратимся к определениям.

«Эклектизм: Система мышления, построенная по принципу коллажа, заимствующая “отовсюду понемножку”; учение, являющее собой смесь учений, своего рода теоретическое “лоскутное одеяло”. Вместе с тем эклектизм претендует на последовательность, что отличает его от синкретизма и превращает в подобие философской системы» (Конт-Спонвиль, 2012, с. 701).

«Синкретизм: 1) нерасчлененность, характеризующая неразвитое состояние какого-либо явления... 2) Смешение, неорганичное слияние разнородных элементов...» (Философский энциклопедический словарь, 1989, с. 583).

Приведенные определения свидетельствуют о том, что эклектика имеет определенный потенциал развития, тогда как синкретизм, наоборот, редуцирует таковой. Эклектика как методология предполагает использование разных научных подходов, методов и инструментов для решения сложных проблем. В современном языкознании существует немало примеров подходов, которые ранее были эклектичными, но сейчас имеют статус продуктивных научных направлений. Таковы теория речевых актов, социолингвистическая модель вежливости, конверсационный анализ. Очевидно, что в раз-

работке методологического «фильтра» актуально выявление синергетических сценариев взаимодействия дисциплин. В связи с этим рассмотрим еще два термина системной методологии.

«Синергетика – научное направление, изучающее связи между элементами структуры (подсистемами), которые образуются в открытых системах (биологической, физико-химической и др.) благодаря интенсивному (потокному) обмену веществом и энергией с окружающей средой в неравновесных условиях. В таких системах наблюдается согласованное поведение подсистем, в результате чего возрастает степень ее упорядоченности, т. е. уменьшается энтропия (т. н. самоорганизация)» (Большой энциклопедический словарь, 2000, с. 1099).

«Синергетическая концепция самоорганизации служит естественно-научным уточнением принципа самодвижения. <...> Синергетика впервые раскрыла механизм возникновения порядка через флуктуации, т. е. отклонения системы от некоторого среднего состояния. <...> По мере выявления общих принципов самоорганизации становится возможным строить более адекватные модели синергетики, которые имеют нелинейный характер...» (Философский энциклопедический словарь, 1989, с. 583).

Для термина «синергия» сложившейся трактовки, единообразной и подходящей для всех гуманитарных наук, пока нет. Существуют типологии и классификации синергии, но словари последних изданий не имеют соответствующей словарной статьи. Ввиду указанной выше проблемы разнородности и противоречивости подходов в лингвистике, приведенные определения показывают, что синергию можно трактовать и как систему знаний, и как практику социальной синергии. В первом случае ученые чаще говорят не о синергии, а о синергетическом эффекте, который обычно обозначают формулой $1 + 1 \rightarrow 3$, показывающей, что эффект действия отдельных компонентов значительно превышает простое сложение. Во втором случае речь следует вести о синергетических основах формирования некоторых сообществ и о том, какова роль языковых коммуникаций в них.

*Кластеры знаний
в исследовании «новой искренности»
как языкового феномена*

В русле представленного подхода охарактеризуем парадигмальное знание, в научной оптике которого и предлагается рассматривать явление «новой искренности». Оно связано со сменой мировоззрения, обусловленной «утомлением» от постмодернизма. Место проявлений постмодернизма, таких как искусственность, симулякр, рациональность, ирония, начинают занимать диалог, доверие и искренность в тех дискурсах, которым ранее эти проявления были не свойственны. Утомление, с одной стороны, – это субъективный признак, но он присущ и всему социуму. Это убедительно показывает Б.-Ч. Хан, размышляя об «обществе усталости». По мысли исследователя, усталость проступает в связи с насилием позитивности. Насилие позитивности происходит от перепроизводства, перегрузки и избытка коммуникации, не предполагает враждебности, развивается в толерантном обществе [Хан, 2023, с. 46, 50]. Ученый подмечает характерную черту «общества усталости» в виде перехода от дисциплинарного общества к обществу достижений, которое, в свою очередь, порождает большого депрессией и неудачника [Хан, 2023, с. 57]. Это наблюдение ученого хорошо иллюстрирует тенденцию общей вовлеченности в социальное пространство, где происходит обмен всем со всеми.

Искренность в Интернете достигает невиданных глубин. Очевидно, что это явление имеет определенные закономерности, которые не изучены. Алгоритм действий в коммуникативном пространстве следующий: отправить в Сеть сугубо личную информацию о перенесенном насилии, травле, депрессии, токсичных родителях → получить обратную связь, подтверждение того, что прямо сейчас значительное количество людей испытывает те же чувства. Существует и тематическая мода: волнообразно обсуждается то синдром дефицита внимания и гиперактивности, то абьюзивные отношения, то насилие в семье, то гендерные вопросы. При этом откровенность имеет большой мобилизующий потенциал, в качестве примера можно привести флешмобы #MeToo, #янебоюсьсказать, #faceofdepression, кейс от-

мены Джоан Роулинг, которая случайно обидела трансгендерных персон. Так называемую культуру отмены тоже можно отнести к проявлениям «новой искренности». Этот участок коммуникации, в терминах Б.-Ч. Хана, представляет собой энергию негативности, которой управляет переизбыток позитивности [Хан, 2023, с. 126].

Зафиксируем некоторые точки исследования феномена «новой искренности» с позиции науки о языке.

Во-первых, в аспекте междисциплинарного знания важным вопросом являются кризисные состояния, которые в синергетике имеют категориальное значение феномена. В синергетическом ключе нестабильность и кризис освобождены от негативной коннотации, так как они служат импульсом развития [Князева, Курдюмов, 2008, с. 393]. Тренд «новой искренности» стал одним из проявлений нестабильности и развивающегося мира. В начале XXI в. культурологи, искусствоведы, философы, литературоведы начали выдвигать концепции, артикулирующие неясное чувство, ощущение того, что во внешнем мире происходят какие-то сдвиги. Отыскивая название для нового вида современности, ученые предлагали такие проекты, как постпостмодернизм, диджимодернизм, постглобализм, метамодернизм и ряд других. Консенсуса среди ученых относительно языка описания актуального времени пока не сложилось. Считаем, что сама языковая материал, структура новой социальной содержат толчок для исследований с разных сторон, что придает явлению «новой искренности» эвристический смысл. Это означает и то, что лингвистика как дисциплина, изучающая все, что вербализовано, оказывается полем формирования межнаучной системной методологии.

Во-вторых, представленная выше информация о синергетических основах становления сообществ показывает, что речь идет об определенной повестке научного мировоззрения относительно функций языка. Как отмечается в публикации Е.Н. Князевой и С.П. Курдюмова, предельно краткая характеристика синергетики как научной парадигмы включает всего три ключевые идеи: «самоорганизация, открытые системы, нелинейность» [Князева, Курдюмов, 2008, с. 379].

Описанный выше контекст «новой искренности» демонстрирует смену краеугольной метафоры коммуникации («коммуникация – это передача содержания»), основанной на линейных моделях коммуникации Шеннона – Уивера, а также на модели Г. Лассуэла. В языковом взаимодействии, формирующем тренд «новой искренности», актуально понимание языка не как канала передачи информации о каких-то фактах и мнениях, а как механизма, формирующего социальное пространство. При таком взгляде на язык и коммуникацию составляющие этого процесса, такие как адресант, адресат, эффект, цель, теряют свою значимость. Акцент смещается на социальные инструменты языкового взаимодействия и на специфику социокультурного окружения, когда, например, диагноз становится для человека способом понимать себя и мир вокруг. Уместна метафора «коммуникация – это танец», которая, по мнению А.В. Колмогоровой, более корректно передает смысл феномена языкового общения, в котором значимы такие черты, как наблюдение за внешним окружением, пространством, другими «танцующими», контроль за «движением тела», осознанность и гармоничность действий, предвосхищение действий «партнера по танцу» [Колмогорова, 2012].

В-третьих, феномен «новой искренности» можно описать с позиций дискурсологии и дискурсивной личности. Исследуя этот феномен в языковом аспекте М.А. Гладко показывает, что вербально искренность выражается в демонстрации таких человеческих ценностей, как дружба, справедливость, право, любовь, забота и усталость от иронии и сарказма постмодернизма [Гладко, 2022]. Площадками для «новой искренности» выступают медиадискурс, реклама, политика, и другие дискурсивные практики, а отражение и воссоздание перцептивных и культурных пластов информации преимущественно осуществляется с помощью качественно новой виртуальной реальности.

Лингвокультурные типажи дискурсивной личности включают акторов, транслирующих идеи искренности по роду деятельности (дизайнеры, писатели, политики). Отметим также субъектов-триггеров, обладающих смелостью и ресурсами, чтобы выс-

тупить с открытым признанием (как это сделала, например, одна из российских актрис в телепередаче «Секрет на миллион»). Еще один типичный пример – это школьница-алармистка, которая, продвигая экологические инициативы, откровенно рассказывает миру о своем диагнозе и депрессии. Однако по большей части Интернет – это то, что необходимо для «новой искренности» обычного человека, так как именно здесь есть возможности для диалога, принятия, любви, которые невозможно получить в реальности. В этом же аспекте актуально исследовать и языковую личность человека «новой искренности», в результате чего мы получим *портрет нового человека*. Конечно, трактовка языковой личности нового типа требует уточнения, но уже сейчас можно сказать, что это тип человека, беззащитного перед лицом переизбытка информации, достижений, позитивности.

В-четвертых, отмеченные выше лингвистические парадигмы продолжают сосуществовать. Однако нельзя не заметить и признаки тренда (или по крайней мере подхода) в лингвистике, который можно описать как переход от *мозгоцентричности познающей личности к агентивности субъектов*. Агентивность подразумевает, что любое действие одновременно и индивидуально, и коллективно. Это выводит на первый план важность контекстов и взаимодействий с другими субъектами, с действиями, высказываниями, которые влияют на порождение смысла. По мысли П. Линелла, роль других является значимым принципом диалогизма, когда «когниция возникает из прямых и опосредованных совместных действий с другими субъектами, из которых каждый обладает сознанием, т. е. способностью к порождению смыслов. (В этом состоит принципиальное различие между другим человеческим существом и всяким (неживым) эпистемическим / когнитивным артефактом – таким, как книга.)» [Линелл, 2013, с. 43]. В этом состоит и принципиальное отличие от взаимодействия «организм – среда», которое характерно для биокогнитивной теории. Феномен «новой искренности» – это та сфера, где «фантазия о вращении мира вокруг нашего “я” в коперниковском перевороте сменяется представлением о

неумолимо объективном положении дел в большом и неизведанном мире» [Корнев, 2023, с. 447–448].

Как видим, с одной стороны, феномен «новой искренности» наделен признаками сложного научного объекта. С другой стороны, это явление представляет собой благодатную почву для взаимодействия дисциплин, смежных с наукой о языке.

Заключение

В статье была сделана попытка очертить проблемные зоны в формировании синергетического эффекта междисциплинарного и внутридисциплинарного взаимодействия на фоне исследования феномена «новой искренности». Этот модус языковой практики, в которой реализуется откровенное и открытое обсуждение вопросов депрессии, насилия, тревожности, беспокойства и негативности, мало изучен и требует взаимодействия разных дисциплин. Целесообразна и фиксация существующих теорий и подходов к исследованию языка, которую необходимо провести перед анализом эмпирики. На наш взгляд, в настоящее время речь следует вести не о простом наложении дисциплинарных зон и контекстов, которые демонстрируют эклектичность ввиду внутренних проблем, а о ризомной, номадической концепции научного поиска, с четкой фиксацией и пониманием того, где находится то или иное исследование – проходит ли оно сейчас фазу бифуркации или интеграции. В работе представлены кластеры знаний в исследовании «новой искренности» как языкового феномена. В соответствии с этим предлагается обратить внимание, во-первых, на язык описания новой социальной реальности; во-вторых, на возможность верификации существующих моделей коммуникации, почву для которой представляет исследуемое явление; в-третьих, на возможность обобщить и скорректировать мнения относительно научного конструкта «языковая личность»; в-четвертых, на создаваемые явлением «новой искренности» хорошие условия для пересмотра методологического индивидуализма антропоцентрической парадигмы в аспекте агентивности субъекта и диалогизма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Авдонин В. С., 2019. Об условиях и средствах трансфера знаний в междисциплинарных исследованиях // Социологический журнал. Т. 25, № 3. С. 99–116.
- Алпатов В. М., 1993. Об антропоцентричном и системноцентричном подходах к языку // Вопросы языкознания. № 3. С. 15–26.
- Гладко М. А., 2022. Лингвистическая репрезентация «новой искренности» и чувствительности в медиапространстве // Terra Linguistica. Т. 13, № 4. С. 7–21. DOI: 10.18721/JHSS.13401
- Глебкин В. В., 2014. Смена парадигм в лингвистической семантике: от изоляционизма к социокультурным моделям. М. : Центр гуманит. инициатив : Унив. кн. 368 с.
- Демьянков В. З., 2023. Трансфер в риторике научного дискурса // Когнитивные исследования языка. Вып. 1 (52). Познание и язык: через видимость в сущность : сб. науч. тр., посвящ. юбилею Е.И. Головановой. Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та. С. 27–33.
- Зимин В. В., 2020. Методический инструментарий достижения положительного эффекта синергии при сделках слияния и поглощения // Экономика. Бизнес. Банки. № 1 (39). С. 44–54.
- Иссерс О. С., 2020. Грани «новой искренности» в современной политической коммуникации // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 19, № 6 : Журналистика. С. 216–227. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227
- Князева Е. Н., Курдюмов С. П., 2008. Синергетическая парадигма. Основные понятия в контексте истории культуры // Живая этика и наука. № 1. С. 379–443.
- Колмогорова А. В., 2012. Концепции и модели коммуникации в современном гуманитарном знании // Вестник науки Сибири. Серия 9, Филология. Педагогика. № 1 (2). С. 272–277.
- Корнев В. В., 2023. Способы думать о мире других (философское послесловие) // Курпатов А. В. Дух времени. Введение в Третью мировую войну. СПб. : Нева. С. 446–457.
- Кошелев А. Д., 2013. Современная теоретическая лингвистика как Вавилонская башня (о «мирном» сосуществовании множества несовместимых теорий языка) // Известия РАН. Серия литературы и языка. Т. 72, № 6. С. 3–22.
- Кошелев А. Д., 2018. Очерки эволюционно-синтетической теории языка. М. : Яз. слав. культур. 528 с.
- Кравченко А. В., 2015. О предметной области языкознания // Язык и мысль : Современная когнитивная лингвистика. М. : Яз. слав. культуры. С. 153–172.

- Кравченко А. В., 2022. Язык и природа человечности (приглашение к дискуссии) // Слово.ру: балтийский акцент. 2022. Т. 13, № 3. С. 7–24. DOI: 10.5922/2225-5346-2022-3-1
- Курдюмов С. П., 2004. Новые тенденции в научном мировоззрении // Космическое мировоззрение – новое мышление XXI века : материалы Междунар. науч.-обществ. конф. В 3 т. Т. 1. М. : Междунар. Центр Рерихов. С. 82–91.
- Линелл П., 2013. Два взгляда на природу языка: формальная лингвистика (с ее письменно-языковой предвзятостью) vs. диалогическая лингвистика // *Studia linguistica cognitiva*. Вып. 3. Когнитивная динамика в языковых взаимодействиях. М. : Флинта : Наука. С. 41–58.
- Макаренко С. И., 2019. Справочник научных терминов и обозначений. СПб. : Научное издательство «Лань». 254 с.
- Милостивая А. И., 2012. Антропоцентризм в лингвистике на рубеже XX–XXI веков: апогей или кризис? // *European Social Science Journal*. № 10-2 (26). С. 220–228.
- Москальчук Г. Г., 2003. Структура текста как синергетический процесс. М. : УРСС. 296 с.
- Никитин М. В., 2005. Российский уклон в когнитивной лингвистике // *Интерпретация. Понимание. Перевод : сб. науч. ст. / отв. ред. В. Е. Чернявская*. СПб. : СПбГУЭФ. С. 278–286.
- Олейник А. Н., 2008. Научная коммуникация на стыке парадигм // *Общественные науки и современность*. № 2. С. 116–128.
- Ратушева В. А., 2018. Разработка паспорта синергии при анализе методов оценки эффекта синергии в сделках слияния и поглощения // *Инновационное развитие*. № 7 (24). С. 61–64.
- Федорова О., 2014. А и Б сидели на трубе, или Междисциплинарность когнитивных исследований // *Логос*. № 1 (97). С. 19–34.
- Фортуатов А. Н., Воскресенская Н. Г., 2021. Цифровые компетенции и технологии новой искренности в эпоху Web 4.0 // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика*. Т. 26, № 2. С. 276–285. DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-2-276-285
- Хан Б.-Ч., 2023. Общество усталости. Негативный опыт в эпоху чрезмерного позитива. М. : Лед. 160 с.
- Bowden M., 2021. Shamelessness and New Sincerity: Dostoevsky, David Foster Wallace, and Trump’s America // *Literature of the Americas*. № 11. P. 175–182. DOI: 10.22455/2541-7894-2021-11-155-182
- Kelly A., 2016. The New Sincerity // *Postmodern / Postwar and After: Rethinking American Literature*: J. Gladstone, A. Hoberek, D. Worden. Iowa City : Iowa University Press. P. 197–209.
- Konstantinou L. 2017. Four Faces of Postirony // *Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism* / ed. by R. Van den Akker, A. Gibbons, T. Vermeulen. P. 87–102.
- Sokolov A., Shabrova P., 2020. New Sincerity VS Irony: Analysis of the Existing Cultural and Political Discourses in the Media Space // *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*. Vol. 468. P. 191–196.
- Zahurska N., 2022. New Sincerity in Post-Postmodern Art // *Вісник ХНУ імені В.Н. Харазина. Серія «Філософія. Філософській перипетії»*. Вип. 66. С. 19–25.

СЛОВАРИ

- Большой энциклопедический словарь. 2-е изд. М. : Большая Рос. энцикл. ; СПб. : Норинт, 2000. 1456 с.
- Конт-Спонвиль А. *Философский словарь* / пер. с фр. Е. В. Головиной. М. : Этерна, 2012. 752 с.
- Философско-терминологический словарь* / под ред. А. Ф. Малышевского. Калуга : Гриф, 2004. 330 с.
- Философский энциклопедический словарь* / редкол.: С. С. Аверинцев [и др.]. 2-е изд. М. : Сов. энцикл., 1989. 815 с.

REFERENCES

- Avdonin V.S., 2019. Ob usloviyakh i sredstvakh transfera znaniy v mezhdistsiplinarykh issledovaniyakh [On the Conditions and Means of Knowledge Transfer in Interdisciplinary]. *Sotsiologicheskij zhurnal*, vol. 25, no. 3, pp. 99-116.
- Alpatov V.M., 1993. Ob antropotsentrichnom i sistemotsentrichnom podkhodakh k yazyku [On Anthropocentric and System-Centric Approaches to Language]. *Voprosy yazykoznanija* [Topics in the Study of Language], no. 3, pp. 15-26.
- Gladko M.A., 2022. Lingvisticheskaya reprezentatsiya «novoy iskrennosti» i chuvstvitelnosti v mediaprostranstve [Linguistic Representation of “New Sincerity” and Sensitivity in Media Space]. *Terra Linguistica*, vol. 13, no. 4, pp. 7-21. DOI: 10.18721/JHSS.13401
- Glebkina V.V., 2014. *Smena paradigm v lingvisticheskoy semantike: ot izolyatsionizma k sotsiokulturnym modelyam* [Paradigm Change in Linguistic Semantics: From Isolationism to Sociocultural Models]. Moscow, Tsentr gumanit initsiativ: Univ. kn. 368 p.
- Demyankov V.Z., 2023. Transfer v ritorike nauchnogo diskursa [Transfer in Rhetoric of Scientific

- Discourse]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka. Vyp. 1 (52). Poznanie i yazyk: cherez vidimost v sushchnost: sb. nauch. tr., posvyasch. yubileyu E.I. Golovanovoy* [Cognitive Studies of Language. Iss. 1 (52). Cognition and Language: Through Visibility into the Essence. Collection of Papers Dedicated to the Jubilee of E.I. Golovanova]. Chelyabinsk, Izd-vo Chelyab. gos. un-ta, pp. 27-33.
- Zimin V.V., 2020. Metodicheskiy instrumentariy dostizheniya polozhitelnogo effekta sinergii pri sdelkakh sliyaniya i pogloshcheniya [Methodological Tools for Achieving a Positive Synergy Effect in Mergers and Acquisitions]. *Ekonomika. Biznes. Banki* [Economics. Business. Banks], no. 1 (39), pp. 44-54.
- Issers O.S., 2020. Grani «novoy iskrennosti» v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii [Dimensions of a “New Sincerity” in Modern Political Communication]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of NSU. Series: History and Philology], vol. 19, no. 6: Journalism, pp. 216-227. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227
- Knyazeva E.N., Kurdyumov S.P., 2008. Sinergeticheskaya paradigma. Osnovnye ponyatiya v kontekste istorii kultury [Synergetic Paradigm. Basic Concepts in the History of Culture]. *Zhivaya etika i nauka* [Living Ethics and Science], no. 1, pp. 379-443.
- Kolmogorova A.V., 2012. Kontseptsii i modeli kommunikatsii v sovremennoy gumanitarnom znaniy [Concepts and Models of Communication in Modern Humanities]. *Vestnik nauki Sibiri. Seriya 9. Filologiya. Pedagogika* [Siberian Journal of Science. Series 9. Philology. Pedagogy], no. 1 (2), pp. 272-277.
- Kornev V.V., 2023. Sposoby dumat o mire drugikh (filosofskoe posleslovie) [Ways to Think About the World of Others (Philosophical Afterword)]. Kurpatov A.V. *Dukh vremeni. Vvedenie v Tretyu mirovuyu voynu* [Spirit of Time. Introduction to the Third World War]. Saint Peterburg, Neva Publ., pp. 446-457.
- Koshelev A.D., 2013. Sovremennaya teoreticheskaya lingvistika kak Vavilonskaya bashnya (o “mirnom” sosushchestvovanii mnozhestva nesovmestimyykh teoriy yazyka) [Modern Linguistic Theory as the Tower of Babel (Can Numerous Antagonistic Linguistic Theories Peacefully Coexist)]. *Izvestiya RAN. Seriya literatury i yazyka* [The Bulletin of the Russian Academy of Sciences: Studies in Literature and Language], vol. 72, no. 6, pp. 3-22.
- Koshelev A.D., 2018. *Ocherki evolyucionno-sinteticheskoy teorii yazyka* [Essays on the Evolutionary-Synthetic Theory of Language]. Moscow, Yaz. slav. kultur Publ. 528 p.
- Kravchenko A.V., 2015. O predmetnoy oblasti yazykoznaniiya [About the Subject Area of Linguistics]. *Yazyk i mysl: Sovremennaya kognitivnaya lingvistika* [Language and Thought. Contemporary Cognitive Linguistics]. Moscow, Yaz. slav. kultury Publ., pp. 153-172.
- Kravchenko A.V., 2022. Yazyk i priroda chelovechnosti (priglasenie k diskussii) [Language and the Nature of Humanness (Invitation to a Discussion)]. *Slovo.ru: baltiyskiy aktsent* [Slovo.ru: Baltic Accent], vol. 13, no. 3, pp. 7-24. DOI: 10.5922/2225-5346-2022-3-1
- Kurdyumov S.P., 2004. Novye tendentsii v nauchnom mirovozzrenii [New Trends in the Scientific Worldview]. *Kosmicheskoe mirovozzrenie – novoe myshlenie XXI veka: materialy Mezhdunar. naych.-obshchestv. konf. V 3 t. T. 1* [Cosmic Worldview – New Thinking of the 21st Century. Proceedings of the International Scientific and Public Conference. In 3 Vols. Vol. 1]. Moscow, Mezhdunar. Tsentr Rerikhov, pp. 82-91.
- Linell P., 2013. Dva vzglyada na prirodu yazyka: formalnaya lingvistika (s ee pismenno-yazykovoy predvyatostyu) vs. dialogicheskaya lingvistika [Two Views on the Nature of Language: Formal Linguistics (With Its Script-Language Bias) vs. Dialogical Linguistics]. *Studia linguistica cognitiva. Vyp. 3. Kognitivnaya dinamika v yazykovykh vzaimodeystviyakh* [Studia linguistica cognitiva. Iss. 3. Cognitive Dynamics in Language Interactions]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ., pp. 41-58.
- Makarenko S.I., 2019. *Spravochnik nauchnykh terminov i oboznacheniy* [Directory of Scientific Terms and Notations]. Saint Petersburg, Naukoemkiye tehnologii Publ. 254 p.
- Milostivaya A.I., 2012. Antropotsentrizm v lingvistike na rubezhe XX–XXI vekov: apogey ili krizis? [Anthropocentrism in Linguistics at the Turn of the 20th – 21st Centuries: Apogee or Crisis?]. *European Social Science Journal*, no. 10-2 (26), pp. 220-228.
- Moskalchuk G.G., 2003. *Struktura teksta kak sinergeticheskii protsess* [Text Structure as a Synergetic Process]. Moscow, URSS Publ. 296 p.
- Nikitin M.V., 2005. Rossiyskiy uklon v kognitivnoy lingvistike [Russian Bias in Cognitive Linguistics]. Chernyavskaya V.E., ed. *Interpretatsiya. Ponimanie. Perevod: sb. nauch. st* [Interpretation. Understanding. Translation. Collection of Scientific Works]. Saint Petersburg, SPbGUEF Publ., pp. 278-286.

- Oleinick A., 2008. Nauchnaya kommunikatsiya na styke paradigm [Scientific Communication at the Cross-Roads of Paradigms]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost* [Social Sciences and Contemporary World], no. 2, pp. 116-128.
- Ratusheva V.A., 2018. Razrabotka pasporta sinergii pri analize metodov otsenki effekta sinergii v sdelkakh sliyaniya i pogloshcheniya [The Development of Synergy's Passports in the Analysis of Evaluations Methods of Synergies in M&A]. *Innovatsionnoe razvitie* [Innovative Development], no. 7 (24), pp. 61-64.
- Fedorova O., 2014. A i B sideli na trube, ili Mezhdistsiplinarnost kognitivnykh issledovaniy [A and B Were Sitting on a Pipe, or Interdisciplinarity of Cognitive Studies]. *Logos*, no. 1 (97), pp. 19-34.
- Fortunatov A.N., Voskresenskaya N.G., 2021. Tsifrovye kompetentsii i tekhnologii novoy iskrennosti v epokhu Web 4.0 [Digital Competencies and Technologies of New Sincerity in the Web 4.0 Era]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika* [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism], vol. 26, no. 2, pp. 276-285. DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-2-276-285
- Han B.-Ch., 2023. *Obshchestvo ustalosti. Negativnyy opyt v epokhu chrezmernogo pozitivita* [The Fatigue Society. Negative Experiences in an Era of Excessive Positivity]. Moscow, Lyod Publ. 160 p.
- Bowden M., 2021. Shamelessness and New Sincerity: Dostoevsky, David Foster Wallace and Trumps America. *Literature of the Americas*, no. 11, pp. 175-182. DOI: 10.22455/2541-7894-2021-11-155-182
- Kelly A., 2016. The New Sincerity. *Postmodern / Postwar and After: Rethinking American Literature: J. Gladstone, A. Hoberek, D. Worden*. Iowa City, Iowa University Press, pp. 197-209.
- Konstantinou L., 2017. Four Faces of Postirony. Van den Akker R., Gibbons A., Vermeulen T., eds. *Metamodernism: Historicity, Affect, and Depth after Postmodernism*, pp. 87-102.
- Sokolov A., Shabrova P., 2020. New Sincerity VS Irony: Analysis of the Existing Cultural and Political Discourses in the Media Space. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research*, vol. 468, pp. 191-196.
- Zahurska N., 2022. New Sincerity in Post-Postmodern Art. *Visnik KHNU imeni V.N. Kharazina. Seriya «Filosofiya. Filosofskii peripetii»* [The Journal of V.N. Karazin Kharkiv National University Series Philosophy Philosophical Peripeteias], iss. 66, pp. 19-25.

DICTIONARIES

- Bolshoy entsiklopedicheskiy slovar* [Large Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Bolshaya Ros. entsikl. Publ.; Saint Petersburg, Norint Publ., 2000. 1456 p.
- Kont-Sponvil A. *Filosofskiy slovar* [Philosophical Dictionary]. Moscow, Eterna Publ., 2012. 752 p.
- Malyshevsky A.F., ed. *Filosofsko-terminologicheskii slovar* [Philosophical and Terminological Dictionary]. Kaluga, GrifPubl., 2004. 330 p.
- Averintsev S.S., Arab-Ogly E.A., Ilyichev L.F., eds. *Filosofskiy entsiklopedicheskiy slovar* [Philosophical Encyclopedic Dictionary]. Moscow, Sov. Entsikl. Publ., 1989. 815 p.

Information About the Author

Natalia S. Barebina, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department "Foreign Languages", Irkutsk State Transport University, Chernyshevskogo St, 15, 664074 Irkutsk, Russia, barebina_ns@irgups.ru; Professor, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Baikal State University, Lenina St, 11, 664003 Irkutsk, Russia, BarebinaNS@bgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5883-6773>

Информация об авторе

Наталья Сергеевна Баребина, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой «Иностранные языки», Иркутский государственный университет путей сообщения, ул. Чернышевского, 15, 664074 г. Иркутск, Россия, barebina_ns@irgups.ru; профессор кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Байкальский государственный университет, ул. Ленина, 11, 664003 г. Иркутск, Россия, BarebinaNS@bgu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5883-6773>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.2>

UDC 81'42:070
LBC 81.055.1

Submitted: 05.10.2023
Accepted: 30.01.2024

DISCOURSE IMPLEMENTATION OF “NEW SINCERITY” IN COMMUNICATIVE SPACE OF MEDIA

Marina A. Gladko

Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus

Abstract. The article represents the peculiarities of “new sincerity” discursive representation in a media text. The research into this phenomenon from sociocultural angle presupposes conducting a multifaceted analysis, in particular, in communicative-and-cognitive and communicative-and-discursive perspectives. It is shown that the willingness of a linguistic personality to share their own thoughts and feelings in the public space is manifested in the generation of media discourse of “new sincerity”. The referential aspects of the “new sincerity” are revealed. The author establishes a repertoire of denotative-identifying reference (concrete, abstract referents, referent event), and a set of subject-marked text reference (emotive, evaluative referents). The explication of “new sincerity” is proved to become a tool of linguistic creative activity, as a result of which discourse scenarios are generated. They are focused on influencing the addressee (explication of personal significance, hypersensitivity). The macrostructural positions of the radio discourse of the “new sincerity” are revealed: lead, detailing, evaluative, emotionally oriented parts. Thematic dominants that form the discursive field of “new sincerity” are identified: “everyday life”, “life’s troubles”, “demonstration of weaknesses, inability”, “personal achievements and failures”, “personal preferences, secrets, qualities, interests, habits”, “fears and phobias”, “desires and dreams”, “details of personal life”. The television and radio discourses are rich in emotionally and personally oriented topics and concepts of sincerity, which leads to a change in the status of sincerity and sensitivity from peripheral phenomena to discourse-forming ones. It determines significant functional, qualitative changes in television and radio discourse.

Key words: mediadiscourse, television, radio, new sincerity, macrostructure, scenario, text reference.

Citation. Gladko M.A. Discourse Implementation of “New Sincerity” in Communicative Space of Media. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 2, pp. 18-28. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.2>

УДК 81'42:070
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 05.10.2023
Дата принятия статьи: 30.01.2024

ДИСКУРСИВНАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ «НОВОЙ ИСКРЕННОСТИ» В КОММУНИКАТИВНОМ ПРОСТРАНСТВЕ МЕДИА

Марина Александровна Гладко

Минский государственный лингвистический университет, г. Минск, Беларусь

Аннотация. В статье изложены результаты исследования специфики дискурсивной репрезентации «новой искренности» в медиатексте. Изучение этого феномена в социокультурном контексте требует всестороннего анализа, в частности в рамках коммуникативно-когнитивного и коммуникативно-дискурсивного подходов. Показано, что готовность языковой личности поделиться собственными мыслями и чувствами в публичном пространстве манифестируется в порождении медиадискурса «новой искренности». Раскрыты референциальные аспекты «новой искренности»: установлен репертуар компонентов денотативно-идентифицирующей референции (конкретный, абстрактный референты, референтное событие), субъектно-маркированной референции (эмотивный, оценочный референты). Доказано, что экспликация «новой искренности» становится инструментом лингвокреативной деятельности, в результате которой происходит порождение сценариев дискурса, коммуникативной установкой которых является воздействие на адресата (экспликация личностных смыслов, гиперчувствительности). Выявлены макроструктурные позиции в радиодискурсе «но-

вой искренности»: подводка, детализирующий, оценочный, эмоционально ориентированный блоки. Определены тематические доминанты, формирующие дискурсивное поле «новой искренности»: ‘повседневная жизнь’, ‘жизненные неурядицы’, ‘демонстрация слабостей, неумения’, ‘личные достижения и неудачи’, ‘личные предпочтения, тайны, качества, интересы, привычки’, ‘страхи и фобии’ и т. д. Насыщенность теле- и радиодискурса эмоционально и личностно ориентированными темами приводит к изменению статуса искренности и чувствительности с периферийных феноменов на дискурсообразующие, что обуславливает существенные функциональные, качественные изменения теле- и радиодискурса.

Ключевые слова: медиадискурс, телевидение, радио, новая искренность, макроструктура, сценарий, референция.

Цитирование. Гладко М. А. Дискурсивная реализация «новой искренности» в коммуникативном пространстве медиа // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 18–28. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.2>

Введение

Искренность считается одним из важнейших свойств коммуникации, ценностной характеристикой языковой личности. В медиадискурсе искренность можно рассматривать не только как выражение подлинных чувств и информации, но и как коммуникативный инструмент, способствующий достижению интересов говорящего, реализации его интенции. Социокультурные изменения обуславливают появление новых форм коммуникативного взаимодействия. Сегодня в медиасферу активно проникает, особым образом конструируя и детерминируя ее, актуальный в культуре и политике феномен – «новая искренность», фокусом которой является публичное обнажение личного пространства, рефлексия и демонстрация чувствительности, открытости и уязвимости.

«Новая искренность» смещает фокус с постмодернистской иронии на возрождение общечеловеческих ценностей, «которые оставляют нас уязвимыми для внешнего мира, но делают более человечными» [Иссерс, 2020, с. 217]. Феномен «новой искренности» активно обсуждается в работах по кинематографу, литературе, культурологии (Д. Десятерик, В.В. Савчук, Дж.Д. Фитцджеральд, Н. Тиммер). Вместе с тем малоисследованной является «новая искренность» в медиадискурсе. Ее изучение только начато в отдельных жанрах телевидения (ток-шоу, реалити-шоу) с позиций журналистики [Оводова, Жигунов, 2020; Sokolov, Shabrova, 2020].

Опираясь на трактовки понятия «новая искренность» в философских, психологических исследованиях, предпримем попытку спроецировать данный феномен на сферу медиакомму-

никации с целью выявления особенностей дискурсивной репрезентации «новой искренности».

Методы и материалы исследования

Материалом исследования послужили записи 350 телепередач и 350 радиопередач, транслируемых в белорусском эфире в период 2015–2023 годов. Корпус исследуемых текстов представлен радиожанрами *беседа, интервью, комментарий, развлекательное радиошоу, радиочат* (на сайте радиостанции).

Использовались индуктивный метод, включающий наблюдение, анализ, сопоставление и классификацию языковых фактов, а также частнонаучные лингвистические методы: описательно-аналитический контекстуальный анализ, семантический анализ, дискурсивный анализ. Методологически исследование опирается на схему анализа неискренности в речевом общении, разработанную С.Н. Плотниковой. По мнению автора, лингвистические аспекты выражения неискренности в коммуникации наиболее эффективно описывать в рамках дискурса, изучая принципы его порождения, различные сценарии, особенности референции и языковой экспликации [Плотникова, 2020]. Искренность (в частности, ее форма «новая искренность»), являясь оппозиционной категорией неискренности, на наш взгляд, наиболее целесообразно подвергнуть анализу со схожих позиций.

Результаты и обсуждение

Ситуация публичной искренности репрезентируется в медиaprостранстве как особый дискурс – последовательность коммуникатив-

ных актов, создающих определенные прагматические эффекты. Изначально являясь личностной, психологической характеристикой, искренность трансформируется в коммуникативную технологию. «Новая искренность» конструирует макроструктуру медиатекста, выступает механизмом, определяющим коммуникативное поведение участников общения. Далее охарактеризуем макроструктурные позиции медиадискурса «новой искренности», репертуар компонентов денотативно-идентифицирующей референции (конкретный, абстрактный референты, референтное событие) и субъектно-маркированной референции (эмотивный, оценочный референты), а также сценарии, порождающие дискурс «новой искренности»: экспликацию личностных смыслов, градуированность эмоционального отношения к реальности или манифестацию чувствительности.

Искренность и «новая искренность»

Для более четкого осознания понятия «новой искренности» сначала охарактеризуем основы понимания категории *искренности*. Они заложены в теории речевых актов, сформулированной Дж. Серлем. Выделяя иллокутивные силы (ассертив, комиссив, директив, экспрессив, декларатив), автор определяет «значимые измерения», которые позволяют слушателю различать иллокутивные акты. Самыми существенными являются иллокутивная цель, направление реализации соответствия между словами и миром и психологические состояния, которые выражаются иллокутивным актом. Дж. Серль отмечает, что речевой акт является искренним в случае, если он отражает психологическое состояние говорящего и отвечает условиям истинности [Searle, 1969, p. 65].

Рассмотрение искренности в лингвистике сводится к двум аспектам. Искренность определяется как отношение соответствия между высказыванием и вербальным и невербальным поведением говорящего; между высказыванием и эмоциональным отношением к нему, к действительности говорящего. Н.Д. Арутюнова, описывая близкие к искренности понятия *истины* и *правды*, анализирует «правду искренности» как особую катего-

рию и определяет искренность как истинность чувства, выявляемого в вербальном общении. Автор пишет, что понятие искренности преимущественно связывается с эмоциональным или чувственным состоянием и его экспликацией [Арутюнова, 1998, с. 600]. Вместе с тем Н.Д. Арутюнова подчеркивает, что искренность не ограничивается эмоциями. Она может относиться к оценкам, взглядам и убеждениям. Сема искренности входит в семантику слов, эксплицирующих некоторые речевые и неречевые действия: раскаяние, признание, исповедь и т. д. [Арутюнова, 1998, с. 589, 600–604].

Г. Фолкенберг особо подчеркивал, что искренность и неискренность как парные оппозиционные категории представляют собой «лингвистические акты, выражающие мысль говорящего, но одновременно нацеленные на ментальные эффекты в других людях» [Falkenberg, 1988, p. 89]. Воздействующая функция медиа детерминирует трансформации коммуникативных практик, что отражается в появлении особых технологий общения. Одно из таких явлений – «новая искренность».

Она зародилась как особое направление в литературе, кинематографе, музыке, масс-медиа в качестве ответной реакции, демонстрирующей усталость от иронии и сарказма постмодернизма [Rutten, 2017, p. 9–10]. Л. Триллинг определяет искренность как соответствие между откровенным признанием и действительным чувством и прослеживает ее появление в нравственной жизни Европы XX в. [Trilling, 1972, p. 56]. «Новая искренность» как характерная черта метамодернистского подхода к описанию реальности имеет интимный характер, эксплицирует индивидуальные представления об откровенности, о переживании и воспоминаниях [Оводова, Жигунов, 2020, с. 98].

В работах по метамодернистской психологии подчеркивается еще одна важная характеристика «новой искренности» – мечтательность: «постоянные колебания между субъективным и объективным, вымышленным и реальным, виртуальным и действительным вызывают своеобразную мечтательность, волнующее предчувствие чего-то ускользающего. Субъект обращается к рефлекс-

сии чувств, переживаний и грез, к разнообразным компонентам эмоциональной жизни, в которой важнейшее место занимает аутентичность переживаемого («новая искренность») и внутренняя психологическая правда» [Гребенюк].

Т.В. Леонтьева и А.В. Щетинина в ходе исследования идиоматических выражений с компонентом *новый*, в частности *новая искренность*, подчеркивают, что лексико-семантический и контекстный анализ дают возможность зафиксировать «расхождения, иногда существенные, у новых слов и их уже существующих в языке эквивалентов» [Леонтьева, Щетинина, 2022, с. 198]. Авторы приходят к выводу, что семантический объем значения *новой искренности* существенно отличается от лексемы *искренность*, и предлагают включить в словарное описание идиомы *новая искренность*, помимо имеющегося терминологического значения, лексико-семантические варианты, в состав которых входят общие семы: ‘откровенный рассказ о себе’, ‘открытое выражение испытываемых эмоций’, ‘в публичном пространстве’, ‘оказать влияние на аудиторию’ – и дифференциальные семы: ‘технология коммуникации’, ‘в маркетинговой, политической и других сферах’ [Леонтьева, Щетинина, 2022, с. 198].

Средства массовой коммуникации оказались созвучны идеям «новой искренности» и внедрили их в качестве особой коммуникативной технологии. Говоря о всепроникающей роли средств массовой коммуникации, В.В. Савчук отмечает, что они активно внедряются «в наше тело, чувственность, утверждая на свой лад расширение области чувствительности к активности техносреды, что делает невесомыми и невосприимчивыми к боли нашу телесность, наши стратегии навигации и поведения» [Савчук, 2020]. Значимой характеристикой массмедийной коммуникации, которая с трудом может претендовать на искренность в силу того, что она призвана конструировать образ реальности, камуфлировать ее, становится обновление коммуникативных кодов и стратегий, описывающих реальность, с фокусом на публичном обнажении личного пространства, рефлексии и демонстрации чувственности и чувствительности, открытости, уязвимости и доверчивости са-

мого адресата. Если медиадискурс прошлого века был направлен на формирование отношения (позитивного или негативного) к действительности, ее объектам, субъектам, на демонстрацию историй достижений, успеха и побед «суперпредставителей» нации (передовиков производства, выдающихся представителей различных сфер науки, искусства, спорта и т. д., знаменитостей, экстрасенсов и т. д.), то императивом медиадискурса XXI в. становится поликодовое отображение рефлексии чувств, переживаний, травм, равно как и достижений, самых тайных мечтаний и желаний, откровенных личных историй, креативной презентации самих зрителей и слушателей. «Новая искренность» как движение в философии, искусстве и культуре облекается в особый тип массмедийного дискурса в телерадиопространстве.

Референциальные аспекты «новой искренности» в радиодискурсе

Искренность в телерадиокоммуникации правомерно рассматривать в русле проблематики референции текста. Медиадискурс «новой искренности» характеризуется специфической референцией. При его порождении происходит «фокусирование референта». Данный термин предложен Т.А. ван Дейком, который определял его как акт выбора объекта для специальной обработки вниманием [Дейк, 1978, с. 315]. При порождении искреннего дискурса искренний говорящий осознанно выбирает центрального референта, то есть объект, на котором фокусируется внимание.

С учетом концепций С.Н. Плотниковой, Т.А. ван Дейка рассмотрим центральные референты, закрепленные (тиражируемые) в медиадискурсе «новой искренности». Выделим репертуар денотативно-идентифицирующей референции (конкретный, абстрактный референты, референтное событие), а также субъектно-маркированной референции (эмотивный, оценочный референт).

Согласно исследованию Е.А. Горло, денотативно-идентифицирующие референции репрезентируют номинации объектов действительности и фиксируют фактическую соотнесенность с ними других объектов, представляют референциально-фактологический план

высказывания; субъектно-маркированные референции отражают выражение субъективного отношения говорящего к определенному фрагменту изображаемой действительности [Горло, 2012, с. 20]. При выражении искренности использование конкретной референции нацелено на введение в фокус внимания объекта, присутствующего в реальной картине мира, личной жизни говорящего. Например, радиослушательница сообщает о том, как и где она знакомится:

(1) Я знакомлюсь с противоположным полом очень много и легко. **Иду на прогулку** со своим песиком. И он у меня **очень красивый, необычного окраса**. Постоянно **ловим улыбки** от людей. И дальше дело техники завязать разговор (Легкие будни // РадиоРокс. 2022).

Указание на реальный объект осуществляется конкретными существительными (*песик*), глагольными формами и глагольными группами (*иду на прогулку, ловим улыбки*) и прилагательными (*очень красивый, необычного окраса*).

Абстрактная референция эксплицируется в случае фокуса на референте, который представлен абстрактным существительным. Говорящий «организует свой дискурс таким образом, чтобы в нем выражалось общепринятое значение данного существительного» [Плотникова, 2000, с. 160]. В большинстве случаев абстрактный референт представлен эксплицитно в оценочных блоках:

(2) Без **любви** и жизни нет! **Любовь** нужна каждому живущему человеку, это основа для создания. И когда человек ничего не ждет взамен, а любит без всяких условностей, тогда и нет ревности, обиды и т. д., а есть истинная **любовь**. И тогда на душе радость, спокойствие (РадиоРокс. 2023).

Субъективно-оценочная референция разворачивается за счет следующих типов референции: оценочной (выражение ценностного или вероятностного отношения к денотируемому объекту или событию) (подробно о ней см.: [Горло, 2012, с. 21]) и эмотивной (экспликация эмоционального и/или психического состояния и отношения к нему). Фокус дискурса осуществляется на перцептивном и аффективном опыте субъекта и оценке, отражении чувственной картины мира. Эмоции

фиксируются в тексте посредством оценочной лексики, эмотивов, глагольных маркеров модального плана (*хочу, желаю, мечтаю* и т. д.), а также визуальных кодов (в конвергентном радио). Искренность может базироваться на референции к качествам, признакам субъекта или объекта, описывающим их как в положительном, так и в отрицательном аспекте, например:

(3) Любовь, да, Степа, вспомнила, меня еще называли Колючим Ежиком, потому что если меня незаслуженно обидели, то ответ был адекватным... Ирина Левончук Доброе утро! Сегодня я на все **100** Ира Сонная Муха или Ира Неоткрывающийся Глаз! А вообще я – Ира Неугомонная Душа! (Радио Мир).

Эмотивные референции, передающие эмоциональное состояние, чувства, ощущения, переживания субъекта речи могут быть нацелены на самопрезентацию, намерение автора выделить свое сообщение в массе других. Показателен следующий текст как репрезентант «новой искренности», которая мотивирует коммуникантов смотреть на то, чем они занимаются и что делают для других людей с «любящей позиции» [New Sincerity], относиться к жизни с чувственных позиций. Это создается за счет контаминации эмотивной лексики:

(4) Елена нам пишет, что она дарящая солнце, победительница всех одежд и дырок. **Я рыжая, люблю солнце, люблю улыбаться, швея, которая реанимирует любимую одежду людей** (Радио Столица. 2021).

Значимыми аспектами «новой искренности» является мечтательность как элемент «бережного отношения к себе и окружающему миру» и выражение «любящей позиции смотреть на то, чем я занимаюсь» [New Sincerity]. Соответственно, «новая искренность» в медиапространстве базируется не только на денотации реальных объектов личного пространства коммуниканта, но и на экспликации референтов желаемых объектов, действий и отношения к объектам речевой деятельности:

(5) Давайте поговорим о мечте. Мечтаете ли вы, о чем? <...> Расскажите о тех мечтах, которые исполнились, и о том, что помешало осуществиться другим мечтам (Наши люди // Радио Рокс. 2016).

Опираясь на предложенную А.А. Негрышевым на классификацию событий [Негрышев, 2011], выделим репертуар референтных событий искреннего дискурса в медиапространстве: *событие-действие* (действия из повседневной жизни, хобби слушателя или ведущего); *событие – изменение состояния дел* (достижение успеха, преодоление проблем и неудач, изменение характера и мировоззрения); *событие-мероприятие* (семейные встречи, беседы, походы в театр и т. д.); *событие-решение* (замужество, развод и т. д.). Центральным референтным фокусом дискурса «новой искренности» становятся факты, события (действия, объекты, причины и следствия) из личной, часто интимной жизни, в действительности, возможно, скрываемые не только от публичного, но и дружеского интереса. Базируясь на референтах радиодискурса, выделим тематические доминанты, формирующие тематическое и в целом дискурсивное поле «новой искренности»: ‘повседневная жизнь’, ‘жизненные неурядицы’, ‘демонстрация слабостей, неумения’, ‘личные достижения и неудачи’, ‘личные предпочтения, тайны, качества (стихи, песни, домашние животные, кулинарные рецепты и т. д.)’, ‘интересы, привычки’, ‘страхи и фобии’, ‘желания и мечты’, ‘подробности личной жизни’.

Сценарии и макроструктура медиадискурса «новой искренности»

Ситуативно-дифференцированное проявление интерсубъектного взаимодействия в медиапространстве во многом детерминировано различными механизмами использования знаний. В теории М. Минского решающая роль в порождении и понимании текстов принадлежит ментальным структурам: фрейму, сценарию и фрейму-сценарию [Минский, 1979]. Для описания особенностей когнитивного представления «новой искренности» в телерадиокоммуникации наиболее релевантным представляется термин *сценарий*. Как отмечает К. Нельсон, в отличие от статических структур представления знаний (фреймов, схем и т. д.) сценарий является когнитивной структурой динамического характера, имеет базовый элемент действия, представляет опреде-

ленную последовательность шагов, протекающую во времени и пространстве, где одна сцена следует за другой и все они связаны каузальными связями [Nelson, 1986, p. 15].

Классификация сценариев «новой искренности» в теле- и радиодискурсе основывается на конкретизации отношения адресанта к окружающей действительности, участникам общения, которое проявляется в его настроении и чувствах; представлении им собственного образа, характеризующегося направленностью на репрезентацию личных желаний, ценностей, мечтаний, эмоций и т. д.

Сценарий экспликации личностных смыслов

Важной дискурсивной характеристикой, позволяющей отнести текст к рассматриваемому направлению «новой искренности», является самовыражение, «эксплицитное обозначение собственной идентичности» [Иссерс, 2020, с. 219]. Отметим, что, как справедливо замечает О.С. Иссерс, автор выбирает стратегию личностного самоопределения в качестве способа выражения коммуникативного намерения, «которое не оставляет сомнений в его искренности. ...Важно не столько прием, сколько результат: у адресата создается впечатление об установке на взаимную открытость и доверие» [Иссерс, 2020, с. 219–220].

Базовый сценарий экспликации личностных смыслов опишем с помощью следующих категорий: Агент (журналист, стимулирующий проявление искренности и/или производитель личностных смыслов), Объект (слушатель, производитель личностных смыслов), Непосредственная причина (событие, факты, провоцирующие выражение личностного отношения), Речевое поведение, эксплицирующее личностные смыслы. Образы журналиста и слушателя представлены речевыми масками. Журналист: *Дружелюбный, Воодушевляющий*. Слушатель:

– *Креативный* (пишет стихи, демонстрирующие эпизоды из личной жизни, придумывает названия передач и т. д.):

(6) Ирина Левончук Доброе утро.
Стих о наболевшем...

Вот и осень наступила –
Улетели гуси.
Боже, дай мне просто силы
Вспомнить о гипотенузе!
Вроде не учусь я в школе,
Выросла слегка я.
Ох, труд родителей тяжелый!
Всю школу мы проходим снова! (РадиоРокс.
2022);

– *Откровенный*:

(7) Честно говоря, даже не знаю. Ведь каждый ездил летом на дачу или в деревню, но сейчас там тоже есть блага цивилизации – однако имею этот опыт (Вечер трудного дня // ОНТ. 15.04.2015);

– *Самокритичный*:

(8) Леонид пишет, что вот он не может долго сидеть с детьми и с ним трудно бывает (Мировое утро с подъемной силой // Радио Мир. 2020);

– *Довольный собой*:

(9) У меня талант выращивать цветы, дома, на улице, где только можно, без цветов не представляю своей жизни (Вечер трудного дня // ОНТ. 08.04.2015).

Демонстрация креативного самовыражения, привычек, слабостей и недостатков, личного мнения слушателей, разговоры о жизни, ее мелочах призваны придать радиокommunikации определенную душевность и живость, дают возможность адресату увидеть, что ведущий – человек, как и он сам, которого точно так же раздражают или интересуют те же вещи вокруг, что занимают и самого зрителя.

Сценарий гиперчувствительности

Данный когнитивный сценарий конструируется как утверждение этики соучастия, роста активной эмоциональной и этической вовлеченности слушателей в жизнь мира и личную жизнь других. Гипертрофированная чувствительность, по словам А.Н. Фортунатова и Н.Г. Воскресенской, заменяет мыслительные процессы, переводит «область смыслов в сферу чувственно осваиваемого восприятия» [Фортунатов, Воскресенская, 2021, с. 283]. Прототипический сценарий гиперчувствительности представим категориями образа автора (Ав – агент (производи-

тель) гиперчувствительности), адресата (А – мишень, объект (получатель) чувствительности, агент (производитель) чувствительности в интернет-комментариях), Объект гиперчувствительности (событие, факт, мнение, продуцирующие выражение эмоций); Поведение, эксплицирующее чувствительность. Образы автора и адресата представлены речевыми масками.

Ав:

– *Подбадривающий доброжелатель*:

(10) Ну, давайте, мы ждем ваши замечательные, откровенные истории (На подъеме // Радио Рокс. 2023);

(11) Пусть в вашей жизни все будет супер, супер (На подъеме // Радио Рокс. 2023);

– *Шутник-насмешник*:

(12) Ну вот и будешь ты у нас трамваем! (Был бы повод // Радио Рокс. 2022);

– *Чувствительный*:

(13) Ой, какая жуткая история! Очень жаль, мы прям тут съезжились все (Выход есть // Радио Юнистар. 07.11.2015).

А:

– *Пострадавший*:

(14) А вот меня бросила жена и выбросила моего кота (Радио Мир);

– *Чувствительный*:

(15) Ребята, вы супер, это такой вот нежный кусочек счастья (Радио Рокс);

– *Гедонистически ориентированный*:

(16) Котик Пончик желает всем хорошего настроения и приятных выходных! (РадиоРокс);

– *Ностальгирующий*:

(17) Мы 7 ноября весело отмечали в парке с семьей, чувство единства – это здорово (Выход есть // Радио Юнистар. 24.10.2015).

В теледискурсе сходным данному является *сценарий чувствительности*. Нарративы, отдельные высказывания и комментарии о личных и чужих проблемах, переживаниях и недугах в коммуникативном пространстве медиа становятся закономерностью, создающей единую текстовую систему. Разные жиз-

ненные, эмоциональные ситуации, описываемые с помощью терминов психотерапии, демонстрируют тонкие оттенки эмоций: *абьюз, буллинг, токсичные отношения, личные границы, обесценивание, травма* и т. д. По мнению культуролога Ю. Сапрыкина, этот «новый язык чувств» и есть «новая чувствительность» [Сапрыкин]. При общих речевых масках, характеризующих коммуникативное поведение участников общения, в отличие от радиодискурса «новой искренности» в теледискурсе отсутствует экспрессивная составляющая, реализующая гиперсенситивность.

Макроструктура медиадискурса «новой искренности»

Как отмечает В.В. Савчук, в эпоху «новой искренности» рефлексия и осмысление, которые испытывает говорящий, выносятся на сцену [Савчук]. Коммуникативные инструменты дискурса «новой искренности», выступая как репрезентанты личностно ориентированной коммуникации, являются если не частью действия, то заменой самому действию. В таком случае макроструктура дискурса «новой искренности» представлена нанизыванием в монтажной очередности отрезков текста, содержащих информацию о событии или факте из личной жизни говорящего, эмоциональном состоянии говорящего / автора сообщения, личную оценку. Мы разработали модель макроструктуры медиадискурса «новой искренности» как схемы формально-содержательной организации текста, порождаемой дискурсом, с заданным набором характерных правил (стратегий и тактик), которая представлена в виде совокупности макротекстовых позиций: *подводка* содержит призыв к откровенности; *оценочный блок* демонстрирует продукт умозаключения, оценки журналиста или слушателей; *эмоционально ориентированный блок* эксплицирует эмоциональное отношение; *детализирующий блок* содержит информацию о компонентах личностно значимого события или факта. Приведем пример развертывания макроструктуры «новой искренности» в развлекательном радиодискурсе:

(18) Ведущий: (*подводка*) Когда вы что-то недоговариваете, такие маааленькие, но очень мииии-

лые враки. Расскажите нам... (Смеются.) Ведущая: Я зачитываю. <...> (*детализирующий блок*) Прошу маму взять детей на несколько часов, пока я там делаю уборку. А сама включаю на максимум режим лени и сплю себе или в телефоне сижу. (*оценочный блок*) Ну, и нормально. Я сама так часто делаю. Ведущий: (*подводка*) От всего сердца мы сегодня говорим о маленьких враках. (*детализирующий блок*) Вот Лена написала. Я обычно недоговариваю, что кладу в еду. Мои дети и муж не любят кабачки, но откуда им знать, что я всегда его добавляю, например, в рагу. (*оценочный, детализирующий блоки*) Ну, слушай, есть же дети, которые не едят лук. Причем мои племянники, дело было такое, вообще даже говорили, вот из курицы мы едим еду, из свинины мы не едим. <...> Ведущая: (*детализирующий блок*) Надя написала. Парню своему соврала, что хорошо готовлю. Обман раскрылся в первый же ужин. Стыдно было!!! А-а-а-а <...> (*эмоционально-оценочный блок*) Спасибо за ваши чудесные, искренние истории! (На подъеме // Радио Рокс. 01.11.2022).

В завершение анализа дискурсивной реализации «новой искренности» в медиадискурсе отметим следующее. Посмодернистские характеристики медиадискурса – отчужденно-ироничное, фамильярно-игровое отношение к объектам действительности и человеку, ирония, экспрессивная шутка, манифестируемые игровыми, развлекательными стратегиями, постепенно заменяются коммуникативно-дискурсивными средствами «новой искренности». Соответственно, модифицируется рекреативная функция медиадискурса – условия для отдыха, удовольствия, эскапизма и развлечения формируются не только и не столько за счет коммуникативно-дискурсивных и языковых инструментов инфотейнмента, сколько за счет публичной экспликации личного пространства, откровенности, самоидентификации и чувствительности.

Лингвосемиотическое явление карнавализации обеспечивает театральность и красочную зрелищность медиадискурса. В то же время карнавализация получает особую манифестацию в коммуникативном пространстве современного телевидения и радио. Медиадискурс «новой искренности» репрезентирует новую форму карнавализации, связанную с категорией искренности. Содержание, лингвопрагматическая и коммуникативно-дискурсивная реализация медиатекста (отбор рефе-

рентов, сценарии, макроструктура, коммуникативные стратегии «новой искренности», речевые маски, эксплицирующие сценарии «новой искренности») направлены на презентацию априори не предназначенных для развлечения событий и фактов истории, окружающей действительности и личной жизни языковой личности. В этом заключается «карнавализация» фактов и событий жизни / реальности, а также личностей. Они подаются в теле- и радиопространстве как особое зрелище, маскарад искренности и эмоциональной чувствительности, публичного обсуждения личного и/или ранее умалчиваемого. В качестве зрелища предлагается изнаночная, изначально скрытая за фасадом успешности и праздничности сторона жизни языковой личности (репрезентируется темами травмы, страданий, личной жизни, сценариями экспликации личностных смыслов, стратегиями «новой искренности»). Карнавальная «инверсия двоичных противопоставлений» (шут объявляется королем и т. д.) (по М.М. Бахтину) манифестируется речевым поведением участником коммуникации, не столько развлекающих или забавляющих аудиторию, сколько демонстрирующих определенную публичную откровенность. Успешные, знаменитые социальные акторы показываются в коммуникативном пространстве как обычные люди с повседневными проблемами, травмами и неудачами. Желания, достижения и мечтания обычных людей, представленных адресатом-соадресантом конвергентного теле- и радиодискурса, получают презентацию в публичном текстовом пространстве. Напомним, что в коммуникативном пространстве медиа начала 2000-х гг. типичным героем являлись успешные, знаменитые / известные персоны, представляющие историю жизни как историю успеха и достижений, часто одновременно развлекающие публику.

Развитие новой формы карнавализации связано с эксплицитным обозначением собственной идентичности. Новые роли языковой личности (Чувствительный, Травмированный / Пострадавший, Ностальгирующий, Мечтающий, Довольный собой и т. д.) сменяют игровые, развлекательные, сенсационно-шокирующие (Шут, Развлекающий публику, Гордец и т. д.) карнавальные модели самореализации в медиадискурсе. Ср.:

(19) Ведущий: Сейчас у вас балы... Это в какой-то мере игрушки, которые стали возможны вам? Гость: Нет предела мечтаниям. Человек, добиваясь определенного уровня, хочет попасть на более высокий еще. Ведущий: Если бы тогда свердловскому ПТУшнику сказали, мальчик, у тебя когда-нибудь через несколько лет будет свой собственный бал, он бы поверил в это? Гость: В отрочестве я был очень амбициозным человеком. Я был уверен, что достигну невероятных высот (Карамболь // Беларусь 1. 25.02.2000);

(20) Ведущий: Егор, скажите, а что у вас там в Пензе, какая-то летающая тарелка? Смотрите, Тимур Родригес, Павел Воля и вот теперь вы. <...> Гость: В Пензе очень хорошая школа жизни. Да. Ты рано взрослеешь. <...> Я не мог найти общие интересы. У всех компьютерные игры. У меня – музыка... Интернет. Я всегда про всех знал. Ведущий: Почему это произошло? Вы были белой вороной среди основной массой своих..? Гость: Я очень редко общался в школе, когда был полный класс людей. Я сидел один... (Вечер трудного дня // Беларусь 1. 2015).

В отличие от смехово-развлекательной, новая форма карнавализации нацелена не только на смеховое, балаганное развлечение, приносящее удовольствие и эскапизм, но и на демонстрацию общечеловеческих ценностей, уязвимости человека, разнообразных компонентов эмоциональной жизни, которые, в свою очередь, формируются медиадискурсом в особое зрелище для адресата.

Заключение

В результате анализа репрезентации «новой искренности» в коммуникативном пространстве телевидения и радио мы приходим к выводу, что это социокультурное направление становится дискурсивной практикой и технологией коммуникации, формируя структуру и содержание медиатекста. Стремление и готовность языковой личности поделиться собственными мыслями и чувствами в публичном пространстве манифестируется в порождении медиадискурса «новой искренности». Его макроструктура представлена монтажом подводки, детализирующих, оценочных и эмоционально ориентированных блоков. В ряде случаев экспликация «новой искренности» становится своеобразным аттрактивом и кульминацией текста. Экспликация «новой искренности» является

инструментом лингвокреативной деятельности, в результате которой происходит порождение сценариев дискурса, соответствующих целям адресанта и ориентированных на воздействие на адресата. Манифестантами «новой искренности» выступает набор денотативно-идентифицирующих, субъектно-маркированных центральных референтов, которые находят свое выражение в различных тематических доминантах, языковых маркерах и особом наборе ролей языковой личности (Чувствительный, Постстрадавший, Ностальгирующий, Травмированный и т. д.). Таким образом, необходимо говорить о новой форме карнавализации – публичной искренности, откровенности и чувствительности, прогивопоставленной смехово-развлекательной карнавализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Арутюнова Н. Д., 1998. Язык и мир человека. М. : Яз. рус. культуры. 896 с.
- Горло Е. А., 2012. Эмотивные референции // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Филология. № 5 (3). С. 20–26.
- Гребенюк А. Основы метамодернистской психологии // *Metamodern*. URL: <http://metamodernizm.ru/metamodernism-psychology>
- Дейк Т. А. ван, 1978. Вопросы прагматики текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. Лингвистика текста. М. : Прогресс. 489 с.
- Иссерс О. С., 2020. Грани «новой искренности» в современной политической коммуникации // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 19, № 6 : Журналистика. С. 216–227. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227
- Леонтьева Т. В., Щетинина А. В., 2022. Сочетание *новая искренность* в лексикографическом аспекте // Научный диалог. № 11 (6). С. 183–201. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-183-201
- Минский М., 1979. Фреймы для представления знаний. М. : Энергия. 151 с.
- Негрышев А. А., 2011. К макроструктурной типологии текстов новостных жанров // Вестник Московского университета. Серия 10, Журналистика. № 1. С. 228–244.
- Оводова С. Н., Жигунов А. Ю., 2020. Метамодернистский медиадискурс в современной культуре: от глобального молчания к глубокой искренности // Вестник Омского университета. Т. 25, № 4. С. 94–101. DOI: 10.24147/1812-3996.2020.25(4)
- Плотникова С. Н., 2000. Неискренний дискурс (в когнитивном и структурно-функциональном аспектах). Иркутск : ИГЛУ. 244 с.

- Савчук В. В., 2020. Идеология постинформационной искренности // Художественный журнал. № 30–31. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/80/article/1741>
- Сапрыкин Ю. Новая чувствительность. Как выжить в мире обиженных и оскорбленных? URL: <https://republic.ru/posts/94181>
- Фортунатов А. Н., Воскресенская Н. Г., 2021. Цифровые компетенции и технологии новой искренности в эпоху Web 4.0 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. Т. 26, № 2. С. 276–285. DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-2-276-285
- Falkenberg G., 1988. *Insincerity and Disloyalty // Argumentation*. Iss. 2. P. 89–97.
- Nelson K., 1986. *Event Knowledge Structure and Function in Development*. Hillsdale ; L. : Lawrence Erlbaum Associates. 201 p.
- New Sincerity // *HiSoUR*. URL: <https://www.hisour.com/new-sincerity-34646>
- Rutten E., 2017. *Sincerity After Communism: A Cultural History*. New Haven : Yale University Press. 288 p.
- Searle J. R., 1969. *Speech acts: An essay in the Philosophy of Language*. Cambridge : Cambridge University Press. 203 p.
- Sokolov A., Shabrova P. *New Sincerity VS Irony: Analysis of the Existing Cultural and Political Discourses in the Media Space // Proceedings of 5th International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities – Philosophy of Being Human as the Core of Interdisciplinary Research (ICCESSH 2020)*. Moscow : Atlantis Press. P. 191–196.
- Trilling L., 1972. *Sincerity and Authenticity*. Oxford : Oxford University Press. 202 p.

REFERENCES

- Arutyunova N.D., 1998. *Yazyk i mir cheloveka* [Language and the Human World]. Moscow, Yaz. rus. kultury. 896 p.
- Gorlo E.A., 2012. *Emotivnye referentsii* [Emotive References]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Filologiya* [Bulletin of Nizhny Novgorod University. Philology], no. 5 (3), pp. 20-26.
- Grebennyuk A. *Osnovy metamodernistskoy psikhologii* [Fundamentals of Metamodern Psychology]. *Metamodern*. URL: <http://metamodernizm.ru/metamodernism-psychology>
- Dijk T.A. van, 1978. *Voprosy pragmatiki teksta* [Questions of Text Pragmatics]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike. Vyp. 8. Lingvistika teksta* [Progress

- New in Foreign Linguistics. Iss. 8. Text Linguistics]. Moscow, Progress Publ. 489 p.
- Issers O.S., 2020. Grani «novoy iskrennosti» v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii [Dimensions of a “New Sincerity” in Modern Political Communication]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* [Bulletin of NSU. Series: History and Philology], vol. 19, no. 6: Journalism, pp. 216-227. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227
- Leontyeva T.V., Shchetinina A.V., 2022. Sochetanie novaya iskrennost v leksikograficheskom aspekte [Combination ‘New Sincerity’ in Lexicographic Aspect]. *Nauchnyy dialog*, no. 11 (6), pp. 183-201. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-183-201
- Minsky M., 1979. *Freyemy dlya predstavleniya znaniy* [Frames for Knowledge Representation]. Moscow, Energiya Publ. 151 p.
- Negryshev A.A., 2011. K makrostrukturnoy tipologii tekstov novostnykh zhanrov [On Macrostructural Typology of Texts in News Genres]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 10, Zhurnalistika* [The Journal Vestnik Moskovskogo Universiteta. Series 10. Journalism], no. 1, pp. 228-244.
- Ovodova S.N., Zhigunov A.Yu., 2020. Metamodernistskiy mediadiskurs v sovremennoy kulture: ot globalnogo molchaniya k glubokoy iskrennosti [Metamodernistic Media-Discourse in Modern Culture: From Global Silence to Deep Sincerity]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Herald of Omsk University], vol. 25, no. 4, pp. 94-101. DOI: 10.24147/1812-3996.2020.25(4).94-101
- Plotnikova S.N., 2000. *Neiskrenniy diskurs (v kognitivnom i strukturno-funktsionalnom aspektakh)* [Insincere Discourse (In Cognitive and Structural-Functional Aspects)]. Irkutsk, IGLU Publ. 244 p.
- Savchuk V.V., 2000. Ideologiya postinformatsionnoy iskrennosti [The Ideology of Post-Information Sincerity]. *Khudozhestvennyy zhurnal*, no. 30-31. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/80/article/1741>
- Saprykin Yu. *Novaya chuvstvitelnost. Kak vyzhit v mire obizhennykh i oskorblennykh?* [New Sensitivity. How to Survive in a World of the Offended?]. URL: <https://republic.ru/posts/94181>
- Fortunatov A.N., Voskresenskaya N.G., 2021. Tsifrovye kompetentsii i tekhnologii novoy iskrennosti v epokhu Web 4.0 [Digital Competencies and Technologies of New Sincerity in the Web 4.0 Era]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedenie. Zhurnalistika* [RUDN Journal of Studies in Literature and Journalism], vol. 26, no. 2, pp. 276-285. DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-2-276-285
- Falkenberg G., 1988. Insincerity and Disloyalty. *Argumentation*, iss. 2, pp. 89-97.
- Nelson K., 1986. *Event Knowledge Structure and Function in Development*. Hillsdale, London, Lawrence Erlbaum Associates. 201 p.
- New Sincerity. *HiSoUR*. URL: <https://www.hisour.com/new-sincerity-34646>
- Rutten E., 2017. *Sincerity After Communism: A Cultural History*. New Haven, Yale University Press. 288 p.
- Searle J.R., 1969. *Speech Acts: An Essay in the Philosophy of Language*. Cambridge, Cambridge University Press. 203 p.
- Sokolov A., Shabrova P. New Sincerity VS Irony: Analysis of the Existing Cultural and Political Discourses in the Media Space. *Proceedings of 5th International Conference on Contemporary Education, Social Sciences and Humanities – Philosophy of Being Human as the Core of Interdisciplinary Research (ICCESSH 2020)*. Moscow, Atlantis Press, pp. 191-196.
- Trilling L., 1972. *Sincerity and Authenticity*. Oxford, Oxford University Press. 202 p.

Information About the Author

Marina A. Gladko, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Speech Studies and Communication Theory, Minsk State Linguistic University, Zakharova St, 21, 220034 Minsk, Belarus, glad_26@tut.by, <https://orcid.org/0000-0002-5268-960X>

Информация об авторе

Марина Александровна Гладко, кандидат филологических наук, доцент кафедры речеведения и теории коммуникации, Минский государственный лингвистический университет, ул. Захарова, 21, 220034 г. Минск, Беларусь, glad_26@tut.by, <https://orcid.org/0000-0002-5268-960X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.3>

UDC 81'42:070
LBC 81.055.51.5

Submitted: 21.03.2024
Accepted: 23.04.2024

**“NEW SINCERITY” INTERVIEW STRATEGIES:
MILLION DOLLAR QUESTIONS
AND SMALLER CONVERSATIONAL EXCHANGES¹**

Oxana S. Issers

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia;
Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia

Anastasia S. Gerasimova

Pushkin State Russian Language Institute, Moscow, Russia;
Dostoevsky Omsk State University, Omsk, Russia;
Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The article deals with the techniques of building a dialogue in the interview genre that encourage the interlocutor to be sincere. The intrusion of a journalist into the addressee’s private space, as well as the interviewee’s expression of their own identity through answers to “uncomfortable” questions can be considered as the discursive indicators for determining whether a text belongs to the tendency of “new sincerity” described in the present paper. The material of the study includes text fragments from the interviews of the Russian journalists with famous cultural figures and politicians published in the media or posted on the Internet platforms within the period of 2018–2023. It has been established that in order to determine the markers of “new sincerity” in the genre of a journalistic interview, one should consider the following essential discursive characteristics: thematic variety, methods of requesting (finding out) information by a journalist, the interlocutor’s reaction to a question that is on the borderline between public and private communication, techniques of euphemization and implication/explication of taboo meanings. “New sincerity” is found, first of all, in the expanded zone of thematic freedom acceptable in public communication. The main topics discussed in journalistic interviews, which reveal this trend (finances, health, appearance, etc.) are described in the article. The subject of the study is various methods of stimulating the “confessional” statement of the interlocutor and their latter’s reaction to violations of the acceptable boundaries of sincerity in public communication. The study also reveals metalinguistic markers of “new sincerity” that represent the strategies of speech behavior of both the journalist and their interlocutor. The results of the study show that “new sincerity” is becoming a technology that is used in mass media as a tool to influence the audience; thereby it shapes the communicative culture of the society in the public space.

Key words: media discourse, media text, interview, new sincerity, public communication, taboo topic, dialogic strategy, euphemization.

Citation. Issers O.S., Gerasimova A.S. “New Sincerity” Interview Strategies: *Million Dollar Questions* and Smaller Conversational Exchanges. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 2, pp. 29-45. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.3>

УДК 81'42:070
ББК 81.055.51.5

Дата поступления статьи: 21.03.2024
Дата принятия статьи: 23.04.2024

**СТРАТЕГИИ ИНТЕРВЬЮ В КОНТЕКСТЕ «НОВОЙ ИСКРЕННОСТИ»:
«СЕКРЕТ НА МИЛЛИОН» И НЕМНОГО МЕНЬШЕ¹**

Оксана Сергеевна Иссерс

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия;
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия

Анастасия Сергеевна Герасимова

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, г. Москва, Россия;
Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия;
Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются приемы построения диалога в жанре интервью, побуждающие собеседника к открытости. Дискурсивными показателями для определения принадлежности текста к направлению «новой искренности» можно считать внедрение журналиста в сферу личного пространства адресата и выражение интервьюируемым собственной идентичности через ответы на «неудобные» вопросы. Эмпирическую базу составили фрагменты текстов интервью российских журналистов с известными деятелями культуры, политиками, опубликованные в СМИ или размещенные на интернет-платформах в период 2018–2023 годов. Установлено, что для определения маркеров «новой искренности» в жанре журналистского интервью существенны следующие дискурсивные характеристики: тематический репертуар, приемы запроса (выведывания) журналистом информации, реакция собеседника на вопрос, находящийся на грани публичного / частного общения, приемы эвфемизации и импликация / экспликация табуированных смыслов. Показано, что «новая искренность» обнаруживается в расширении зоны тематической свободы, допустимой в публичном общении. Охарактеризованы основные темы, обсуждаемые в журналистских интервью, которые реализуют указанную тенденцию (финансы, здоровье, внешность и др.). Выявлены приемы стимуляции «исповедального» высказывания собеседника и реакции последнего на нарушение допустимых границ открытости в публичной коммуникации; метаязыковые маркеры «новой искренности», представляющие стратегии речевого поведения как журналиста, так и его собеседника. Сделан вывод о том, что «новая искренность» становится технологией, которая используется массмедиа в качестве инструмента воздействия на аудиторию и тем самым формирует коммуникативную культуру социума в публичном пространстве.

Ключевые слова: дискурс СМИ, медиатекст, интервью, новая искренность, публичная коммуникация, табуированная тема, стратегии диалога, эвфемизация.

Цитирование. Иссерс О. С., Герасимова А. С. Стратегии интервью в контексте «новой искренности»: «секрет на миллион» и немного меньше // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 29–45. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.3>

Введение

Тенденция к «новой искренности» стала характерной приметой массмедийного, политического, художественного дискурсов последних десятилетий. Исследователи отмечают, что данный феномен развивался практически одновременно во всех сферах культуры и политики и сегодня стал одним из значимых трендов как на Западе, так и в России [Десятерик, 2014; Иссерс, 2021; Корниенко, 2021; Роггевеен, Руттен, 2020; Савчук, 2000; Уоллес, 2018; Fitzgerald, 2013; Girlea, Girju, 2021; Pototska, 2022; Rutten, 2017; Sandlin, Gracyalny, 2018; Timmer, 2010]. Отказ от иронии и обращение к проверенным временем общечеловеческим ценностям составляют суть данного «аксиологического поворота». На рубеже веков на смену всепоглощающей иронии пришла «новая искренность», которая определила пересмотр социальных ценностей и значимых для общественного сознания смыслов.

Для этого были определенные причины экзистенциального порядка: «обнаружилось, что на циничном подходе к реальности сложно строить будущее» [Стрельников, 2018]. Переходу к новой культурной парадигме также способствовали объективные социально-экономические и технологические факторы, приведшие к трансформации культуры.

В то же время оценки новых культурных парадигм, в частности «новой искренности», неоднозначны: одни видят в ней доминирующее настроение современной эпохи, другие – лишь маркетинговую или художественную стратегию. Так, Ю. Потоцка считает, что социальный и культурный потенциал постмодернистской иронии еще не исчерпан. В информационном обществе ирония выступает антирепрессивным механизмом, а также способом конституирования личного пространства в манипулятивной среде, поэтому, по мнению автора, девальвировать его пока преждевременно и даже опасно [Pototska, 2022]. Если ирония –

это стремление к независимости, то «новая искренность» указывает на пристрастие к чему-либо. Ю. Потоцка определяет типичные черты поведения «нового искреннего». В отличие от ирониста, он не избегает выбора. Несмотря на приписываемый новому персонажу аутизм, он коллективист, активно участвующий в проектах не только в виртуальном пространстве, но и в реальной жизни. Практика обмена приучает его доверять другим. Такие люди потребляют любой продукт массовой культуры, присваивают любые идеи. Как считает автор, будучи инфантильными и необразованными, в отличие от ироников, они этого не стыдятся, хотя бы потому, что не одиноки в своих увлечениях [Pototska 2022].

Ю. Потоцка акцентирует внимание на обратной стороне стратегии «новой искренности»: социокультурный контекст обесценивает прямые суждения и порождает метаиронию. Она возникает из атмосферы тотальной продажности, демонстративности, стандартности, не подтверждающей искренности. В результате помимо или вместо обвинений в банальности и наивности, которые изначально были адресованы приверженцам «новой искренности», данная позиция провоцирует обвинения в искусственности и цинизме [Pototska 2022].

В основе концепции «новой искренности» лежат ценности, которые делают индивида, с одной стороны, уязвимым для оценок внешнего мира, а с другой – более открытым и человечным. По мнению историка культуры Э. Руттен, «новая искренность» стала глобальным культурным феноменом вскоре после краха коммунистической системы. Ее влияние ощущается в литературе и журналистике, искусстве и дизайне, моде и кино, рекламе и архитектуре. В своей книге «Искренность после коммунизма: история культуры» автор прослеживает, как зарождается в постсоветской России и проникает в общественную жизнь новая риторика прямого социального высказывания с характерным для нее сложным сочетанием предельной честности и иронической словесной игры. Э. Руттен поднимает важную тему трансформации идентичности в посткоммунистическом, постмодернистском мире и пытается сформулировать ответ на вопрос, как дебаты о «новой искрен-

ности» в постсоветском русскоязычном пространстве слились со всеобщим призывом к «возрождению искренности». Работая на пересечении истории эмоций, теории массовых коммуникаций и постсоветских исследований, автор по-новому осмысляет современную культурную реальность, оказывающую глубокое воздействие на творческую мысль, художественную активность и образ жизни практически по всему миру [Rutten, 2017].

О зарождающейся тенденции к «новой искренности» в художественном творчестве 80-х гг. прошлого века писал один из основоположников концептуализма в отечественном искусстве Дм. Пригов: «В пределах утвердившейся современной тотальной конвенциональности языков искусство обращения преимущественно к традиционно сложившемуся лирико-исповедальному дискурсу и может быть названо “новой искренностью”» (цит. по: [Словарь терминов..., 1999, с. 64–65]).

Эта установка на нарушение границ «приватности» и расширение сферы исповедального общения не могла не отразиться в практике массмедиа. Современная медиасреда оказалась благоприятной и вполне подготовленной к идеям «новой искренности».

Одним из каналов трансляции идей «новой политической искренности» в условиях антикризисных коммуникаций организаций и общественных деятелей стали социальные сети. Политики используют платформы социальных сетей (в частности, YouTube), чтобы извиниться перед общественностью, и их извинения распространяются новостными агентствами или отдельными пользователями социальных сетей. В исследовании Дж. Сандлин и М. Грациальны рассматриваются стратегии публичного извинения на YouTube, которые применяют политики и общественные деятели [Sandlin, Gracyalny, 2018]. Авторы анализируют восприятие массовой аудиторией этих актов извинения через содержание комментариев, большинство из которых касаются репутации общественного деятеля. Аудитория не прощала, если извинения выглядели как неискренние, формальные, однако готова была принять извинения, если воспринимала их как искренние. В статье делаются выводы об эффективности подобных публичных акций в области связей с общественностью.

Одним из ярких проявлений «новой искренности» считают повышенную эмоциональность современных медиатекстов. В статье К. Валь-Йоргенсен «Эмоциональный поворот в журналистских исследованиях» рассматривается роль эмоций при производстве медийного текста или комплексного видеопродукта, а также при взаимодействии журналиста с целевой аудиторией [Wahl-Jorgensen, 2020]. Так, зритель с наибольшей вероятностью вспомнит информацию из телевизионного ролика, если будет эмоционально вовлечен в его просмотр. Приемами эмоционального вовлечения могут служить использование в телепередаче табуированных тем, освещение неизвестных ранее сенсационных фактов, ведение коммуникации в исповедальной тональности и т. д.

«Эмоционализацию» как отличительную черту современного медиадискурса рассматривают Ф. Заппеттини, Д.М. Понтон, Т.В. Ларина в статье «Эмоционализация современного медиадискурса: исследовательская повестка дня» [Zappettini, Ponton, Larina, 2021]. В ней проводится исследование эмоций в СМИ «с семиотической, прагматической и дискурсивной точек зрения на фоне современного социально-политического контекста, в котором традиционные представления о роли средств массовой информации претерпевают заметные изменения» [Zappettini, Ponton, Larina, 2021, p. 587]. По словам авторов, медиаплатформы ставят новые задачи в отношении производства и потребления информации, «поскольку различия между публичной и частной сферой становятся все более размытыми» [Zappettini, Ponton, Larina, 2021, p. 597]. В результате исследования сделан вывод о том, что в медиaprостранстве наблюдается переход от использования рациональных аргументов к воздействию на чувства аудитории посредством применения эффективных стратегий убеждения.

В современных медиа, где действуют те же законы, что и в любой другой сфере потребления, искренность из индивидуальной психологической характеристики преобразуется в «товар», обладающий определенной маркетинговой ценностью. Свобода самовыражения стала не просто трендом – она, по мнению петербургского философа, теоретика ис-

кусства и художника Валерия Савчука, «масс-медиализирована». В статье «Идеология постинформационной искренности» он рассматривает истоки нового течения в художественных практиках: «Пространство проявления оригинальной творческой энергии и зоны свободы от Власти. ...Оперативно встраивается шоу-бизнесом в существующий дискурс и узаконивается. Радикальность андеграунда, его образ жизни и эстетика весьма быстро масс-медиализируются, становятся притягательным местом, приносят прибыль и, наконец, тиражируясь, превращаются в моду» [Савчук, 2000].

Популяризация нового течения может способствовать, как считает составитель энциклопедии «Альтернативная культура» журналист Дм. Десятирик, «актуализации и вовсе традиционалистских тем, в первую очередь эстетических, а вслед за ними и политических – силами “новых искренних” пассионариев» [Десятирик, 2014].

Почему же искренность стали называть «новой» и в чем ее отличие от традиционной характеристики искреннего, открытого речевого поведения личности?

Т.В. Леонтьева и А.В. Щетинина, анализируя семантику идиомы *новая искренность*, установили, что в словосочетании есть дополнительный прагматический компонент значения: в частности, данная идиома функционирует в определенных сферах (в первую очередь в политической и художественной), на «новую искренность» существует спрос как на медийный продукт, есть типичные форматы ее представления и др. «Анализ содержания контекстов показал, что новая искренность так же, как и искренность, – это раскрытие личной информации, при этом если лексема *искренность* обозначает свойство человека открыто рассказывать о своих чувствах, эмоциях, фактах биографии, имманентно присущее ему, то новая искренность – это модный тренд / технология / метод, которые используются в качестве инструмента привлечения внимания аудитории как в сфере частной, так и деловой жизни, например в маркетинге, политике, шоу-бизнесе и др.» [Леонтьева, Щетинина, 2022, с. 198]. Таким образом, под «новой искренностью» понимают прежде

всего технологии коммуникации, цель которых – привлечь откровенностью самовыражения внимание других людей в публичном пространстве.

Интернет-технологии кардинально изменили процессы информационного обмена и тем самым повлияли на запросы пользователей Сети. В условиях новой медийной реальности с ее практически неограниченным охватом массовой аудитории и размытыми представлениями о границах допустимой искренности и приватности сформировался запрос на новые способы взаимодействия в публичном диалоге, где признак «искренности» является форматом- и жанрообразующим.

Образцами данного тренда в дискурсивных практиках традиционных и новых медиа могут служить журналистские интервью.

Материал и методы исследования

Эмпирическую базу составили фрагменты текстов интервью российских журналистов (Б. Корчевникова, Л. Кудрявцевой, В. Познера, Е. Мильчановской, М. Сурановой и др.) с известными деятелями культуры, политиками, представителями медиа, опубликованные в СМИ или размещенные на интернет-платформах в период 2018–2023 гг. (более 50 интервью). Материал дополнен интервью В. Познера, собранными в его книге «Познер о “Познере”» (2014). Выбор интервью обусловлен заявленным аспектом исследования: интерес представляют те программы, где установка на «исповедальность» является жанрообразующей («Судьба человека» Б. Корчевникова, «Секрет на миллион» Л. Кудрявцевой и др.). Кроме того, для целей настоящего исследования привлекались журналистские программы, ориентированные на провокацию и эпатаж, где нарушение границ личного пространства интервьюируемого обусловлено концепцией авторской программы и индивидуальным стилем журналиста, является его «визитной карточкой» (яркий представитель второго типа интервьюеров – Юрий Дудь *).

При отборе материала было важно, что в состав интервьюируемых входят предста-

вители разных профессий в максимально широком возрастном диапазоне, различающиеся не только по социально-демографическим признакам, этическим принципам и коммуникативной культуре, но и опыту участия в интервью, который влияет на публичное речевое поведение. В современном жанре журналистского интервью обнаруживается ряд стратегически значимых приемов, формирующих активную позицию интервьюируемого – «разговор на равных», в том числе и право контроля за степенью открытости и искренности, допустимой в условиях публичного общения. Реакция на «откровенный» вопрос свидетельствует о готовности поддержать установку на нарушение границ личного пространства либо уйти от предложенной тональности диалога.

Извлеченные из интервью фрагменты содержат инициативные реплики либо представляют собой вопросно-ответные единства, в которых один или оба участника демонстрируют готовность к выходу за границы личного пространства в условиях публичной коммуникации.

Предметом анализа стали различные приемы стимуляции «исповедального» высказывания собеседника и реакции последнего на нарушение допустимых границ искренности. Выявлены метаязыковые маркеры «новой искренности», представляющие стратегии речевого поведения как журналиста, так и его собеседника.

Результаты и обсуждение

Для определения маркеров «новой искренности» в жанре журналистского интервью существенными являются следующие дискурсивные характеристики: тематический репертуар, приемы запроса (выведывания) журналистом информации, реакция собеседника на вопрос, находящийся на грани публичного / межличностного общения, приемы эвфемизации, а также импликации / экспликации табуированных смыслов. При этом траектория развертывания диалога на «личные» темы во многом определяется готовностью интервьюируемого к откровенному разговору, которая

* Данное лицо включено в единый реестр физических лиц и организаций, признанных иностранными агентами в Российской Федерации.

так или иначе обусловлена его согласием участия в интервью с конкретным журналистом в той или иной программе: именно эта установка определяет развернутость ответов, степень эвфемизации, наличие имплицитных компонентов высказывания – одним словом, искренность собеседника.

**Тематические ограничения
и новая тематическая свобода**

– Как вы себя чувствуете сегодня?
– Мамочка мне всегда говорила, что такие темы, как деньги, здоровье и личная жизнь, не обсуждаются. У меня все хорошо...

Из интервью актрисы Анастасии Мельниковой (Собеседник. 2023. № 20)

«Новая искренность» обнаруживается в первую очередь в расширении зоны тематической свободы, допустимой в публичном общении. Если в межличностной коммуникации границы искренности практически не ограничены и определяются субъективными представлениями собеседников о доверии друг другу и возможном тематическом репертуаре, то в условиях медийной коммуникации обращение к двойному адресату – собеседнику и массовой аудитории – заставляет оценить риски, связанные с нарушением личного пространства непосредственного адресата. Границы «личного» во многом зависят от установок и коммуникативной культуры, сформированной в том числе в семье, они определяют, что допустимо и что запрещено по отношению к внедрению в наше личное пространство. Писатель Денис Драгунский, написавший автобиографический роман о жизни в советской Москве 50–60-х гг., в интервью Анне Балуге, журналисту газеты «Собеседник», делится своими представлениями о границах искренности:

Д. Д.: Самое главное, что я открыл для себя уже в зрелом возрасте, – то, что я могу, оказываясь, рассказывать о себе с максимальной, практически стопроцентной откровенностью. Включая именно те вещи, о которых мне говорят: ну зачем ты это рассказываешь? Зачем ты рассказываешь о том, как ты не сумел трахнуть эту девчонку? А если не сумел, то зачем вообще писать о том, как вы с ней возились под кустом? Я могу писать о том, как

у меня чесалась голова и подмышки, как я протирал водкой шею и запястья, чтобы не пачкать белую рубашку, – вместо того, чтобы вымыться по-человечески. <...>

А. Б.: А разве это не круто – предьявлять себя миру без страха?

Д. Д.: Круто. И вот эту крутизну я в себе обнаружил совсем недавно, понимаете? (Собеседник. 2023. № 41).

Представления о сфере личного / частного не имеют формального закрепления, но в той или иной степени эти коммуникативные нормы осознаются большинством представителей конкретного социума. В то же время, ввиду их некодифицированной специфики, данные нормы и принципы допускают значительную вариативность.

К самым распространенным способам внедрения в личное пространство относятся темы и вопросы, нарушающие границы приватности. Если в межличностном общении их можно квалифицировать как индивидуальные отклонения от принятых социальных норм, то в публичной коммуникации проблема приобретает иное звучание: на массовую аудиторию транслируются определенные модели поведения, которые в дальнейшем формируют коммуникативную культуру социума, в том числе и так называемую «новую искренность».

При всем многообразии факторов, влияющих на выбор говорящим допустимых пределов любопытства по отношению к личной сфере собеседника, можно выявить спектр типичных вопросов, обсуждение которых в СМИ находится в зоне коммуникативного риска. И.А. Стернин определял неприличие (непристойность) содержания как «нарушение тематических табу в общении, затрагивание и обсуждение тем, которые в обществе считаются недопустимыми в публичном обсуждении (секс, физиологические процессы организма, телесный низ и под.)» [Стернин, 2008, с. 226]. «Значительная часть тем, табуированных в большинстве культур, попадает в “ядерную зону” бестактных и даже неприличных вопросов. В то же время представления о границе между приличным и неприличным, тактом и бестактностью формируются в рамках конкретной культуры и являются социально и исторически обусловленными» [Иссерс, 2023, с. 25]. Ср. отмеченные В.И. Жельвисом многочислен-

ные расхождения в англоязычной и русской культурах понятий «прилично (decent)» и «неприлично (indecent)» [Жельвис, 2014].

Однако фокус нашего исследования находится не в зоне универсальных табуированных тем, а в менее регламентированной области ограничений, обусловленных индивидуальными представлениями о такте, уместности и культуре общения.

Расширение тематического репертуара в журналистских интервью на телевидении или платформе YouTube является одним из показателей формирования «новой искренности» в рамках русской медиаккультуры. На первый план выходят те темы, которые ранее считались табуированными или не совсем уместными для обсуждения в рамках публичного общения. К таким «неудобным», конфликтогенным темам можно отнести вопросы о диагнозах и заболеваниях, финансах, благосостоянии, дорогих покупках, семейных отношениях (особенно неблагоприятных), личном восприятии себя, своего возраста и внешности, вредных привычках и др. Таким образом, дискурсивной характеристикой для определения принадлежности текста к рассматриваемому направлению «новой искренности» можно считать эксплицитное обозначение интервьюируемым собственной идентичности.

Заметим, что степень «новой искренности» зависит от политики телевизионного канала, формата / жанра программы и личных предпочтений интервьюера. Так, тематика и количество «приватных» вопросов в программе Леры Кудрявцевой «Секрет на миллион» (канал «НТВ») заметно отличается (в большую сторону) от тематики и количества вопросов, представленных в интервью Владимира Познера (программа «Познер», «Первый канал»). Программа «Познер» – это авторская телепередача, гостями которой зачастую становятся политики, общественные деятели, деятели культуры, искусства, науки, спорта. Стратегия интервью В. Познера в первую очередь направлена на формирование у массового адресата представлений о профессиональных и личностных характеристиках его собеседника.

Программа «Судьба человека с Борисом Корчевниковым» – это откровенное портретное интервью о судьбе героя телепередачи.

Фокус беседы направлен на освещение интересных и малоизвестных фактов его биографии, в связи с этим актуальны вопросы о чувствах, эмоциях, которые переживал человек в разные периоды своей жизни. По сути, данное интервью имеет исповедальный характер. Гостями программы чаще всего являются актеры, музыканты, режиссеры и другие представители творческих профессий.

Проект с телеведущей Лерой Кудрявцевой «Секрет на миллион» – это прежде всего телевизионное шоу, в котором обсуждение табуированных тем является сценарной основой программы (что следует из ее названия): приглашенные звезды отечественной культуры, шоу-бизнеса, спорта рассказывают о своих тайнах «как бы» за деньги. Чем больше откровений позволяет себе герой программы, тем больше его выигрыш. (В реальности практически всегда «заработанные» откровенностью деньги направляются на благотворительность.)

Представим основные темы, обсуждаемые в журналистских интервью, которые обнаруживают тенденцию «новой искренности», – «про деньги, здоровье и личную жизнь».

Для западной аудитории **тема финансов** является традиционно приватной. В русской коммуникативной культуре вопросы о доходах и расходах, как правило, строго не ограничиваются близким кругом: долгие годы существования россиян в условиях социалистического распределения, когда зарплаты были стандартными, а расходы – типичными, сделали эту тематическую область вполне естественной для обсуждения. В то же время в некоторых семейных традициях формировалось представление о том, что эта тема – не для широкого обсуждения. Так, на прямой вопрос Ю. Дудя о размере пенсии телеведущий Д. Киселев ответил возмущенно:

Ю. Д.: В 62 вы оформили пенсию // Какого она размера?

Д. К.: (*пауза*) ...Моя мама... вот вы можете спустить штаны и показать свой маленький член – вы как-то об этом говорили? <...> Моя мама меня учила / что говорить о деньгах не очень прилично //

Ю. Д.: Даже о размере пенсии?

Д. К.: Джентльмены о деньгах не говорят // О деньгах не говорили в царской России / ни в советские времена / ни в приличном обществе на Западе...

Журналисты – приверженцы этого подхода – весьма «аккуратны» в обсуждении финансовой темы. Они не задают прямых вопросов о доходах и если стремятся высветить отношение к деньгам своего героя, то делают это деликатно – путем «наведения темы». Так ведет себя Владимир Познер, интервьюируя скрипача и дирижера Владимира Спивакова:

В. П.: Вы с некоторым возмущением высказались таким образом: «Все сейчас стало вертеться вокруг денег» // Ну / мы же этого хотели... // При капитализме все вращается вокруг денег // Вас это как-то задевает?

В. С.: Просто не нужно много хотеть //

В. П.: Вы нет?

В. С.: Я нет // Я считаю / что важнее Евангельская мысль / «Тот / у кого есть / тому еще дано будет / а тот / у кого нет / отнимется» //

В данном случае интервьюер подвел своего собеседника к теме доходов и расходов, но задал общий вопрос об отношении к деньгам и, получив достаточно общий ответ через обращение к прецедентному тексту, удовлетворился им.

Сам Владимир Познер в интервью Юрию Дудю на вопрос об источнике его доходов отреагировал как на нарушающий границы приватности:

Ю. Д.: Чем зарабатываете / кроме программы?

В. П.: Вам-то какое дело? Я зарабатываю своей профессией / а иногда зарабатываю выступлениями //

В практике журналистов, ориентированных на «новую искренность», тема финансов детализирована до мелочей. Так, Лера Кудрявцева публично провела обсуждение бюджета своей героини – актрисы Татьяны Васильевой, которая не выразила неудовольствия по поводу этой процедуры².

Л. К.: Ты не скрываешь / что зарабатываешь / примерно / по три миллиона в месяц //

Т. В.: Ну это в хорошие времена // Это я четыре года назад... Так было // Сейчас немножко по-другому //

Л. К.: Ну миллион в месяц?

Т. В.: Нет / ну / побольше / побольше // В сезон нормально все идет – могу и три //

Л. К.: Ты подсчитывала / вот сколько из этого дохода ты тратишь на себя любимую? <...> **Давай вместе это сделаем?**

Т. В.: **Да / пожалуйста //**

Л. К.: Принесите мне доску и маркер / пожалуйста // Пойдем // Еда в месяц / примерно / сколько?

Т. В.: У меня контейнеры – 750 калорий в день // 26 тысяч // Ресторанов нет // **За свой счет не хожу в рестораны //**

Л. К.: **Правильно //** Магазины?

Т. В.: Магазины / да // Ну / знаешь / это так нестабильно // Ну / думаю / двести // <...> ну где-то там на косметолога / где-то / ну / 150 // <...>

Л. К.: Из 2 миллионов ты тратишь на себя 344 тысячи / Таня // **Остается у тебя / в худшем случае / миллион двести //** Где деньги / Зин?

Т. В.: Коплю // Еще немножко и накоплю на квартиру //

Л. К.: Сколько / кстати / отдаешь детям в месяц?

Т. В.: Может быть / 100 тысяч / Филиппу и столько же Лизе где-то //

Заметим, что по ходу расспросов журналист скрупулезно конкретизирует запрос информации о расходах, а также дает оценочные высказывания. Это можно наблюдать и в других интервью Кудрявцевой, например с поэтессой Ларисой Рубальской:

Л. К.: Ларис / ну Вам за это платят как модели?

Л. Р.: Мне подарили все / в чем я ходила по подиуму //

Л. К.: **А / ну вот / тоже хорошо //**

Л. Р.: Мне даже это больше нравится //

Тема финансов может быть представлена в вопросах о дорогих покупках и подарках, имеющейся недвижимости, расходах на отдых и др. Отметим, что стратегия ответов интервьюируемого в определенной степени отражает представления об уместности публичного обсуждения этих вопросов: в ответ на посыл журналиста («красиво жить не запретишь?») он может использовать «игру на понижение» и/или эксплицировать обоснованность таких трат. Так, Л. Кудрявцева расспрашивает своих гостей – певицу Валерию и продюсера Иосифа Пригожина – о доме в Швейцарии на берегу Женевского озера:

Л. К.: Почему именно в Швейцарии Вы купили себе недвижимость?

И. П.: Дело все в том / что когда мы отдавали детей в школу и в лагерь языковые / естественно / нам надо было их навещать // И вдруг нам выпала возможность / был директор форума / он продавал дом на береговой линии / и кредит нам предложи-

ли в один процент // И вот у нас в результате этого появилась эта дача в Швейцарии // <...>

В.: Просто звучит так: «У них дом на Женевском озере» // **Ну только Вы в Подмосковье съездите и посмотрите / какие цены // И какие там... //**

Л. К.: **Ну цена... // Сколько?**

И. П.: Ну мы покупали / в свое время / ее / **будете смеяться / ну вот если в рубли переводить – курс был другой – ну / миллион шестьсот двадцать евро //** Это сколько получается? Тогда был курс – двадцать пять или тридцать // Ну миллионов тридцать-сорок / грубо говоря //

Отметим типичную особенность диалогического взаимодействия в стиле «новой искренности»: при стремлении интервьюируемого уйти от конкретных цифр журналист проявляет настойчивость в получении точной финансовой информации. Все же собеседник, чей этический кодекс не позволяет говорить о «нерациональных», по мнению массовой аудитории, расходах, оставляет за собой право не называть стоимость покупки. Например, Лера Кудрявцева расспрашивает поэтессу Ларису Рубальскую о приобретении породистой собаки:

Л. К.: Они дорогие сейчас / Ларис / я знаю //

Л. Р.: Ну / да // Не дешевле / чем брендовые сумки //

Л. К.: **Вот сколько Вы отдали?**

Л. Р.: Мои домашние не знают // В моей жизни у меня три дорогих покупки: квартира / машина / собака // Вот как раз когда она должна была прийти в мою жизнь / **я заработала хорошие деньги //** Когда я узнала / сколько она стоит / **я посмотрела на эту пачечку и купила //** И не жалко до сих пор //

Лариса Рубальская говорит о «хороших деньгах», которые она *заработала*, но не называет конкретную сумму. Подобный уход от прямого ответа в расспросах журналистов свидетельствуют о том, что тема финансов, в том числе больших расходов, далеко не для каждого собеседника ощущается как уместная в публичном пространстве.

Тема болезни в русском речевом общении традиционно рассматривалась как приватная, допустимая лишь с близкими людьми, о чем свидетельствует приведенная выше в качестве эпиграфа цитата из интервью актрисы Анастасии Мельниковой. Однако вопросы по поводу диагноза, тех или иных заболеваний все активнее звучат в эфире, причем

не только в жанре «лирико-исповедального» интервью. Приведем фрагменты телепередач:

Борис Корчевников – актриса Олеся Железняк:

Б. К.: Что с ногой? Что случилось?

О. Ж.: Ну я немножко повредила ногу // <...> // Теперь лечу ногу / да // Ты знаешь / когда вот с тобой случается... / такая немощь вот происходит в жизни / вдруг ты понимаешь / что человеку мало надо / очень мало надо // <...> // Когда спустя какое-то время / когда мне сняли швы / можно было пойти в душ и забраться туда на костылях и постоять / опереться на вторую ногу / я вдруг вышла из душа и поняла / что я самый счастливый человек на этой земле //

Лера Кудрявцева – Лариса Рубальская:

Л.К.: Лариса / что за болезнь вас едва не приковала к постели?

Л.Р.: У меня так болели вот какие-то такие места / от позвоночника отходящие (*показывает*) / что я какое-то время просто с трудом вставала // И было время / когда просто не могла шевелиться //

Расспросы журналиста о болезнях могут быть обусловлены интересом к тому, не повлияло ли заболевание на его профессиональную деятельность. В этом случае они не вызывают сопротивления собеседника – более того, он готов искренне поделиться и другой информацией о здоровье.

Владимир Познер – Владимир Спиваков:

В. П.: Я слышал / что после этой болезни (имеет в виду ковид. – О. И., А. Г.) у вас было что-то с пальцами не совсем в порядке... //

В. С.: Это так // Бьет по слабым местам / по самым важным местам // У меня пальцы два месяца примерно не работали так / как должны были работать // И вдобавок я не очень хотел к вам прийти на передачу именно по причине того / что / так сказать / «что-то с памятью моей стало / что случилось не со мной – помню» // (*Смеется.*)

Вопросы по поводу возраста, внешности и антропометрических данных (особенно веса) могут быть восприняты как бестактные не только женщинами, но и мужчинами. В то же время в программах, ориентированных на откровенное интервью с героем, включающее обсуждение личных тем, эти ограничения нередко снимаются.

Лера Кудрявцева – Татьяна Васильева:

Л. К.: Сколько ты вешишь?

Т. В.: В хорошие времена – 63 //

Л. К.: А сейчас?

Т. В.: А сейчас у меня плохие времена //

Л. К.: Это сколько?

Т. В.: 65 // Это после гастролей потому что / потому что это вечернее питание // Так я ем – в три часа я / там / может / поем // Перед спектаклем я не ем / после спектакля я пью молоко с медом //

Типичным нарушением такта и социальных приличий по отношению к женщине являются вопросы о «натуральности» тех или иных особенностей ее внешности. Однако в современных интервью, ориентированных на «новую искренность», этот негласный принцип далеко не всегда соблюдается. Тема пластической хирургии, наряду с вопросами о возрасте, – одна из популярных в интервью с героинями программы «Секрет на миллион». Стоит отметить, что собеседницы телеведущей Леры Кудрявцевой, как правило, готовы открыть свои секреты «вечной молодости», при этом сопровождая их уверениями в искренности.

Лера Кудрявцева – Валерия:

Л. К.: Лер / в этом году у тебя юбилей //

В.: А чего так серьезно-то? (*Смеется, имея в виду интонацию вопроса.*)

Л. К.: Даже не говори / сколько тебе будет // Вот на столько ты не выглядишь / Лер //

В.: Спасибо // Я не чувствую себя на столько //

Л. К.: Скажи мне / что ты делаешь / чтобы оставаться такой молодой и красивой?

В.: Вот как на духу: ничего // Вот буду говорить / ничего не скрывая совершенно // Вот Ёся рядом / он знает все / что я делаю с собой //

Л. К.: А теперь давайте по чесноку //

В.: По чесноку рассказываю // Я люблю процедуры / которые очень такие действенные и не травматичные / которые не оставляют следа // Это всякие радиочастотные лифтинги / аппаратная косметология //

Л. К.: Помогает?

В.: Я не знаю / как оно было бы / если бы я этого не делала <...> // Я не использую никаких филлеров / потому что мои косметологи против этого категорически // Я не исключаю / что когда-нибудь я прибегну и к пластической хирургии / какой-то очень такой корректной и минимальной //

Приемом стимуляции откровенного ответа может быть вопрос о мотивации решения о пластической операции (при этом журналист, по сути, без согласия своей героини, сообщает массовой аудитории о том, что она имела место).

Лера Кудрявцева – актриса Елена Проклова:

Л. К.: Лен / ты делала круговую подтяжку // Как ты на это решилась?

Е. П.: Мне было 43-44 года / я снималась в фильме «Желтый карлик» / снималась без грима / без всего // И когда я пришла на озвучание и посмотрела на себя / я поняла / что экран выдает все мои проблемы с лихвой / и выгляжу я ужасно // А решилась я так: я встала с утра / поехала в клинику / договорилась о круговой операции // Вечером легла – с утра сделала //

Лера Кудрявцева – Татьяна Васильева:

Л. К.: Тань / у тебя с пластической хирургией все как отрезало / или все-таки продолжаешь что-то улучшать?

Т. В.: Нет / с пластической / скорей всего / как отрезало // Хотя кое-что я бы еще / конечно / хотела бы / но просто я боюсь / потому что кому я доверяла / этих врачей нет / не стало // <...> // А теперь – ну извини //

Л. К.: А что вот ты хотела бы себе?

Т. В.: Я бы хотела / смотри / во-первых / у меня странная история / значит / вот эта щека <...> мясистая щека откуда-то // Понимаешь? И я ее нитками тяну-тяну / но ни одни нитки это не выдерживают //

Настойчивость журналиста к внедрению в сферу личного пространства собеседника обнаруживается через детализацию расспросов, а готовность интервьюируемого к откровенности по поводу личной жизни выражается в характере ответов – общих или детализированных. Наибольшей деликатностью, на наш взгляд, отличается Владимир Познер, представитель старой школы советской и российской журналистики.

Владимир Познер – актриса Ингеборга Дапкунайте:

В. П.: Вы боитесь старости?

И. Д.: Нет //

В. П.: Нравится ли вам ваша собственная внешность?

И. Д.: Да //

Молодое поколение отечественных журналистов гораздо менее ограничено рамками принятых в публичном общении тем и распросов. В интервью с поэтессой Ларисой Рубальской ведущая Лера Кудрявцева задает собеседнице вопрос об отношении к своей внешности, в котором, по нашему мнению, содержится намек на невысокую оценку героиней собственной внешности³:

Л. К.: Ларис / вот Вы себя любите или относитесь к себе критично? Говорят / вот только с годами мы начинаем понимать / как мы были хороши в 18 / в 20 / в 30 //

Л. К.: Лерочка / ну вот / например / я / конечно / критично к себе отношусь / но мне это легко сейчас делать / потому что я вижу на себе взгляды / которые не видят во мне / там / толстую старую тетку // Мне тут на Новый год подарили каску строительную зачем-то // Я вышла в этой каске // Мне мои знакомые говорят: «Ты что дура что ли – так выставила себя?» // А я говорю: «А мне вообще все равно» // Я могу не накрашенная там быть / в каске / в любой позе // У меня нет отношения к себе как к персоне / для которой внешность играет роль // Вот как хотите понимайте //

Вряд ли можно оценить как тактичный вопрос журналиста о выступлении Л. Рубальской в качестве модели, в котором содержится импликатура неожиданного, с учетом внешности героини, предложения.

Л. К.: Как Вам предложили вообще стать моделью / Ларис?

Л. Р.: Просто это очень хорошие мои друзья // В их владениях есть одна фирма / которая шьет для взрослых полных женщин / плюс сайз / да / что красиво звучало // Ну а так как меня немножко знают уже в лицо / им показалось это занятным / что я пойду по подиуму / и как-то на меня будут реагировать // Но они не представляли / чем это кончится //

Л. К.: А чем это закончилось?

Л. Р.: Все остальные могли не выходить // Все цветы / которые были / ко мне прилетели // Ну / правда / я... У меня походка странная / я нестройная... и / конечно / я больше комиковала / чем шла / как полагается / от бедра // Но почему-то было все удачно //

Таким образом, анализ дискурсивных практик интервью в российских медиа позволяет сделать вывод, что темы финансов, здоровья, антропометрических, внешних данных и т. п. стано-

вятся вполне допустимыми для определенного круга журналистов, работающих в форматах «новой искренности», но в то же время неоднозначно принимаются их собеседниками. Именно поэтому журналисты вынуждены прибегать к приемам явного и имплицитного воздействия на них.

Приемы стимуляции искренности в интервью

Для понимания трендов «новой искренности» актуально рассмотреть стратегию журналиста, нацеленную на подталкивание собеседника к откровенному диалогу и выведение личной информации. Это может быть как прямой, так и косвенный запрос, когда интервьюер старается навести собеседника на интересующую его тему.

Примером прямого запроса может быть вопрос, заданный Лерой Кудрявцевой в соответствии с форматом ее телепрограммы «Секрет на миллион» актрисе Елене Прокловой. Заметим, что в фокусе внимания оказались не только болезни приглашенной на интервью актрисы, но и самой телеведущей. Возможно, это не случайно: таким образом формируется атмосфера взаимного доверия.

Л. К.: Раскрой секрет / какой диагноз у нас с тобой один на двоих?

Е. П.: О как! У меня два диагноза – это моя астма / но это профессиональное <...> // Но у тебя астмы нет // <...>

Е. П.: Мне кажется / я сейчас вот начинаю понимать / в чем подвох этого вопроса // Мы все переживали сейчас твое состояние / когда ты повредила свой копчик // Горячо? Горячо!

Л. К.: Так //

Е. П.: Я думаю / что да //

Л. К.: А у тебя?

Е. П.: А у меня он сломан дважды //

Косвенный запрос информации осуществляется в условиях, когда интервьюер предполагает, что прямой вопрос может быть воспринят как невежливый, бестактный. Вероятно, к такого рода бестактности может быть отнесена тема пластических операций, особенно в обсуждении с мужчиной. Именно поэтому журналист избегает прямого вопроса, а использует прием «наведения темы» [Иссерс, 2009]. Стимуляцией для откровенного ответа стано-

вится информация, которой располагает журналист (*я знаю...*). Ответы продюсера Иосифа Пригожина и его жены, певицы Валерии, являются, по сути, реакцией на имплицитный вопрос о характере операции – пластической или по медицинским показаниям. Насколько можно судить по реакции героя интервью, имплицитруется ответ: я не делал пластических операций, улучшающих мою внешность. Именно этот аспект, по мнению интервьюируемых, более всего интересовал журналиста (см. выделенные реплики).

Л. К.: Ты с носом что-то тут недавно делал / **я знаю** //

И. П.: Да / **я оперировал его** // **Мне надо было дыхание восстановить** // У меня все было свернуто в узелок // Поломанный нос – нормальный мальчиковый нос // Драки и всякое прочее / вот // Естественно мне надо было... // Я пошел за компанию с одной артисткой известной / вот // Ей тоже надо было нос сделать // Ну / думаю / ну ладно / заодно и я сделаю // И ей сделали / и мне сделали // Она перedelывала / и я перedelывал //

Л. К.: **И артистке тоже накосычили?**

И. П.: Ну да // Сейчас я перedelал / потому что у меня срослось вот так (*показывает*) и дышать невозможно // <...> // **Ты видишь / я внешне ничего не трогал** // **Как был переломанный – и все** //

В.: **Мы решили не трогать внешне** // **Я говорю: «Зачем? Все к тебе привыкли и так / с таким носом»** //

И. П.: Просто я дышу – и все // **Конечно / мог бы и поправить** // **Сделать себе носик** // **Зачем?**

Стремление получить максимально развернутые ответы заставляет журналиста прибегать к приемам **интерпретации, усиления высказывания собеседника**.

Борис Корчевников – актриса Вера Сотникова:

В. С.: Я пришла в какой-то ресторан / заказала себе водку / я выпила достаточно много // И потом началось то / что бывает после того / когда выпьешь много раз и когда ты беременна...

Б. К.: **То есть вам было очень плохо?**

Понимая, что границы приемлемости вопроса могут быть нарушены, журналист при запросе о возрасте прибегает к приему «**антиискренности**», таким образом делая комплимент адресату.

Лера Кудрявцева – Елена Проклова:

Л. К.: Не могу не спросить // Как сейчас у тебя с личной жизнью?

Е. П.: Через два года мне будет 70 лет //

Л. К.: И что? **Не надо никому это говорить** //

Зачем ты сейчас это вслух сказала?

Е. П.: А что такого страшного я сказала?

Л. К.: **Посмотри на себя в зеркало** // **Зачем?**

Е. П.: Объясню / зачем // Потому что многие думают / что это все – такой вот увядающий возраст / когда жизнь надо уже как бы отчеркивать в минус //

Л. К.: **Я тоже так хочу – вот так вот** //

Е. П.: Поверь мне / это самый лучший возраст / какой может быть // Это возраст / полный какого-то мироощущения со знаком плюс // Это мир благодарности // Это мир / где можно победить твою головную боль //

Приемом преодоления бестактности вопроса может быть **передача инициативы в развитии темы собеседнику**. В диалоге ниже журналист вводит тему «Как будут жить дети, если ты умрешь?» через редуцированный вопрос:

Лера Кудрявцева – Татьяна Васильева:

Л. К.: Филиппу (сыну – *О. И., А. Г.*) сейчас 44 / а Лизе – 36 // Они в состоянии прожить без твоей финансовой помощи?

Т. В.: Не пробовали // Я об этом очень беспокоюсь // Ну / понимаешь / провести какой-то эксперимент – сказать / ребят / я удаляюсь на какое-то время / поживите-ка сами // Ну я с ума сойду сама / понимаешь / в первую очередь //

Л. К.: Давай / **ты меня уж извини за это / но мы все не вечные** //

Т. В.: Да //

Л. К.: **И?**

Т. В.: Да / я думаю об этом / конечно // Думаю / что они придумают что-нибудь // Может быть / придется отказаться от этой профессии / например / Филиппу // Она не кормит //

Л. К.: **И найти себе...**

Т. В.: Другое дело //

Л. К.: **Другое дело / более высокооплачиваемое** //

Т. В.: Да //

Маркером нарушения границ личного пространства интервьюером может служить **использование эвфемистических обозначений**.

Борис Корчевников – певица Юлия Началова:

Б. К.: Ты когда-то сделала эту пластическую операцию **и ну... твои формы стали... ну они очень изменились** (об увеличении груди. – О. И., А. Г.)//

Борис Корчевников – актриса Ирина Безрукова:

Б. К.: Вы помните этот момент, когда у мамы диагностировали **эту болезнь?** <...> Как Вы с **этим жили?** (Об онкологическом диагнозе матери. – О. И., А. Г.)

Юрий Дудь – актер и режиссер Константин Хабенский:

Ю. Д.: А Вы помните эмоции / когда невероятно радостное наслылось на **невероятно плохое?** (Об онкологическом диагнозе жены. – О. И., А. Г.) <...> Когда **все случилось** / кто был человеком / который помог вернуться в жизнь?

Приемом эвфемизации сложной для обсуждения темы могут быть и метафорические обозначения ситуации.

Борис Корчевников – Вера Сотникова:

Б. К.: А как Вы жили потом / **когда в квартире стало тихо** (после развода. – О. И., А. Г.)?

Внедрение в сферу личного пространства и выход за границы принятых, по ощущениям журналиста, коммуникативных норм в публичном интервью могут маркироваться металингвистическими **репликами-извинениями**.

Юрий Дудь – актер Сергей Бурунов:

Ю. Д.: **Простите за этот вопрос** / что с Вашим отцом?

Елена Мильчановская – академик РАН Евгений Александров:

Е. М.: **Простите за интимный вопрос**: а в Бога вы верите?

Борис Корчевников – Ирина Безрукова:

Б. К.: **Я боюсь спросить** даже / как Вы теперь (после смерти сына. – О. И., А. Г.)?

Как можно судить по рассмотренным примерам побуждения к искренности, арсенал приемов воздействия на собеседника со сто-

роны журналиста весьма широк и включает разнообразные тактики запроса и интерпретации информации. В данной статье не рассматриваются провокационные приемы, нацеленные на выведывание информации вопреки желанию собеседника, которые требуют отдельного исследования (см. об этом: [Иссерс, 2009]).

Заключение

Вопрос о коммуникативных тенденциях и нормах тесно связан с представлениями о границах тематической свободы, которые, в свою очередь, определяются представлениями о приличном / допустимом / уместном, присутствующими в массовом сознании. Изменчивость этих представлений обнаруживается в первую очередь в публичной коммуникации, в частности в традиционных и новых медиа. Нарушение тематических табу в журналистских интервью свидетельствует о сдвигах в оценке допустимых для общественного обсуждения вопросов и – опосредованно – об изменении границ «приличного» в массовой речевой культуре.

На фоне размытости границ между сферой личного и общественного пространства, между публичным и приватным общением дискурсивные практики современных медиа задают новые ориентиры в способах взаимодействия с целевой аудиторией, в выборе содержания и формата программ на телевидении и YouTube-каналах. Актуализация «новой искренности» с характерной для нее тональностью открытости, откровенности и даже исповедальности обнаруживается в разнообразии форматов и жанров, предлагаемых в медиа в ответ на социальный запрос.

В жанре журналистского интервью эта тенденция проявляется в использовании стратегически значимых приемов, формирующих отношения доверия между журналистом и интервьюируемым, а также опосредованным адресатом – массовой аудиторией.

Маркерами тенденции к «новой искренности» являются расширение тематического репертуара, допустимого в общении с массовой аудиторией в СМИ, и различные способы побуждения к откровенным высказываниям в интервью: запрос (выведывание)

журналистом информации, приемы эвфемизации и импликации смыслов, находящихся на грани публичного и приватного общения. При этом для журналиста важен не столько прием, сколько результат – сформировать у адресата установку на взаимную открытость и доверие.

В медийной коммуникации откровенные интервью в тенденциях «новой искренности» не только решают маркетинговые задачи привлечения целевой аудитории и продажи контента, но и выполняют социально ориентирующую функцию: транслируют для массовой аудитории определенные модели поведения, которые в дальнейшем формируют коммуникативную культуру социума в публичном пространстве.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-18-00238, <https://rscf.ru/project/23-18-00238/>

The reported study was funded by RSF, Project 23-18-00238, <https://rscf.ru/en/project/23-18-00238/>

² Здесь и далее в примерах выделено нами.

³ Этот имплицитный смысл «считан» в ответе Л. Рубальской и выделен нами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Десятерик Д., 2014. Новая искренность // Альтернативная культура. Энциклопедия. URL: <https://info.wikireading.ru/104422>
- Жельвис В. И., 2014. Лингвокультурологический анализ дихотомии «прилично – неприлично» в англоязычных и русской культурах // Вестник РУДН. Серия: Лингвистика. № 4. С. 101–118.
- Иссерс О. С., 2009. Стратегия речевой провокации в публичном диалоге // Русский язык в научном освещении. № 2 (18). С. 92–104.
- Иссерс О. С., 2020. Грани «новой искренности» в современной политической коммуникации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 19, № 6. С. 216–227. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227
- Иссерс О. С., 2021. Коммуникативные стратегии интервьюера Юрия Дудя: взгляд лингвиста на медийный феномен массовой культуры // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 20, № 6 : Журналистика. С. 263–277. DOI: 10.25205/1818-7919-2021-20-6-263-277
- Иссерс О. С., 2023. Бестактный вопрос как коммуникативная проблема русской речевой культуры // Русский язык за рубежом. № 5. С. 22–30. DOI: 10.37632/PI.2023.300.5.003
- Корниенко А. В., 2021. Реакция СМИ на «новую политическую искренность» // Медиа в современном мире. 60-е Петербургские чтения : сб. материалов Междунар. науч. форума. В 2 т. Т. 2. СПб. : Медиапапир. С. 206–208.
- Леонтьева Т. В., Щетинина А. В., 2022. Сочетание «новая искренность» в лексикографическом аспекте // Научный диалог. Т. 11, № 6. С. 183–201. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-6-183-201>
- Роггевен Б., Руттен Э., 2020. Риторика искренности в современной России // Неприкосновенный запас. № 4. С. 43–62. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_zapas/132_nz_4_2020/article/22860/
- Савчук В. В., 2000. Идеология постинформационной искренности // Художественный журнал. № 30–31. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/80/article/1741>
- Словарь терминов московской концептуальной школы, 1999 / сост. А. Монастырский. М. : Ad Margenem. 222 с.
- Стернин И. А., 2008. Оскорбление и неприличная языковая форма как предмет лингвистической экспертизы (бытовое и юридическое понимание) // Избранные работы. Теоретические и прикладные проблемы языкознания. Воронеж : Истоки. С. 222–232.
- Стрельников А., 2018. Ха-ха, мне грустно. URL: <https://medium.com/@alexanderstrelnikov/8C5a381dbdcd35>
- Уоллес Д. Ф., 2018. Бесконечная шутка. М. : АСТ. 1279 с.
- Fitzgerald J. D., 2013. Not Your Mother’s Morals: How the New Sincerity is Changing Pop Culture for the Better. N. Y. : Bondfire Books. 60 p.
- Girlea C., Girju C. R., 2021. Decoding the Perception of Sincerity in Dialogues // IEEE Transactions on Affective Computing. Vol. 12, № 1. P. 2–15. DOI: <https://doi.org/10.1109/TAFFC.2018.2854179>
- Pototska Yu. I., 2022. Social and Cultural Phenomenon of “New Sincerity” // The Journal of V.N. Karazin Kharkiv National University. Series: Theory of Culture and Philosophy of Science. № 65. P. 6–12.
- Rutten E., 2017. Sincerity After Communism: A Cultural History. New Haven ; L. : Yale University Press. 288 p.
- Sandlin J. K., Gracyalny M. L., 2018. Seeking Sincerity, Finding Forgiveness: YouTube Apologies as Image Repair // Public Relations Review. Vol. 44, iss. 3. P. 393–406.

- Timmer N., 2010. Do You Feel It Too?: The Post-Postmodern Syndrome in American Fiction at the Turn of the Millennium. Amsterdam ; N. Y. : Rodopi. 390 p.
- Wahl-Jorgensen K., 2020. An Emotional Turn in Journalism Studies? // Digital Journalism. Vol. 8, iss. 2. P. 175–194.
- Zappettini F., Ponton D. M., Larina T. V., 2021. Emotionalisation of Contemporary Media Discourse: A Research Agenda // Russian Journal of Linguistics. Vol. 25, № 3. P. 586–610. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610

ИСТОЧНИКИ

- вДудь : [YouTube-канал]. URL: https://www.youtube.com/channel/UCMCgOm8GZkHp8zJ6l7_hIuA
- Много хороших людей теперь в ловушке : [интервью с Д. Драгунским] // Собеседник. 2023. № 41. С. 12–13.
- Не переносу кровь, даже если она бутафорская : [интервью с А. Мельниковой] // Собеседник. 2023. № 20. С. 12–13.
- Познер : [интернет-сайт авторской программы Владимира Познера]. URL: <https://www.1tv.ru/shows/pozner>
- Секрет на миллион : [интернет-сайт развлекательной телепередачи]. URL: https://www.ntv.ru/peredacha/Secret_na_million/issues/55701
- Судьба человека с Борисом Корчевниковым : [интернет-сайт авторской программы Бориса Корчевникова]. URL: <https://smotrim.ru/brand/62239>

REFERENCES

- Desyaterik D., 2014. Novaya iskrennost [New Sincerity]. *Alternativnaya kultura. Entsiklopediya* [Alternative Culture. Encyclopedia]. URL: <https://info.wikireading.ru/104422>
- Zhelvis V.I., 2014. Lingvokulturologicheskiy analiz dikhonomii «prilichno – neprilichno» v angloyazychnykh i russkoy kulturakh [Linguistic and Cultural Analysis of the Dichotomy “Decent-Indecent” in English and Russian]. *Vestnik RUDN. Seriya: Lingvistika* [Russian Journal of Linguistics], no. 4, pp. 101-118.
- Issers O.S., 2009. Strategiya rechevoy provokatsii v publicnom dialoge [The Strategy of Speech Provocation in a Public Dialogue]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], no. 2 (18), pp. 92-104.
- Issers O.S., 2020. Grani «novoy iskrennosti» v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii [Dimensions of a “New Sincerity” in Modern Political Communication]. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta, Seriya: Istoriya, Filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], vol. 19, no. 6, pp. 216-227. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227
- Issers O.S., 2021. Kommunikativnye strategii interv'yuera Yuriya Dudy: vzglyad lingvista na mediynnyy fenomen massovoy kultury [Communicative Strategies of an Interviewer Yury Dud: A Linguists View of the Media Phenomenon in Mass Culture]. *Vestnik NGU, Seriya: Istoriya, Filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], vol. 20, no. 6: Journalism, pp. 263-277. DOI: 10.25205/1818-7919-2021-20-6-263-277
- Issers O.S., 2023. Bestaktnyy vopros kak kommunikativnaya problema russkoy rechevoy kultury [Tactless Question as a Communicative Problem of Russian Speech Culture]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], no. 5, pp. 22-30. DOI: 10.37632/PI.2023.300.5.003
- Kornienko A.V., 2021. Reaktsiya SMI na «novuyu politicheskuyu iskrennost» [The Reaction of Media to a “New Political Sincerity”]. *Media v sovremennom mire. 60-e Peterburgskie chteniya: sb. materialov Mezhdunar. nauch. foruma. V 2 t. T. 2* [Media in the Modern World. The 60th Saint-Petersburgs Readings. Collection of Proceedings from the International Scientific Forum. In 2 Vols. Vol. 2]. Saint Petersburg, Mediapapir Publ., pp. 206-208.
- Leontyeva T.V., Shchetinina A.V., 2022. Sochetanie «novaya iskrennost» v leksikograficheskom aspekte [Combination New Sincerity in Lexicographic Aspect]. *Nauchnyy dialog*, vol. 11, no. 6, pp. 183-201. DOI: <https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-6-183-201>
- Roggeveen B., Rutten E., 2020. Ritorika iskrennosti v sovremennoy Rossii [Rhetoric of Sincerity in Modern Russia]. *Neprikosnovenny zapas*, no. 4, pp. 43-62. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovenny_zapas/132_nz_4_2020/article/22860/
- Savchuk V.V., 2000. Ideologiya postinformacionnoy iskrennosti [The Ideology of Post-Informational Sincerity]. *Hudozhestvennyy zhurnal* [Moscow Art Magazine], no. 30–31. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/80/article/1741>
- Monastyrskiy A., ed., 1999. *Slovar terminov moskovskoy kontseptualnoy shkoly* [Dictionary of the Terms of Moscow Conceptual School]. Moscow, Ad Margenem Publ. 222 p.
- Sternin I.A., 2008. Oskorblenie i neprilichnaya yazykovaya forma kak predmet lingvisticheskoy ekspertizy (bytovoye i yuridicheskoye ponimaniye) [Insult and

- Indecent Language form as a Subject of Linguistic Examination (Every Day and Legal Understanding)]. *Izbrannye raboty. Teoreticheskie i prikladnye problemy yazykoznanija* [Selected Works. Theoretical and Practical Problems of Language Studies]. Voronezh, Istoki Publ., pp. 222-232.
- Strelnikov A., 2018. *Ha-ha, mne grustno* [Ha-Ha, I Feel Sad]. URL: <https://medium.com/@alexanderstrelnikov/8C-5a381dbdcd35>
- Uolles D.F., 2018. *Beskonechnaya shutka* [Infinite Jest]. Moscow, AST Publ. 1279 p.
- Fitzgerald J.D., 2013. *Not Your Mothers Morals: How the New Sincerity is Changing Pop Culture for the Better*. New York, Bondfire Books. 60 p.
- Girlea C., Girju, C.R., 2021. Decoding the Perception of Sincerity in Dialogues. *IEEE Transactions on Affective Computing*, vol. 12, no. 1, pp. 2-15. DOI: <https://doi.org/10.1109/TAFFC.2018.2854179>
- Pototska Yu.I., 2022. Social and Cultural Phenomenon of “New Sincerity”. *The Journal of V.N. Karazin Kharkiv National University. Series: Theory of Culture and Philosophy of Science*, no. 65, pp. 6-12.
- Rutten E., 2017. *Sincerity After Communism: A Cultural History*. New Haven, London, Yale University Press. 288 p.
- Sandlin J.K., Gracyalny M.L., 2018. Seeking Sincerity, Finding Forgiveness: YouTube Apologies as Image Repair. *Public Relations Review*, vol. 44, iss. 3, pp. 393-406.
- Timmer N., 2010. *Do You Feel It Too?: The Post-Postmodern Syndrome in American Fiction at the Turn of the Millennium*. Amsterdam, New York, Rodopi. 390 p.
- Wahl-Jorgensen K., 2020. An Emotional Turn in Journalism Studies? *Digital Journalism*, vol. 8, iss. 2, pp. 175-194.
- Zappettini F., Ponton D.M., Larina T.V., 2021. Emotionalisation of Contemporary Media Discourse: A Research Agenda. *Russian Journal of Linguistics*, vol. 25, no. 3, pp. 586-610. DOI: 10.22363/2687-0088-2021-25-3-586-610

SOURCES

- vDud: YouTube-kanal* [vDud. YouTube Channel] URL: https://www.youtube.com/channel/UCMCgOm8GZkHp8zJ6l7_hluA
- Много хороших людей тепер в ловушке: интервью с Д. Драгунским [Many Nice People Are in the Trap Now. Interview with D. Dragunskij]. *Sobesednik* [Interlocutor], 2023, no. 41, pp. 12-13.
- Ne perenoshu krov, dazhe esli ona butaforskaya: интервью с А. Мельниковой [I Can't Stand Blood. Even if It Is Artificial. Interview with A. Melnikova]. *Sobesednik* [Interlocutor], 2023, no. 20, pp. 12-13.
- Pozner: internet-sayt avtorskoy programmy Vladimira Poznera* [Pozner. Internet Site of Vladimir Pozner's Author's Program]. URL: <https://www.1tv.ru/shows/pozner>
- Sekret na million: internet-sayt razvlekatelnoy teleperedachi* [Million Dollar Secret. Internet Site for an Entertaining TV Show]. URL: https://www.ntv.ru/peredacha/Sekret_na_million/issues/55701
- Sudba cheloveka s Borisom Korchevnikovym: internet-sayt avtorskoy programmy Borisa Korchevnikova* [The Fate of a Man with Boris Korchevnikov. Internet Site of Boris Korchevnikov's Author's Program]. URL: <https://smotrim.ru/brand/62239>

Information About the Authors

Oxana S. Issers, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Chief Researcher, Laboratory of Philological Studies, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia; Head of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Dostoevsky Omsk State University, Prosp. Mira, 55a, 644077 Omsk, Russia, isserso@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4027-6346>

Anastasia S. Gerasimova, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Senior Researcher, Laboratory of Philological Studies, Pushkin State Russian Language Institute, Akademika Volgina St, 6, 117485 Moscow, Russia; Researcher, Department of Theoretical and Applied Linguistics, Dostoevsky Omsk State University, Prosp. Mira, 55a, 644077 Omsk, Russia; Associate Professor, Graduate School of Linguistics and Pedagogy, Peter the Great Saint Petersburg Polytechnic University, Polytekhnicheskaya St, 29, 195251 Saint Petersburg, Russia, nastasi_09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0857-4151>

Информация об авторах

Оксана Сергеевна Иссерс, доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник лаборатории филологических исследований, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия; заведующая кафедрой теоретической и прикладной лингвистики, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, просп. Мира, 55а, 644077 г. Омск, Россия, isserso@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4027-6346>

Анастасия Сергеевна Герасимова, кандидат филологических наук, доцент, старший научный сотрудник лаборатории филологических исследований, Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина, ул. Академика Волгина, 6, 117485 г. Москва, Россия; научный сотрудник кафедры теоретической и прикладной лингвистики, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, просп. Мира, 55а, 644077 г. Омск, Россия; доцент Высшей школы лингвистики и педагогики, Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, ул. Политехническая, 29, 195251 г. Санкт-Петербург, Россия, nastasi_09@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0857-4151>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.4>

UDC 81'42:070
LBC 81.055.51.5

Submitted: 27.12.2023
Accepted: 27.02.2024

“NEW SINCERITY” IN SOCIAL MEDIA TEXTS: INTENTIONS, EFFECTS AND SPEECH FEATURES ¹

Tatyana L. Kaminskaya

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia;
Yaroslav-the-Wise Novgorod State University, Veliky Novgorod, Russia

Abstract. The article presents the results of a study on the phenomenon of “new sincerity” examined on the material of posts on social networks (about 2 thousand contexts in total). It has been noticed that while in registered media the phenomenon mainly exists as initiated by the journalist (in the genres of interviews with famous people), in social media it acts as an initiative of the author. The object of the study was the intentions of the authors of the posts, manifested in their speech, as well as the feedback that the authors received in response to their confession. The discursive approach used in the study has demonstrated the correlation between the topics of confessional posts and the general tasks of public social networks, between author’s intentions and word usage. Thus, feminist public accounts are created specifically to demonstrate those aspects of women’s life in society that have not been publicly discussed before. Borrowed vocabulary is widely used in such cases, as well as words that belong to the field of psychotherapy. Confessional posts on the authors’ personal accounts are much rarer, more varied in topic, most often aimed at creative self-expression and focused on a circle of familiar people. The types of addressees’ reactions to confessional posts are characterized: from distrust of what has been said to support with a demonstration of their similar experience and advice. The research contributes to the development of communication studies in general and media text linguistics in particular.

Key words: new sincerity, social networks, feminist media discourse, VKontakte, author’s intention.

Citation. Kaminskaya T.L. “New Sincerity” in Social Media Texts: Intentions, Effects and Speech Features. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 2, pp. 46-56. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.4>

УДК 81'42:070
ББК 81.055.51.5

Дата поступления статьи: 27.12.2023
Дата принятия статьи: 27.02.2024

ПРОЯВЛЕНИЕ «НОВОЙ ИСКРЕННОСТИ» В МЕДИАТЕКСТАХ СОЦСЕТЕЙ: ИНТЕНЦИИ, ЭФФЕКТЫ И РЕЧЕВОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ ¹

Татьяна Леонидовна Каминская

Финансовый университет при Правительстве РФ, г. Москва, Россия;
Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, г. Великий Новгород, Россия

Аннотация. В статье изложены результаты исследования, посвященного феномену «новая искренность», проявление которого рассматривается на материале феминистских постов в социальных сетях. Отмечено, что если в зарегистрированных медиа «новая искренность» существует преимущественно как инициатива журналистом (в жанрах интервью), то в социальных медиа выступает как инициатива автора. Предметом изучения стали намерения авторов постов, реализованные в речи, речевое воплощение постов и характер откликов, которые получали авторы в ответ на исповедальность. Применение дискурсивного подхода позволило установить зависимость между тематикой и общими задачами пабликов социальных сетей, между авторскими интенциями и словоупотреблением. Показано, что феминистские паблики создаются специально для демонстрации тех сторон женской жизни в социуме, которые прежде не подвергались публичному обсуждению. Определено, что в качестве специфических средств реализации «новой искренности»

используются заимствованные слова и термины психотерапии. Исповедальные посты на личных страницах авторов встречаются гораздо реже, характеризуются большим разнообразием тематики, имеют целью самопрезентацию автора и ориентированы на узкую аудиторию. Выявлены такие реакции адресатов, как недоверие к сказанному, поддержка с демонстрацией собственного опыта и советами. Исследование вносит вклад в развитие коммуникативистики в целом и лингвистики медийного текста в частности.

Ключевые слова: новая искренность, социальные сети, феминистский медиадискурс, ВКонтакте, интенция автора.

Цитирование. Каминская Т. Л. Проявление «новой искренности» в медиатекстах соцсетей: интенции, эффекты и речевое воплощение // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языковедение. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 46–56. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.4>

Введение

Новая искренность, включившаяся как новая коммуникативная практика в современную жизнь, обязана своим возникновением литературе, которая «четыре десятилетия назад, после поисков концептуализма и постмодернизма, решила вернуться к лирическому герою и проблематике его внутреннего мира, автобиографичности и исповедальности текстов» [Подлубнова, 2023, с. 178]. Не случайно поэтому о феномене «новой искренности» в контексте смены эпохи постмодерна пишут преимущественно литературоведы, характеризуя произведения как отечественных [Бокарев, 2018; Подледнов, 2021], так и зарубежных [Москалева, 2021; Нечаева, 2021; Bowden, 2021; Lopez-Sande, 2023] авторов.

Между тем «новая искренность» привлекает внимание лингвистов [Бушев, 2017; Иссерс, 2020; Леонтьева, Щетинина, 2022] и культурологов [Кельина, 2022; Оводова, 2021]. В центре внимания их работ находятся, как правило, сферы экономики и политики (исследователи связывают этот новый феномен с понятиями имиджа и брендинга). В.В. Антропова и Д.А. Маркова возводят «новую искренность» в ранг рекламной технологии, применяемой сегодня известными брендами с маркетинговым успехом [Антропова, Маркова, 2023]. А.О. Болтонова, также приводя примеры проявления «новой искренности» в коммуникации брендов, справедливо замечает, что «новая искренность не только отражает изменения в социокультурной среде, но и влияет на нее» [Болтонова, 2023, с. 763]. По наблюдениям исследователей, «новая искренность» играет позитивную роль в продвижении бренда (особенно на фоне кризисных явлений, в которых неуместно демонстрировать только позитив), однако

негативно отражается на имидже государственных и общественных деятелей. В современном научном дискурсе можно встретить термин *новая политическая искренность*. Например, О.С. Иссерс, проецируя художественную концепцию «новой искренности» на сферу политики, понимает данный феномен как «открытое позиционирование политического деятеля через самоидентификацию и предложение такой же открытой позиции своему адресату» [Иссерс, 2020, с. 216]. Для исследования приемов «новой искренности», применяемых политиками (и шире – любыми медиapersонами), концептуально значимо замечание О.С. Иссерс о том, что прогнозирование говорящим результатов своей речевой деятельности можно считать коммуникативной компетентностью, которая должна быть свойственна медийным личностям. Исследователи указывают на отрицательные эффекты проявления «новой искренности» для медиаперсон, особенно если она непрогнозируема. А.В. Корниенко отмечает, что «термин “новая политическая искренность” в российском варианте быстро обрел негативную, ироническую коннотацию, которую придали ему острокритические, полные иронией и сарказма разоблачительные комментарии со стороны журналистского сообщества и пользователей социальных сетей» [Корниенко, 2021, с. 207]. Созвучны с этим наблюдения О.И. Северской о том, как доверительная интонация политиков «гасится шуткой и иронией “соавторов” – журналистов, трансформирующих и варьирующих высказывание-источник» [Северская, 2023, с. 240]. М. Боуден противопоставляет откровения политиков откровениям литературных персонажей Ф.М. Достоевского и Дэвида Фостера Уоллеса, отмечая особую концентрацию Достоевского на стыде и называя откровения

Трампа в его соцсетях бесстыдной политической манипуляцией скандалами [Bowden, 2021].

«Новая искренность» проявляется не только в художественном, политическом или экономическом дискурсах, но и в общении людей, далеких от политики. Исследования, касающиеся реализации «новой искренности» в таком общении, ориентированы на медиадискурс и преимущественно связаны, во-первых, с диалогическими жанрами журналистики, во-вторых, с форматами телевизионных и радиоэфиров [Иссерс, Герасимова, 2023], поскольку, как замечает М.А. Гладко, «диалогические жанры (интервью, беседа) становятся коммуникативным инструментом, который предлагает аудитории готовые шаблоны восприятия и переживания травмирующих профессиональных и жизненных событий. Телевидение и радиовещание создают коммуникативное пространство особой чувствительности, которая становится коммуникативным паттерном» [Гладко, 2022, с. 7]. При этом такой сегмент коммуникации, как русскоязычные соцсети, остается малоизученным в аспекте реализации «новой искренности» в целом и в аспекте результата (отклика аудитории), который получают такие авторы на свои откровения в социальных сетях, в частности.

Коммуникативное пространство социальных сетей с его возможной авторской анонимностью и объединением пользователей в сообщества по принципу сходства пережитого опыта, на наш взгляд, имеет уникальный потенциал для исповедальности. Делая обзор исследований диалогичности в медиажанрах, О.С. Иссерс и А.С. Герасимова справедливо подчеркивают, что «с развитием социальных сетей и появлением новых жанров медиа количество исследований неуклонно растет, а сама область медиадискурса становится все более перспективной с точки зрения лингвистического анализа» [Иссерс, Герасимова, 2023, с. 153]. Еще менее изучено проявление «новой искренности» в феминистском дискурсе, активно реализующемся в социальных медиа и изобилующем откровениями (подробно о нем см.: [Каминская, 2021]).

Цель работы – выявление особенностей феномена «новой искренности» в социальных сетях на примере публикаций текстов, авто-

рами которых являются женщины. Статья отвечает на следующие вопросы:

1. Какими речевыми средствами реализуется феномен «новой искренности» в «женских» текстах социальных сетей?
2. Какие интенции имеют авторы постов, содержащих приметы «новой искренности»?
3. Какие реакции адресата получают авторы в зависимости от тематики постов и тех площадок, на которых они располагаются?

Материал и методы

Поиск ответов на поставленные вопросы осуществлялся в рамках дискурсивного и коммуникативно-прагматического подходов, позволяющих учесть лингвистические, интенциональные и тематические аспекты проявления «новой искренности» в общем социальном поле виртуальной коммуникации. В качестве материала исследования были отобраны посты женского авторства в социальной сети «ВКонтакте» за 2023 г. (всего более 2000 контекстов) – самого массового русскоязычного ресурса, в котором представлены различные реализации обозначенной коммуникативной практики. В поле исследования попали тексты имеющих не менее 10 тысяч подписчиков пабликов, авторы которых провозглашают целью услышать всех нуждающихся в помощи, оказавшихся в трудной жизненной ситуации: «Сестра-сестре!» (https://vk.com/take_my_hand_girl); «Нужна помощь» (#tmh_нужна_помощь); «Нужен совет» (#tmh_нужен_совет); «волонтерство» (#tmh_волонтерство); «поддержка» (#tmh_поддержка); «Ребра Евы» (https://vk.com/rebra_evi) и др. Кроме пабликов, в исследовании цитируются посты с личных страниц публичных медийных персон, которые попадают в новостную ленту собственного аккаунта автора, насчитывающего около 2500 подписчиков. Оригинальная пунктуация и графика постов при цитировании сохранены.

Результаты и обсуждение

В данном разделе будет показано, какие авторские интенции свойственны «женским» постам «новой искренности», какими речевыми средствами пользуются их авторы и какие эффекты получают, публикуя эти посты.

Связывая позитивные практики «новой искренности» с журналистской практикой и социальными дискурсами в медийных текстах, исследователи ведут речь о медиадискурсе феминизма, который привнес в русскоязычную коммуникацию не только прежде запретные темы, но и новый язык для их описания. «Разные жизненные, эмоциональные ситуации, описываемые с помощью терминов психотерапии, – пишет М.А. Гладко, – демонстрируют описание тонких оттенков эмоций: абьюз, буллинг, токсичные отношения, личные границы, обесценивание, травма и т. д. – формируется новый язык» [Гладко, 2022, с. 11]. Исповедальные посты в группах со знаковыми названиями «Сестра-сестре!», «Ты не одна» и подобных принадлежат женщинам и изобилуют медицинскими диагнозами и заимствованными наименованиями переживаний и семейных взаимоотношений:

(1) Здравствуйте! Ищу психотерапевтку в Питере. **Тревожность, невроз, инфантильность, позиция жертвы, проблемы с выражением агрессии и эмоций в принципе, СДВГ**, страх перед работой, потому ищю в срочном порядке...;

(2) Всем привет! Я нахожусь в патовой ситуации, и совсем не знаю куда кинуться. У меня **тревожное расстройство личности и подозрение на БАР**. К сожалению, меня уволили с работы, на которой я получала хорошие деньги, и работа мне в принципе очень нравилась. У меня опустились руки;

(3) **Тяжёлое состояние, тревога**, постоянные слезы, страх, мысли об отсутствии смысла в существовании и безответная любовь (?).

Зачастую это своего рода «язык для своих»; аббревиатуры и сокращения не понятны человеку из другой среды, и их приходится расшифровывать:

(4) Из за моего состояния, я не хочу делать многие ужасные вещи, и заработка у меня почти нет (я не шучу, уже почти неделю выхожу в 0) но и уйти оттуда страшно, так как будто я **смотрю ХХ** (фильм ужасов. – Т. К.), и клянусь, мне просто хочется рыдать. У меня нет сил просто ни на что, из за своего состояния я часто думала о суициде, резала руки, употребляла наркотики. Я больше не могу;

(5) Привет, сёстры. Я ВДА из ДФС (взрослый ребенок из дисфункциональной семьи. – Т. К.). Уж не знаю, в этом ли причина. Но в свои 30 лет имею огромный долг перед банками и МФО. 400 тысяч рублей. <...> В общем, у меня опускаются руки.

Я работаю на эти долги. <...> И я не очень энергичная, у меня депрессия. Я принимаю АД (антидепрессанты. – Т. К.). Плюс у меня РПП (расстройство пищевого поведения. – Т. К.) и я не могу сидеть на гречке...

Интенция такого рода постов – просьба о конкретной помощи или хорошем совете – как правило, эксплицитно выражена:

(6) **Нуждаюсь** в консультации специалистки. В последнее время сильно обострилась тревожность, не могу оставаться в одиночестве даже несколько дней – преследуют негативные мысли. <...> **Нужна помощь** в попытках разобраться в себе и в ситуации;

(7) **Ситуация хелп, ситуация сос**, ничего опасного для жизни и здоровья, но **очень нужно** поработать над контролем своих чувств и над проблемами в отношениях, потому что все, что я делаю дома – трясусь от злости и реву от жалости к себе и больше так не могу...

Причем помощь нередко требуется моральная, то есть терапевтический эффект могут иметь комментарии подписчиков и членов групп:

(8) Пожалуйста, помогите мне ПРОСТО МОРАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКОЙ (выделено автором поста. – Т. К.).

Авторы таких постов с просьбой о помощи действительно получают ожидаемое от аудитории, в частности адреса клиник, предложения работы, а также понимание и обмен подобным опытом:

(9) ...Мой личный опыт гласит что лучше сделать упор на психиатра и препараты – так появятся силы что то делать, уйдет эта свинцовая тяжесть и невыносимость бытия, можно будет уже потихоньку выплывать;

(10) ...Напиши, если есть регистрация в СПб или ЛО, дам контакты хорошего врача. Еще всегда можно пойти работать в магаз. В зоо берут сейчас всех, тк текучка;

(11) ...Немного не по теме, но для не приезжих в Петербург это тоже ад.. Живу здесь 26 лет и каждый раз когда кончается лето рыдаю...;

(12) ...Обратись за помощью, тебе нужно высказаться, нужно ощутить поддержку, нащупать ориентир в этом болоте... цепляйся за маленькие радости (какие-либо пустяшные мелочи, которые хоть немножко тебя радуют), делай хоть что-то чуть полезное для себя каждый день...

Однако (хотя крайне редко) встречаются и реакции недоверия и возмущения, авторы которых находят нарушения логики в откровениях. Такие реакции принадлежат пользователям, которые обозначают себя в сети мужским полом:

(13) Виктор Мартинен: Пост - враньё. Тяжелые антидепрессанты и легкие наркотические в аптеке продадут только по рецепту. Если ты никому ничего не рассказывала, то от куда у тебя такой рецепт?

Мы согласны с позицией С.Н. Оводовой, исследующей феномен «новой искренности» в философском и культурологическом аспектах, которая отмечает, что он позволяет публично репрезентировать свой опыт ранее маргинализированных, «исключенных» из коммуникации групп, «разрушает молчание» и мотивирует высказывания на неприятную обществу тему или о тех событиях, которые прежде замалчивались («травмирующий нарратив») – «новая искренность» позволяет услышать «голоса неслышанных» прежде [Оводова, 2021]. Действительно, для адресата, далекого от речевой практики указанных групп, многие посты выглядят как «травмирующие», открывающие новые грани жизни и не согласующиеся с его картиной мира, тем более что они начинаются, что называется, с места в карьер, без предисловий, без смягчений дискурсивными словами, например:

(14) Мне 17, в 16 лет меня изнасиловали. Я не рассказывала об этом никому. После произошедшего я стала бояться мужской пол, шарахалась от них в общественном транспорте, но не смотря на это несколько раз до меня домогались в маршрутках, у меня началась затяжная депрессия, проблемы со здоровьем, панические атаки и постоянная тревожность...

Как показала Т.В. Шмелева, такой способ сообщать интимные подробности широкой публике («сообщать лишнее», «не учитывать интересы адресата») противоречит кодексу русскоязычного речевого поведения [Шмелева, 1983].

О востребованности «новой искренности» в социальных сетях в виде рассказов о своих «токсичных» родителях и унижительных отношениях с противоположным полом, труд-

ностях материнства и в результате всего этого – психических проблемах и заболеваниях свидетельствует количество подписчиков на упомянутые группы и отдельных авторов (десятки тысяч), а также вовлеченность адресатов в их коммуникацию, эффективность которую принято считать по количеству лайков (от двухсот и более), просмотров и комментариев (более ста). Таким образом, в общественную практику вводятся необсуждаемые прежде темы, в частности, посредством не использованных прежде языковых ресурсов. В этом плане «новая искренность» становится отражением трансформации общества, поскольку, по справедливому замечанию А.Б. Бушева, «дискурс есть языковое выражение определенной общественной практики, упорядоченное и систематизированное особым образом использование языка, за которым стоит идеологически и исторически обусловленная ментальность» [Бушев, 2017, с. 33].

Авторы приводят самые негативные факты о своей семье, что совсем недавно было не принято в публичной коммуникации (в контексте правила «не выносить сор из избы»):

(15) Начну с предыстории: мой отец – абьюзер, все мое детство практиковал эмоциональное, финансовое и физическое насилие надо мной и матерью;

(16) Моя мать – алкоголичка. <...> ...Сейчас она заблокирована, но она пишет моим друзьям, причем я некоторым даже не рассказывала о своих настолько глубоких проблемах...

Помимо медицинских терминов и феминистской лексики, самые частотные выражения в данных текстах связаны с описанием отсутствия сил на продолжение жизни:

(17) Вся энергия расходуется на истерики/пережевывание одного и того же и ссоры с партнером, я **совершенно измотана и без сил...**;

(18) ...В общем, у меня **опускаются руки...** <...> **Я не знаю, как жить дальше.** В этом режиме. Я так устала;

(19) Мне ужасно УЖАСНО плохо, я **больше не хочу жить.....**

Анализируя словосочетание *новая искренность* как термин, само по себе использование слова *новый* в наименовании общественных явлений Т.В. Леонтьева и А.В. Щетинина

связывают с запросом общества на отражение только что возникших явлений. Помимо ряда интересных наблюдений о сочетаемости и использовании данного выражения, нам важно замечание исследователей о том, что феномен «новой искренности» «рассматривается как тренд, который появился в ответ на усталость от активной демонстрации своих достоинств в социальных сетях большим количеством пользователей» [Леонтьева, Щетинина, 2022, с. 192], как «ответ на ярмарку тщеславия» [Леонтьева, Щетинина, 2022, с. 192].

Таким характерным «ответом» является «новая искренность», отличная по своей сути от описанной выше, – инициативные посты в личных аккаунтах успешных людей, которые, казалось бы, имеют предназначение демонстрировать успешность. Эти посты по форме не содержат прямых апелляций к читателям, просьб о помощи, зачастую для них характерна автоадресация. Здесь «новая искренность» связана по большей части со знаковыми периодами жизни авторов, чаще всего позитивными: день рождения (круглая дата) или день рождения детей, первый концерт, новая любовь или встреча с близким человеком. Это своего рода подведение итогов опделенного этапа собственной жизни:

(20) Грязная голова и макияж только по праздникам – окей, зато я выиграла 15 минут сна 😊;

(21) Одни кроссовки ко всему – в самый раз;

(22) Новая морщинка где-то там – пфф, есть вопросы поважнее;

(23) Я кому-то не понравилась – ну и ладно. Так со всеми бывает;

(24) Подруги сделали карьеру, а я скачу на свадьбах с синтезатором – лаааадно, это иногда слегка тревожит. Но с другой стороны, есть вариант перескочить тогда, когда я этого правда захочу (если захочу). С днём рождения себя!

Такого рода откровения строятся по принципу «не все так красиво и глянцево, как тут принято, но мне это безразлично». Все подобные высказывания можно назвать созвучно заголовку одного из постов – «принятие себя»:

(25) Про принятие.

Я пытаюсь принять себя всю свою жизнь. Ищу разные способы и подходы. Было в моей жиз-

ни два периода, когда мне это как будто бы удалось. <...> А потом всё закончилось, как и любая красивая история. И я стала думать о том, что, наверное, не так и хороша. А всё, что было – пустые слова. Короче, стало ещё хуже. Но, в конце концов, я выиграю этот бой. Потому что до того, как искать любви от других – родных, друзей, мужчин, – стоит научиться любить саму себя. Со всеми морщинками, растяжками, седыми волосами и неидеальной улыбкой.

Авторы перечисляют те свои качества и особенности своей внешности, которые невозможно увидеть на их фотографиях в ленте, называя дефекты внешности, которые принято скрывать или демонстрировать самым близким людям: *растяжки, седые волосы, неидеальная улыбка* и др. Например:

(26) Осень я люблю, но эта неудачно начинается: лишние килограммы – есть, охватов – нет, суббот, как любимого выходного, тоже нет, семейный грипп – имеется.

Упоминание о лишних килограммах особенно контрастирует с заполонившими «ВКонтакте» постами нутрициологов и фитнес-тренеров с рецептами и фотографиями идеальной фигуры.

Для этих текстов характерны риторические вопросы: *Потому что если ты сам себя не любишь, то как искать этого от других?*

Поскольку авторами постов такого рода, как правило, являются вполне успешные творческие люди, нередко они показывают изнанку профессионального успеха:

(27) За час до выступления я:

– Врезалась на электросамокате в столб (зато не врезалась в пожилую пару впереди), сильно ушибла руку.

– Через минуту попала под проливной дождь и вымокла насквозь вместе со своей концертной одеждой.

– Потеряла микрофон, который лежал передо мной, конечно же.

Возможно, космос хотел быстро и навсегда научить меня спокойствию в любой ситуации :) Урок прошёл на 4 с минусом, но я исправлюсь, честное космическое!

Авторы получают многочисленные отклики со словами поддержки и признания их талантов:

(28) Ты это, давай береги себя, у тебя ведь ещё огромная куча всего самого интересного, полезного и плодотворного, любимка наша!!!

(29) Танечка, береги себя и будь осторожна. Руки тебе ещё пригодятся))).

Однако и на личных страницах успешных людей встречаются «женские» темы с сетованиями на тяжелую женскую долю и демонстрацией быта «обычной женщины»:

(30) Мой второй декрет был крайне неудачным. И сейчас мне кажется, что я (вместо того, чтобы отдать Лиллю в садик) усиленно стираю его из памяти. Варю компот, пеку шарлотку, фотографирую яблоки и капли дождя, каждый день таскаю детей по всяким развивающим инстанциям и иногда саму себя в концертный зал. Подумываю о том, кем я хотела бы стать, когда вырасту (зачеркнуто. – Т. К.) вырастут мои дети. Короче, усиленно тру свою биографию ластиком. Успех – переменный.

Автор следующего поста – успешная журналистка – делится проблемами при вождении автомобиля, вместе с тем подчеркивая свой статус уверенной в себе женщины:

(31) Зная, что придётся садиться за руль, я душусь самыми сладкими своими духами. Не то чтобы я их сильно любила, я их и не покупала-то даже сама. Но сладкие духи всегда ассоциировались у меня с Возрастом. Возраст – с опытом. А опыт с уверенностью в себе.

У уверенных в себе женщин нога не должна дрожать на сцеплении при нерегулируемом повороте налево, – думаю я. Но мало ли что я там ещё думаю. Нога у меня всё равно продолжает дрожать.

Формальная речевая организация такого рода откровения не предполагают реакции аудитории. Однако эта реакция многочисленна, следует незамедлительно, а характер дальнейшей коммуникации авторов с аудиторией (слова благодарности за каждую позитивную реакцию или совет) говорит о необходимости авторам этой поддержки и своего рода терапевтическом эффекте данной коммуникации:

(32) Татьяна, обняла изо всех сил;

(33) Спасибо тебе, милая! Заходи в гости, будем обмениваться впечатлениями));

(34) Дорогие друзья, вы такие классные! Спасибо огромное за все ваши поздравления и

славные пожелания, пусть все они вернуться вам сторицей!;

(35) Я сейчас вместо того, чтобы лечь спать, сижу и дочитываю ваши добрые слова.

При этом не стоит исключать еще одну прагматическую цель авторов такого рода постов (возможно, и не всегда осознанную) – построение имиджа «своего, близкого к аудитории» человека, у которого, вообще-то, все как у всех: нелепые ошибки, неидеальная внешность, неразделенная любовь. Например:

(36) Тот, кого я любила, помогал мне с редакторскими правками. Вообще он удивительно в меня верил. И анализ этой веры достоин огромного поста, потому что это давало мне столько сил, что я до сих пор по этому заряду скучаю. Всем нам бы научиться быть такими вдохновляющими));

(37) Да, на Тавриде ко мне некоторые участники обращались только на «вы», а мальчишки записали в мамочки (без приятного подтекста, увы). Да, скинуть вес стало значительно труднее, чем в 20, а каждый грамм соли будет виден утром на лице.

Иногда такие посты «новой искренности» содержат адресацию *дорогой друг, мои дорогие* и, по сути, являются мини литературными произведениями, созданными более для творческого самовыражения:

(38) Дорогой и милый друг. Кажется, мне пора быть взрослым человеком. А я до сих пор не знаю, как жить эту жизнь. Я так давно не складывала мысли в строчки. Голова пустая, и приходят в неё только банальности: непростое время, всякое бывает, надо подождать. <...> В этот период, когда всё внутри, а затем и вокруг поломалось, я решаю записать альбом. Должен же мне быть какой-то выход. Но разве это по взрослому? Надо выбирать, а я докинула на гору новых забот: где найти денег и музыкантов на запись и как в их отсутствии самой с нуля написать аранжировку. <...> Друг, прошу, поверь, что у меня всё получится. Но верь тихо. Не говори мне об этом.

Последняя фраза поста (*Не говори мне об этом*) словно бы отрицает реакцию адресата, и тем не менее подписчики автора в комментариях повторяют одну и ту же фразу: *Всё получится*.

Судя по реакции аудитории, посты такого рода оцениваются максимально позитивно, при этом и с эстетической точки зрения:

(39) Какой классный текст!;

(40) Читать ваши посты, всегда интересно, вам бы книги 📖 писать;

(41) Леся Золотые слова! Ты безумно талантливый, добрый и надежный человек 🌹 Фотки шикарные 😊;

Таким образом, практика «новой искренности» в социальных сетях демонстрирует социальные и культурные трансформации в публичной русскоязычной коммуникации: реализуется чаще всего при помощи иноязычной лексики, медицинских терминов из области психотерапии; авторы постов используют шокирующие подробности из своей личной жизни и намеренно создают коммуникативное напряжение для «непосвященных».

При этом спектр интенций авторов постов колеблется от реального желания получить помощь адресатов, хотя бы в виде моральной поддержки, до желания творчески самовыразиться, показав изнанку глянцево-й жизни.

Реакция адресата зависит от интенций (возможно, не всегда осознаваемых даже самими авторами постов), а также от площадок их размещения. Так, «саморазоблачительные» откровения творческих людей в личных аккаунтах читают и обсуждают преимущественно их фанаты и реальные друзья, выражая восхищение авторами. Реакция других адресатов на посты с «новой искренностью» варьируется от недоверия к рассказанной истории до полной поддержки автора с демонстрацией собственного опыта подобного переживания, с советами и пожеланиями.

Выводы

Феномен, провозглашенный и обозначенный филологами, литературными критиками и писателями как актуальный и востребованный для современной литературы, в последнее время проявился в публичной коммуникации политиков, известных людей в медийном дискурсе. Однако особенно широко «новая искренность» представлена в социальных сетях, во-первых, как реализация запроса на освещение таких сторон жизни, о которых ранее не принято было публично говорить, во-вторых, в качестве терапевтического эффекта для авторов, в-третьих, в виде своеобразного

ответа на усталость от демонстрации глянцево-й жизни.

«Новая искренность» характерна для феминистских сообществ, стремящихся воздействовать на общественное мнение и разрушить стереотипы о взаимоотношениях полов и семейной жизни. Строго говоря, использование данной коммуникативной практики противоречит правилам речевого поведения, прежде характерным для русскоязычной коммуникации: при выражении оценок авторы категоричны, не используют метапоказатели авторской осторожности типа *пожалуй, честно говоря*, сообщают слишком личную, порой, шокирующую информацию о себе, намеренно создавая коммуникативное напряжение (как привлечение внимания аудитории к проблеме и творческий прием). Феномен «новой искренности» требует новой лексики: в социальных сетях широко используются заимствованные слова, а также термины сферы психотерапии (*абьюзер, газлайтинг, позиция жертвы, сексуальная объективация, расстройство пищевого поведения, антидепрессанты*).

Помимо специализированных пабликов «обычных» людей, где обсуждаются интимные проблемы, в соцсетях можно встретить, хотя и значительно реже, исповедальные посты на личных страницах медийных личностей в форме автокоммуникации (но, по сути, обращенные к собственным подписчикам), целью которых чаще всего является творческое самовыражение.

«Новая искренность» вызывает значительный интерес у пользователей сети «ВКонтакте»: такого рода посты демонстрируют большую вовлеченность адресатов, собирая тысячи просмотров, лайков и сотни ответных реплик, в которых читатели выражают как недоверие, так и сочувствие автору поста, дают советы и делятся собственным опытом.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Фининиверситету (НИР «Трансформация основных политических институтов и идеологий под влиянием цифровой революции и новой социально-экономической повестки»).

The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state assignment of the Financial University (research project “Transformation of the main political institutions and ideologies under the influence of the digital revolution and the new socio-economic agenda”).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Антропова В. В., Маркова Д. А., 2023. Технология «новой искренности» в российском рекламном дискурсе // Знак: проблемное поле медиаобразования. № 1 (47). С. 63–69.

Бокарев А. С., 2018. «Новая искренность» в поэзии Дмитрия Воденникова: о поведенческих стратегиях лирического субъекта // Вестник Костромского государственного университета. Т. 24, № 4. С. 136–139.

Болтонова А. О., 2023. Новая искренность в современном брендинге // Актуальные вопросы современной экономики. № 6. С. 761–765.

Бушев А. Б., 2017. Дискурс феминизма в кросс-культурном аспекте // Медиаисследования. № 4-1. С. 31–38.

Гладко М. А., 2022. Лингвистическая репрезентация «новой искренности» и чувствительности в медиапространстве // Terra Linguistica. Т. 13, № 4. С. 7–21. DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.13401>

Иссерс О. С., 2020. Грани «новой искренности» в современной политической коммуникации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. Т. 19, № 6. С. 216–217. DOI: [10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227](https://doi.org/10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227)

Иссерс О. С., Герасимова А. С., 2023. Категория диалогичности в медиажанрах: обзор зарубежных исследований // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. Т. 22, № 4. С. 148–157. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.11>

Каминская Т. Л., 2021. Феминизм как модный медиадискурс: речевой аспект // Мир русского слова. № 2. С. 25–35.

Кельяна Ю. Р., 2022. Роль СМИ в формировании имиджа публичного лица с учетом тренда на «новую искренность» в политической коммуникации // Политика, экономика, инновации. № 6 (47). С. 1–5.

Корниенко А. В., 2021. Реакция СМИ на «новую политическую искренность» // Медиа в современном мире. 60-е Петербургские чтения : сб. материалов Междунар. науч. форума. В 2 т. Т. 2. СПб. : Изд-во СПбГУ. С. 206–208.

Леонтьева Т. В., Щетинина А. В., 2022. Сочетание *новая искренность* в лексикографическом аспекте // Научный диалог. Т. 11, № 6. С. 183–201. DOI: [10.24224/2227-1295-2022-11-6-183-201](https://doi.org/10.24224/2227-1295-2022-11-6-183-201)

Москалева А. Е., 2021. «Преодолевшие постмодерн»: Джонатан Фразен, Ханья Янагихара // Вестник Новосибирского государственного театрального института. № 10. С. 85–95.

Нечаева Е. А., 2021. Метамодернизм как дискурс нового антропологического мифа // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. № 1. С. 191–202. DOI: [10.29025/2079-6021-2021-1-191-202](https://doi.org/10.29025/2079-6021-2021-1-191-202)

Оводова С. Н., 2021. Голоса «неуслышанных» и «новая искренность»: практики геронтологического, пенитенциарного, этнического, религиозного исключения и их осмысление в современной теории и философии культуры // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. № 3 (32). С. 33–38. DOI: [10.36809/2309-9380-2021-32-33-38](https://doi.org/10.36809/2309-9380-2021-32-33-38)

Подледнов Д. Д., 2021. Метамодернистская чувствительность Ольги Молчановой-Пермяковой // Научный результат. Социальные и гуманитарные исследования. № 2. С. 80–102.

Подлубнова Е. С., 2023. К маме с небритыми ногами: «новая искренность» в эпоху метамодерна // Знамя. № 2. С. 178–188.

Северская О. И., 2023. «Новая искренность» публичного политика с позиции говорящего и реципиентов // От слова к дискурсу: взаимодействие форм и (не)предсказуемость смыслов : тез. Междунар. науч. конф. Минск : Мин. гос. лингв. ун-т. С. 238–240.

Шмелева Т. В., 1983. Кодекс речевого поведения // Русский язык за рубежом. № 1-72. С. 77.

Bowden M., 2021. Shamelessness and New Sincerity: Dostoevsky, David Foster Wallace, and Trump’s America // Literature of the Americas. № 11. P. 155–182. DOI: <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-11-155-182>

Lopez-Sande S., 2023. Bequeathing “New Sincerity” in the Age of the Homo Digitalis : Confessionalism and Authorial Selfconsciousness in David Foster Wallace and Bo Burnham // Literature Compass. URL: <https://compass.onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/lic3.12744> DOI: [10.1111/lic3.12744](https://doi.org/10.1111/lic3.12744)

REFERENCES

Antropova V.V., Markova D.A., 2023. Tekhnologiya «novoy iskrennosti» v rossiyskom reklamnom diskurse [The Technology of “New Sincerity”

- in the Russian Advertising Discourse]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign: The Problematic Field of Media Education], no. 1 (47), pp. 63-69.
- Bokarev A.S., 2018. «Novaya iskrennost» v poezii Dmitriya Vodennikova: o povedencheskikh strategiyakh liricheskogo subyektu [“New Sincerity” in the Dmitry Vodennikovs Poetry: On the Behavioral Strategies of a Lyric Subject]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], vol. 24, no. 4, pp. 136-139.
- Boltonova A.O., 2023. Novaya iskrennost v sovremennom brendinge [New Sincerity in Modern Branding]. *Aktualnye voprosy sovremennoy ekonomiki* [Topical Issues of Modern Economy], no. 6, pp. 761-765.
- Bushev A.B., 2017. Diskurs feminizma v kross-kulturnom aspekte [The Feminist Discourse and Its Cross-Cultural Aspects]. *Mediaissledovaniya*, no. 4-1, pp. 31-38.
- Gladko M.A., 2022. Lingvisticheskaya reprezentatsiya «novoy iskrennosti» i chuvstvitelnosti v mediaprostranstve [Linguistic Representation of the “New Sincerity” and Sensitivity in the Media Space]. *Terra Linguistica*, vol. 13, no. 4, pp. 7-21. DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.13401>
- Issers O.S., 2020. Grani «novoy iskrennosti» v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii [Dimensions of a “New Sincerity” in Modern Political Communication]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], vol. 19, no. 6, pp. 216-227. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227
- Issers O.S., Gerasimova A.S., 2023. Kategoriya dialogichnosti v mediazhanrakh: obzor zarubezhnykh issledovaniy [Dialogue Category in Media Genres: Review of the Foreign Studies]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 22, no. 4, pp. 148-157. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.4.11>
- Kaminskaya T.L., 2021. Feminizm kak modnyy mediadiskurs: rechevoy aspekt [Feminism as a Fashionable Media Discourse: Speech Aspect]. *Mir russkogo slova* [The World of Russian word], no. 2, pp. 25-35.
- Kelina Yu.R., 2022. Rol SMI v formirovanii imidzha publichnogo litsa s uchetom trenda na «novuyu iskrennost» v politicheskoy kommunikatsii [The Role of the Media in Shaping the Image of a Public Figure, Taking into Account the Trend Towards “New Sincerity” in Political Communication]. *Politika, ekonomika, innovatsii* [Politics, Economics, Innovation], no. 6 (47), pp. 1-5.
- Kornienko A.V., 2021. Reaktsiya SMI na «novuyu politicheskuyu iskrennost» [Media Reaction to the “New Political Sincerity”]. *Media v sovremennom mire. 60-e Peterburgskie chteniya: sb. materialov Mezhdunar. nauch. foruma. V 2 t. T. 2* [Media in the Modern World. The 60th St. Petersburg Readings. Collection of Proceedings from the International Scientific Forum. In 2 Vols. Vol. 2]. Saint Petersburg, Izd-vo SPbGU, pp. 206-208.
- Leontyeva T.V., Shchetinina A.V., 2022. Sochetanie novaya iskrennost v leksikograficheskom aspekte [Combination New Sincerity in Lexicographic Aspect]. *Nauchnyy dialog*, vol. 11, no. 6, pp. 183-201. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-183-201
- Moskaleva A.E., 2021. «Preodolevshie postmodern»: Dzhonatan Frazen, Hanja Janagihara [“Overcoming the Postmodern”: Jonathan Franzen, Hania Yanagihara]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo teatralnogo instituta*, no. 10, pp. 85-95.
- Nechaeva E.A., 2021. Metamodernizm kak diskurs novogo antropologicheskogo mifa [Metamodernism as a Discourse of a New Anthropological Myth]. *Aktualnye problemy filologii i pedagogicheskoy lingvistiki* [Current Issues in Philology and Pedagogical Linguistics], no. 1, pp. 191-202. DOI: 10.29025/2079-6021-2021-1-191-202
- Ovodova S.N., 2021. Golosa «neuslyshannykh» i «novaya iskrennost»: praktiki gerontologicheskogo, penitentsiarnogo, etnicheskogo, religioznogo isklyucheniya i ikh osmyslenie v sovremennoy teorii i filosofii kultury [Voices of “The Unheard” and “New Sincerity”: Practices of Gerontological, Penitential, Ethnic, Religious Exclusion and Their Conception in Modern Theory and Philosophy of Culture (Problem Statement)]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research], no. 3 (32), pp. 33-38. DOI: 10.36809/2309-9380-2021-32-33-38
- Podlednov D.D., 2021. Metamodernistskaya chuvstvitelnost Olgi Molchanovoy-Permyakovoy [Metamoder Sensibility in Art of Olga Molchanova-Permyakova]. *Nauchnyy rezultat. Sotsialnye i humanitarnye issledovaniya* [Research Result. Social Studies and Humanities], no. 2, pp. 80-102.
- Podlubnova E.S., 2023. K mame s nebritymi nogami: «novaya iskrennost» v epokhu metamoderna [To the Mother with Unshaven Legs: “New Sincerity” in the Era of Metamodernity]. *Znamya*, no. 2, pp. 178-188.
- Severskaya O.I., 2023. «Novaya iskrennost» publichnogo politika s pozitsii govoryashchego

- i retsipientov [“New Sincerity” of a Public Politician from the Position of the Speaker and Recipient]. *Ot slova k diskursu: vzaimodeystvie form i (ne)predskazuemost smyslov: tez. Mezhdunar. nauch. konf.* [From Word to Discourse: Interaction of Forms and (Un) Predictability of Meanings. Abstracts of the International Scientific Conference]. Minsk, Min. gos. lingv. un-t, pp. 238-240.
- Shmeleva T.V., 1983. Kodeks rechevogo povedeniya [Code of Speech Conduct]. *Russkiy yazyk za rubezhom* [Russian Language Abroad], no. 1-72, p. 77.
- Bowden M., 2021. Shamelessness and New Sincerity: Dostoevsky, David Foster Wallace, and Trumps America. *Literature of the Americas*, no. 11, pp. 155-182. DOI: <https://doi.org/10.22455/2541-7894-2021-11-155-182>
- Lopez-Sande S., 2023. Bequeathing “New Sincerity” in the Age of the Homo Digitalis: Confessionalism and Authorial Selfconsciousness in David Foster Wallace and Bo Burnham. *Literature Compass*. URL: <https://compass.onlinelibrary.wiley.com/doi/epdf/10.1111/lic3.12744/> DOI: 10.1111/lic3.12744

Information About the Author

Tatyana L. Kaminskaya, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Mass Communications and Media Business, Financial University under the Government of Russian Federation, Prosp. Leningradsky, 49, 125993 Moscow, Russia; Head of the Department of Journalism, Yaroslavl-the-Wise Novgorod State University, Sankt-Petersburgskaya St, 41, 173003 Veliky Novgorod, Russia, tlkam1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8371-787X>

Информация об авторе

Татьяна Леонидовна Каминская, доктор филологических наук, профессор Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса, Финансовый университет при Правительстве РФ, просп. Ленинградский, 49, 125993 г. Москва, Россия; заведующая кафедрой журналистики, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого, ул. Санкт-Петербургская, 41, 173003 г. Великий Новгород, Россия, tlkam1@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8371-787X>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.5>

UDC 81'373.43:070
LBC 81.053.2

Submitted: 09.12.2023
Accepted: 27.02.2024

LEXICAL-AND-SEMANTIC FIELD “NEW SINCERITY”: NEOLOGISMS IN RUSSIAN AND CHINESE MEDIA DISCOURSE ¹

Guo Lijun

Sun Yat-Sen University, Guangzhou, China

Anna V. Shchetinina

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

Abstract. The ideographic description of new vocabulary and the linguistic units within the lexical-and-semantic field of the idiom *new sincerity* in particular, is being considered. It is noted that in addition to its cultural significance, this expression has also acquired two new meanings: marketing technology and communicative practice. It is precisely in these meanings that the idiom *new sincerity* is studied in this research. Using component, contextual, and interpretive methods of analysis, with the support of the ideographic dictionary compiled by one of the authors and examples of usage in media discourse texts, the vocabulary within the lexical-and-semantic field of “new sincerity” has been identified and described. Most of the linguistic units in this group have been established to be neologisms. The presented ideographic network has a frame structure and reflects the fragments of modern reality represented in the linguistic worldview by new vocabulary. The authors have identified 5 segments (slots) of the ideographic network: “new sincerity” as a tactic in internet communication, social-and-political communication, as a basis for uniting people, a form of expressing aggression, and as a communicative practice in the conditions of the coronavirus pandemic. Each segment includes a set of ideograms that unite lexical representatives – neologisms. It is noted that the expression *new sincerity* is not used in Chinese media texts. However, there has been an increasing interest in open expression of feelings and sharing personal stories by participants in modern Chinese shows, which corresponds to the practice of “new sincerity” in virtual and real life.

Key words: new sincerity, ideography, lexical-and-semantic field, neologism, social vocabulary, Russian language, Chinese language.

Citation. Guo Lijun, Shchetinina A.V. Lexical-and-Semantic Field “New Sincerity”: Neologisms in Russian and Chinese Media Discourse. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 2, pp. 57-69. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.5>

УДК 81'373.43:070
ББК 81.053.2

Дата поступления статьи: 09.12.2023
Дата принятия статьи: 27.02.2024

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ «НОВАЯ ИСКРЕННОСТЬ»: НЕОЛОГИЗМЫ В РОССИЙСКОМ И КИТАЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ ¹

Го Лицзюнь

Университет им. Сунь Ятсена, г. Гуанчжоу, Китай

Анна Викторовна Щетинина

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина,
г. Екатеринбург, Россия

Аннотация. В статье рассматривается вопрос идеографирования новой русской лексики, в частности языковых единиц, входящих в лексико-семантическое поле идиомы *новая искренность*. Отмечено, что, помимо культуроведческого, у данного выражения появилось еще два значения: одно репрезентирует «новую

искренность» как маркетинговую технологию, а другое – как коммуникативную практику. Методами компонентного, контекстного и интерпретационного анализа с опорой на идеографический словарь, составленный одним из авторов статьи, и примеры употребления в текстах медиадискурса выявлены лексические единицы, входящие в лексико-семантическое поле «Новая искренность». Установлено, что большинство из них составляют неологизмы. Представленная идеографическая сетка имеет фреймовую структуру и отражает фрагменты современной действительности, которые репрезентированы в языковой картине мира. Авторами выделено 5 сегментов (слогов) идеографической сетки: «новая искренность» как тактика интернет-коммуникации, социально-политической коммуникации, как основа объединения людей, форма выражения агрессии, а также как коммуникативная практика в условиях пандемии коронавируса. Каждый сегмент включает в себя «лесенку» идеограмм, объединяющих языковые репрезентанты – неологизмы. В китайских медиатекстах аналог идиомы *новая искренность* отсутствует. В то же время в современных китайских шоу наблюдается интерес к открытому выражению его участниками своих чувств, рассказу о своей жизни, что соотносится с практикой «новой искренности» в виртуальной и реальной действительности.

Ключевые слова: новая искренность, идеография, лексико-семантическое поле, неологизм, социальная лексика, русский язык, китайский язык.

Цитирование. Го Лицзюнь, Щетинина А. В. Лексико-семантическое поле «Новая искренность»: неологизмы в российском и китайском медиадискурсе // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 57–69. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.5>

Введение

Результаты проведенного ранее анализа употребления словосочетания *новая искренность* в медиадискурсе дали возможность определить его устойчивый характер, поскольку именно в таком сочетании существительного *искренность* с прилагательным *новая* поиск в сети Интернет показывает более 1 млн употреблений [Леонтьева, Щетинина, 2022]. Кроме того, исследование содержательной части контента медийных текстов (см. об этом: [Леонтьева, Щетинина, 2022]) позволило сформулировать и зафиксировать в словаре два лексико-семантических варианта значения идиомы *новая искренность*: ‘технология коммуникации в маркетинговой, политической и других сферах, предполагающая откровенный рассказ о себе, открытое выражение испытываемых эмоций в публичном пространстве (СМИ, социальные сети и др.) с целью оказать влияние на аудиторию’ (Щетинина, с. 99) и ‘коммуникативная практика, характеризующая цифровое общество, в основе которой лежит признание значимости и культивирование феномена откровенного рассказа о себе в публичном пространстве, открытое выражение испытываемых эмоций в СМИ, социальных сетях и др.’ (Щетинина, с. 147). Выявленные значения характеризуют «новую искренность», с одной стороны, как инструмент коммуникации в ин-

ституциональной сфере, с другой стороны, как коммуникативную практику в социальной неинституциональной сфере.

Развитие новых значений отражает особенности практики интернет- и медиакommunikаций, по поводу чего М.А. Гладко, исследовавшая материал белорусских теле- и радиопередач, отмечает: «Чувствительность и публичная откровенность становятся значимыми коммуникативными стратегиями медиадискурса, что, на наш взгляд, обусловлено поисками медиа новых ненавязчивых, латентных инструментов воздействия» [Гладко, 2022, с. 18].

Изучение сетевых и медиапрактик позволило специалистам выявить особенности эмоциогенной репрезентации участников коммуникации. А.Н. Фортунатов и Н.Г. Воскресенская, анализируя влияние Интернета на формирование личности молодого человека, говорят о *декогнитивации* и *сенсibiliзации* как императивах, выявляющих особенности манипулятивного воздействия, которое ограничивает время понимания индивидом увиденной на экране информации только 15 секундами, в результате чего «возникает повышенная, гипертрофированная чувствительность, заменяющая собой мыслительные процессы, переводящая область смыслов в сферу чувственно осваиваемого восприятия» [Фортунатов, Воскресенская, 2021, с. 283]. При этом неотъемлемой частью коммуникации становится использование эмоциональных,

эпатажных высказываний, которые можно назвать *новой искренностью*, являющейся «способом атаки виртуального субъекта как на реальный, так и на цифровой мир» [Фортунатов, Воскресенская, 2021, с. 284].

Рассматривая коммуникативные практики цифровой реальности, Н.Н. Кошкарова и Е.М. Яковлева говорят о дискурсе новой эмоциональности, которую исследователи определяют «как модусный компонент высказывания, когда задается такая эмоциональная модель общения, при которой главным становится выражение чувств и эмоций индивида, а целью коммуникативных практик является формирование агрессивной и чувствительной информационной среды» [Кошкарова, Яковлева, 2019, с. 148].

В XXI в., как отмечает О.С. Иссерс, актуальной стала технология «новой политической искренности», поскольку «с усилением общественных разочарований, массовые представления о том, как должен общаться политик “со своим народом”, резко изменились» [Иссерс, 2020, с. 219], что обусловило поиск политиками нового языка общения со своим электоратом.

Изучение феномена «новой искренности» как коммуникативной практики и маркетинговой технологии в текстах социальных сетей и массмедийного пространства, получившее отражение в ряде публикаций (помимо упомянутых выше см.: [Антропова, Маркова, 2023; Демшина, 2021; Колбина, Романовская, 2022; Корниенко, 2021; Кошкарова, 2021; Кребель, 2017; Ульшина, Чернавский, 2023; Шаброва, 2020; и др.], только началось и имеет перспективы исследования.

В основе нашей работы находится гипотеза о том, что функционирование феномена «новой искренности» в разных сферах жизни: художественной, медийной, сетевой, с одной стороны, и институциональной и неинституциональной, с другой стороны, – позволяет осуществить идеографическую реконструкцию данных фрагментов действительности посредством выявления лексических репрезентантов, маркирующих их в русской языковой картине мира. Составление идеографической сетки основывается на идее включения в лексические множества слов и выражений, объединенных общими семами как в ассертивной части значения, так и в пресуппозиции.

Кроме того, результаты исследования семантики и употребления отдельных слов и идиоматических выражений или групп языковых единиц могут быть использованы в практике сопоставительного анализа разных языков, в частности русского и китайского, поскольку процессы неологизации в них имеют свои особенности.

Материал и методы

Актуальность «новой искренности» как маркетинговой и коммуникативной практики позволяет предположить, что значительный пласт слов, связанных с этим феноменом, составляют неологизмы. В данной статье мы ограничили круг языковых единиц, включаемых в лексико-семантическое поле «Новая искренность», группой лексем, появившихся или актуализировавшихся в XXI веке. Для их выявления мы обратились к словарю, составленному одним из авторов данного исследования «1000 слов единения и вражды начала XXI века. Идеографический словарь» (Щетинина). С целью подтверждения правильности включения лексем в те или иные идеограммы поля мы обращались к анализу примеров речевого употребления², собранных на интернет-ресурсах (АА) и извлеченных из Национального корпуса русского языка (НКРЯ).

В процессе работы были использованы методы компонентного, контекстного и интерпретационного видов анализа, а также идеографической реконструкции. Прежде всего мы определили ряд семантических маркеров, которые представляют собой связанные с семантикой искренности лексемы, составляющие синонимические ряды, и их дериваты: *искренний (неподдельный, непритворный, нелицемерный)* (Словарь синонимов, т. 1, с. 441), *откровенный (открытый, чистосердечный)* (Словарь синонимов, т. 2, с. 95) и др. Данные семантические маркеры выявляются как компоненты в ядерной зоне значения слова и на периферии, а также в прагматической презумпции, то есть в речевом употреблении лексемы. Кроме того, в круг семантических маркеров включались языковые единицы *верный, преданный, приверженный, любимый* и т. п., а также их производные, поскольку они косвенно отражают искреннее

отношение к кому- или чему-либо, что проявляется в создании словосочетаний по моделям «искренне преданный / любимый / уважаемый и др.», «искренне любить / говорить / уважать / верить и др.». Ср., например:

(1) Приглашение умных, знающих и харизматичных людей в качестве бренд-амбассадоров тоже оправданный ход. Но такие «послы» должны себя позиционировать более независимо – так, чтобы не выглядеть купленными. То есть **говорить искренне** и действительно **уважать** свой продукт (АА: Маркетинговая модель: бренд-амбассадор // Коммерсантъ Business Guide. 2010).

Рассмотрим несколько примеров. Родственные слова, которые функционируют в маркетинговой сфере: *евангелизм, евангелист, евангелистский* – имеют в значении сему ‘искренне’, которая идентифицирует отношение клиентов к бренду благодаря работе евангелистов, то есть семантика искренности реализуется на периферии значения, в семантической презумпции: ‘форма маркетинга, развивающая у клиентов настолько глубокое признание продукта или услуги компании, что они искренне, добровольно и бесплатно становятся сторонниками бренда и распространителями информации о нем’ (Щетинина, с. 41). В контекстном окружении каждого из трех родственных слов обнаруживается семантика искренности. Например, в следующем высказывании наречие *сильно*, обозначающее образ действия, выраженного глаголом *верить*, является контекстуальным синонимом наречия *искренне*:

(2) Я определяю **евангелизм** как «заставлять людей **верить** в то, во что ты веришь, так же **сильно**, как ты (АА: «Никогда не верьте человеку, у которого меньше фолловеров, чем у вас» // Коммерсантъ. 01.11.2013).

Синонимичным наречию *искренне* является неидиоматическое выражение *готов на все*, которое в некоторых контекстах сочетается с ним, ср.:

(3) За месяц было выявлено 7 **евангелистов бренда** – людей, **готовых ради Microsoft на все** (АА: Работа с аудиторией нишевых сообществ на примере Professional.ru // Коммерсантъ. 15.12.2009);

(4) Филипп был **искренне готов на все**, лишь бы уберечь Джейн от тирании родственников (НКРЯ: Холт Черил. Путь сердца).

Часть лексем, называющих феномены, связанные с «новой искренностью», репрезентируют семантику искренности только в прагматической презумпции. Так, однокоренные неологизмы: *блог, блогинг, блогер, блогерский* – в ядре значения и на периферии реализуют значение «создание контента ради популяризации его автора как эксперта с целью получения дохода». Однако в примерах речевого употребления выявляются потенциальные семы ‘открытый’, ‘искренний’, идентифицирующие работу блогера с практикой или технологией «новой искренности», например:

(5) Но **блогинг** я не воспринимаю как работу. Для меня это хобби, возможность помочь людям, выстраивать общение. **Стараюсь всегда быть открытым, искренним**, давать простой, полезный и интересный контент (АА: Врач-предприниматель Анна Дегтярева: «Кибермедицина приближает пациентов к получению качественной помощи» // Коммерсантъ Саратов. 17.01.2023).

Таким образом, семантика «новой искренности» в значениях языковых единиц может быть представлена как ядерными и периферийными компонентами семантемы, так и потенциальными семами, выявляемыми на основе анализа прагматической презумпции.

Результаты и обсуждение

«Новая искренность» в русской языковой картине мира

Активные процессы неологизации в русском языке XXI в. демонстрируют формирование новых фрагментов действительности, которые в доинтернетовскую эпоху либо отсутствовали (например, формы виртуального взаимодействия), либо находились на периферии общественной жизни (например, публичное освещение личных психологических проблем). Выполненная по результатам исследования языковых единиц, извлеченных из словаря «1000 слов единения и вражды начала XXI века» (Щетинина), идеографическая реконструкция лексического фонда слов и выражений, верифицированная посредством анализа медийного и сетевого дискурсов, позволила выделить 5 сегментов, составляющих лексико-семантическое поле «Новая искренность». Они связаны с

особенностями современной организации институциональной (маркетинговой) и неинституциональной (некоммерческие паблики, форумы и др.) социальных сфер. Каждый сегмент организован в виде лесенки идеограмм, которые объединяют ряды синонимичных или эквивалентных языковых фактов (всего выявлено более 350 слов, здесь приведены типовые примеры в силу ограничений объема статьи). Ниже представлена идеографическая сетка как фреймовая структура, где каждый сегмент соотносится с определенным фрагментом действительности.

Сегмент 1. «Новая искренность» в интернет-коммуникации

«новая искренность как тактика интернет-коммуникации» (*риторика искренности, цифровая искренность*)

«сфера использования тактики новой искренности» (*блогосфера, Интернет, киберпространство* и др.)

«место коммуникации в сети Интернет, где используется тактика новой искренности» (*аккаунт, блог, паблик, подкаст, сайт, форум* и др.)

«вид интернет-коммуникации, в которой реализуется тактика новой искренности» (*амбассадорство, блогинг, евангелизм, инфлюенсерство, шипперинг* и др.)

«относящийся к виду интернет-коммуникации, в котором реализуется тактика новой искренности» (*амбассадорский, блогерский, евангелистский* и др.)

«заниматься деятельностью, связанной с интернет-коммуникацией, в которой реализуется тактика новой искренности» (*инфлюенсить, шипперить* и др.)

«инструмент реализации тактики новой искренности» (*контент, мем, пейринг* и др.)

«относящийся к инструменту новой искренности» (*месседжевый, сторителлинг, сторисный*)

«использовать тактики новой искренности» (*постить, репостить, селфить* и др.)

«участник интернет-коммуникации, использующий тактику новой искренности» (*авторка, агент влияния, медиаюзер, нетизен, новоискренник, форумчанка* и др.)

«характеризующий участника коммуникации, использующего тактику новой искренности» (*амбассадорский, блогерский, юзерский* и др.)

«испытывать / испытать, выражать чувства в отношении тактики новой искренности» (*агриться, вайбить, крашиться, кринжевать* и др.)

«чувство, испытываемое человеком как реакция на новую искренность» (*вайб, кринж* и др.)

«относящийся к чувству, испытываемому человеком» (*вайбовый, кринжевый, рофловый* и др.)

«реагировать / среагировать на использование тактики новой искренности» (*банить, дизлайкнуть, лайкнуть, развидеть* и др.)

«знак реакции на новую искренность» (*бан, дизлайк, лайк, отписка* и др.)

Сегмент 2. Агрессия как тактика «новой искренности»

«информационный конфликт, в котором проявляется новая искренность» (*диванная война, клубничный бунт, холивар* и др.)

«люди, активно участвующие в информационной войне» (*диванные войска, диванный боец* и др.)

«трудности в общении, создаваемые новой искренностью» (*токсичность, флейм, черно-белое мышление*)

«создавать новой искренностью трудности в общении» (*душить, токсить*)

«человек, который создает трудности в общении в результате новой искренности» (*душила, токсик, флеймер* и др.)

«оказывающий негативное воздействие из-за новой искренности» (*душный, токсичный* и др.)

«свойство кого- или чего-либо, связанное с новой искренностью» (*душность, душнота, токсичность* и др.)

«агрессия как повод для новой искренности насильника и/или жертвы» (*абьюз, бодишейминг, трешстриминг, эйблизм, эйджизм* и др.)

«связанный с агрессией, являющейся поводом для новой искренности» (*абьюзивный, шеймерский, эйблистский, эйджистский* и др.)

«совершать акт агрессии, являющийся поводом для новой искренности насильника и/или жертвы» (*босить, буллить, газлайтить, моббить* и др.)

«человек, чьи действия становятся поводом для новой искренности его самого или его жертвы» (*абьюзер, хейтер, шеймер, эйблист, эйджистка* и др.)

«связанный с человеком, чьи действия становятся поводом для новой искренности его самого или его жертвы» (*буллерский, газлайтерский, неглектерский, мобберский* и др.)

«объединение людей, чья агрессивная публичная критика кого- или чего-либо связана с тактикой новой искренности» (*хейт-группа*)

«преступление на почве ненависти, являющееся проявлением тактики новой искренности» (*хейт-крайм*)

«контент, содержащий агрессию как прием новой искренности» (*хейт-дискурс, хейт-спич, холивар* и др.)

«человек, оказывающий воздействие на кого-либо посредством вынуждения к новой искренности с целью совершения преступления» (*гример* и др.)

«воздействие на человека или группу лиц посредством вынуждения к новой искренности с целью совершения преступления» (*чайлд груминг, онлайн-груминг*)

«оказание воздействия на человека или группу лиц посредством вынуждения к новой искренности с целью его или их опорочивания» (*аутинг*)

«человек или группа лиц, публично осуждающие участников коммуникации, которые допускают ошибки» (*граммар-наци*)

«намеренно или ненамеренно позволять собеседнику провоцировать на новую искренность» (*кормить тролля*)

«намеренное или ненамеренное провоцирование, подогревание конфликта» (*кормление тролля*)

«публично, открыто осуждать человека» (*канселишь, отменять* и др.)

«изгнание из группы» (*кэнселлинг, отмена, культура отмены* и др.)

«характеризующий открыто порицаемого человека» (*отмененный*)

«новая искренность как инструмент борьбы с насилием, дискриминацией» (*антибуллинг, антимоббинг, антиэйблизм, антиэйджизм* и др.)

«относящийся к новой искренности как инструменту борьбы с насилием, дискриминацией» (*антибуллинговый, антиэйджистский* и др.)

«открытое объявление о собственной идентичности» (*каминг-аут* и др.)

«идея защиты себя от негативного воздействия» (*культура виктимности*)

Сегмент 3. «Новая искренность» в социально-политической коммуникации

«инструмент социально-политического влияния, предполагающий открытость» (*публичная политика, движение #MeToo / Я тоже, аутинг* и др.)

«открытый, публичный протест» (*акция протеста, гражданское неповиновение, демонстрация протеста* и др.)

«участники протестной деятельности, использующие прием новой искренности или мотивирующие к ней других людей» (*агент влияния, несистемный оппозиционер, несогласные* и др.)

«место открытого, публичного протеста» (*город бесов, город храбрых, фургаловск*)

Сегмент 4. Объединения людей, которым свойственно использование тактики «новой искренности»

«субкультурное сообщество, объединяющее людей, которым свойственно использование тактики новой искренности» (*ванильки* и др.)

«относящийся к субкультурному сообществу, объединяющему людей, которым свойственно использование тактики новой искренности» (*ванильный* и др.)

«участники субкультуры, объединяющей людей, которым свойственно использование тактики новой искренности» (*ванилька, ванильная девушка* и др.)

«субкультурное сообщество, объединяющее людей, которым свойствен образ жизни и мировоззрение в стиле новой искренности» (*коттеджкор, темная академия, инди кид*)

Сегмент 5. «Новая искренность» в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19

«распространение негативной информации в период пандемии, наносящее вред здоровью человека» (*индофемия, вакцинобесие*)

«мероприятие в период пандемии, в котором используется прием новой искренности» (*диванстрация, изоизоляция, ковид-вечеринка, карантинида, карантинник*)

«относящийся к мероприятию в период пандемии, в котором используется прием новой искренности» (*балконный*)

«инструмент новой искренности в период пандемии» (*карантинка*)

«человек, открыто выражающий свое отношение к пандемии и мерам борьбы с ней» (*антиваксер, антикарантинист, антиковидник, антимасочник, антимасочница, антимасочник-разумный, ковид-диссидентка* и др.)

«относящийся к открытому выражению своего отношения к пандемии и мерам борьбы с ней» (*антиваксерский, безмасочный, ковид-диссидентский* и др.)

«человек, которого открыто осуждают за его отношение к пандемии и мерам борьбы с ней» (*барановирусник* и др.)

«открыто выражаемая идея отношения к пандемии и мерам борьбы с ней» (*антимасочничество, вакцинофилия* и др.)

«характеризующий отношение к пандемии и мерам борьбы с ней» (*антимасочный, ковид-диссидентский*)

В рамках статьи охарактеризуем ядро лексико-семантического поля – первого сег-

мента (слота) «Новая искренность» в интернет-коммуникации», который отражает особенности взаимодействия носителей языка в виртуальном пространстве. «Новая искренность» реализуется здесь как тактика общения и самопрезентации участников в институциональной (маркетинг, политика и др.) и неинституциональной (неформальное общение в сетях и др.) сферах.

Закономерно, что одна из сфер, в которой применяется «новая искренность» как коммуникативная тактика, – это интернет-пространство, где осуществляется активное взаимодействие пользователей по обусловленным виртуальным форматом правилам (*блогосфера, интернет, киберпространство, маркетинг* и др.), например:

(6) Но ситуация подогрета еще и тем, что феномен **интернета** впервые в истории позволил огромным массам подростков и молодых людей публично выражать свое мнение по любому поводу... Именно в этой среде мощно развился запрос на **новую искренность** (АА: В. Лакодин. Как маркетологи присвоили новую искренность и «пробили» циничную молодежь // texterra.ru. 2023).

Кроме того, в широком виртуальном пространстве коммуникативная практика осуществляется в определенном месте (*аккаунт, блог, паблик, форум* и др.), например:

(7) ...Не так давно одного известного учителя словесности уволили с работы из-за невероятно страстного, романтического и увлекательного **блога** его ученицы-старшеклассницы. И мне непонятно, почему эта, вызревшая (а, по мнению некоторых, даже перезревшая) по ту сторону компьютерного экрана **«новая искренность»**, она же «новая приватность» и, в то же самое время, «новая публичность», не стала еще мощным, как хочется сказать в эти постолимпийские дни, допингом для писательств (АА: А. Наринская. Да здравствует император! // Weekend. Коммерсантъ. 03.03.2006).

«Новая искренность» как тактика реализуется в разных видах деятельности и форматах коммуникации, в институциональном и неинституциональном взаимодействии (*амбассадорство, евангелизм* и др.), например:

(8) В мире, где вся интернет-активность превратилась в SMM, **искренность** стала важным ин-

струментом **продвижения** (АА: В. Лакодин. Искренность в SMM: опасная вольность или выгодная стратегия? // SMMplanner. 13.05.2020).

От названий данных видов и форматов общения образованы прилагательные – характеристики предметов, явлений, процессов, которые также связаны с искренностью:

(9) ...**Инфлюенсерский** маркетинг может быть эффективным инструментом в продвижении брендов, но важно соблюдать этические принципы, чтобы кампании были **честными, подлинными** и ответственными (АА: О. Батог. Этические принципы в инфлюенсерском маркетинге: прозрачность, аутентичность и ответственность // vs.ru. 21.08.2023).

С «новой искренностью» связаны действия по ее воплощению в коммуникацию (*инфлюенситель, стримить* и др.), например:

(10) В подобном формате можно **стримить** практически любые занятия: начиная от совместных спортивных тренировок и заканчивая совместной уборкой (АА: FoxSociopath. Идеи для стриминга: форматы трансляций и как с ними работать // Uplify. 09.05.2023).

Тактика «новой искренности» реализуется путем использования различных инструментов. Это может быть контент в целом:

(11) На смену этой парадигме приходит эпоха **новой искренности**. <...> **Контент**, который мы видим в медиапространстве, все больше о правде, чувствах (АА: А. Семенова. Marketing Division: какие тренды задает эпоха новой искренности // Sostav.ru. 11.08.2021).

Инструментом выступают и отдельные жанры коммуникации типа *интервью, селфи, сторис* и др.:

(12) Итак, наш коктейль готов! Возьмите **искренность** – ваши реальные чувства здесь и сейчас. Смешайте с алиби – четким пониманием с чего это вы вдруг начали снимать **сторис** (НКРЯ: Завоевать доверие за 15 секунд. Телеведущий и медиатренер – о том, как научиться снимать сторис и зарабатывать на них // СОБАКА.RU).

С данными инструментами связаны различные феномены, имеющие отношение к практике «новой искренности», преимущественно в Интернете. Так, прилагательные

меседжевый, сторителлингвый, сторисный и др. встречаются в контекстах, рассказывающих об открытых взаимоотношениях людей:

(13) Мой **сторисный** этюд о том, как авангардисты искали себя, вызвал больше всего споров. <...> Что произошло? Мне кажется, они рискнули переступить грань видимого/ведомого. **Разрешили своим эмоциям, личному пролиться на холст. Обнажили себя ради себя...** (АА: Н. Пушкина. Матисс внутри меня // ВКонтакте. 30.05.2022).

О популярности «новой искренности» свидетельствует и количество (более 25 единиц) номинаций людей, которые так или иначе заинтересованы в ней:

(14) Тезис Гройса о том, что сегодня «**производством искренности и доверия** в современном мире занимаются все», может показаться слишком смелым, – но тем не менее в тех обсуждениях искренности, которые можно найти онлайн, участвует весьма значительное число **медиаюзеров** (АА: К. Боровикова. Как в России появилась «новая искренность». Отрывок из книги // Сноб. 20.01.2022).

Блогеры, авторы и авторки, подписчики, форумчане и другие *юзеры* используют тактику «новой искренности» для привлечения подписчиков на свой ресурс или вовлечения потенциальных покупателей в покупку своего продукта:

(15) Они [**блогеры**] способны разговаривать на языке своей аудитории, редактировать видео, продюсировать и очаровывать. Считается, что у них, молодых, **новая искренность** – проклинают, приносят извинения, вызывают на разборки, делают хирургические операции и даже иногда умирают в прямом эфире (АА: Н. Радулова. Лайк имущие // Коммерсант. 02.11.2020).

Другие пользователи применяют «новую искренность» для себя или для компании как инструмент продаж:

(16) Покупателя, который **увлечен брендом**, продуктом, услугой или бизнесом до такой степени, что **продолжает отстаивать** его перед другими, можно назвать **евангелистом** бренда. Они рвутся за продукт или услугу со своими друзьями и семьями (АА: Евангелист бренда: часто задаваемые вопросы // Global Indian).

Характеристики, связанные с участием коммуникатора, также включаются в один контекст с искренностью как инструментом взаимодействия:

(17) **Инфлюенсерский** подход – это стратегия, которая используется при раскрутке личного (или корпоративного) профиля в социальных сетях. <...> Возможное наполнение постов – 50 % экспертное по теме деятельности... остальные 50 % – **личный контент** (АА: И. Школьный. [Инфлюенсерский подход] // ВКонтакте. 17.09.2023).

Участники «новоискренней» коммуникации в процессе или в результате восприятия информации могут испытывать различные чувства, в том числе негативные (*агриться, вайбить, вкрашиться* и др. (*вайб, кринж / вайбовый, кринжовый* и др.)), например:

(18) ..Девушка ничего из себя хорошего не представляет, очень грубая, злая, раздражительная, **агрилась** на мою кошку словами «она там че, сдохла?»... (АА: Меня ненавидят люди, с которыми я начинаю дружить // Woman.ru. 19.01.2016).

В соответствии с испытываемыми чувствами реакция на использование тактики «новой искренности» различается. Например, можно *лайкнуть* и *дизлайкнуть*, *подписаться* и *отписаться*, *банить* / *забанить*, захотеть *развидеть*, знак реакции на «новую искренность» также возможен разный: *бан, дизлайк* или *лайк, подписка* или *отписка*. Например:

(19) Вашу нетерпимость уже все заметили... Идите читайте правила общения на форуме. Пока вас не **забанили**. Много вас тут агрессивных ходит. Где-то они теперь... Дифчонки-кошатницы-, я брызжу ядом?? (НКРЯ: Кошки форева! 2008).

Заметим, что агрессивное поведение и реакция на него воспринимаются участниками коммуникации не только негативно, но и как одно из проявлений приемлемых форм открытости:

(20) У **искренности** много лиц: кто-то кроет матом, кто-то ведет тихие разговоры «начистоту», кто-то вслух рассуждает о том, как и где он видел собеседника и что с ним бы сделал, а кто-то шутит колкие шутки, в которых шуток в лучшем случае половина. <...> Но **есть и полезная сторона** разговора «по душам» (АА: Агрессия искренность! // instukzia.com. 18.04.2018).

О значении искренней агрессии говорят и исследователи виртуальной коммуникации. Так, анализируя роль «диванных войск», активно участвующих в интернет-общении, политолог А.Б. Шатилов отмечает, что «на контрасте с официальными СМИ, они позволяют придать войне или конфликту “народное” звучание и “человеческое лицо”» [Шатилов, 2014, с. 58]. В связи с амбивалентностью проявления и оценки «новой искренности» в коммуникации, мы выделили в идеографической сетке сегмент 2 «Агрессия как тактика “новой искренности”», который объединяет лексико-семантические множества слов и выражений, называющих формы открытого проявления агрессии (*информационные войны, кибербуллинг, абьюзинг* и др.), людей, открыто выражающих агрессию (*треш-стример, хейтер, эйджист* и др.), контент, содержащий агрессию (*риторика ненависти, холивар* и др.), и т. д.

Таким образом, наблюдение за наполнением идеограмм новой лексикой показывает, что лексико-семантическое поле «Новая искренность» в ядерной части объединяет слова и выражения, связанные с применением данной тактики в интернет-коммуникации, которое подчеркивает ведущую роль виртуальных контактов во взаимодействии людей.

Китайский взгляд на феномен «новой искренности»

Изучение русского языка в Китае, расширяющиеся контакты двух стран обуславливают развитие интереса у китайских исследователей к новой лексике в русском языке и сопоставительному анализу процессов неологизации в обоих языках. Освоение русского языка китайцами предполагает не только чтение и прослушивание текстов русской художественной литературы, но и обращение к материалам других дискурсов. В связи с этим одним из подходов к изучению русского языка китайскими инофонами является анализ современных интернет-текстов и отдельных языковых фактов. Одним из них стало выражение *новая искренность*, которое входит в лексический минимум для китайских студентов-маркетологов, обучающихся в России. Языковая рефлексия обуславливает сопостав-

ление фактов чужого и родного языков. В этом отношении примечательно, что многие языковые единицы в русском и китайском языках не имеют аналогов. К таким единицам и относится идиома *новая искренность*. В то же время искренность традиционно важна для китайской культуры и является общественной ценностью, что связано с конфуцианскими и даосскими учениями, которые подчеркивают необходимость честности, искренности и подлинности в отношениях и поведении. Однако нельзя сказать, что в китайском обществе принята открытость в публичном выражении чувств.

Только в последние годы в медийном пространстве стали появляться шоу, в которых делается акцент на искреннем, откровенном разговоре. Так, Лю Юндун, рассматривая проблему формирования медийных образов, отмечает, что из-за массового производства однотипных шоу с одинаковыми образами героев, молодых и привлекательных, наблюдается эстетическая усталость зрителей [Lyu Yundun, 2021, p. 153]. Исключение составляет недавно появившееся шоу «Сестры, прорывающиеся через ветры», в котором 30-летние девушки откровенно рассуждают о себе, своем возрасте, семье, карьере: «Их видение собственной жизни, несомненно, сблизило героинь с молодыми женщинами, сталкивающимися с этими же вопросами в обществе, и позволило увидеть их истинный образ»³ [Lyu Yundun, 2021, p. 154].

Большую популярность в Китае имеет интернет-ведущий Дон Юйхуя, достигший ее во многом благодаря открытости и искренности, о чем свидетельствуют заголовки статей о нем: *善良和真诚是董宇辉成功的要素之* («Доброта и искренность Дон Юйхуя являются одним из факторов его успеха»), *真诚比才华走得更远* («Искренность идет дальше таланта»), *网络直播界的一股清流: 真诚, 质朴* («Свежий воздух в мире интернет-трансляций: искренность, простота») и др. Обратим внимание, что искренность в данном контексте рассматривается прежде всего как свойство личности, внутреннее чувство в его традиционном понимании, неслучайно лексема *真诚* (*искренность*) используется в паре со словами *善良* (*доброта*) и *质朴* (*простота*). Эквивалента выражению *новая искренность* в ки-

тайском публичном дискурсе мы не обнаружили, что подтверждает и отсутствие академических исследований на данную тему.

Можем предположить, что поскольку постмодернизм не получил широкого распространения и не сформировался в китайской культуре как направление, то и ответа на идеи постмодернизма идеей «новой искренности», как это было в России, не последовало. Данный термин не стал актуальным для китайской культуры. При этом тенденции к формированию культуры открытости в медийном пространстве уже начинают просматриваться.

Выводы

Лексико-семантическое поле «Новая искренность» в русском языке составляют неологизмы, в значениях которых представления об откровенности, открытости актуализируются как в семантической, так и в прагматической презумпции. «Новая искренность» как феномен современной коммуникации функционирует в сфере повседневного неинституционального общения (при обсуждении тем на форумах, в блогах; во взаимодействии людей, входящих в определенную субкультуру, отношениях членов коллективов и т. д.) и в сферах институционального взаимодействия (политиков с аудиторией, брендов с потребителями и т. д.). Выделение в идеографическом пространстве 5 сегментов, отражающих фрагменты действительности, запечатленные в языке, показывает, что явление «новой искренности» получило широкое распространение в российской жизни. При этом в ядре лексико-семантического поля находится лексика, которая связана прежде всего с интернет-взаимодействием. Семантика виртуального наблюдается на ближней и дальней перифериях поля, поскольку политические и субкультурные контакты осуществляются не только в реальном, но и в виртуальном пространстве. Период пандемии – новый этап, когда удаленная работа стала нормой жизни, а возможностей для открытой агрессии больше в Интернете в силу анонимности участников коммуникации. Таким образом, можно утверждать, что собранная авторами статьи новая лексика отражает современные реалии российского социума, представляющие интерес не толь-

ко для отечественных исследователей, но и для зарубежных.

Традиционно китайцам не свойственна публичная открытость, хотя в последние годы тенденция к выражению искренности журналистами, артистами, участниками реалити-шоу получает распространение в медийном пространстве. Социокультурные установки нации репрезентируются в языке, на примере феномена «новой искренности» мы обнаруживаем, что в китайском и русском языках не для всех слов и выражений, в частности новых, существуют эквиваленты. В связи с этим сопоставительное изучение процессов неологизации в обоих языках составляет перспективу исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при поддержке Министерства образования КНР, Национального фонда гуманитарных и социальных наук по программе «Сопоставительное исследование русских и китайских прилагательных, обозначающих психологические ощущения человека, с точки зрения словарных толкований» (грант № 21YJC740016).

The research is accomplished with the support of the Humanities and Social Science General Program, which is sponsored by the Ministry of Education of the People's Republic of China. Grant № 21YJC740016, entitled "Comparative Study of Russian and Chinese Adjectives Denoting Human Psychological Sensations in Terms of Dictionary Interpretations".

² Орфография и пунктуация источников сохранены.

³ Здесь и далее перевод с китайского наш.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Антропова В. В., Маркова Д. А., 2023. Технология «новой искренности» в российском рекламном дискурсе // Знак: проблемное поле медиаобразования. № 1 (47). С. 63–69.
- Гладко М. А., 2022. Лингвистическая репрезентация «новой искренности» и чувствительности в медиапространстве // Terra Linguistica. Т. 13, № 4. С. 7–21. DOI: 10.18721/HSS.1340
- Демшина А. Ю., 2021. Чувствительность как категория современной цифровой культуры // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. № 3 (48). С. 18–24.
- Иссерс О. С., 2020. Грани «новой искренности» в современной политической коммуникации

- // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 19, № 6 : Журналистика. С. 216–227. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227
- Колбина Е. В., Романовская Л. В., 2022. Феномен «новая искренность» в публичных лекциях TED // Научная дискуссия: вопросы филологии и методики преподавания иностранных языков. Н. Новгород : Нижегород. гос. пед. ун-т им. Козьмы Минина. Вып. 6. С. 57–61.
- Корниенко А. В., 2021. Реакция СМИ на «новую политическую искренность» // Медиа в современном мире : 60-е Петербургские чтения : сб. материалов Междунар. науч. форума. В 2 т. Т. 2. СПб. : Медианапир. С. 206–208.
- Кошкарлова Н. Н., 2021. Аксиологические характеристики дискурса новой чувствительности: как реальность отражается в языке // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. № 2 (46). С. 53–68.
- Кошкарлова Н. Н., Яковлева Е. М., 2019. Дискурс новой эмоциональности: коммуникативные практики цифровой реальности // Политическая лингвистика. № 5 (77). С. 147–152. DOI: 10.26170/119-05-15
- Кребель И. А., 2017. Эстетика философского текста в ситуации масс-медийной искренности // Вестник Омского университета. № 4 (86). С. 66–70. DOI: 10.25513/1812-3996.2017.4.66-70
- Леонтьева Т. В., Щетинина А. В., 2022. Сочетание *новая искренность* в лексикографическом аспекте // Научный диалог. Т. 11, № 6. С. 183–201. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-183-201
- Ульшина В. В., Чернавский А. С., 2023. Феномен «новой искренности» в брендинге современного публичного политика: тенденции развития // Youth World Politic. № 1. С. 12–21.
- Фортунатов А. Н., Воскресенская Н. Г., 2021. Цифровые компетенции и технологии новой искренности в эпоху Web 4 // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение. Журналистика. Т. 26, № 2. С. 276–285. DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-2-276-285
- Шаброва П. И., 2020. «Новая искренность» в политике: примеры практического применения в Ярославской области // Региональный парламентаризм в современной России: особенности становления и перспективы развития. Уфа : Башк. акад. гос. службы и управления при Главе Республики Башкортостан. С. 149–156.
- Шатилов А. Б., 2014. «Диванные войска» как новая форма информационно-пропагандистского сопровождения политических и военных конфликтов в начале XXI в. // Власть. № 7. С. 56–58.
- Lyu Yundon, 2021. 刘永东. 真实与真诚: 偶像养成类节目群体形象塑造研究 – 以《乘风破浪的姐姐》为例 // 西部广播电视. № 42 (01). 第 153–157 页.

ИСТОЧНИКИ

- АА – Архив авторов.
 НКРЯ – Национальный корпус русского языка.
 URL: <https://ruscorpora.ru>

СЛОВАРИ

- Словарь синонимов – Словарь синонимов русского языка : 2 т. М. : Астрель, 2001. 2 т.
 Щетинина – Щетинина А. В. 1000 слов единения и вражды начала XXI века. Идеографический словарь. Екатеринбург : Ажур, 2022. 586 с.

REFERENCES

- Antropova V.V., Markova D.A., 2023. Tekhnologiya «novoy iskrennosti» v rossiyskom reklamnom diskurse [The Technology of “New Sincerity” in Russian Advertising Discourse]. *Znak: problemnoye pole mediaobrazovaniya* [Sign: A Problematic Field of Media Education], no. 1 (47), pp. 63-69.
- Gladko M.A., 2022. Lingvisticheskaya reprezentatsiya «novoy iskrennosti» i chuvstvitelnosti v mediaprostranstve [Linguistic Representation of the “New Sincerity” and Sensitivity in the Media Space]. *Terra Linguistica*, vol. 13, no. 4, pp. 7-21. DOI: 10.18721/JHSS.1340
- Demshina A.Yu., 2021. Chuvstvitelnost kak kategoriya sovremennoy tsifrovoy kultury [Sensitivity as a Category of Modern Digital Culture]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kultury* [Bulletin of the St. Petersburg State Institute of Culture], no. 3 (48), pp. 18-24.
- Issers O.S., 2020. Grani «novoy iskrennosti» v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii [Dimensions of a “New Sincerity” in Modern Political Communication]. *Vestnik NGU, Seriya: Istoriya, Filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], vol. 19, no. 6, pp. 216-227. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227
- Kolbina E.V., Romanovskaya L.V., 2022. Fenomen «novaya iskrennost» v publichnykh lektsiyakh TED [The Phenomenon of “New Sincerity” in TED Public Lectures]. *Nauchnaya diskussiya: voprosy filologii i metodiki prepodavaniya inostrannykh yazykov* [Scientific Discussion: Questions of Philology and Methods of Teaching Foreign Languages]. Nizhniy Novgorod, Nizhegor. gos. ped. un-t im. Kozmy Minina, iss. 6, pp. 57-61.

- Kornienko A.V., 2021. Reaktsiya SMI na «novuyu politicheskuyu iskrennost» [The Reaction of the Media to the “New Political Sincerity”]. *Media v sovremennom mire: 60-e Peterburgskie chteniya: sb. materialov Mezhdunar. nauch. foruma. V 2 t. T. 2* [Media in the Modern World. The 60th St. Petersburg Readings. Collection of Proceedings of the International Scientific Forum. In 2 Vols. Vol. 2]. Saint Petersburg, Mediapapir Publ., pp. 206-208.
- Koshkarova N.N., 2021. Aksiologicheskiye kharakteristiki diskursa novoy chuvstvitelnosti: kak realnost otrazhaetsya v yazyke [Axiological Characteristics of the Discourse of the New Sensitivity: How Reality Is Reflected in Language]. *Chelovek: Obraz i sushchnost. Gumanitarnye aspekty* [Man. Image and Essence. Humanitarian Aspects], no. 2 (46), pp. 53-68.
- Koshkarova N.N., Yakovleva E.M., 2019. Diskurs novoy emotsionalnosti: kommunikativnyye praktiki tsifrovoy realnosti [The Discourse of New Emotionality: Communicative Practices of Digital Reality]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 5 (77), pp. 147-152. DOI: 10.26170/119-05-15
- Krebel I.A., 2017. Estetika filosofskogo teksta v situatsii mass-mediynoy iskrennosti [Aesthetics of a Philosophical Text in a Situation of Mass Media Sincerity]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Herald of Omsk University], no. 4 (86), pp. 66-70. DOI: 10.25513/1812-3996.2017.4.66-70
- Leontyeva T.V., Shchetinina A.V., 2022. Sochetaniye novaya iskrennost v leksikograficheskom aspekte [The Combination of New Sincerity in the Lexicographic Aspect]. *Nauchnyi dialog*, vol. 11, no. 6, pp. 183-201. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-183-201
- Ulshina V.V., Chernavskiy A.S., 2023. Fenomen «novoy iskrennosti» v brendirovanii sovremennogo publichnogo politika: tendentsii razvitiya [The Phenomenon of “New Sincerity” in the Branding of a Modern Public Politician: Development Trends]. *Youth World Politic*, no. 1, pp. 12-21.
- Fortunatov A.N., Voskresenskaya N.G., 2021. Tsifrovyye kompetentsii i tekhnologii novoy iskrennosti v epokhu Web 4 [Digital Competencies and Technologies of New Sincerity in the Era of Web 4]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Literaturovedeniye. Zhurnalistika* [Bulletin of the Peoples’ Friendship University of Russia. Series: Literary Studies. Journalism], vol. 26, no. 2, pp. 276-285. DOI: 10.22363/2312-9220-2021-26-2-276-285
- Shabrova P.I., 2020. «Novaya iskrennost» v politike: primery prakticheskogo primeneniya v Yaroslavskoy oblasti [“New Sincerity” in Politics: Examples of Practical Application in the Yaroslavl Region]. *Regionalnyy parlamentarizm v sovremennoy Rossii: osobennosti stanovleniya i perspektivy razvitiya* [Regional Parliamentarism in Modern Russia: Features of Formation and Prospects for Development]. Ufa, Bashk. akad. gos. sluzhby i upravleniya pri Glave Respubliki Bashkortostan, pp. 149-156.
- Shatilov A.B., 2014. «Divannyye voyska» kak novaya forma informatsionno-propagandistskogo soprovozhdeniya politicheskikh i voyennykh konfliktov v nachale XXI v. [“Sofa Troops” as a New Form of Information and Propaganda Support for Political and Military Conflicts at the Beginning of the 21st Century]. *Vlast* [Power], no. 7, pp. 56-58.
- Lyu Yundon, 2021. Pravdivost i iskrennost: Issledovanie formirovaniya gruppovogo imidzha v programmakh razvitiya idolov na primere “Sestry, osedlavshey veter i volny” [Reality and Sincerity: A Study on the Group Image Shaping in Idol Development Programs – Taking “Sisters Who Make Waves” as an Example]. *Zapadnoe radio i televidenie* [West Radio and TV], no. 42 (01), pp. 153-157.

SOURCES

- Arkhiv avtorov* [Archive of Authors].
Natsionalnyy korpus russkogo yazyka [National Corpus of the Russian Language]. URL: <https://ruscorpora.ru/>

DICTIONARIES

- Slovar sinonimov russkogo yazyka: 2 t.* [Dictionary of Synonyms of the Russian Language. 2 Vols.]. Moscow, Astrel Publ., 2001.
- Shchetinina A.V. *1000 slov edineniya i vrazhdy nachala XXI veka. Ideograficheskiy slovar* [1000 Words of Unity and Enmity of the Beginning of the 21st Century. Ideographic Dictionary]. Yekaterinburg, Azhur Publ., 2022. 586 p.

Information About the Authors

Guo Lijun, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Faculty of Russian Studies, Sun Yat-Sen University, Xingang West Road, 135, 510275 Guangzhou, China, guolj5@mail.sysu.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0002-9711-4180>

Anna V. Shchetinina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Mass Communication Languages, Doctoral Student, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Чapaева St, 16, 620085 Yekaterinburg, Russia, A.V.Shchetinina@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9085-8697>

Информация об авторах

Го Лицзюнь, доктор филологических наук, доцент факультета русского языка, Университет им. Сунь Ятсена, ул. Синган-Си, 135, 510275 г. Гуанчжоу, Китай, guolj5@mail.sysu.edu.cn, <https://orcid.org/0000-0002-9711-4180>

Анна Викторовна Щетинина, кандидат филологических наук, доцент кафедры языков массовых коммуникаций, докторант, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, ул. Чапаева, 16, 620085 г. Екатеринбург, Россия, A.V.Shchetinina@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9085-8697>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.6>

UDC 81'33
LBC 81.006.3

Submitted: 09.12.2023
Accepted: 27.02.2024

FROM IRONY TO POST-IRONY: MEANS OF EXPRESSING “NEW SINCERITY” IN THE MAGAZINES *THE RULES OF LIFE* AND *THE NEW YORKER*¹

Ekaterina A. Zvereva

Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia

Elena L. Kochkina

Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia

Anastasia A. Drozhzhina

Derzhavin Tambov State University, Tambov, Russia

Abstract. The relevance of the study is determined by the demand for “new sincerity” that has emerged in society. Reflecting modern trends, mass media highlight the urgency of research into this phenomenon from various angles. The purpose of the work is to describe mass media potential for the use of irony and post-irony as means of expressing “new sincerity”. The analysis is carried out on the material of modern intellectual periodicals *The Rules of Life* (formerly *Esquire*) and *The New Yorker*, which represent a striking example and an integral part of postmodern culture, create and communicate its values. The novelty of the study lies in the integrated approach that enabled the authors to describe the linguistic mechanisms of transforming irony to post-irony and to prove the capability of the “new sincerity” concept extrapolation to the sphere of mass media through determining the characteristic features of irony and post-irony that reflect new communicative strategies. An empirical study identifies lexical, syntactic, stylistic, graphic means of post-irony expression in modern intellectual periodicals and allows to conclude that it is represented in pathos and categoricity reduction, explicit criticism and sarcasm elimination, as well as transition from the irony of rejection to the post-irony of sensitivity, frankness and sympathy. Post-irony is shown to constitute the style of intellectual periodicals while the magazines themselves are noted to be the bearers of the “new sincerity” philosophy.

Key words: new sincerity, irony, post-irony, intellectual periodicals, mass media, language means.

Citation. Zvereva E.A., Kochkina E.L., Drozhzhina A.A. From Irony to Post-Irony: Means of Expressing “New Sincerity” in the Magazines *The Rules of Life* and *The New Yorker*. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 2, pp. 70-83. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.6>

УДК 81'33
ББК 81.006.3

Дата поступления статьи: 09.12.2023
Дата принятия статьи: 27.02.2024

ОТ ИРОНИИ К ПОСТИРОНИИ: СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ «НОВОЙ ИСКРЕННОСТИ» В ЖУРНАЛАХ «ПРАВИЛА ЖИЗНИ» И «THE NEW YORKER»¹

Екатерина Анатольевна Зверева

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Россия

Елена Леонидовна Кочкина

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Россия

Анастасия Андреевна Дрожжина

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, г. Тамбов, Россия

Аннотация. Сформировавшийся в обществе запрос на «новую искренность» и ее востребованность в отражающих современные тренды массмедиа определили актуальность изучения этого феномена в разных аспектах. Цель исследования, результаты которого представлены в статье, – охарактеризовать потенциал массмедиа в использовании иронии и постиронии в качестве средств выражения «новой искренности». Материалом для анализа выбраны современные интеллектуальные издания «Правила жизни» (ранее «Esquire») и «The New Yorker», поскольку они традиционно считаются яркими примерами воплощения постмодернистской культуры, создания и трансляции ее ценностей. Новизна исследования видится авторам в комплексном подходе, который позволил обосновать возможность экстраполяции концепции «новой искренности» на сферу массмедиа за счет определения характерных черт иронии и постиронии, отразивших обновление коммуникативных стратегий, и описать языковые механизмы трансформации иронии в постиронию. Выявлены лексические, синтаксические, стилистические, графические средства, которые в совокупности создают постиронический стиль исследуемых изданий, реализующийся в полутонах, снижении пафоса, отсутствии открытой критики и высмеивания, и эксплицируют переход от иронии отрицания к постиронии чувствительности, откровенности и сочувствия. Показано, что постирония становится стилеобразующей категорией интеллектуальных изданий, а сами издания – носителями философии «новой искренности». Теоретическая база исследования сформирована Е.А. Зверевой, эмпирические исследования выполнены Е.Л. Кочкиной («The New Yorker») и А.А. Дрожжиной («Правила жизни»).

Ключевые слова: новая искренность, ирония, постирония, интеллектуальные издания, массмедиа, языковые средства.

Цитирование. Зверева Е. А., Кочкина Е. Л., Дрожжина А. А. От иронии к постиронии: средства выражения «новой искренности» в журналах «Правила жизни» и «The New Yorker» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 70–83. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.6>

Введение

Традиционное общество всегда характеризовалось определенностью парадигм, четкой сословностью, структурированностью и упорядоченностью. Научно-технический прогресс и коренные преобразования последних лет приводят к слому прежних устоев и парадигм. Массмедиа демонстрируют размывание сословности и общепринятых норм в разных сферах жизни. Идет переоценка ценностей под знаком толерантности, что осложняет медиаландшафт, порождает противоречия в нем. С одной стороны, идеология толерантности вносит в общество новые концепты норм. С другой стороны, она ограничивает в выражении собственных суждений и мнений, так как они могут задеть чувства и интересы других. Такие ограничения неизбежно приводят к тому, что авторы массмедийного контента и медиаперсонажи выражают свои мысли в обход данных ограничений, прибегая для этого к иронии и постиронии.

Ирония ставит под сомнение общепринятые нормы, но делает это неявно. Профессор А.А. Тертычный называет иронию отличительным свойством речевого поведения журналистов и одним «из наипервейших

средств выражения отношения журналиста к тому, что кажется ему несовершенным, ущербным, требующим исправления» [Тертычный, 2004, с. 77]. Г.Я. Солганик и Н.И. Клушина отмечают распространение иронии в современных СМИ в качестве средства непрямо́й оценки, позволяющей «в условиях отсутствия в обществе четких идеологических ориентиров избегать выражения собственных позиций» [Солганик, Клушина, 2014, с. 499] (см. также: [Клушина, 2020]). В лингвистике активно изучаются лексико-семантические средства создания иронического эффекта в СМИ (см., например: [Дускаева, Щеглова, 2019]), проводятся комплексные исследования иронии как формы проявления социальной оценочности в СМИ и как элемента в структуре публицистического текста в контексте средств выражения экспрессии (см.: [Кожеватова, 2014]).

В XXI в. на смену иронии как настроению эпохи приходят постирония и «новая искренность», нивелирующая жесткие грани между насмешливым и серьезным. На смену ироническому высмеиванию приходят сочувствие, сопереживание человеческой уязвимости и акцентирование гуманистических ценностей. Феномен «новой искренности» про-

является во многих сферах культуры и становится актуальным трендом развития современного общества [Десятерик, 2014]. Однако именно медиасфера становится наиболее плодотворной средой для расцвета «новой искренности», о чем свидетельствуют публикации исследователей, в которых предметом изучения становятся проявления данного феномена в сфере медиакоммуникаций (см., например: [Иссерс, 2020; Ровская, 2019]), формируется отдельное направление изучения «новой искренности» в массмедиа (см. об этом: [Савчук, 2000; Fitzgerald, 2017; Timmer, 2010]), определяются характерные черты иронии и постиронии [Зубков, Лисик, 2020] и акцентируется невозможность переосмысления искренности без иронии и постиронии [Осокин, 2019]. Как отмечает А.Н. Осокин, «новая искренность» и постирония связаны с иронией и демонстрируют разную оптику творческого субъекта. Меняется структура иронических операций, естественная установка начинает преобладать над критической, не поглощая ее полностью. «Новая искренность» не является искренностью в ее буквальном понимании, а основывается на ее концептуальном переосмыслении, которое невозможно без «иронической полутени», отличающейся от «параноидальной подозрительности тотальной иронии» [Осокин, 2019, с. 13].

Считаем важным подчеркнуть следующую особенность медиатекстов направления «новая искренность»: в них на фоне доверительной интонации манифестируются идентичность авторов и обращение к общечеловеческим ценностям. Как отмечают исследователи, «насыщенность медиатекстов эмоционально- и личностно ориентированными темами и концептами приводит к изменению статуса искренности и чувствительности с периферийных феноменов на дискурсообразующие, используемые с целью синтетического осмысления действительности. Чувствительность и публичная откровенность становятся значимыми коммуникативными стратегиями медиадискурса» [Гладко, 2022, с. 18]. Наблюдается значительная трансформация коммуникативных стратегий, поскольку эмоциональная чувствительность и публичная откровенность в информационном дискурсе ранее не были столь репрезентативны. Трансформаци-

онные процессы затрагивают тематику медиадискурса, дополняя темы общего характера личностно ориентированными: например, в медиатекстах о профессиональной деятельности фокус может сдвигаться в сторону чувствительности к своим и чужим переживаниям, а обсуждение истории успеха – превращаться в историю внутреннего мира персонажа.

Еще одной гранью данного процесса становится трансформация авторства посредством расширения данного понятия за счет развития блогинга как персонального журнализма нового типа, созданного обычными пользователями для публичной трансляции своих идей, эмоций и переживаний (подробно об этом см.: [Зверева, Стрыгина, 2022, с. 130]). С.Н. Оводова такое пользовательское высказывание называет «голосом неуслышанных», подчеркивая значение «новой искренности», которая как нельзя лучше позволяет говорить о травмах различного рода [Оводова, 2021, с. 33]. Литературный критик Юлия Поддубнова отмечает типичность для «новой искренности» исповедального дискурса в его различных формах, внимание на внутренние переживания и аффекты: «В центр эпохи метамодерна выдвинулась сложно устроенная, гиперчувствительная (на грани с ментальными расстройствами), настроенная на рефлекссию и соблюдение частных границ личность» [Поддубнова, 2023]. В этом, на наш взгляд, заключается основное отличие иронии постмодерна с ее язвительностью и обличительностью от постиронии «новой искренности», которая обращается к чувствительности как спасению от чрезмерного цинизма, используя ироническую интонацию для защиты личного пространства.

Выделим характерные черты, свойственные иронии: она понятна, контекстуальна, то есть читателю необходимо обладать знаниями о том явлении или событии, которое высмеивается. Для постиронии характерны следующие черты: она предназначается не для широкого круга лиц; читателю нужно использовать интеллектуальные способности для понимания смысла; юмор маскируется под серьезность и озадачивает тех, кто не привык думать над смыслом прочитанного или увиденного [Осокин, 2019; Зубков, Лисик, 2020].

Исследователи подчеркивают постмодернистский стержень постиронии и, одновременно, ее компромиссную, связующую функцию между интеллектуальным наследием прошлого и формирующимся стилем современной культуры, «когда постмодернистская оптика перестает различать полутона. Эстетический проект постмодерна предстает здесь вписанным в зрение постироника как заданная предшествующим поколением структура восприятия, а не средство критики действительности...» [Осокин, 2019, с. 14].

В.М. Пивоев, посвятивший иронии не одно исследование, высказывает схожие идеи в понимании данного термина и механизма концептуального развития иронии в постиронию: «Ирония является свидетельством определенного уровня зрелости культуры. Как заметил В.Г. Белинский, «чтобы понимать комическое, надо стоять на высокой степени образованности. Аристофан был последним великим поэтом древней Греции. Толпе доступен лишь внешний комизм; она не понимает, что есть точки, где комическое сходится с трагическим и возбуждает уже не легкий и радостный, а болезненный и горький смех. <...> ...Толпа никогда не поймет... иронии» (цит. по: [Пивоев, 2017, с. 7]). «Отсюда понятна роль конвенциональной иронии как способа выявления “своих”, как способа самооправдания и самовозвышения. В то же время ирония является свидетельством разрушения целостности древнего мифологического сознания и инструментом обновления ценностной картины мира, которая исчерпала потенциал своего развития в рамках актуальной парадигмы. <...> ...Смех вносит в “одностороннюю серьезность” корректив реальности, которая сложнее и противоречивее застывшего мифа» [Пивоев, 2017, с. 7–8].

На наш взгляд, два отмеченных В.М. Пивоевым важнейших момента, характеризующие универсалии человеческой психики, могут и должны быть учтены сегодня в гуманитарных исследованиях.

Первый – это мысль о том, что ирония представляет собой способ определения «своих». Ирония – форма интеллектуализма, которая создает смысловую структуру трех противоречивых и взаимно дополнительных планов: внешнее утверждение, внутреннее отри-

цание, конечное утверждение. Ирония проявляется в бимодальности интровертного и экстравертного векторов ее выражения и двунаправленности – на объект и на себя. Чтобы верно воспринимать и держать в поле сознания эти измерения иронии, необходимо обладать богатым интеллектуальным опытом. Вот почему ирония часто имеет у интеллектуалов конвенциональный смысл опознания «своего». Это «пробный камень», которым испытывают «чужого», прежде чем принять его в свой круг [Пивоев, 2017, с. 31].

Второй момент заключается в том, что ирония вступает в силу тогда, когда субъект иронии высказывается в ироническом ключе в отношении тех явлений, которые общество фетиширует, считая кощунственным смеяться или оспаривать, то есть речь идет именно о неких застывших формах, будь то идеи, люди или события. В.М. Пивоев точно подмечает: «Если комическое можно образно определить как отношение к “мнимой величине”, то ирония – это отношение к величине, “мнимость” которой еще не очевидна, ирония раскрывает, усиливает и разоблачает “мнимость” и ничтожность, пустоту и бессодержательность предмета, внешне все еще сохраняющего свою величину и значительность и требующего к себе прежнего отношения. <...> Как и другие виды комического, ирония опирается в своей критике объекта на определенное представление об идеале, на представление о наивысшей гармонии социального функционирования» [Пивоев, 2017, с. 42–43].

Таким образом, ирония рождается, условно говоря, в два этапа: осмысление явления (и это ее рефлексивно-познавательная сторона) и выражение и переживание ценностного отношения. Именно это позволяет нам предположить, что ирония служит категорией прототипической, на своей периферии пересекаясь с другими видами комического, которые могут быть использованы с целью иронизации при создании общей картины. Именно прототипический характер категории приводит к тому, что из категории комического она может перетекать в категорию трагического, возвышенного или прекрасного, в зависимости от того, как проходят описанные выше процессы ее порождения.

Итак, ирония ставит под сомнение общепринятые нормы, но делает это неявно. Она

не опровергает и не высмеивает, а задает вопрос, не отвечая на него, а лишь намекая, давая повод задуматься, запуская процесс переосмысления, приглашая к совместному рассуждению и, таким образом, способствуя выражению искренности, которое возможно в современных условиях. Вместе с этим ирония всегда содержит в себе маркер «своичужие»: «свои» считывают смысл, слышат задаваемый вопрос, обозначенное сомнение, «чужие» же этого смысла не считывают, так как не видят иронии.

Следовательно, можно утверждать, что «новая искренность» и постирония представляют собой поэтапную прогрессию наивного аспекта в ироническом приеме, демонстрируют сложные отношения с объектами иронии и ярко показывают, «насколько зыбки и условны границы между критикой и солидарностью, насмешкой и сочувствием, ироником – и его “жертвой”» [Осокин, 2019, с. 16]. Ирония как прием концептуально трансформируется в постиронию и служит для выражения философии «новой искренности». Это позволяет откровенно говорить о психологических травмах, чувствах, сокровенном, оставаясь защищенными постироническим «флером». Постирония снимает избыточную серьезность, которая могла бы лишь усилить травматизм и драматизм.

Как показывают наблюдения за современной медиакоммуникацией, в обществе сформировался запрос на «новую искренность», который не в последнюю очередь стимулируется технологиями новой медийной реальности. Цель нашего исследования – охарактеризовать потенциал массмедиа в использовании иронии и постиронии в качестве средств выражений «новой искренности».

Материал и методы

Материалом стали известные отечественные и зарубежные издания – интеллектуальные журналы «Правила жизни» (ранее «Esquire») и «The New Yorker» за 2021–2023 годы.

Издания данного типа традиционно считаются неотъемлемой частью и ярким примером постмодернистской культуры (см. об этом: [Зверева, Гордеева, 2019, с. 118]), поскольку обладают следующими отличительными чер-

тами: концептуальность, выраженное авторство, специализированная направленность, новый язык изложения и подачи материала. Интеллектуальный журнал создает ценности культуры, транслируя информацию на качественном уровне и ориентируясь на высокий уровень подготовки аудитории, формирует определенный стиль жизни, в котором литература занимает одно из мест, наряду с общественно-политическими темами, популярной культурой, здоровым образом жизни, модой и развлечениями [Зверева, Гордеева, 2019, с. 117]. Выбранные для исследования журналы являются трансляторами современных ценностей.

Ирония как эстетическая категория, позволяющая воплощать идеологию «новой искренности» и постиронии, может выражаться как вербальными, так и визуальными средствами, а иногда сочетать их. В данном исследовании мы фокусируемся на изучении языковых средств (визуальные средства характеризуются только в тех случаях, когда они образуют с вербальными средствами единый комплекс).

Обобщая труды Б.А. Гомлешко [2008], О.Л. Заболотневой [2013], С.И. Походня [1989], В.О. Пигулевского [2002], К.М. Шилихиной [2010], мы ориентируемся на классификацию языковых средств выражения иронии и постиронии по признаку принадлежности к различным уровням языка: фонетические (парономазия, имитация звуков, отсылающих к какому-то явлению), лексические (игра слов, в том числе основанная на разных значениях одного и того же слова), синтаксические (вставные конструкции), стилистические (намеренное завышение или снижение стилового фона, антитеза, овеществление отвлеченных понятий, перифраз, метафора, цитирование широко известных текстов, парадокс, диссонанс, риторические вопросы). Кроме того, учитывалось наличие графических средств актуализации смысла (кавычки, скобки, дефис, курсив).

Если языковые средства создания иронии в массмедиа и проявление иронического повествования в СМИ уже не раз становились объектом исследования (см. работы А.А. Тертычного, Г.Я. Солганика, Л.Р. Дукаевой, Н.И. Клушиной и др.), то языковые средства выражения постиронии в медийной

практике находятся в начальной стадии изучения. Наиболее перспективным для исследования этого явления нам представляется комплексный подход, сочетающий методы контекстуального, языкового прагматического и стилистического анализа.

Результаты и обсуждение

Языковые средства выражения иронии и постиронии в журнале «Правила жизни»

В журнале «Правила жизни» ирония выражается в разных структурных компонентах публикаций и в материалах разных типов.

В заголовках статей ирония реализуется, во-первых, посредством обыгрывания многозначности слов. Например, в номере о русском авангарде (2023, № 5) один из материалов назван «Уравнение с квадратом». В этом случае подразумевается не математическое выражение x^2 , а картина «Черный квадрат» Казимира Малевича. Во-вторых, названия публикаций отсылают читателя к именам собственным: «Дальний восторг» (Дальний Восток), «Юань да Марья» (Иван-да-Марья), «Улицы разбитых фонарей» (российский сериал), «Полуостров сокровищ» (роман Р.Л. Стивенсона «Остров сокровищ»), «Приключение электроники» («Приключения Электроника», советский детский телефильм). Авторы не только отсылают к известному наименованию, но и зачастую экспериментируют с его звучанием, чтобы добиться иронии. Схожий принцип реализуется и при использовании устойчивых выражений. Например, в таких заголовках, как «Из-под палочки», «Код наплакал», «Верующие попадут в Дубай». В целом основным средством создания иронии в заголовках журнала «Правила жизни» является каламбур.

Письма главного редактора, размещенные в начале каждого номера, тоже содержат иронию. Эти тексты не только служат своеобразной аннотацией журнала, но и акцентируют внимание на проблемах, связанных с рассматриваемой в номере темой. В письме к № 3 за 2022 г. («Разворот на Восток») Сергей Минаев пишет о поспешности выводов, касающихся партнерства России со странами Востока – преимущественно с Китаем и Индией:

(1) ...Осталось лишь обсудить незначительные детали. Например, где в этом новом международном буфете будут стоять столы, какого цвета выбрать посуду, и насколько важна... фоновая музыка (Правила жизни. 2022. № 3).

В этих строках считываются намеренное преуменьшение и иносказательность: к сожалению, не только блогеры, но и специалисты занимаются прогнозированием событий, стремясь оказаться в информационном потоке, в то время как от них требуется всесторонний, кропотливый анализ. Однозначное мнение, сформулированное без достаточного внимания к теме, в данной ситуации кажется весьма наивным. Мы считаем, что именно над этой наивностью иронизирует Сергей Минаев.

Рассмотрим еще один пример – фрагмент письма «Дубайское поле экспериментов»:

(2) Позже Дубай стал местом зимнего отдыха корпоративных менеджеров среднего звена, а еще позже – точкой притяжения любителей потратить за выходные несколько десятков тысяч долларов так, чтобы «элитнее», чем в Сочи... (Правила жизни. 2023. № 7).

Здесь ирония выражается не только благодаря перифразу, основанному на усредненных признаках описываемой социальной группы, но и графически – с помощью кавычек.

Ирония создается в результате олицетворения (3) или сравнения (4):

(3) ...В гости к собственным деньгам (Правила жизни. 2023. № 7);

(4) ...Денег больше, чем песка в окрестной пустыне... (Правила жизни. 2023. № 7).

Встречается намеренное преуменьшение:

(5) ...Нужно всего ничего: вложить миллионов пять... (Правила жизни. 2023. № 7).

Таким образом, главный редактор «Правил жизни» в своих письмах выражает иронию графически, лексически и стилистически.

На разворотах издания периодически размещаются ироничные цитаты, которые подбираются в соответствии с темой номера. Например, в номере об азиатской культуре:

(6) «Опасные мысли – те, которые заставляют шевелить мозгами» (Рюноске Акутагава, японский писатель) (Правила жизни. 2022. № 3);

(7) «Однажды я провел в размышлениях целый день без еды и целую ночь без сна, но я ничего не добился» (Конфуций, китайский мыслитель) (Правила жизни. 2022. № 3).

Средства создания иронии в текстах статей разнообразны. Часто используются вставные конструкции в скобках. Например, в статье филолога и искусствоведа Арсения Дежурова «Цена шедевра»:

(8) Разбогатеть при помощи искусства сложно (разбогатеть вообще не просто, как вы заметили) (Правила жизни. 2022–2023. № 4);

(9) ...Под восемьдесят Афродит Книдских (все неточные) (Правила жизни. 2022–2023. № 4);

(10) ...Замок с угожьями, хоть и небольшой (это дача) (Правила жизни. 2022–2023. № 4).

Каждое из таких дополнений небольшое по объему, но оно помогает автору найти общий язык с читателем. Такой формат «диалога» способствует легкому восприятию информации и заинтересованности читателя.

В текстах анализируемого издания представлена ирония, скрытая в риторических вопросах:

(11) И действительно – зачем продавать китайский автомобиль, чтобы купить китайский автомобиль? (Правила жизни. 2022. № 3);

(12) ...Или технике Apple как основополагающей ценности не страшны даже санкции? (Правила жизни. 2022. № 3).

В этом же тексте представлен еще один ироничный контекст:

(13) Кроме цены у китайских автомобилей есть еще одно преимущество: их можно купить. «Правила жизни» не претендуют на роль экспертов... но рискнут назвать это преимущество ключевым (Правила жизни. 2022. № 3).

Ироничный эффект возникает в результате того, что авторы прежде всего акцентируют доступность китайских автомобилей, которая должна восприниматься как нечто вполне естественное, однако в условиях реального мира все складывается иначе. Серьезный тон высказывания скрывает иронию, а слово *рискнуть* усиливает впечатление насмешки над экспертностью в целом.

В отдельной рубрике с цитатами, название которой совпадает с названием журнала –

«Правила жизни», представлены не только те высказывания, которые покажутся читателям мудрыми, но и ироничные, а иногда – откровенно смешные. Например, режиссер из Сеула Пак Чхан Ук и его цитата:

(14) Нам внушают: если ты чего-то очень хочешь, надо стараться, работать – и все получится. Но это абсурд. Невозможное невозможно (Правила жизни. 2022. № 3).

Здесь словесно обыгрывается известное устойчивое выражение *невозможное возможно*, общепринятой истине противопоставляется истина реальная. В информационном пространстве, полном идеализированных образов, иногда полезно услышать, что не все получается, даже если приложить колоссальные усилия. В эту же рубрику помещены цитаты корейской поп-группы «BTS». Среди высказываний типа «*Наши фанаты – это наши крылья*» или «*Нельзя перестать совершенствоваться*» есть несколько таких, которые наверняка удивят читателя и рассмешат его. Например:

(15) «Зимний медведь, оо, оо, оо, спи, как зимний медведь, оо, оо, оо, спи, как зимний медведь» (Правила жизни. 2022. № 3);

(16) «Дин-на-на-на, на-на-на-на-на-на, на-на-на, жизнь как динамит» (Правила жизни. 2022. № 3).

Сложно предположить, что именно повлияло на выбор этих цитат. Возможно, первой авторы подтверждают стереотипное неравнодушие россиян к медведям ради комического эффекта, а во второй отправляют читателям вполне серьезное послание о том, что жизнь непредсказуема.

Элементы постиронии встречаются в журнале «Правила жизни» в публикациях, посвященных вопросам, связанным с проблемами переосмысления прошлого и его личностной оценки. Немаловажная роль отводится теме личного пространства. Например, в материале «Правила жизни студентов» приведено следующее высказывание одного из опрошенных студентов:

(17) У меня была мечта стать тренером по боксу. Чтобы ближе к преклонному возрасту я был окружен крутыми парнями, способными, в случае чего, меня защитить. Но я и боксом-то никогда не занимался (Правила жизни. 2022. № 2).

Будучи отчасти серьезным, отчасти иронизируя, автор высказывания откровенно говорит о своей потребности в безопасности. Любому читателю эта потребность не чужда. «Способ» ее достижения, проиллюстрированный студентом, конечно, комичен, но упоминание о том, что человеку важно очертить и сохранить свои границы, производит впечатление искренности, смягчая серьезность обсуждаемой темы, трансформируя иронию в постиронию.

(18) Да, если честно, в 15 лет я хотела стать рок-звездой. Все еще надеюсь (Правила жизни. 2022. № 2).

Это высказывание иллюстратора Марии Шишовой о детской мечте формирует контекстное поле проблематики нереализованных или «несерьезных» идей, упущенных возможностей. Ирония строится на диссонансе детской мечты и взрослого возраста автора высказывания. Подобное соединение иронии с чувством сожаления создает мягкую постироничную интонацию, используемую автором высказывания для защиты личного пространства.

В выпуске о комиксах Анна Рыжова на вопрос «Что нужно знать о вас читателю, прежде чем он возьмется за ваш комикс?» отвечает:

(19) Наверное, что я правда нервная и параноидальная личность. И что жанр хоррор для меня комфортный (Правила жизни. 2023. № 6). С одной стороны, читателя может позабавить подобная формулировка, но, с другой стороны, художник открыто говорит об особенностях своего восприятия, которые могут трактоваться окружающими как черты «странного человека». Самоирония в данном случае способствует сокращению дистанции общения между художником и аудиторией, создает интонации «новой искренности».

В материале «Банк-рок» примечателен следующий фрагмент:

(20) Liquid Death... на упаковке указывает, что «в составе продукта присутствуют только полностью натуральные демоны» (вероятно, демоны запрещены на территории РФ, а если нет, то это следовало бы сделать (Правила жизни. 2022–2023. № 4).

Постирония в мягкой форме акцентирует внимание читателя на тенденции предлагать запретить все, что непонятно или только представляется опасным, оказывающим негативное влияние. Хотя эти инициативы вызваны желанием защитить, ситуация может стать абсурдной. Дополнение, оставленное редакторами «Правил жизни» в скобках, как своеобразная проверка: если читатель считает, что запретить демонов на законодательном уровне – отличная идея, то, возможно, это хороший повод задуматься об уровне его разумности. Это весьма примечательный пример проявления философии «новой искренности», отражающий наш последний опыт травматизма – запреты на то, к чему мы привыкли.

Итак, в журнале «Правила жизни» ирония и постирония, которые являются неотъемлемой частью каждого номера, реализуются на лексическом, синтаксическом и стилистическом уровнях. Кроме того, используются возможности графики. «Правила жизни» активно стимулируют аудиторию к переосмыслению закрепившихся в обществе установок. Авторы журнала готовы разговаривать с думающим читателем о чувствах и переживаниях человека, но, сообразно философии «новой искренности», делают это с мягкой иронией и сочувствием.

Языковые средства выражения иронии и постиронии в журнале «The New Yorker»

Выражения иронии и постиронии в данном издании в большой степени связано с карикатурами. Тематика подавляющего большинства карикатур ориентирована на обыденные ситуации, личностные проявления человека, отражая концепцию «новой искренности». Приведем примеры.

В выпуске от 24.01.2022 опубликована карикатура, посвященная здоровому перекусу (Healthy snacks). На ней изображен хот-дог для спортивного зала (*gym-based hotdog*), крошечный брауни (*tiny brownie*), недостижимые чипсы (*out-of-reach chips*). Эффект иронии возникает за счет использования определений, которые создают диссонанс с определяемым (хот-дог и спортивный зал, чипсы и недостижимые).

На другой карикатуре изображена семья (мать, отец и двое детей), над ними надпись: *Thoughts and Prayers* (Мысли и молитвы²). Мысли родителей: *I think we'll have stew for dinner* (Я думаю, у нас будет тушеное мясо на ужин). Молитвы детей: *God, please, don't let it be stew* (Господи, пожалуйста, только не тушеное мясо). Иронический эффект создается за счет намеренного снижения стилистического фона (молитва связана с размышлениями о возвышенном и важном, а в данном случае речь идет о тушеном мясе: этот контраст демонстрирует интенсивность эмоций детей по отношению к нелюбимому блюду).

Ирония может быть построена на диссонансе. Например, на карикатуре один мужчина обращается к другому с фразой: *Your passionate respect for physical books is put into doubt by your use of them as coasters* (Твое страстное уважение к бумажным книгам ставится под сомнение из-за того, что ты используешь их в качестве подставок). При этом на тумбочке лежит книга, а на ней стоит стакан. В данном случае несоответствие возвышенного отношения (страстное уважение) и утилитарного использования (подставка) создает эффект иронии.

В выпуске от 06.12.2021 опубликована карикатура, изображающая мужчину, который смотрит на комнатное растение, пребывающее в плачевном состоянии, и рассуждает: *I can't tell whether you've had too much or not enough* (Не могу сказать, перелил ли я тебя или засушил). Иронический эффект создает антитеза.

В этом же выпуске опубликована карикатура на ковидную тему: один мужчина пожимает другому руку с фразой *Isn't it nice to exchange good old-fashioned germs again?* (Ведь правда приятно вновь обменяться старыми добрыми микробами?). Эффект иронии достигается за счет того, что одно понятие (рукопожатие) заменяется другим (обмен микробами), трансформируя смысл ритуального действия приветствия.

В номере от 01.08.2022 встречаем карикатуру, на которой обыгрываются разные значения слова *cookies*: «небольшой фрагмент данных, отправленный веб-сервером и хранимый на компьютере пользователя» и «печенье». Заголовок карикатуры гласит: *About*

cookies on the site (О «куки» на сайте). Далее следуют варианты выбора: *I accept* (Я принимаю); *I accept, but I'm not happy* (Я принимаю, но мне это не нравится); *Can I have just half a cookie* (А можно мне половину печенья?); *I deny your disgusting cookies* (Я отвергаю наши отвратительные печенья); *Give me all your cookies. NOW!* (Отдайте мне все ваши печенья. СЕЙЧАС ЖЕ!). Слом ожидания в середине перечня, возникающий в результате актуализации другого значения слова, создает комический эффект.

Зачастую заголовок или подзаголовок статьи и иллюстрации создают синкретичный эффект постиронии, совмещая визуальные и лексические средства ее создания. В выпуске от 15.08.2022 в рубрике «A Reporter at Large» («Свободный репортер») опубликована статья «Goodbye, Columbus» («До свидания, Колумб») с подзаголовком «How an extreme minority has upended democracy in Ohio» («Как крайнее меньшинство перевернуло демократию к Огайо»). На иллюстрации к ней изображены контуры штата Огайо, который «переворачивается» и меняет свой цвет. Иллюстрация отсылает нас к так называемым «красным штатам» (республиканским) и «синими штатам» (демократическим). Иллюстрация буквально обыгрывает значение глагола *to upend* (перевернуть). Заголовок же статьи, которая посвящена теме абортов, отсылает читателя к новелле Филипа Рота с одноименным названием, где поднимается (наряду с другими) тема контрацепции. Элементы иронии позволяют смягчить в духе «новой искренности» серьезность и травматичность обсуждаемой темы, превращая иронию в постиронию.

В выпуск от 15.08.2022 включена статья «Why you shouldn't room with James Taylor» («Почему вам не следует жить с Джеймсом Тейлором»), где на иллюстрации изображен мужчина, занявший собой все пространство дома. Ирония создается в результате языковой игры, которая основывается на значениях глагола *to room* («делить с кем-то жилье» и «помещаться»). В статье речь идет о человеке, который занимает собой все пространство, не желая следовать правилам жизни, принятым в доме, и считаться с другими жильцами. «Новая искренность» с ее стремлени-

ем говорить о травмирующем опыте выражается через мягкую постиронию.

В выпуске от 01.08.2022 опубликован материал, который называется «Share and Share Alike» («Все пополам» или «Делиться по-братски»). В ней речь идет о двух братьях, которые придумали нетривиальную бизнес-схему. В качестве заголовка используется выражение *share and share alike* со значением «делиться по-братски», однако в контексте содержания статьи абстрактное понятие братства трансформируется в конкретное – братья. Таким образом, эффект иронии создается за счет совмещения абстрактного и конкретного значений одного выражения. Этот эффект усиливается иллюстрацией-коллажем, выполненной в контрастных тонах и геометрических линиях. В данном примере через постиронию ярко показана концепция «новой искренности»: абстрактный и безличный бизнес «переведен» в личностный план двух конкретных людей.

Постирония и «новая искренность» в журнале «The New Yorker» обнаруживаются в стихотворениях, которые являются неотъемлемой частью издания и публикуются в каждом выпуске. Через призму философии «новой искренности» авторы говорят о «болевых точках» человека, мягко иронизируя над ним, с одной стороны, и сочувствуя ему – с другой. В этом и реализуется постирония. Например, стихотворение «Saving» («Сбережения») из выпуска от 01.11.2021:

(21) My mother saves empty / Containers, boxes, glass spice / Jars, bottles, plastic bags. / Something *could* be / Put in it, one day, / One day it *could* be useful. / & sometimes she is right. / The word board means / hidden treasure. / My mother the dragon / With her empty jars / & cardboard boxes.

Моя мать хранит пустые контейнеры, коробки, стеклянные банки из-под специй, бутылки, полиэтиленовые пакеты. В них *можно было бы* что-нибудь положить, однажды они *могли бы* пригодиться. И иногда она права. Слово «комод» означает спрятанное сокровище. Моя мама-дракон с ее пустыми банками и картонными коробками.

Иронический эффект в данном случае создается как за счет графических средств, курсива, который ставит под сомнение реальность того, что перечисленные вещи когда-либо будут использованы, так и за счет лек-

сических средств – употребления слов *treasure* (сокровище), *dragon* (дракон), которые отсылают к преданиям о том, что драконы охраняют сокровища, и контрастируют со словами *empty containers, jars, plastic bags* (пустые контейнеры, банки, полиэтиленовые мешки).

Рассмотрим еще одно короткое стихотворение из выпуска от 15.08.2022:

(22) She's a clever dog, but she can't understand / that the leash – a fifty footer I staked / out back so she can explore our patch of land – / is tangling, trailing her like a wake / or like a crayon's line looping through / a placemat maze. She ambles a few feet / to sniff a clump of leaves, slaloms between two / poles beneath the deck, then visits the slab of concrete / where I sit at the pandemic picnic table writing, / then she doubles back to find a place to pee. / The leash has been recording / her every turn, and her territory, / which was the while wide yard, is diminishing. / Bewildered, suddenly stuck, she's me.

Она умная собака, но не может понять, что поводок – пятидесятифутовый поводок, который я откинул сзади, чтобы она могла исследовать наш участок земли, – запутывается, тянется за ней, как след или как линия карандаша, петляющая на лабиринте сервировочной подложки. Она проходит несколько футов, чтобы обнюхать комок листьев, лавирует между двумя столбами под верандой, затем подходит к бетонной плите, где я сижу за столом для пикника во время пандемии и пишу, затем возвращается назад, чтобы найти место, где можно пописать. Поводок фиксировал ее каждый поворот, а ее территория, которая раньше была широким двором, уменьшается. Сбитая с толку, внезапно застрявшая, она – это я.

Постиронический эффект стихотворения манифестируется в последней строфе, посредством развернутой метафоры (собака и ее жизнь) автор стихотворения рассказывает о своей жизни в период пандемии ковида.

Сочетание присущих журналу «The New Yorker» элитарности и остроумия позволяет говорить о постиронии как особом стиле этого издания. Журнал, безусловно, предназначен для «своих»: во-первых, пространственно «своих» – жителей города Нью-Йорка, во-вторых, идеологически «своих» – людей, пребывающих в определенной парадигме идей и мнений, среди которых можно выделить демократию и гуманизм. Снижение пафоса в обсуждении сложных тем осуществляется посредством

постиронии, которая пронизывает каждый номер журнала и реализует идеологию «новой искренности»: это не открытая смеховая позиция, не «отрицающий» скептицизм, не «черная» насмешка, а именно тот фокус, через который явление не отрицается, но осмысливается.

Заключение

Эмпирическое исследование современных интеллектуальных изданий «Правила жизни» (ранее «Esquire») и «The New Yorker» позволило выявить многообразие средств выражения иронии (лексических, синтаксических, стилистических, графических), которая на концептуальном уровне трансформируется в постиронию.

Проецирование концепции «новой искренности» на сферу массмедиа применительно к современным интеллектуальным изданиям достигнуто при помощи систематизации составляющих данной концепции и определения характерных черт постиронии, отразивших обновление коммуникативных стратегий.

Постирония представляет собой стилеобразующую категорию интеллектуальных изданий, подчиняя разнообразным элементам, в том числе языковым, общей цели, то есть в совокупности этих элементов создается постиронический стиль, проявляющийся в полутонах, снижении пафоса, отсутствии открытой критики и высмеивания. Следовательно, журналы «Правила жизни» (ранее «Esquire») и «The New Yorker» становятся носителями философии «новой искренности», демонстрируя уход от иронии отрицания к постиронии чувствительности, откровенности и сочувствия.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено в рамках реализации программы развития ТГУ имени Г.Р. Державина «Приоритет-2030».

The study has been carried out as a part of the “Priority-2030” development program of Tambov State University named after G.R. Derzhavin.

² Здесь и далее перевод с английского наш.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гладко М. А., 2022. Лингвистическая репрезентация «новой искренности» и чувствительности в медиапространстве // Terra Linguistica. № 4. С. 7–21.
- Гомлешко Б. А., 2008. Прагматические функции иронии в тексте // Вестник Адыгейского государственного университета. № 3. С. 11–13.
- Десятерик Д., 2014. Новая искренность // Альтернативная культура. Энциклопедия. URL: <https://rus-alternative-culture-enc.slovaronline.com/79-Новая%20искренность>
- Дускаева Л. Р., Щеглова Е. А., 2019. Комическое в речевой архитектуре новостного гипермедиа-текста // Русистика в XXI веке: тенденции и направления развития : сб. ст. Ереван : Ерев. гос. ун-т. С. 268–273.
- Заболотнева О. Л., 2013. Лингвокогнитивные средства выражения иронии в художественном дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. № 24 (315). С. 84–88.
- Зверева Е. А., Гордеева М. М., 2019. Современные интеллектуальные журналы как явление культуры и цивилизации // Вестник НГУ. Серия: История, филология. Т. 18, № 6 : Журналистика. С. 115–128. DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-6-115-128
- Зверева Е. А., Стрыгина О. А., 2022. Трансформация авторства в сетевых медиа // Знак: проблемное поле медиаобразования. № 4 (46). С. 123–132.
- Зубков А. А., Лисик Т. В., 2020. Постирония как современное явление в отечественном интернет-пространстве // Общество. Наука. Инновации : сб. ст. XX Всерос. науч.-практ. конф. В 2 т. Т. 1. Киров : Вят. гос. ун-т. С. 247–253.
- Иссерс О. С., 2020. Грани «новой искренности» в современной политической коммуникации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История. Филология. Т. 19, № 6. С. 216–227. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227
- Клушина Н. И., 2020. Мультимедиаальный код языка и его роль в политической лингвистике // Политическая лингвистика. № 6 (84). С. 19–25. DOI: 10.26170/pl20-06-02
- Кожеватова И. С., 2014. Лексико-семантические средства создания иронии в структуре публицистического текста // Высшее гуманитарное образование XXI века: проблемы и перспективы : материалы Девятой Междунар. науч.-практ. конф., Самара, 15–17 сент. 2014 г. Самара : Поволж. гос. соц.-гуманит. акад. С. 81–85.
- Оводова С. Н., 2021. Голоса «неуслышанных» и «новая искренность»: практики геронтологического, пенитенциарного, этнического, религиозного исключения и их осмысление

в современной теории и философии культуры (постановка проблемы) // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. № 3 (32). С. 33–38. DOI: 10.36809/2309-9380-2021-32-33-38

- Осокин А. Н., 2019. Прогрессия наивного аспекта в трех формах иронической чувствительности: от эстетики Кэмп к феноменам Новой искренности и пост-иронии // Культура и искусство. № 10. С. 7–17.
- Пивоев В. М., 2017. Ирония как феномен культуры : монография. М. ; Берлин : Директ-Медиа. 112 с.
- Пигулевский В. О., 2002. Ирония и вымысел: от романтизма к постмодернизму. Ростов н/Д : Фолиант. 418 с.
- Поддубнова Ю., 2023. К маме с небритыми ногами: «новая искренность» в эпоху метамодерна // Знамя. № 2. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2023/2/k-mame-s-nebrityimi-nogami-novaya-iskrennost-v-epohu-metamoderna.html>
- Походня С. И., 1989. Языковые виды и средства реализации иронии. Киев : Наукова думка. 126 с.
- Ровская А. Е., 2019. Между иронией и искренностью: метамодернизм в мультсериале «Конь Боджек» // Modern Science. № 5-4. С. 41–46.
- Савчук В. В., 2000. Идеология постинформационной искренности // Художественный журнал. № 30/31. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/80/article/1741>
- Солганик Г. Я., Клушина Н. И., 2014. Публицистический стиль, или газетно-публицистический стиль, или стиль массовой коммуникации // Эффективное речевое общение (базовые компетенции) : слов.-справ. / под ред. А. П. Сквородникова. Красноярск : Сиб. федер. ун-т. С. 499–501.
- Тертычный А. А., 2004. Ирония – извилистый путь к истине // Журналист. № 3. С. 77–79.
- Шилихина К. М., 2010. Современные теории иронии // Вестник ВГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. С. 228–230.
- Fitzgerald J. D., 2017. Not Your Mother's Morals: How the New Sincerity is Changing Pop Culture for the Better. N. Y. : RosettaBooks. 52 p.
- Timmer N., 2010. Do You Feel It Too?: The Post-Postmodern Syndrome in American Fiction at the Turn of the Millennium. Amsterdam ; N. Y. : Rodopi. 390 p.

ИСТОЧНИКИ

- Правила жизни. 2022. № 2.
Правила жизни. 2022. № 3.

- Правила жизни. 2022–2023. № 4.
Правила жизни. 2023. № 6.
Правила жизни. 2023. № 7.
The New Yorker. 2021. 6 Dec.
The New Yorker. 2021. 1 Nov.
The New Yorker. 2022. 24 Jan.
The New Yorker. 2022. 1 Aug.
The New Yorker. 2022. 15 Aug.

REFERENCES

- Gladko M.A., 2022. Lingvisticheskaya reprezentatsiya «novoy iskrennosti» i chuvstvitelnosti v mediaprostranstve [Linguistic Representation of the “New Sincerity” and Sensitivity in the Media Space]. *Terra Linguistica*, no. 4, pp. 7-21.
- Gomleshko B.A., 2008. Pragmaticheskie funktsii ironii v tekste [Pragmatic Functions of Irony in Text]. *Vestnik Adygeyskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Adygea State University], no. 3, pp. 11-13.
- Desyaterik D., 2014. Novaya iskrennost [New Sincerity]. *Alternativnaya kultura. Entsiklopediya* [Alternative Culture. Encyclopedia]. URL: <https://rus-alternative-culture-enc.slovaronline.com/79-Новая%20искренность>
- Duskaeva L.R., Shcheglova E.A., 2019. Komicheskoe v rechevoy arkhitekture novostnogo gipermediateksta [Comic in the Speech Architecture of News Hypermediatext]. *Rusistika v XXI veke: tendentsii i napravleniya razvitiya: sb. st.* [Russian Studies in the 21st Century: Trends and Directions of Development. Collection of Articles]. Yerevan, Yerev. gos. un-t, pp. 268-273.
- Zabolotneva O.L., 2013. Lingvokognitivnye sredstva vyrazheniya ironii v khudozhestvennom diskurse [Linguocognitive Means of Expressing Irony in Artistic Discourse]. *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Chelyabinsk State University], no. 24 (315), pp. 84-88.
- Zvereva E.A., Gordeeva M.M., 2019. Sovremennye intellektualnye zhurnaly kak yavlenie kultury i tsivilizatsii [Modern Intellectual Magazines as Phenomenon of Culture and Civilization]. *Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], vol. 18, no. 6: Journalism, pp. 115-128. DOI: 10.25205/1818-7919-2019-18-6-115-128
- Zvereva E.A., Strygina O.A., 2022. Transformatsiya avtorstva v setevykh media [Transformation of Authorship in Networked Media]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign: Problem Field of Media Education], no. 4 (46), pp. 123-132.

- Zubkov A.A., Lisik T.V., 2020. Postironiya kak sovremennoe yavlenie v otechestvennom internet-prostranstve [Post-Irony as a Modern Phenomenon in the Domestic Internet Space]. *Obshchestvo. Nauka. Innovatsii: sb. st. XX Vseros. nauch.-prakt. konf. V 2 t. T. 1* [Society. Science. Innovations. Collection of Articles of the 20th All-Russian Scientific and Practical Conference. In 2 Vols. Vol. 1]. Kirov, Vyat. gos. un-t, pp. 247-253.
- Issers O.S., 2020. Grani «novoy iskrennosti» v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii [Dimensions of “New Sincerity” in Modern Political Communication]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya. Filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], vol. 19, no. 6, pp. 216-227. DOI 10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227
- Klushina N.I., 2020. Multimedialnyy kod yazyka i ego rol v politicheskoy lingvistike [Multimedia Language Code and its Role in Political Linguistics]. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics], no. 6(84), pp. 19-25. DOI: 10.26170/pl20-06-02
- Kozhevatoва I.S., 2014. Leksiko-semanticheskie sredstva sozdaniya ironii v strukture publitsisticheskogo teksta [Lexical-Semantic Means of Creating Irony in the Structure of Publicistic Text]. *Vyshee gumanitarnoe obrazovanie XXI veka: problemy i perspektivy: materialy Devyatoy Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., Samara, 15–17 sent. 2014 g.* [Higher Humanities Education of the 21st Century: Problems and Prospects. Proceedings of the Ninth International Scientific and Practical Conference, Samara, September 15–17, 2014]. Samara, Povolzh. gos. sots.-gumanit. akad., pp. 81-85.
- Ovodova S.N., 2021. Golosa «neuslyshannykh» i «novaya iskrennost»: praktiki gerontologicheskogo, penitentsiarnogo, etnicheskogo, religioznogo isklucheniya i ikh osmyslenie v sovremennoy teorii i filosofii kultury (postanovka problemy) [Voices of the “Unheard” and “New Sincerity”: Practices of Gerontological, Penitentiary, Ethnic, Religious Exclusion and Their Understanding in Modern Theory and Philosophy of Culture (Problem Statement)]. *Vestnik Omskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniya* [Review of Omsk State Pedagogical University. Humanitarian Research], no. 3 (32), pp. 33-38. DOI: 10.36809/2309-9380-2021-32-33-38
- Osokin A.N., 2019. Progressiya naivnogo aspekta v trekh formakh ironicheskoy chuvstvitelnosti: ot estetiki Kempa k fenomenam Novoy iskrennosti i post-ironii [Progression of the Naive Aspect in Three Forms of Ironic Sensibility: From Camp Aesthetics to the Phenomena of New Sincerity and Post-Irony]. *Kultura i iskusstvo* [Culture and Arts], no. 10, pp. 7-17.
- Pivoev V.M., 2017. *Ironiya kak fenomen kultury: monografiya* [Irony as a Cultural Phenomenon. Monograph]. Moscow, Berlin, Direct-Media Publ. 112 p.
- Pigulevskiy V.O., 2002. *Ironiya i vymysel: ot romantizma k postmodernizmu* [Irony and Fiction: From Romanticism to Postmodernism]. Rostov-On-Don, Foliant Publ. 418 p.
- Podlubnova Yu., 2023. K mame s nebritymi nogami: «novaya iskrennost» v epokhu metamoderna [To the Mother with Unshaven Legs: “New Sincerity” in the Era of Metamodernity]. *Znamya*, no. 2. URL: <https://magazines.gorky.media/znamia/2023/2/k-mame-s-nebritymi-nogami-novaya-iskrennost-v-epokhu-metamoderna.html>
- Pokhodnya S.I., 1989. *Yazykovyye vidy i sredstva realizatsii ironii* [Linguistic Types and Means of Realizing Irony]. Kyiv, Naukova dumka Publ. 126 p.
- Rovskaya A.E., 2019. Mezhdru ironiey i iskrennostyu: metamodernizm v multseriale «Kon BoDzhek» [Between Irony and Sincere: Metamodernism in the Animated Series “BoJack Horseman”]. *Modern Science*, no. 5-4, pp. 41-46.
- Savchuk V.V., 2000. Ideologiya postinformatsionnoy iskrennosti [Ideology of Post-Information Sincerity]. *Khudozhestvennyy zhurnal* [Art Magazine], no. 30/31. URL: <http://moscowartmagazine.com/issue/80/article/1741>
- Solganik G.Ya., Klushina N.I., 2014. Publitsisticheskii stil, ili gazetno-publitsisticheskii stil, ili stil massovoy kommunikatsii [Journalistic Style, or Newspaper-Journalistic Style, or Mass Communication Style]. Skovorodnikov A.P., ed. *Effektivnoe rechevoe obshchenie (bazovye kompetentsii): slov.-sprav.* [Effective Verbal Communication (Basic Competencies). Dictionary-Reference Book]. Krasnoyarsk, Sib. feder. un-t, pp. 499-501.
- Tertychnyy A.A., 2004. Ironiya – izvilistyy put k istine [Irony Is a Winding Path to Truth]. *Zhurnalyst* [Journalist], no. 3, pp. 77-79.
- Shilikhina K.M., 2010. Sovremennyye teorii ironii [Modern Theories of Irony]. *Vestnik VGU. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Bulletin of VSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication], no. 1, pp. 228-230.
- Fitzgerald J.D., 2017. *Not Your Mother’s Morals: How the New Sincerity is Changing Pop Culture for the Better*. New York, RosettaBooks. 52 p.
- Timmer Nicoline, 2010. *Do You Feel It Too?: The Post-Postmodern Syndrome in American Fiction at*

the Turn of the Millennium. Amsterdam, New York, Rodopi. 390 p.

Pravila zhizni [Rules of Life], 2022–2023, no. 4.

Pravila zhizni [Rules of Life], 2023, no. 6.

Pravila zhizni [Rules of Life], 2023, no. 7.

The New Yorker, 2021, 6 Dec.

The New Yorker, 2021, 1 Nov.

The New Yorker, 2022, 24 Jan.

The New Yorker, 2022, 1 Aug.

The New Yorker, 2022, 15 Aug.

SOURCES

Pravila zhizni [Rules of Life], 2022, no. 2.

Pravila zhizni [Rules of Life], 2022, no. 3.

Information About the Authors

Ekaterina A. Zvereva, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Derzhavin Tambov State University, Internationalnaya St, 33, 392036 Tambov, Russia, Katya9_2001@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7418-7216>

Elena L. Kochkina, Candidate of Sciences (Philology), Staff Member, New Media Laboratory, Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Derzhavin Tambov State University, Internationalnaya St, 33, 392036 Tambov, Russia, kel3848@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-2013-5306>

Anastasia A. Drozhzhina, Staff Member, New Media Laboratory, Department of Journalism, Advertising and Public Relations, Derzhavin Tambov State University, Internationalnaya St, 33, 392036 Tambov, Russia, nastya.drozhzhina.03@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-9110-8609>

Информация об авторах

Екатерина Анатольевна Зверева, доктор филологических наук, профессор кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, ул. Интернациональная, 33, 392036 г. Тамбов, Россия, Katya9_2001@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7418-7216>

Елена Леонидовна Кочкина, кандидат филологических наук, сотрудник лаборатории новых медиа кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, ул. Интернациональная, 33, 392036 г. Тамбов, Россия, kel3848@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0000-2013-5306>

Анастасия Андреевна Дрожжина, сотрудник лаборатории новых медиа кафедры журналистики, рекламы и связей с общественностью, Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина, ул. Интернациональная, 33, 392036 г. Тамбов, Россия, nastya.drozhzhina.03@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0002-9110-8609>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.7>

UDC 81'42:821
LBC 81.055.1

Submitted: 11.09.2023
Accepted: 30.01.2024

THE AFFECTIVE TURN IN METAMODERNIST FICTION AND “NEW SINCERITY”

Zinaida M. Chemodurova

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The aim of the article is to analyze pragmatic strategies and mechanisms to enhance narrative empathy, the key notion of metamodernist fiction that distinguishes it from postmodernist and modernist literary texts. The article postulates foregrounding of emotivity markers in metamodernist texts as a linguistic manifestation of the cultural logic of “new sincerity” in the contemporary fiction that is characterized by the lack of an explicit ludic modality of postmodernist fiction and by stressing means of producing emotional resonance on the part of the reader and their active perspective-taking. The article makes an original contribution to cognitive stylistics, multimodal studies and narratology by hypothesizing polyphony of narrative “voices”, second-person narrative and visual foregrounding as effective pragmalinguistic tools of triggering emotive and cognitive empathy that increases reader’s immersion in metamodernist fictional worlds. Using the novels by M. Porter and J. Egan, the short stories by J.S. Foer and D. Eggers as its case studies, the article proves the relevance of viewing the “new sincerity” concept as a driving force behind the authorial empathy towards fictional characters, which enhances emotionogenic potential of metamodernist fiction and contributes to reader’s engagement with modeled emotive situations. The findings of the research testify to the importance of further research into “new sincerity” and potential mechanisms of inducing reader’s empathy which is justly considered a powerful instrument for promoting social interaction, helping readers of all ages to inhibit aggression and develop understanding of others’ motives, emotions and desires.

Key words: metamodernist fiction, narrative empathy, emotionogenic potential, new sincerity, emotional resonance, perspective-taking, visual foregrounding.

Citation. Chemodurova Z.M. The Affective Turn in Metamodernist Fiction and “New Sincerity”. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 2, pp. 84-97. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.7>

УДК 81'42:821
ББК 81.055.1

Дата поступления статьи: 11.09.2023
Дата принятия статьи: 30.01.2024

АФФЕКТИВНЫЙ ПОВОРОТ В МЕТАМОДЕРНИСТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ И «НОВАЯ ИСКРЕННОСТЬ»

Зинаида Марковна Чемодурова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Статья ставит своей целью изучение прагмалингвистических стратегий и нарративных механизмов, способствующих усилению нарративной эмпатии как ключевого понятия метамодернистских художественных текстов, отличающего их от произведений постмодернистской и модернистской литературы. Источником материала послужили романы М. Портера и Дж. Иган, короткие рассказы Дж.С. Фоера и Д. Эггера. Доказана гипотеза о выдвигании на передний план метамодернистского текста маркеров категории эмотивности как лингвистической репрезентации культурно-философской логики «новой искренности» в современной литературе, которая характеризуется не столь выраженной эксплицитной игровой модальностью, свойственной постмодернистским текстам, и большим акцентом на лингвистические средства, обуславливающие активное погружение читателей в моделируемый фикциональный мир и возникновение эмоционального резонанса. Выделены и проанализированы стратегия создания множественной повествовательной перспективы, механизм использования повествования от второго лица, а также стратегия визуально-

го выдвижения как наиболее эффективные средства продуцирования когнитивной и эмотивной эмпатии, способствующей усилению прагматического воздействия на читателя. «Новая искренность» рассмотрена как основа продуцирования авторской эмпатии по отношению к персонажам, что и обуславливает усиление эмоциогенного потенциала метамодернистской литературы и способствует активному вовлечению читателей в создаваемые эмотивные ситуации. Полученные в исследовании результаты свидетельствуют о важности дальнейшего изучения проблемы репрезентации «новой искренности» и механизмов усиления нарративной эмпатии.

Ключевые слова: метамодернистский художественный текст, нарративная эмпатия, эмоциогенный потенциал, новая искренность, эмоциональный резонанс, точка зрения, визуальное выдвижение.

Цитирование. Чемодурова З. М. Аффективный поворот в метамодернистской литературе и «новая искренность» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 84–97. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.7>

Introduction

Since the moment when Linda Hutcheon announced the “demise” of postmodernism [Hutcheon, 2002] quite a number of new terms have been offered to describe an emerging cultural logic which has obviously come to replace the postmodern cultural paradigm: “Amongst the suggestions are notions as diverse as: ‘hypermodernism’ (G. Lipovetsky), which stresses consumerism; ‘digimodernism’ (A. Kirby), which foregrounds digitisation; a ‘post-postmodern’ realist ethics (R. McLaughlin); ‘cosmodernism’ (Ch. Moraru) and ‘planetariness’ (Amy Elias, Ch. Moraru) which emphasize globalisation; the ‘Anthropocene’ (A. Trexler) with its environmental concern” [Gibbons, Vermeulen, van den Akker, 2019, p. 172].

In the seminal paper published by Timotheus Vermeulen and Robin van den Akker in 2010 the notion of metamodernism as a new label for the post-postmodern condition was proposed. The scholars suggest that “ontologically, metamodernism oscillates between the modern and the postmodern. It oscillates between a modern enthusiasm and a postmodern irony, between hope and melancholy, between naivete and knowingness, empathy and apathy, unity and plurality, totality and fragmentation, purity and ambiguity. Indeed, by oscillating to and fro or back and forth, the metamodern negotiates between the modern and the postmodern” [Vermeulen, van den Akker, 2010].

One of the key concerns of the past two decades for cognitive poetics, stylistics, and narratology related to what has become known as “metaxis” or the state “in-between” modernism and postmodernism [Vermeulen, van den Akker,

2010] is the question about the correlation of fiction and reality in metamodernist literature. Has the postmodernist “panfictionality” [Ryan, 2019], the “collapsing border between fact and fiction” as a dominant feature of postmodernist literary texts receded into the background of contemporary fiction, that might now let modern readers engage with the plot emotionally? Another crucial question related to this new cultural and philosophical paradigm is raised in text linguistics, Cultural studies and Literary studies and concerns a variety of ways that are used by modern writers to represent the concept of “new sincerity” in fiction. So far very few studies have offered any insights into the linguistic manifestation of this phenomenon which has now become associated with the paradigm shift and metamodernist fiction, in particular.

The aim of this article, therefore, is to analyze the pragmalinguistic and narrative aspects of constructing and interpreting the 21st century fiction, disclosing the linguistic features of “new sincerity” and/or “postirony” concept [Hoffmann, 2016, p. 11] which reflect a certain metamodernist shift from the pervasive irony, typically postmodernist and disruptive for the illusion-building process in a literary text, to the enhanced role of narrative empathy contributing to the readers’ immersion in a fictional world.

One of the relevant research tasks of this article then is an examination of the affective turn, potentially related to the “new sincerity” logic and characteristic of many contemporary literary texts. This affective turn is brought about by various pragmatic strategies and narrative mechanisms which, though formally easily identifiable as postmodernist, help to intensify a “reality effect – a performance of, or insistence

on, reality” [Gibbons, Vermeulen, van den Akker, 2019, p. 174].

The reason for the authorial intention to describe narrative situations that foreground emotions, often such painful emotions as grief, or anger, and to activate intense narrative empathy of the readers, is hypothesized in this article as the willingness of modern writers to give up, at least to a greater degree, what has come to be known as a postmodernist ludic attitude [Chemodurova, 2017]. When defining postmodernism Umberto Eco produces a very memorable illustration of the ironic/playful mode of text articulation when he writes in the “Postscript to the Name of the Rose”: “I think of the postmodern attitude as that of the man who loves a very cultivated woman and knows he cannot say to her, ‘I love you madly’, because he knows that she knows (and that she knows that he knows) that these words have already been written by Barbara Cartland. Still, there is a solution. He can say, ‘As Barbara Cartland would put it, I love you madly’. At this point, having avoided false innocence, having said clearly that it is no longer possible to speak innocently, he will nevertheless have said what he wanted to say to the woman: that he loves her, but he loves her in an age of lost innocence. If the woman goes along with this, she will have received a declaration of love all the same. Neither of the two speakers will feel innocent, both will have accepted the challenge of the game of irony...” [Eco, 1984, pp. 66-67].

Now the focal point of metamodernist cultural logic seems to be centered around suspending skepticism and overall denial of hope and attempting to reconstruct “an age of innocence” with its “longing for sincerity” [Pignagnoli, 2016] when explicit emotiveness of the text might be viewed as an integral part of author-reader relationship.

In other words, metamodernist aesthetics is said to oscillate between “postmodern irony (encompassing nihilism, sarcasm, and the distrust and deconstruction of grand narratives, the singular and the truth) and modern enthusiasm (encompassing everything from utopism to the unconditional belief in Reason)” [Vermeulen, van den Akker, 2010] including postmodernist fragmentation, ludic elements and metafictional devices but foregrounding “a dialectic of sincerity”

initially described in the manifesto essay by David Foster Wallace in 1993 [Kelly, 2014]. If we agree with the assertion by M. Epstein that the fiction at end of the 20th century is characterized by the lack of powerful and sincere emotions and this literary condition explains what he calls quite poetically “the emotional famine” experienced by readers [Epstein, 1992] then his idea about the onset of a new Age of Sentimentality is likely to be quite prophetic too. According to him, this new Era of Sentimentality or Sensitivity will differ from its 18th century precursor and will inevitably incorporate all the emotional complexity of the 19th and 20th century narratives and experience all the “carnavalesque cycles, irony and black humour” of the postmodernist period [Epstein, 1992].

Thus, another relevant objective of this article is to examine a hypothesis according to which the logic of “new sincerity” is represented in metamodernist fiction through pragmatic strategies and narrative mechanisms used by modern authors in their attempt to increase the emotionogenic potential of their fiction introducing highly emotive narrative situations and provoking readers’ narrative empathy.

Materials and methods

Apart from an obvious challenge of identifying inherent features of metamodernism as a dominant cultural condition of the 21st century it is deemed important to analyze a metamodernist literary text from an interdisciplinary perspective that will allow to draw some conclusions relevant to cognitive linguistics, stylistics, narratology, and multimodal studies. The methodology underlying the present research, therefore, comprises elements of stylistic, cognitive and linguo-semiotic analyses, with the phenomena of narrative empathy and text emotivity placed in the focus of research attention.

I have chosen the novels by Max Porter “Grief is the Thing with Feathers”, by Jennifer Egan “A Visit from the Goon Squad”, short stories by Jonathan Safran Foer and Dave Eggers as the case studies to explore the pragmatic mechanisms crucial for intensifying readers’ narrative empathy which, in my opinion, contributes to the emergence of this new quality of textual emotivity different from the previous postmodernist aesthetics. All the

works I examine come from a very brief span of the first two decades of the 21st century and represent some typical properties of metamodernism which appear noteworthy.

Results and discussions

Contemporary approaches to narrative empathy

Nowadays empathy is described as “a ubiquitous concept in areas ranging from politics, law, and business ethics to medical care and education” [Lindhé, 2016, p. 19]. In this article I hypothesize an increase in narrative empathy in metamodernist fiction of the 21st century as an important linguistic manifestation of the concept of “new sincerity”, as a way to compensate for the ‘emotional famine’, experienced by the readers of postmodernist fiction indulging in reality vs. fiction games and self-reflexivity.

The phenomenon of empathy first attracted attention of psychologists, linguists and narratologists at the turn of the 20th century when, according to one of the leading modern experts on empathy, Suzanne Keen, “the experimental psychologist E.B. Titchener translated as “empathy” aesthetician Theodor Lipps’ term *Einfühlung* (which meant the process of “feeling one’s way into” an art object or another person). Notably, Titchener’s 1915 elaboration of the concept in *Beginner’s Psychology* exemplifies empathy through a description of a reading experience: “We have a natural tendency to feel ourselves into what we perceive or imagine. As we read about the forest, we may, as it were, become the explorer; we feel for ourselves the gloom, the silence, the humidity, the oppression, the sense of lurking danger; everything is strange, but it is to us that strange experience has come” [Keen, 2006, p. 209]. As we can see, the concept of empathy started at once to be associated with the notion of imagination and this theoretical contention found its development many decades later, with the onset of the era of breakthroughs in cognitive psychology and neuroscience and the discovery of the so-called “mirror neurons”. One of the dominant approaches to the phenomenon of empathy at the beginning of the 21st century is known as the Simulation Theory, and it postulates a certain mechanism of simulation: “imagining

what we would feel if we were in the other’s situation. On a relatively complex, high level, we simulate the other’s state in our own mind and then arrive at the knowledge of how the other feels by imitating the other’s behavior in our mind and then projecting our own mental process onto the other. According to ST, we play through, via a first-person perspective, being in the other’s situation and utilize our own mental mechanisms to generate thoughts, beliefs, desires, and emotions” [Schmetkamp, Vendrell Ferran, 2019].

Empathy nowadays is believed to be our “natural tendency to share and understand the emotions and feelings of others in relation to oneself, whether one actually witnesses another person’s expression, perceived it from a photograph, read about it in a fictive novel, or imagined it” [Decety, Meyer, 2008, p. 1053].

Leaving aside the debate around the neurolinguistic mechanisms triggering empathy (for an overview, see: [Decety, Meyer, 2008; Schmetkamp, Vendrell Ferran, 2019]), in this research I will focus on just one kind of empathetic behaviour – narrative empathy, or empathy towards fictional characters, which, undoubtedly, has very significant implications for promoting social interaction, helping readers of all ages to inhibit aggression and develop understanding of others’ motives, emotions and desires.

Narrative empathy is defined by Suzanne Keen as “the sharing of feeling and perspective-taking induced by reading, viewing, hearing, or imagining narratives of another’s situation and condition. Narrative empathy plays a role in the aesthetics of production when authors experience it; in mental simulation during reading, in the aesthetics of reception when readers experience it, and in the narrative poetics of texts when formal strategies invite it. Narrative empathy overarches narratological categories, involving actants, narrative situation, matters of pace and duration, and storyworld features such as settings” [Keen, 2013]. Though narrative empathy is agreed upon by most scholars [Keen, 2007] to be viewed as both cognitive and affective, there’s still a number of controversies persisting as to the scope of narrative empathy – in particular, whether we should distinguish between narrative feelings and narrative empathy (see, e.g.: [Miall, Kuiken, 2002]), and if character identification should be viewed as a separate though definitely related phenomenon (see the discussion in: [Koopman, 2016]).

In my approach to the issue of empathy I side with the conclusions drawn by Suzanne Keen in her ground-breaking work “Empathy and the Novel” [2007] and treat the phenomenon of narrative empathy as an umbrella term which includes diverse aspects such as readers’ perspective-taking, character identification and narrative emotions. The question which is of a special interest for this work concerns the correlation between readers’ immersion in the text, normally associated with the fictional game of make-believe [Walton, 1991], and the onset and intensity of empathy. Notably, both modernist and postmodernist texts are well-known for their techniques of creating aesthetic distancing which might hinder illusion-building and, consequently, according to most scholars, impede narrative empathy, slow down readers’ identification with the fictional characters and prevent them from taking protagonist’s perspective, experience authentic and profound emotions.

The hypothesis of this article is grounded in several significant distinctions between modernist and postmodernist fictional ontology and epistemology, elaborated by Brian McHale in his seminal monograph “Constructing Postmodernism” [1992]. According to his observations, though modernist fiction has often been criticized for the “unreliability of characters’ visions or accounts of the external world” [McHale, 1992, p. 64], readers nevertheless will be able to “reconstruct, first, the immediate ‘reality’ – objects and persons in the character’s field of perception, his actions and those of others, etc.; secondly, absent ‘reality’ – objects, persons and events present in the character’s memory or, more dubiously, in his speculative projections or imaginings; and thirdly, by extrapolation, the general material culture, more and norms, etc.” [McHale, 1992, pp. 64-65]. In other words, the most important difference lies in the fact that, unlike postmodernist fiction with its endless metafictional games, impossible fictional worlds and inherent paradoxes and contradictions, constantly disrupting the process of illusion construction, “the ontological stability of external reality seems basic to modernist fiction” [McHale, 1992, p. 65]. It is this stability of the constructed fictional universe that promotes the engagement of the reader with the fictional text procuring the empathetic effect and helping the reader experience a variety of emotions, both narrative and aesthetic ones.

Thus, taking Brian McHale’s cue, in the following paragraphs I am going to analyze mechanisms and strategies which, though initially practiced by modernist and postmodernist authors alike, tend to model the fictive worlds, ontologically stable, lacking explicit ludic traps and conundrums so common in postmodernist texts, and hence provoking empathetic responses from addressees. Such fictive worlds are now believed to be constructed in metamodernist fiction and demonstrate this “longing for sincerity” in this new “age of sentimentality” when readers encounter narrators and protagonists exposing them to a host of negative and positive emotions represented in fiction without illusion-shattering postmodernist irony, sarcasm and black humour.

***Multiperspectivity
and the reader’s emotional resonance
in metamodernist fiction***

The aim of this section is to examine a typical modernist device of creating a polyphony of narrative voices, in line with M.M. Bakhtin’s ideas, and to analyze its empathy-inducing potential in metamodernist fiction. As one of the foremost experts on postmodernism claims when analyzing Ulysses, “it is in the light of these complementary functions of inwardness and openness, centripetal movement and centrifugal movement, that we must view modernist innovations in the presentation of consciousness” [McHale, 1992, p. 44]. This multiperspectivity, though somewhat challenging for unsophisticated readers and creating a defamiliarizing effect, is still firmly grounded in external reality which seems to be one of the major factors promoting reader engagement with the constructed fictional world and allowing for their perspective-taking. As Neary notes, according to Toolan, «“furnishing the textual means with which the reader can ‘see into’ or see along with that character’s imagined consciousness”, a circumstance achieved through authorial depiction of “a credible scene or situation”, alongside the provision of readerly access to the characters internal perspective» [Neary, 2010, p. 6].

Metamodernist fiction tends to utilize this overarching modernist strategy of “mobile consciousness” (McHale) combining it with a typical postmodernist narrative fragmentation

as readers discover, for example, from the start of the short novel by Max Porter “Grief is the Thing with Feathers” where we are exposed to the sad story of a tragic loss and overwhelming grief narrated by three voices: Dad, Boys and the Crow:

(1)BOYS

There’s a feather on my pillow.
Pillows are made of feathers, go to sleep.
It’s a big, black feather.
Come and sleep in my bed.
There’s a feather on your pillow too.
Let’s leave the feathers where they are and sleep
on the floor.

DAD

Four or five days after she died, I sat alone in the living room wondering what to do. Shuffling around, waiting for shock to give way, waiting for any kind of structured feeling to emerge from the organisational fakery of my days. I felt hung-empty. The children were asleep. I drank. I smoked roll-ups out of the window. I felt that perhaps the main result of her being gone would be that I would permanently become this organiser, this list-making trader in clichés of gratitude, machine-like architect of routines for small children with no Mum. Grief felt fourth-dimensional, abstract, faintly familiar. I was cold (Porter, 2016, p. 1).

The tragic loss of the wife and the bereaved and grieving husband destined to bring his boys up single-handedly is a powerful emotionally contagious narrative situation introduced to the readers in the strong position of the beginning. The emotive concept of GRIEF, mentioned in the allusive title of the novel, is represented by a number of lexical means in the Dad’s interior monologue drawing readers into imagining an emotive situation where both cognitive and affective empathy are likely to be invoked simultaneously as we are mentally placing ourselves in the situation of the father facing his orphaned kids. The heteroglossia of the first fragment – a father-boys dialogue – seems to represent a regular talk of the parent with his kids but for the insistent use of the lexical item “feather” repeated 5 times and resonating with the title of the novel. The famous poem by Emily Dickinson “Hope is the Thing with Feathers”, inevitably coming to mind of contemporary readers, well-familiar with various intertextual games of modernists and postmodernists, sets the antithesis of the two emotive concepts crucial for

the empathetic effect of the novel. The concept GRIEF is represented by various linguistic means: on the lexical level we find the lexical units “died”, “shock”; the reflector of this “emocentric microcontext” [Filimonova, 2001] defines his state with the help of the kinesthetic description – “shuffling around” – and the expressive adjectives “hung-empty”, “fourth-dimensional, abstract”. Readers’ ability to understand the situation of someone feeling shell-shocked is supported on the cognitive level by our affective empathy, i.e. “feeling what the other is feeling” [Chew, Mitchell, 2016, p. 128]. The epigraph of the novel that synergetically models a highly emotive context right from the beginning of the narration based on the three core emotive concepts LOVE, HOPE and GRIEF, is also in the strong position, it creates yet another association with Emily Dickinson’s oeuvre (Porter, 2016, p. 1):

(2)

That Love is all there is,
Is all we know of Love;
It is enough, the freight should be
Proportioned to the groove.—

Emily Dickinson

The graphic foregrounding of the word “Crow” scribbled over the four nominal elements in the quatrain, crossed-out but visible, initiates readers into a heart-breaking story of the traumatized family visited by a mythical bird – one of the narrators of the story – which comes to help them heal. The unique fictional world of this debut novel by Max Porter is playful and magically realistic, intertextually complex and emotionally impactful, very sad and filled with the author’s compassion towards his characters. Partially based on the author’s personal experience of losing his father at the age of 6 [Crown, 2015] and having to come to terms with this tragic change in his life, the book, apart from being a talented tribute to E. Dickinson’s and Ted Hughes’ (the source of Crow inspiration) literary geniuses, is also a typical sample of metamodernist oscillation between modernist and postmodernist strategies. Prolific language games, the image of the Crow – a figment of the Dad’s imagination representing a multifaceted figure of a postmodernist trickster and a mythical device, – as well as narrative fragmentation,

time loops and non-linear chronology might well characterize the book as postmodernist. What turns it into a new generic form, which might be called metamodernist, is the potential emotional resonance generated by the author's heartfelt empathy towards his characters reflected in the polyphonic structure of the narrative, producing a powerful immersive effect on the readers and, thus, representing the cultural logic of "new sincerity" in fiction:

(3) CROW

In other versions I am a doctor or a ghost. Perfect devices: doctors, ghosts and crows. We can do things other characters can't, like eat sorrow, un-birth secrets and have theatrical battles with language and God. I was friend, excuse, deus ex machina, joke, symptom, figment, spectre, crutch, toy, phantom, gag, analyst and babysitter.

I was, after all, 'the central bird... at every extreme'. I'm a template. I know that, he knows that. A myth to be slipped in. Slip up into.

Inevitably I have to defend my position, because my position is sentimental. You don't know your origin tales, your biological truth (accident), your deaths (mosquito bites, mostly), your lives (denial, cheerfully). I am reluctant to discuss absurdity with any of you, who have persecuted us since time began. What good is a crow to a pack of grieving humans? (Porter, 2016, p. 12).

This mythical character, an embodiment of eternal grief and hope simultaneously, whose appearance in the life of the family is accounted for by the Dad's scholarly paper in progress at the time of his wife's demise "Ted Hughes' Crow on the Couch: A Wild Analysis" (Porter, 2016, p. 27), is witty, playful, and allusive. He claims that he is 'the central bird... at every extreme', thus echoing the words of Ted Hughes himself: "Crows are the central bird in many mythologies. The crow is at every extreme, lives on every piece of land on earth, the most intelligent bird" [Heinz, 1995].

The Crow stays with the family until grief slowly and inevitably subsides and gives way to hope, love and fond memories:

(4) BOYS

We seem to take it in ten-year turns to be defined by it, sizeable chunks of cracking on, then great sink-holes of melancholy.

Same as anyone, really.

We used to think she would turn up one day and say it had all been a test.

We used to think we would both die at the same age she had.

We used to think she could see us through mirrors.

We used to think she was an undercover agent, sending Dad money, asking for updates.

We were careful to age her, never trap her. Careful to name her Granny, when Dad became Grandpa.

We hope she likes us (Porter, 2016, p. 96).

Our emotional resonance as readers invited to empathize with someone grief-stricken and hurting is therefore intensified in this metamodernist novel as we are allowed access through perspectiving-taking to the rawest emotional moments represented by the author with humour, warmth and sincerity simultaneously. In example (4) Max Porter induces our empathy by resorting in one of the final Boys' fragments to a flashforward letting the reader share some potential developments in the boys' life and drawing a hopeful picture of their maturing. The author employs parallelism, anaphoric repetition of the "used to think" structure, facilitating a transition from the description of habitual actions in the past to a much later moment in the boys' lives when they collectively utter an emotive statement of the grown-up sons who have already fathered their own kids "We hope she likes us". The convergence of stylistic devices foregrounds quite effectively a constitutive feature of the metamodernist literary text: its increased emotionogenic potential with the focus on readers' immersion in the fictive world and empathetic effect produced by its polyphonic narrative structure.

The second person in the metamodernist narrative and perspective-taking

As has become unequivocally accepted in modern text linguistics and narratology, "You, in modern English the only pronoun of direct address, always implies an act of communication. The most reliable sign of narratorial 'voice', it compels the reader, by its very presence in a text, to hypothesize a circuit of communication joining an addressor and an addressee" [McHale, 1992, p. 89].

Postmodernist writers exploited a "potential ambiguity" (McHale) of the second person in the

narrative structure, playfully conflating different communicative circuits where “you” can function. Thus, according to Brian McHale, in the “Gravity’s Rainbow” by Thomas Pynchon, a canonical postmodernist novel, the reader faces a challenge of decoding transgressive uses of this pronoun, whenever “an extradiegetic narrator pretends to address one of “his” or “her” characters”, or when “an extra-diegetic narrator pretends to address the empirical reader directly”. The intentional ambiguity as to who is addressing whom might be created in case of the so-called narratorial apostrophe, i.e. when “the extradiegetic narrator apostrophizes a character” [McHale, 1992, pp. 93-101]. Even when we readers seem to encounter the case of the interior dialogue with one character addressing another, imagined character, in postmodernist fiction that might increase an uncertainty and indefiniteness associated with this literary movement. One of the most exemplary narrative conundrums, apart from the above mentioned novel by Pynchon, was created by Robert Coover in his short stories “The Babysitter” and “Quenby and Ola, Swede and Carl” where the reader is left nonplussed till the end as to the “reality” or impossibility of the fictive events described, thus experiencing an explicit ludic effect of postmodernist fiction which, though intellectually entertaining might be causing in many readers the “emotional famine” that Mikhail Epstein has associated with the postmodernist era.

In metamodernist narratives the second person seems to be utilized quite actively not to mystify or befuddle the reader but to involve them in the fictional game of make-believe, inducing intense empathy through perspective-taking without the ubiquitous ironic stance of postmodernist ludic fiction.

Dave Eggers is an American novelist and editor whose best-selling autofiction “A Heartbreaking Work of Staggering Genius” (2000) signified a certain transition from experimental mechanisms of postmodernism to subjectivity and the attempt at representing intersubjectivity as an important feature of metamodernist poetics.

Dave Eggers uses the second-person narrative in his short stories to emotionally and cognitively involve readers in the representational game. His short story “Should You Lie About Having Read That Book?” (2005) in the strong

position of the title offers the reader a moral dilemma in the form of the rhetorical question, which many addressees will find familiar, thus triggering an initial empathetic reaction:

(5) How could anyone possibly know you hadn’t? You are on your way to the marina, where you will board a sailboat owned by a friend of a friend, and on this boat, among nine sailing-people total, will be a person who has written a book that everyone has read, and that you should have read, but which you have not read.

The book was written three years ago, and is being taught and discussed with great seriousness by people who consider themselves very serious people. You are driving to the marina with your friend Terry, who stutters so dramatically that he drools, and it was he who told you, two weeks ago, that, if you wanted to go sailing this day, you needed to read this book, because the author likes to talk about his book and can sniff out non-readers miles away (Eggers).

The story appears to be a convincing example of the oscillation between postmodernist and modernist pragmatic strategies of the fictional world organization, which is considered to be a typical metamodernist characteristic, as its ironic tone does not disrupt the process of illusion-building and therefore does not preclude the emergence of empathy. The performativeness, nowadays associated with a new cultural logic of metamodernism [Gibbons, Vermeulen, van den Akker, 2019], or the “reality” effect, is created with the help of the Present Tenses, projecting a reader’s immediate immersion in the constructed fictional world:

(6) “You consider yourself an extraordinary liar, and thus you assumed, waking up today, that you would lie and would be fine with your lying. But now you’re nervous. Will you be a good-enough liar even if slightly seasick? Can you lie on an empty stomach – if you need to vacate your interiors over the bow?”

You board the boat, still unsure of how you’ll handle the task, but your concern, in the end, is unwarranted, because just out of the harbour, this boat, and its nine passengers, are devoured, whole, by a giant squid. In the Bible they called these creatures leviathans, and they are as much a nuisance now as then. To report a sighting of these giant squids/leviathans, send a self-addressed, stamped envelope to 826 Valencia Street, San Francisco, CA 94110 USA. Thank you (Eggers).

The emotive situation of nervousness so skillfully modeled by D. Eggers with the help of

the second person narrative, rhetorical questions, the repetition of the emotive vocabulary (“nervous”, “unsure”, “concern”) contributes to our perspective-taking up to the denouement of the story that offers a brilliant and typically postmodernist final twist. The effect of defeated expectancy as one of the favoured postmodernist mechanisms of foregrounding [Chemodurova, 2019] used in the strong position of the ending of this story reminds us readers that metamodernist fiction might be relying quite actively on both modernist and postmodernist strategies for its aesthetic impact. The use of the explicitly ludic ending, the tone of which suddenly strikes us as darkly humorous, and not unlike Donald Barthelme’s ironic narratives, brings us back to the long-lasting debate focusing on the role of foregrounding in inducing/reducing narrative empathy (see, e.g.: [Miall, Kuiken, 2002; Keen, 2007]). Though there are still no conclusive scientific data testifying to the effectiveness of the foregrounding phenomenon in increasing narrative (emotive and cognitive) empathy, I share the contention of a number of scholars that foregrounding is instrumental in triggering and sustaining narrative empathy as various mechanisms of focusing readers’s attention on the defamiliarized fragments of the text slow down the process of reading, ignite a readers’ keen interest in the foregrounded textual elements, thus contributing to the readers’ enhanced emotional and cognitive involvement with the text.

The short story by Jonathan Safran Foer “Here We Aren’t, So Quickly” serves well to illustrate this point as the author of the bestselling novel “Extremely Loud and Incredibly Close”, a fine example of metamodernist fiction, resorts to several foregrounding mechanisms from the start. The title of the short story is obviously based on the “alienation” effect involving the reader into the language game they will have to puzzle out:

(7) I was not good at drawing faces. I was just joking most of the time. I was not decisive in changing rooms or anywhere. I was so late because I was looking for flowers. I was just going through a tunnel whenever my mother called. I was not able to make toast without the radio. I was not able to tell if compliments were backhanded. I was not as tired as I said.

You were not able to ignore furniture imperfections. You were too light to arm the airbag. You were not able to open most jars. You were not sure how

you should wear your hair, and so, ten minutes late and halfway down the stairs, you would examine your reflection in a framed picture of dead family. You were not angry, just protecting your dignity (Foer).

The interior dialogue of an unnamed first-person narrator addressing his wife is an exemplary case of coupling, another mechanism of foregrounding [Chemodurova, 2019] when the structural parallelism highlights an emotional impact of the narration immediately engaging addressees in this evocative life drama. The story boasting of narrative fragmentation and non-linear chronology, nevertheless, induces empathy from the first paragraphs as the reader experiences no uncertainty putting themselves in the situation of the husband and sharing a variety of emotions triggered by the narrative scenario of a married life:

(8) When you screamed at no one, I sang to you. When you finally fell asleep, the nurse took him to bathe him, and, still sleeping, you reached out your arms.

He was not a terrible sleeper. I acknowledged to no one my inability to be still with him or anyone. You were not overwhelmed but overtired. I was never afraid of rolling over onto him in my sleep, but I awoke many nights sure that he was underwater on the floor. I loved collapsing things. You loved the tiny socks. You were not depressed, but you were unhappy. Your unhappiness didn’t make me defensive; I just hated it. He was never happy unless held. I loved hammering things into walls. You hated having no inner life. I secretly wondered if he was deaf. I hated the gnawing longing that accompanied having everything. We were learning to see each other’s blindnesses. I Googled questions that I couldn’t ask our doctor or you (Foer).

Sincerity is likely to be a driving emotion behind this imagined conversation of the narrator and his diegetic addressee inviting the reader to unravel a complexity of feelings that spouses might experience over a long span of years they have been married.

The birth of a son, parental anxiety, tenderness and love, unhappiness and fear – we are exposed to a wide range of narrated feelings resonating with many readers emotively and cognitively thanks to the mechanisms of foregrounding, such as coupling and the convergence of stylistic devices. The consistent use of parallel constructions focuses readers’ attention on the key words

“loved”, “hated”, “unhappy”, “happy” creating the antithesis that reflects ups and downs of everyday life, and a seemingly haphazard enumeration of events enhances an empathetic effect of a sincere and passionate “voice” ringing very true to life.

***Visual foregrounding
and character identification
in metamodernist fiction***

The first two decades of the 21st century have witnessed a significant spike in the publication of the so-called multimodal literary texts, i.e. visually unconventional, hybrid fiction which uses “images, colour, special layout and typography for its meaning-making” [Norgaard, 2014, p. 481].

The hypothesis of this article also postulates a connection between the increased emotionogenic potential of metamodernist fiction and an active use by many contemporary writers of a strategy of visual foregrounding in addition to what is commonly known as “graphical imagery”. In my earlier works I propose a definition of visual foregrounding as “a formal feature of modern texts focusing readers’ attention on various unbound semiotic resources contributing to the transmodal meaning-making process and performing a range of functions in the narrative” [Chemodurova, 2021, p. 6]. I suggest that it might be helpful for the effective analysis of a wide range of experimental fiction to draw a distinction between a mechanism of graphical foregrounding which traditionally, over several centuries, has been based on the creative potential of “bound semiotic resources”, and a strategy of visual foregrounding, when images, photographs, pictures, emojis, tables are introduced into the fictional world of a contemporary novel to enhance its expressivity, emotiveness and narrative empathy, very often making character identification more effective for a new generation of readers [Chemodurova, 2022].

Metamodernist fiction emerging at the turn of the 21st century owes much of its increased empathetic impact to the combined use of graphical and visual foregrounding when both verbal and visual elements in multimodal clusters cohere and serve as important graphical/visual props in the game of imagination [Chemodurova,

2021] arresting readers’ attention, producing defamiliarizing effect soon to be followed by a refamiliarization afforded by the foregrounded textual fragments.

One of the important challenges related to a further probing into the nature of metamodernist fiction, and multimodal metamodernist fiction in particular, as multimodal stylistics seems to be on the rise research-wise, has to do with analyzing differences between a postmodernist use of bound and free semiotic resources in literature and a metamodernist method of employing such resources.

The findings of my research into both postmodernist and metamodernist hybrid fiction appear to support a general hypothesis postulated in this article about a less explicit representation of the category of ludic modality [Chemodurova, 2017] in metamodernist fiction compared to postmodernist novels many of which have been described by B. McHale as “concrete prose” [McHale, 1992]. K. Vonnegut, D. Barthelme, John Barth, Italo Calvino are among the most acclaimed postmodernist writers to have playfully utilized various semiotic modes and foregrounded an elusive boundary between reality and fiction. The process of oscillation that characterizes metamodernism is typically relevant to the issue of multimodality in contemporary metamodernist fiction. The ludic function of visual foregrounding has not disappeared completely as it is inherent in the ontology of fiction (see for the analysis of the concept of play in fiction: [Chemodurova, 2017]) but it has been somewhat superceded by the emotive function, helping metamodernist writers to significantly increase narrative empathy and contributing to readers’ identification with fictional characters. In other words, visual foregrounding in multimodal metamodernist fiction does not disrupt the illusion-making process but acts as an effective semiotic mechanism of modeling contagious emotive situations.

As a case study for this section of the article I have chosen the Pulitzer Prize-winning novel by Jennifer Egan “A Visit from the Goon Squad” (2010), a remarkable work of fiction consisting of 13 loosely linked chapters (stories?) centering on many characters’ turbulent life from the 70s of the 20th century to the present moment and some 15 years into the near future.

Chapter 12, which presents quite a disruption of an otherwise rather conventional narrative

strategy and might be viewed as an exemplary case of the defeated expectancy mechanism, is modeled entirely as a PowerPoint slide show made by Alison, a teenage daughter of Sasha, one of the book's major characters. Alison prefers this digital medium to a traditional diary to describe the events of just two days in her life and the life of her parents and brother. The chapter is titled "Great Rock and Roll Pauses by Alison Blake" and seems to focus our attention at once on the theme of music, one of the central themes in the novel, and the key theme of the entire novel – that of Time, ruthless, irreversible and metaphorically described as a Goon.

Alison is characterized through her slides as a smart 12-year old kid, caring and protective of her 13-year old brother Lincoln, who seems to be suffering from a mild form of Asperger's syndrome and whose main interest in life is music. The title of the chapter foregrounds his unusual focus on the length of pauses in various classic compositions, and this Lincoln's hobby resonates brilliantly with the central theme of Time's transience. This chapter is available on the author's website *A Visit From the Goon Squad – Jennifer Egan* as a sample of the novel where readers' immersive experience is intensified because of the audial component of the message, which enhances the effect of the multimodal resonance (see: [Chemodurova, 2021; 2022]).

The slide-show narrative of chapter 12, foregrounded visually and graphically, can be viewed as *an emotional dominant* of the whole novel, for the combination of various semiotic resources contributes to the increase in narrative

empathy, helping us to identify emotionally with the members of the family making a real effort to cope with life's challenges. Narrative fragmentation, which is here postmodernist par excellence, does not seem to prevent addressees from perspective-sharing and taking an active part in constructing a multimodal meaning of the text.

Warmth, tenderness and patience on the part of Alison, who loves her brother dearly, are represented with the epithets "sweet, goofy", the key words "laugh" and "wait" and the choice of the green color for her slides (see Fig. 1) which often symbolizes "hope" and "life" in social semiotics [Almalech, 2014].

This chapter constitutes an emotional dominant of the novel that on the whole tends to portray rather self-destructive characters but in its multimodal section exposes readers to an empathetic analysis of family controversies and issues mixed with love and hope, thus, signaling a metamodernist shift of attitudes and a multimodal mechanism of representing "new sincerity" in fiction.

The emotive concept Love is foregrounded simultaneously visually, graphically, lexically with the help of repetition, intertextually, and multimodally, as readers are able to hear a few notes of the biggest hit by Steve Miller "Fly Like an Eagle", which, as the boy believes, is one of his Dad's favorite songs (see Fig. 2). Lincoln is endowed with an intuitive gift of feeling "time rushing past" through pauses, silence and a heartbeat of famous musicians. The conceptual metaphor "Time is a Goon" underpinning the semantic structure of the novel "A Visit from the Goon Squad" is represented here allusively in the refrain of the song:

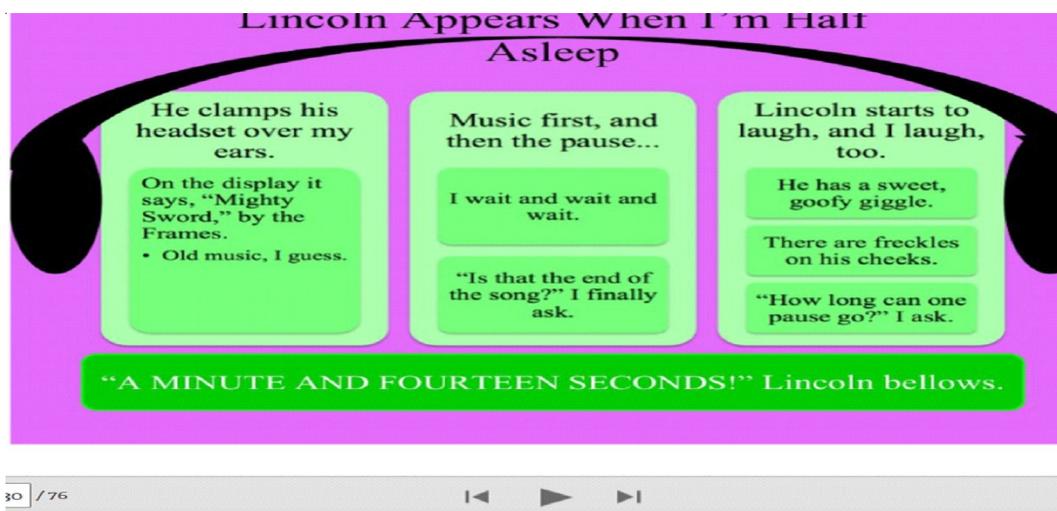

Fig. 1. Slide 30 from Chapter 12: A Visit From the Goon Squad, by Jennifer Egan

Time keeps on slippin', slippin'
 Into the future
 Time keeps on slippin', slippin'
 Into the future (Fly Like an Eagle by Steve Miller Band).

Conclusion

This article postulates the affective turn in medamodernist fiction. It examines various linguistic manifestations of the “dialectic of sincerity” first formulated by David Foster Wallace in 1993. This shift can be accounted for by the reflection in the writings of quite a number of contemporary authors of the cultural logic, known as “new sincerity”, which emerged at the end of the 20th century and has now spread across various discourse practices. My contention is that it is through the heightened attention to the phenomenon of narrative empathy in metamodernist fiction, both authorial empathy towards fictional characters and readers’ empathy stipulated by the narrative strategies that the “new sincerity” concept might be explored in text linguistics, cognitive stylistics, pragmalinguistics and narratology. One of the challenging questions this article strives to answer concerns a range of linguistic means of provoking narrative empathy typical of many contemporary novels.

They utilize both postmodernist and modernist pragmatic strategies and narrative mechanisms to encourage an active perspective-taking on the part of contemporary readers and induce their sharing of narrative

emotions. The article hypothesizes a certain shift in metamodernist fiction from representing explicit ludic modality, characteristic of postmodernist fiction, to foregrounding the increased emotionogenic potential of metamodernist texts. I have attempted to analyze a polyphony of narrative “voices” and the strategy of creating multiple perspectives as one of the mechanisms of modeling emotive situations that trigger narrative empathy. Another important mechanism of inducing empathy examined in the article is an extensive use of the second-person pronoun in the 21st century fiction, which stimulates readers’ perspective-taking and contributes to their active involvement in the illusion-building process that is instrumental for generating narrative empathy and exposing readers to coherent representations of new-age sentimentality. The third strategy relevant to ensuring readers’ immersion in the fictional world constructed by metamodernist writers and contributing to addressees’ participation in the game of make-believe is visual foregrounding that has become quite wide-spread since the beginning of the 21st century. Multimodal clusters modeled in contemporary novels and acting as both graphical and visual props to involve readers in the game of imagination are shown to constitute emotional dominants of metamodernist fictional texts. Such dominants ensure quite effectively readers’ identification with fictional characters whose emotional experiences, often painful and intimate, constitute the focal point of metamodernist narratives.

Lincoln Wants to Say/Ends Up Saying:

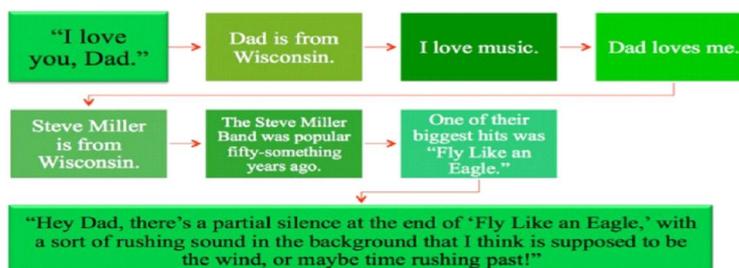

Fig. 2. Slide 16 from Chapter 12: A Visit From the Goon Squad, by Jennifer Egan

REFERENCES

- Almalech M., 2014. Semiotics of Colour. *New Semiotics Between Tradition and Innovation. Proceedings of the 12th World Congress of the International Association for Semiotic Studies (IASS/AIS) Sofia 2014, 16–20 September*. Sofia, New Bulgarian University, pp. 747-758.
- Chemodurova Z.M., 2017. *Pragmatika i semantika igry v angloyazichnoy postmodernistskoy proze XX–XXI vekov: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk* [Pragmatics and Semantics of Play in the 20th–21st Cent. English-Language Prose. Dr. philol. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg. 40 p.
- Chemodurova Z., 2019. The Mechanisms and Types of Foregrounding in Postmodernist Fiction. Haase Ch., Orlova N., eds. *English Language Teaching: Through the Lens of Experience*. Newcastle, Cambridge Scholars Publ., pp. 277-295.
- Chemodurova Z.M., 2021. Visual Foregrounding in Contemporary Fiction. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 5, pp. 5-15. DOI: 10.20916/1812-3228-2021-2-5-15
- Chemodurova Z.M., 2022. The Art of Storytelling in the Digital Age: A Multimodal Perspective. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], vol. 21, no. 6, pp. 110-120. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2022.6.9>
- Chew E., Mitchell A., 2016. How Is Empathy Evoked in Multimodal Life Stories? *Concentric. Literary and Cultural Studies*, Sept., pp. 125-149. DOI: 10.6240/concentric.lit.2016.42.2.08
- Crown S., 2015. Max Porter: The Experience of the Boys in the Novel Is Based on My Dad Dying When I Was Six. *The Guardian*, Sept. 12.
- Decety J., Meyer M., 2008. From Emotion Resonance to Empathic Understanding: A Social Developmental Neuroscience Account. *Development and Psychopathology*, iss. 20, pp. 1053-1080.
- Eco U., 1984. *The Postscript to the Name of the Rose. A Helen and Kurt Wolff Book*. San Diego, New York, London, Harcourt Brace Yovanovich. 84 p.
- Epstein M., 1992. *O novoy sentimentalnosti* [On the New Sentimentality]. URL: https://www.emory.edu/INTELNET/es_new_sentimentality.html
- Filimonova O.E., 2001. *Yazyk emotsii v angliyskom tekste (kognitivnyy i kommunikativnyy aspekti)* [The Language of Emotions in the English Text (Cognitive and Communicative Aspects)]. Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University Publ. 259 p.
- Gibbons A., Vermeulen T., van den Akker R., 2019. Reality Beckons: Metamodernist Depthiness Beyond Panfictionality. *European Journal of English Studies*, vol. 23, no. 2, pp. 172-189. DOI: <https://doi.org/10.1080/13825577.2019.1640426>
- Heinz D., 1995. Ted Hughes, The Art of Poetry, No. 71. *The Paris Review*, iss. 134, Spring. URL: <https://theparisreview.org/interviews/1669/the-art-of-poetry-no-71-ted-hughes>
- Hoffmann L., 2016. *Postirony: The Nonfictional Literature of David Foster Wallace and Dave Eggers*. London, Gazelle Book Services Ltd. 210 p.
- Hutcheon L., 2002. *The Politics of Postmodernism*. London, New York, Routledge. 232 p.
- Keen S., 2006. A Theory of Narrative Empathy. *Narrative*, vol. 14, no. 3, pp. 207-236.
- Keen S., 2007. *Empathy and the Novel*. Oxford, Oxford Univ. Press. 275 p.
- Keen S., 2013. Narrative Empathy. *The Living Handbook of Narratology*. URL: http://lhn.sub.uni-hamburg.de/index.php/Narrative_Empathy.html
- Kelly A., 2014. “Dialectic of Sincerity: Lionel Trilling and David Foster Wallace.” *Post45. Peer Reviewed*. URL: <http://post45.research.yale.edu/2014/10/dialectic-of-sincerity-lionel-trillingand-david-foster-wallace>
- Koopman E.M., 2016. Effects of “Literariness” on Emotions and on Empathy and Reflection After Reading. *Psychology of Aesthetics, Creativity, and the Arts*, vol. 10, no. 1, pp. 82-98. DOI: <https://doi.org/10.1037/aca0000041>
- Lindhé A., 2016. The Paradox of Narrative Empathy and the Form of the Novel, or What George Eliot Knew. *Studies in the Novel*, vol. 48, no. 1, pp. 19-42.
- McHale B., 1992. *Constructing Postmodernism*. London, New York, Routledge. 342 p.
- Miall D.S., Kuiken D., 2002. A Feeling for Fiction: Becoming What We Behold. *Poetics*, vol. 30, pp. 221-241.
- Neary C., 2010. Negotiating Narrative Empathy in Gahndis Life-Writing. *The Language of Landscapes. PALA. Conference Proceedings*. Genoa, Univ. of Genoa, pp. 2-25.
- Norgaard N., 2014. Multimodality and Stylistics. Burke M., ed. *The Routledge Handbook of Stylistics*. London, New York, Routledge, pp. 471-485.
- Pignagnoli V., 2016. Sincerity, Sharing, and Authorial Discourses on the Fiction / Nonfiction Distinction: The Case of Dave Eggers's *You Shall Know Our Velocity*. *The Poetics of Genre in the Contemporary Novel*, no. 1, pp. 97-111.
- Ryan M.-L., 2019. “Truth of Fiction Versus Truth in Fiction”. *Between*, vol. 9, no. 18. DOI: <https://doi.org/10.13125/2039-6597/3843>
- Schmetkamp S., Vendrell Ferran Í., 2020. Introduction: Empathy, Fiction, and Imagination. *Topoi*, vol. 39, pp. 743-749. DOI: <https://doi.org/10.1007/s11245-019-09664-3>
- Vermeulen T., van den Akker R., 2010. Notes on Metamodernism. *Journal of Aesthetics & Culture*, vol. 2, no. 1. DOI: 10.3402/jac.v2i0.5677

Walton K., 1990. *Mimesis as Make-Believe: On the Foundations of the Representational Arts*. Cambridge, Harvard University Press. 450 p.

SOURCES

Egan J. *A Visit from the Goon Squad. Chapter 12*. New York, Alfred A. Knopf, 2010. 297 p. URL:

<https://jenniferegan.com/books/a-visit-from-the-goon-squad/>

Eggers D. Should You Lie About Having Read That Book? *The Guardian*, 2005, Jan. 29.

Foer J.S. *Here We Arent, So Quickly*. URL: <https://www.newyorker.com/magazine/2010/06/14/here-we-arent-so-quickly>

Porter M. *Grief Is the Thing with Feathers*. Minneapolis, Minnesota, Graywolf Press, 2016. 114 p.

Information About the Author

Zinaida M. Chemodurova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Head of the Department of English and Cultural Studies, Herzen State Pedagogical University of Russia, Reki Moyki Emb., 48, 191186 Saint Petersburg, Russia, zchemodurova@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9638-2503>

Информация об авторе

Зинаида Марковна Чемодурова, доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой английского языка и лингвострановедения, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. реки Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия, zchemodurova@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9638-2503>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.8>

UDC 81'42:070
LBC 81.055.51.5

Submitted: 04.12.2023
Accepted: 27.02.2024

THE TECHNOLOGICAL NATURE OF “NEW SINCERITY”

Tatyana V. Leontyeva

Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia

Siniša Atlagić

University of Belgrade, Belgrade, Serbia

Abstract. Changes in modern communication have led to the transformation of the category of sincerity into a technology (or strategy) of persuasive influence. Increased sensitivity and the illusion of displaying genuine emotions are used not for frank self-expression, but for achieving commercial, ideological, and other goals. In the article, “new sincerity” is examined from the perspective of communication theory and the understanding of effective strategies by communication participants. It is argued that “new sincerity” has several variations with different sets of substantive components. Four models of new sincerity are characterized, each structured according to the significant components identified during the analysis: the scope of the concept of sincerity, the subject of sincerity, the object of influence, the instrument of influence, the conceptual core (integral component), qualifiers of the concept, type of activity; means of carrying out the activity; expected result of the activity. The assumption is made that variations in understanding the linguistic unit *new sincerity* have emerged as a result of the universality of its structural-and-semantic contour. It is suggested that the word sincerity originally had potential for future transformations due to the practical properties of the reality it denotes. It is shown that the awareness of the unique properties of sincerity has led to its transformation into insincere *sincerity* as a technology for attracting audiences of different types with different goals.

Key words: new sincerity, effective strategy, reproducible speech technologies, online communication, institutional discourse, personality-oriented discourse.

Citation. Leontyeva T.V., Atlagić S. The Technological Nature of “New Sincerity”. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 2, pp. 98-112. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.8>

УДК 81'42:070
ББК 81.055.51.5

Дата поступления статьи: 04.12.2023
Дата принятия статьи: 27.02.2024

ТЕХНОЛОГИЧНОСТЬ «НОВОЙ ИСКРЕННОСТИ»

Татьяна Валерьевна Леонтьева

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, г. Екатеринбург, Россия

Синиша Атлагич

Белградский университет, г. Белград, Сербия

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена изменениями в современной коммуникации, приведшими к трансформации категории искренности в технологию (или стратегию) убеждающего воздействия: повышенная чувствительность и иллюзия проявления живых чувств используются не для реального самовыражения, а для достижения коммерческих, идеологических и иных целей. В статье «новая искренность» рассмотрена с позиций теории коммуникации и осмысления выбора эффективной стратегии участниками общения. Доказано, что «новая искренность» имеет несколько вариаций с неодинаковым набором содержательных компонентов. Охарактеризованы 4 модели «новой искренности», каждая из которых структурирована согласно выделенным в ходе анализа компо-

нентам: область применения понятия искренности, субъект искренности, объект воздействия, инструмент воздействия, понятийное ядро (интегральный компонент), придерные квалификаторы понятия, вид деятельности; средства осуществления деятельности; ожидаемый результат деятельности. Выдвинуты предположения о том, что вариации в понимании языковой единицы *новая искренность* сформировались в результате универсальности ее структурно-семантического контура, а слово *искренность* изначально имело потенции к будущим трансформациям благодаря практическим свойствам реалии – обозначаемого объекта. Показано, что осознание уникальных свойств искренности привело к ее преобразованию в «неискреннюю искренность» как технологию привлечения аудиторий разного типа с разными целями.

Ключевые слова: новая искренность, эффективная стратегия, воспроизводимые речевые технологии, онлайн-коммуникация, институциональный дискурс, личностно-ориентированный дискурс.

Цитирование. Леонтьева Т. В., Атлагиц С. Технологичность «новой искренности» // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 98–112. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.8>

Введение

О существенных изменениях, которые произошли в коммуникации, в частности русскоязычной, давно и настойчиво говорят многочисленные исследователи, представляющие гуманитарные отрасли науки. Безусловно, внедрение информационных технологий (далее – ИТ) послужило водоразделом между старой и новой коммуникацией. Однако с момента появления «Рунета» (русского сегмента сети Интернет) минуло 30 лет, и, как нам кажется, пришло время точнее отсчитывать эпохи, маркирующие коммуникативные сдвиги, разграничивать и изучать их с использованием другой исследовательской оптики, а не через констатацию факта проникновения ИТ во все сферы жизни. Настала ли к текущему моменту какая-то очередная, новая «эпоха коммуникации» в том смысле, что критерием ее выделения выступает та или иная существенная черта, затрагивающая если не все, то многие сферы общения?

Ученые выявляют и выносят на обсуждение такие тренды интернет-коммуникации, как анонимность [Оконечникова, Арди, 2011; Зудилина, 2013], бесконтрольность распространения информации в Сети [Остапенко и др., 2020], «открытость Интернета, даровость информации, невозможность обеспечения соблюдения авторского права, распространение количественных критериев оценки качества контента, замена экспертного сообщества на “мудрость толпы”, разрушение сложившейся культурной иерархии и постоянное ускорение

информационного обмена» [Цуркан, 2018, с. 116] и т. д.

Безусловно, эти черты свойственны современной коммуникации. При этом каждая такая черта за время ее возникновения и постепенного укоренения порождает следующую. Например, устойчивый тренд на открытость информации, на наш взгляд, стал фактором формирования других существенных трансформаций коммуникации. Одна из них – переход к «новой искренности», о содержании которой мы начинали разговор в нашей предшествующей публикации с целью составления дефиниции для обозначающего ее термина [Леонтьева, Щетинина, 2022]; в данной статье продолжим работу в другом аспекте – с позиций анализа вариаций этого феномена, сложившихся под влиянием особенностей интернет-коммуникации.

Актуальность выбранного ракурса исследования предопределена масштабом проявлений этого феномена, позволяющим говорить об эпохе «новой искренности», нашедшей отражение в прагматически различных форматах коммуникации и стала маркером изменений в обоих мегадискурсах: институциональном (формирующемся в статусно-ориентированном общении) и неинституциональном (личностном, персональном, формирующемся в личностно-ориентированном общении), если воспользоваться терминологией, разработанной В.И. Карасиком [Карасик, 2002, с. 293–302].

В каждом из этих дискурсов «новая искренность» она имеет несколько вариаций с неодинаковым набором содержательных компонентов, что мы покажем далее в статье.

Материал и методы

При осмыслении феномена «новой искренности» мы отталкиваемся от идеи о стратегическом выстраивании языковой личностью эффективной коммуникации в зависимости от условий, в которых организуется взаимодействие участников общения. Выбор эффективной стратегии обычно осуществляется не изолированно одним коммуникантом, а группой (внутри которой и проверяется эффективность инструментов общения) на основании известных речевых практик, личного опыта общения каждого участника и оценки его успешности, а также группового опыта коммуникации в определенном сообществе, так как он может быть специфичным для группы.

В данной статье мы выдвигаем гипотезу «технологичности» феномена «новой искренности», хотя обозначаемая словом *искренность* реалья первоначально была максимально «нетехнологична» в коммуникативном плане, так как по своей природе искреннее проявление чувств стихийно, непредсказуемо, ненамеренно, незапланированно, скорее наоборот, чувство вырывается наружу естественно, в нарушение плана, то есть человек выдает себя истинного, обнаруживает скрытое. Искренность традиционно располагается на первых полюсах оппозиций «открытое – скрытое», «естественное – искусственное», «правдивое – ложное». Открытость, естественность и правдивость как компоненты понятия, обозначаемого словом *искренность*, фиксируются и в словарной дефиниции этого существительного: *искренность* ‘правдивость, откровенность, непритворность’ (ССРЛЯ, т. 5, с. 457).

К настоящему же времени в речевой практике прочно утвердилось выражение *новая искренность*, содержащее в своей структуре дескриптор *новая*, который манифестирует, вероятно, обновление определяемого понятия (искренности) согласно второму значению прилагательного *новый* в современном русском языке: «Относящийся к нашему времени; современный. Противопол.: прежний, старый. <...> || Нынешний, теперешний. <...> || Пришедший на смену старому» (ССРЛЯ, т. 7, с. 1365).

Таким образом, между понятиями «прежняя искренность» и «новая искренность» нет знака равенства, и следует выяснить различия между ними. Дело осложняется еще и тем, что номинация *новая искренность* получила широкое распространение, стала частотной в различных дискурсах, и размножились сущности, приписываемые этой словесной оболочке. Далее в статье мы представим несколько моделей «новой искренности», опираясь на методы включенного наблюдения, систематизации данных, обобщения результатов, изложенных в статьях российских и зарубежных исследователей современной коммуникации, методы контекстного анализа, а также приемы семантического анализа в связи с описанием номинаций, объективирующих различные аспекты проявления «новой искренности».

Предваряя выводы, сделанные в ходе исследования, отметим, что каждая понятийная модель структурирована согласно выделенным в ходе анализа значимым для характеристики явления компонентам:

- область применения понятия искренности;
- субъект искренности;
- объект воздействия;
- инструмент воздействия;
- понятийное ядро (интегральный компонент);
- приядерные квалификаторы понятия;
- вид деятельности;
- средства осуществления деятельности;
- ожидаемый результат деятельности.

Результаты и обсуждение

МОДЕЛЬ 1: «Новая искренность» как художественно-эстетическая концепция

В искусстве [Аграновский, 2014; Кузнецова, 2019; Михеева, 2023], прежде всего в литературе [Бокарев, 2018; Воробьева, 2020; Подлубнова, 2023; Bowden, 2021; и др.], понятие «новой искренности» вписано в первый полюс оппозиции «искренность – отсутствие искренности» в связи с хронологически меняющейся релевантностью категории искренности (как свободного выражения чувств, переживаний) в культурном тексте. Она то ослаб-

ляется и подавляется другими установками для автора и персонажей произведения, то укрепляется и становится значимой, возводится в ценность. Это обусловило смену типов художественной эстетики, в частности переход от аллюзий модерна к иронии постмодерна (концептуализму) и далее к возрождению искренности (постконцептуализму; например, лирико-исповедальному дискурсу в поэзии) в последней трети XX в. (модерн > постмодерн > пост-постмодерн): «новая искренность» отражает «направление современной художественной и философско-эстетической мысли в виде отхода от постмодернистской иронии» [Михеева, 2023, с. 140].

Постмодернизм в свое время отменил и «фигуру автора, и в целом человеческое измерение в литературе, а стало быть, и возможность искреннего высказывания. Искренность в художественных практиках постмодерна вытеснили ирония и игра, а искреннего субъекта, который наблюдался в поэзии шестидесятников, да и в советской тихой лирике, сменил набор “мерцающих”, “расщепленных” и “цитатных” субъектов. Искренность в таких контактах редуцировалась» [Подлубнова, 2023, с. 178]. Это подчеркивается и в зарубежных исследованиях: «Postmodern irony and cynicism’s become an end in itself, a measure of hip sophistication and literary savvy. <...> Irony’s gone from liberating to enslaving» [McCaffery, 2012, p. 48] (Постмодернистская ирония и цинизм стали тупиком, средством создания модной утонченности и изобретательности в литературе. <...> Ирония перешла от освобождения к порабощению)¹.

Однако любой перекокс со временем приводит к поиску средств достижения баланса, к реабилитации элиминированных ценностей, поэтому *новой искренностью* было обозначено хорошо известное старое, к которому состоялся возврат после прохождения этапов «отрицания искренности» в кругу философско-эстетических концепций: «“Новая искренность” – практически клише в попытках описать ситуацию литературного постпостмодерна» [Подлубнова, 2023, с. 178].

Герой произведений, созданных в эстетике «новой искренности», характеризуется тем, что он живет чувствами, «лишен рефлексии» [Кузнецова, 2019, с. 71], выходит за рам-

ки «типажа», срывает с себя «социальную маску», отрекается от социальных клише в пользу собственного «лица», киноактер «аутентичен» в проявлении чувств с «внеэкранным миром» [Михеева, 2023, с. 140] (ср. с техникой «неигры», см. об этом: [Кузнецова, 2019, с. 65]).

Итак, эта модель «новой искренности» может быть охарактеризована следующим образом.

Область применения понятия искренности – искусство.

Субъект искренности – актер, участник общения в соцсетях.

Объект воздействия – зрители, читатели, слушатели.

Инструмент воздействия – культурный (художественный) текст.

Понятийное ядро (интегральный компонент) – художественно-эстетическая концепция.

Приядерные квалификаторы понятия – концепция, соотносительная с последней третью XX в., хронологически следующая за постмодернизмом, основанная на искренности как ключевом компоненте (в противопоставление иронии).

Вид деятельности – профессиональная технология творческого моделирования искренности.

Средства осуществления деятельности – в зависимости от вида искусства демонстрация посредством знака (изображения, слова, звука или их компоновки) свободного выражения чувств персонажем произведения.

Ожидаемый результат деятельности – утверждение ценности искренности как эстетический и философский, морально-нравственный эффект творчества, искусства.

МОДЕЛЬ 2: «Новая искренность» как технология самопрезентации в социальных медиа

Ранее мы уже писали о том, что выражение *новая искренность* фиксируется в медиатекстах и научной литературе в других интерпретациях, не только в искусствоведческой (культурологической); оно способно характеризовать медиасреду, маркетинговую и политическую сферы [Леонтьева, Щетинина, 2022, с. 192–198]. Во всяком случае, по дан-

ным Google Books Ngram Viewer (GBNV), частотность употребления сочетания *новая искренность* в русскоязычных оцифрованных книгах начала свой рост с 1985 г. (с появлением феномена), но достигла пиковых показателей в 2004–2006 гг. (см. рисунок), когда велось обсуждение уже не только и не столько литературно-художественной концепции, сколько характеристик поведения пользователей сети Интернет (Рунет – национальная доменная зона России, зарегистрированная 7 апреля 1994 г., и именно с этого года фиксируется стабильный подъем частотности употребления анализируемого выражения).

Обратимся далее к осмыслению межличностного (персонального, неинституционального) дискурса, а именно – такой его разновидности, как интернет-общение в социальных сетях. Оно вынуждает участников коммуникации продумывать стратегии и тактики самопрезентации. (Выбор и регулировка механизмов самопрезентации в общении занимают ключевое положение в подходе канадского социолога Ирвинга Гофмана [Гофман, 2009].)

Так, зарубежные и российские ученые сходятся в том, что в случае онлайн-общения одной из эффективных стратегий выступает преувеличение эмоциональных реакций. Исследователи данного вопроса приходят к выводу, что

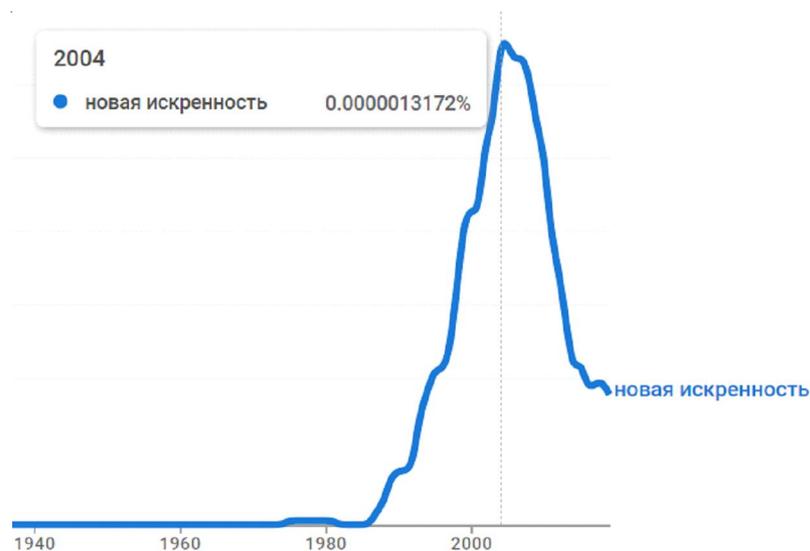
это обусловлено ощущением участниками интернет-коммуникации недостатка коммуникативных сигналов в данном формате общения и попытками компенсировать его. Публичное выражение чувств становится нормой [Caspi, Etgar, 2023], то есть конститутивным свойством онлайн-общения, а не индивидуальной чертой поведения отдельных участников коммуникации.

Не случайно в этом контексте оформление текстов специальными знаками – смайликами и др.

Эти признаки онлайн-коммуникации еще не отсылают к «новой искренности», но они послужили прологом к ней, так как со временем закрепились ориентация на намеренное подогревание эмоционального фона общения в сети Интернет, получила признание успешность применения средств экспрессивизации в интернет-общении.

Упомянутая в начале статьи открытость интернет-коммуникации стала фактором, обусловившим высокую степень общего информационного шума, в котором все труднее выделиться и быть услышанным. Именно это является определяющим при выборе стратегий и тактик взаимодействия в соцсетях, и целый ряд таких приемов основан на эксплуатации идеи искренности.

Например, эффективной коммуникативной тактикой стала драматизация, то есть ори-

Частотность употребления сочетания *новая искренность* в русскоязычных оцифрованных книгах в 1940–2019 гг. (по данным: (GBNV))

Frequency of the combination *new sincerity* in Russian-language digitized books from 1940 to 2019 (according to: (GBNV))

ентированность на чрезмерность выражения эмоций, затем – на публичный показ личной драмы и даже – на постановочность сюжетов видеоконтента.

То, что начиналось с правдивой искренности (сеть Интернет содержит множество случайно сделанных видеofиксаций неожиданных сильных проявлений эмоций людей), приобрело выраженное движение к намеренной искренности, реализующейся через демонстрацию гипертрофированной чувствительности, экзальтации и даже истерии. Блогеры и «влогеры» (видеоблогеры) сегодня специально занимаются разработкой контента своих аккаунтов, персональных страниц, блогов. Имеет место учет фактора адресата, а значит, планирование интеракции и даже цикла интеракций с целью организовать самопрезентацию в широком и разнообразном пространстве соцсетей максимально эффективно. Критериями эффективности выступают метрики соцсетей: посещаемость блога, число подписчиков, число просмотров публикации («поста»). Контент блога формируется его владельцем с расчетом на последующее узнавание и увеличение охвата потенциальных подписчиков.

В рамках затронутой нами темы важным представляется обратить внимание на коммуникативные техники, основанные на «анормативном» конструировании образа участника коммуникации (блогера) с элементами деструкции – и во внешности, и в дизайне экспрессивного сюжета, и в степени проявления эмоций.

Если нормой «здоровой» коммуникации считается подготовка к видеосъемке, заключающаяся в приведении себя в порядок, в соответствие с нормами приличия, заданными общественными ожиданиями и традициями, то в сегодняшних условиях практика разработки видеоконтента пользователями Интернета подтвердила эффективность целенаправленного моделирования отклонений во внешности и поведении «для кадра»: размазанная помада, растекшаяся от слез тушь, покрасневшие глаза, царапины, припухлости и кровоподтеки, рыдания на камеру, беззастенчивая демонстрация ран, увечий, повреждений и т. д. вплоть до культивирования безобразного составляют действенные элементы драматургии видеоро-

лика и рассчитаны на привлечение аудитории. В качестве предмета речи выбираются «черные» темы с установкой на откровенность комментирования: говорящий выворачивает душу наизнанку, сознается в наихудших грехах, оправдывая себя искренностью.

Эта тактика самопрезентации не только не приводит к дисквалификации участника общения и коммуникативным сбоям, но и дает преимущества, позволяя ему занять лучшие позиции в интернет-рейтингах и поисковиках.

Публичный нарратив о низменных свойствах человеческой природы (скрытом, тайном, осуждаемом) создает иллюзию искреннего признания, большой и значимой внутренней работы, побуждает аудиторию к сопереживанию, сочувствию, прощению. Даже непубличный вариант самобичевания и признания в своих пороках всегда производил неизгладимое впечатление на адресата, ср. представленную в словарной статье об *искренности* иллюстрацию из классики: *Перечитывая эти записки, я убедился в искренности того, кто так беспощадно выставлял наружу собственные слабости и пороки* (Лерм. Журн. Печорина) (ССРЛЯ, т. 5, с. 457). Искренность обезоруживает, приглушает критичность восприятия, неявно побуждает к доверию и ответной расположенности. В этом и состоит сила искренности, позволившая использовать ее как речевую технологию. Публичность же признаний, обеспечиваемая сегодня Интернетом, усиливает воздействующий эффект искренности за счет представлений об особой трудности прилюдного самораскрытия и о принятии большей ответственности в этом случае. Надо сказать, однако, что интернет-среда поменяла менталитет участников коммуникации, которым на данном этапе свойственно в большей степени признание преимуществ публичной искренности, чем осознание рисков и негативного потенциала своих действий.

В видеоконтенте личных блогов преобладают постановочные видео, имитирующие спонтанное включение и публичное проживание эмоциональной драмы, хотя в действительности записи предшествовали планирование темы, предмета речи и образа говорящего, подготовка сценария изложения и разме-

щения в кадре. Субъект искренности выступает не творцом повествования, а творцом эмоции в момент съемки – такова искусственная исповедальность.

Отдельный феномен эпохи «новой искренности» представляет собой самораскрытие, что подтверждается рядом наименований, например: *аутинг* ‘обнародование личной информации о человеке (как правило, о его сексуальной ориентации или гендерной идентичности) без его согласия’ (Леонтьева, Щетинина, с. 72–73) (но ср. сочетание: *добровольный аутинг*), *каминг-аут* ‘добровольное обнародование человеком личной информации о своей сексуальной ориентации или гендерной идентичности’ (Леонтьева, Щетинина, с. 190) и др. Подобные случаи также получают неоднозначные оценки: с одной стороны, они основаны на истинной искренности, с другой стороны – могут реализовывать скрытые задачи, например, приобретение известности, пиар.

Ученые в связи с этим исследуют парадокс конфиденциальности (*the privacy paradox*) [Thon, Jucks, 2014, p. 3–6; и др.], который заключается в том, что люди раскрывают личную информацию в онлайн-среде, даже если они обеспокоены конфиденциальностью размещаемых ими сообщений о себе самих.

В контексте разговора о «новой искренности» симптоматично появление и утверждение такого жанра поликодовой коммуникации, как «покаянное видео», или «видео с извинениями». Ученые уже уделили ему внимание, отметив, что феномен опирается на представление об искренности: «Sincerity is a fundamental attribute of an apology that informs victims about offenders’ authentic, meaningful, nonmanipulative and appropriate sentiment toward their wrongdoing» [Choi, Mitchell, 2022, p. 3] (Искренность является фундаментальным атрибутом извинения, которое информирует жертв о подлинном, значимом, неманипулятивном и уместном отношении правонарушителей к их проступку). Однако было установлено, что некоторые особенности таких видео с публичными извинениями заставляют интернет-пользователей усомниться в искренности чувств авторов видео и подозревать, что ролики созданы для монетизации и предотвращения культуры отмены («for monetization and avoiding cancel culture» [Choi, Mitchell, 2022, p. 3]).

Итак, эта модель «новой искренности» может быть охарактеризована следующим образом.

Область применения понятия искренности – неинституциональная интернет-коммуникация.

Субъект искренности – частное лицо, инициативный участник общения в соцсетях, блогер.

Объект воздействия – интернет-пользователи.

Инструмент воздействия – техники и приемы самопрезентации в межличностном общении.

Понятийное ядро (интегральный компонент) – стратегия общения в социальных сетях посредством нарратива о себе с установкой на искренность.

Приядерные квалификаторы понятия – стратегия публичного размещения постановочных нарративов тематики «о себе», основанных на искренности или имитации искренности, транслирующих либо сильное переживание, либо раскрытие потаенного низменного, либо раскаяние.

Вид деятельности – непрофессиональная, интуитивно найденная технология творческого моделирования искренности в публичном нарративе.

Средства осуществления деятельности – в зависимости от выбранной площадки размещения в сети Интернет демонстрация посредством моно- или поликодового текста (поста или видеозаписи) личного переживания.

Ожидаемый результат деятельности – привлечение и расширение аудитории подписчиков, фолловеров, читателей, повышение собственных рейтингов.

**МОДЕЛЬ 3: «Новая искренность»
как технология ведения диалога
между властью и гражданами,
или просоциальная ложь**

Новая искренность в сфере институционального дискурса в начале XXI в. реализовалась в виде «заявленных в рамках новой кадровой политики центра... ценностей открытости, вовлеченности и отзывчивости» [Слатинов, 2020, с. 491] (прямой диалог между властью и гражданским обществом), что

нашло выражение в ведении официальными лицами аккаунтов в социальных сетях (личный аккаунт при этом фактически выполняет функции делового, рабочего интернет-ресурса), в размещении государственными органами, муниципальными организациями информационных материалов на специализированных публичных страницах. Готовность представителей власти к диалогу с гражданами предполагает частичный отказ от официальности общения, ослабление делового регистра отношений с людьми за счет уступки проявлениям искренности (о «новой искренности» в политической коммуникации см.: [Иссерс, 2020; Кельина, 2022; Северская, 2023; Ульшина, Чернавский, 2023; и др.]). Ср. примеры, в которых словосочетание *новая искренность* употреблено в приложении к реалиям общественно-политической коммуникации:

(1) И поэтому молодым технократам (кстати, пока эти ребята не показывают чудес в управлении, как бы их не нахваливали) остается только **«новая искренность»**, чтобы каждый житель этих двух регионов мог «поплакаться в жилетку» новым лидерам субъектов РФ (НКРЯ: Дмитрий Нечаев. Профессор Дмитрий Нечаев. 2020);

(2) Каковы перспективы развития области в случае его избрания губернатором? <...> По мнению эксперта, с приходом Алексея Текслера в регионе появился новый стиль общения, **новая искренность**, совершенно нетипичная для Челябинской области. Глава региона сразу включился в работу, пошел навстречу людям. Он неплохо набирает поддержку жителей, получается конструктивный диалог с местными элитами, полагает Алексей Мартынов. – Кто-то называет Текслера популистом (НКРЯ: Н. Фирсанова. 100 дней Текслера: в Челябинске началась игра по правилам // Вечерний Челябинск. 27.06.2019).

Если еще сравнительно недавно, чуть более двадцатилетия назад, В.И. Карасик отмечал, что «на периферии институционального общения находится контакт представителя института с человеком, не относящимся к этому институту» [Карасик, 2002, с. 307], то к настоящему моменту именно этот вид общения оказался выдвинутым на передний план, что стало возможным и стратегически необходимым в условиях коммуникации с использованием ИТ-технологий.

При этом представитель власти должен сохранять свое «социальное лицо», а именно: выражая открыто, публично свое мнение по любым вопросам и рассказывая о себе, о собственной повседневности, даже о семье и др., он должен оставаться вежливым.

Планово реализуемое «очеловечивание властного дискурса» имеет следствием сложность выстраивания коммуникации нового типа, поскольку языковые средства для обслуживания задач, поставленных в этом случае перед чиновниками, еще должным образом не разработаны, а изготавливаемый текстовый продукт в сущности находится на периферии обоих пересекающихся дискурсов. Ср. о ситуациях отклонения от магистральных свойств дискурса: «В статусно-ориентированном дискурсе встречаются отклонения от трафаретов, предваряемые индикаторами *я бы сказал, так сказать* и даже *как я говорю*. В этом случае мы сталкиваемся с языковым эгоцентризмом, вполне оправданным, если говорящий ставит перед собой цель оказать воздействие на партнера в рамках институционального дискурса средствами лично-ориентированного общения» [Карасик, 2002, с. 24].

Кроме того, следствием гибридизации общения (смещения официального и бытового регистров) становится, как ни парадоксально, крен восприятия такого контента интернет-пользователями (по крайней мере частью из них) в сторону отторжения, неприятия. Поскольку «эмоциональное содержание этикетного действия варьирует от искренней доброжелательности до формального этикетного знака» [Карасик, 2002, с. 414], то часто высказываются подозрения в том, что автор официального публика неискренен.

Причина этого заключается в том, что в русской коммуникативной традиции вежливость может восприниматься как признак искусственности поведения, как маска, скрывающая ложь, то есть как фактор, конфликтующий с искренностью (откровенностью, беседливостью, интимностью) в тональности общения. Это же подметил В.И. Карасик, характеризуя специфику подростковой коммуникации: «...например, подростки часто избегают вежливых речевых действий, считая их неискренними, и в определенных ситуациях вынуж-

дене свое доброе отношение маскировать привычными формами грубоватого поведения, чтобы не выглядеть смешно в глазах сверстников» [Карасик, 2002, с. 78].

Вежливость, как мы видим, воспринимается носителями языка противоречащей искренности: чиновник – стереотипно – лжив, вежлив и потому не может быть искренним, к нему это требование интуитивно неприменимо. Ср.: «Бессмысленно подвергать этической оценке чиновника на том основании, что он выполняет свои обязанности *без души*, или документ, написанный *неискренне*» [Дементьев, 2013, с. 93].

В отношении намеренного ослабления официальности общения властных лиц с гражданами в соцсетях и рабочих пабликах за счет целенаправленного внедрения ориентиров на выражение чиновником живых чувств, сокращение дистанции, демонстрацию искренней человеческой заинтересованности и заботы о гражданах часто высказывается недоверие: в таком непривычном поведении видится ложь. Однако даже если подозревать «ложную искренность» в действиях официальных лиц в рамках прямого диалога «власть – граждане» в соцсетях, то это вариация «лжи во благо», осуждать которую невозможно. В этом случае показательно заимствование из зарубежной научной традиции термина *просоциальная ложь* (*prosocial lies*), или *белая ложь* в значении ‘намеренное использование вербальных средств и коммуникативных стратегий и тактик, противоречащих принципам правдивости и искренности, с целью проявления заботы о собеседнике и снижения конфликтности коммуникации’².

Итак, эта модель «новой искренности» может быть охарактеризована следующим образом.

Область применения понятия искренности – институциональная (или гибридная) интернет-коммуникация.

Субъект искренности – официальное лицо, представитель власти, интернет-пользователь.

Объект воздействия – граждане, частные лица, интернет-пользователи.

Инструмент воздействия – речевые техники.

Понятийное ядро (интегральный компонент) – стратегия общения в социальных сетях с установкой на искренность.

Приядерные квалификаторы понятия – стратегия публичного общения, гибридная (на стыке институционального и персонального дискурсов), основанная на искренности или имитации искренности, намеренно демонстрирующая собеседникам ослабление делового регистра речи и заботу о них, имеющая идеологическую основу.

Вид деятельности – профессиональная, разрабатываемая технология гармоничного моделирования искренности в официальном дискурсе.

Средства осуществления деятельности – публикации постов и комментариев в соцсетях; ожидаемый результат деятельности – обеспечение лояльности аудитории.

МОДЕЛЬ 4: «Новая искренность» как рекламная технология

Одной из возможных перспектив рассмотрения «новой искренности» является маркетинг. Теоретически более оправданно говорить о коммуникативной перспективе, поскольку маркетинг, как и пропаганда и связи с общественностью – это вид убеждающей коммуникации. Убеждающее воздействие – одна из функций коммуникации, суть которой заключается в формировании, закреплении или изменении отношения людей к различным социальным феноменам, событиям и действующим лицам и побуждении людей к участию в общественной жизни в соответствии с намерениями убеждающего.

Исходя из ключевого методического принципа маркетинга, под эффективным общением подразумеваем такое, которое удовлетворяет трем элементарным установкам коммуникации: правдивость, приемлемость и искренность. Поскольку добиться этого трудно, невыполнение одного из принципов компенсируется акцентированием другого. Таким образом, если высказывание не отвечает условию правдивости, то подчеркивается его приемлемость для группы, к которой оно обращено, или искренность, под которой понимается благородство мотивов того, кто его создает. Возможности таких компенсаций ограничены, поэтому несоблюдение любого из этих требований является помехой для общения.

Безусловно, комплекс из трех составляющих эффективного маркетинга – максималистское требование, к которому должен стремиться агент убеждающей коммуникации, но, как правило, он не может его выполнить и именно поэтому часто привлекает псевдоаргументы и неправдивое информирование. Использование псевдоаргументов в убеждающем общении основано на трактовке рассуждения как психологического или логического процесса: убеждающее общение провоцирует процесс рассуждения в психологическом смысле, посредством которого человек удовлетворяет определенную мыслительную потребность, но этот процесс не обязательно должен быть логически правильным.

Для исследования проблемы честности в общении большее значение имеет различие между логикой организации убеждающего высказывания и характером мотива, который такое высказывание возбуждает у человека и который далее служит импульсом к действию (в случае с рекламной коммуникацией – к приобретению товара, услуги). Эрих Фромм писал об этом в том смысле, что псевдомышление может быть совершенно логичным и рациональным, однако иррациональность здесь присутствует и заключается в неискренности, то есть в том, что фактор, побуждающий к действию, на самом деле не является таковым [Fromm, 1978, s. 171–172]. Следовательно, неискренность в убеждающем общении – явление не новое. Она всегда была инструментом убеждающей коммуникации, цель которой не освещение реальных свойств объекта (предмета речи, рекламируемого объекта и т. п.), а убеждение людей в правильности той или иной интерпретации действительности. Новое свойство неискренности – ее современная роль в убеждающей коммуникации как средство сохранения социального доминирования. Современные стратегии убеждения, особенно в сфере рекламы и маркетинга, не только реагируют на потребности индивидов, но и формируют их – дозируют и возбуждают интенсивность желаний, предлагают готовые пути и средства удовлетворения потребностей, способствуя тем самым, по мнению сербского ученого, политолога Зорана Славувича, воспроизводству собственных онтологических основ [Slavujević, 2009, s. 279].

О.С. Иссерс утверждает, что «в современной рекламе мы наблюдаем нарушение... прагматических правил и социальных конвенций в разграничении “личного” и “неличного”» [Иссерс, 2008, с. 232], и описывает «коммуникативные ходы рекламного вторжения в сферу Я потребителя» («Это твоё любимое!», «Это твоя мечта. Ты хочешь этого» и др.) [Иссерс, 2008, с. 232].

«Новая искренность» в сфере продвижения товаров и услуг [Антропова, Маркова, 2023; Болтонова, 2023; и др.] реализуется в формате привлечения блогеров, инфлюенсеров к рекламным кампаниям. Технология их работы основана на пробуждении доверия потребителя к известной персоне, которая демонстрирует искреннюю поддержку производителя или продавца товара, хотя вопрос о том, насколько правдива эта искренность, не может быть решен однозначно.

Об этом свидетельствует целый ряд номинаций, например *искренний евангелист*:

(3) Евангелизм, сущ., м. Маркет. Жарг. Форма маркетинга, развивающая у клиентов настолько глубокое признание продукта или услуги компании, что они **искренне**, добровольно и бесплатно становятся сторонниками бренда и распространителями информации о нем (Леонтьева, Щетинина, с. 158).

Итак, эта модель «новой искренности» может быть охарактеризована следующим образом.

Область применения понятия искренности – институциональная интернет-коммуникация.

Субъект искренности – рекламодатель и/или рекламоработчик.

Объект воздействия – потребители; инструмент воздействия – речевые техники и мультимедиа.

Понятийное ядро (интегральный компонент) – стратегия убеждающего воздействия в рекламе и маркетинге с установкой на искренность.

Приядерные квалификаторы понятия – стратегия воздействия на широкую аудиторию, основанная на искренности или имитации искренности, создающая иллюзию заботы о собеседнике, имеющая коммерческую основу.

Вид деятельности – профессиональная разработка технологии творческого моделирования искренности в коммерческом дискурсе.

Средства осуществления деятельности – моно- и поликодовые тексты, размещаемые в медиа.

Ожидаемый результат деятельности – увеличение прибыли, финансовый результат.

Заключение

Сочетание *новая искренность* выступает сегодня вербальным референтом нескольких понятий.

Трудно сказать, вышло ли анализируемое выражение за рамки искусствоведческого и литературоведческого контекста, родившись в нем и затем поэтапно претерпев семантические преобразования, или сформировалось в медиадискурсе и других разновидностях дискурса параллельно, поскольку яркая вербальная форма позволила вместить в нее «новые сущности».

Думается, что вариации в содежании языковой единицы *новая искренность* появились в результате универсальности ее структурно-семантического контура: если предъявить это выражение человеку, который никогда его не слышал, то он сможет рассмотреть ее как шаблон, который включает ряд компонентов: ‘связь с искренностью’, ‘хронологическая динамика’, ‘потенциальное несоответствие традиционному пониманию искренности’. При столь высоких параметрах номинативной гибкости эта языковая единица сохраняет потенциал дальнейшего применения и семантической деривации.

Слово *искренность* изначально имело потенции к будущим трансформациям благодаря практическим свойствам реалии – обозначаемого объекта. Проявление искренности во все времена сказывалось на обретении выгод: искренность заставляет окружающих проникнуться сочувствием, доверием и располагают к оказанию помощи. Осознание этих уникальных свойств искренности привело к тому, что она, преобразовавшись в «неискреннюю искренность», стала одним из самых продаваемых товаров и востребованной технологией привлечения аудиторий разного типа с разными целями (см. 4 модели «новой искренности»).

Между *искренностью* и *новой искренностью* есть существенное, главное отличие. Искренность – это поведенческая характеристика человека, «новая искренность» – это коммуни-

кативная стратегия, в соответствии с которой подбираются и разрабатываются убеждающие техники и проектируются свойства интернет-контента и иных текстов. Давно наступила и идет эпоха технологичной «новой искренности».

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Здесь и далее перевод наш.

² Определение составлено нами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Аграновский Н. С., 2014. Джордж Вашингтон в изобразительном искусстве США XX века: от забвения к новой искренности // Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. № 4. С. 50–71.
- Антропова В. В., Маркова Д. А., 2023. Технология «новой искренности» в российском рекламном дискурсе // Знак: проблемное поле медиаобразования. № 1 (47). С. 63–69.
- Болтонова А. О., 2023. Новая искренность в современном брендинге // Актуальные вопросы современной экономики. № 6. С. 761–765.
- Бокарев А. С., 2018. «Новая искренность» в поэзии Дмитрия Воденникова: о поведенческих стратегиях лирического субъекта // Вестник Костромского государственного университета. Т. 24, № 4. С. 136–139.
- Воробьева Е. И., 2020. Искренность, аффект, эмпатия: поэтические сообщества и новые контексты публичности // Russian Literature. Т. 118. С. 45–77. DOI: 10.1016/j.ruslit.2020.11.003
- Гофман Э., 2009. Ритуал взаимодействия. Очерки поведения лицом к лицу : пер. с англ. / под ред. Н. Н. Богомоловой, Д. А. Леонтьева. М. : Смысл. 309 с.
- Дементьев В. В., 2013. Коммуникативные ценности русской культуры: категория личности в лексике и прагматике. М. : Глобал Ком. 338 с.
- Зудилина Н. В., 2013. Мотивы использования анонимности в киберпространстве Интернета как фактор формирования идентичности человека // Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания. Т. 13, № 9 (112). С. 63–68.
- Иссерс О. С., 2020. Грани «новой искренности» в современной политической коммуникации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. Т. 19, № 6. С. 216–227. DOI:10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227

- Иссерс О. С., 2008. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. Изд. 5-е. М. : Изд-во ЛКИ. 288 с.
- Карасик В. И., 2002. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград : Перемена. 477 с.
- Кельина Ю. Р., 2022. Роль СМИ в формировании имиджа публичного лица с учетом тренда на «новую искренность» в политической коммуникации // Политика, экономика и инновации. № 6 (47). С. 3.
- Кузнецова М. О., 2019. Приемы типажной выразительности актера в кинематографе «новой искренности» // Вестник ВГИК. Т. 11, № 3 (41). С. 65–75.
- Леонтьева Т. В., Щетинина А. В., 2022. Сочетание *новая искренность* в лексикографическом аспекте // Научный диалог. Т. 11, № 6. С. 183–201. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-183-201
- Михеева Ю. В., 2023. Музыка кинематографа «новой искренности» // Проблемы музыкальной науки. № 2. С. 140–149. DOI: 10.56620/2782-3598.2023.2.140-149
- Оконечникова Л. В., Арди Р., 2011. Исследование особенностей анонимности и самораскрытия в интернет-общении (на примере индонезийской и русской культур) // Известия Уральского государственного университета. Серия 1, Проблемы образования, науки и культуры. Т. 95, № 4. С. 203–214.
- Остапенко А. Г., Сорокин Р. В., Лихобабин С. В., Ткаченко А. О., Бартеков А. Н., Пастернак Ю. Г., 2020. «Инфодемия» и социальные сети: актуальные объекты и задачи исследования // Информатика и безопасность. Т. 23, № 4. С. 535–544. DOI: 10.36622/VSTU.2020.23.4.006
- Поддубнова Ю. С., 2023. К маме с небритыми ногами: «новая искренность» в эпоху метамодерна // Знамя. № 2. С. 178–188.
- Северская О. И., 2023. «Новая искренность» публичного политика с позиции говорящего и реципиентов // От слова к дискурсу: взаимодействие форм и (не)предсказуемость смыслов : тез. Междунар. науч. конф. (Минск, 12–13 мая 2023 г.). Минск : Минск. гос. лингвист. ун-т. С. 238–240.
- Слатинов В. Б., 2020. Ставка на «молодых технократов» и «новую искренность» в региональной кадровой стратегии федерального центра: промежуточные эффекты и нарастающие противоречия // Политическое представительство и публичная власть: трансформационные вызовы и перспективы / под ред. О. В. Гаман-Голутвиной [и др.]. М. : Моск. пед. гос. ун-т. С. 490–491.
- Ульшина В. В., Чернавский А. С., 2023. Феномен «новой искренности» в брендинге современного публичного политика: тенденции развития // Youth World Politic. № 1. С. 12–21.
- Цуркан Е. Г., 2018. Культурные вызовы глобальной сети Интернет // Цифровой ученый: лаборатория философа. Т. 1, № 4. С. 116–128. DOI: 10.5840/dspl20181450
- Bowden M., 2021. Shamelessness and New Sincerity: Dostoevsky, David Foster Wallace, and Trump's America // Literature of the Americas. № 11. P. 155–182. DOI: 10.22455/2541-7894-2021-11-155-182
- Caspi A., Etgar Sh., 2023. Exaggeration of Emotional Responses in Online Communication // Computers in Human Behavior. Vol. 146. Art. 107818. DOI: 10.1016/j.chb.2023.107818
- Choi G. Y., Mitchell A. M., 2022. So Sorry, Now Please Watch: Identifying Image Repair Strategies, Sincerity and Forgiveness in YouTubers' Apology Videos // Public Relations Review. Vol. 48, iss. 4. Art. 102226. DOI: 10.1016/j.pubrev.2022.102226
- Fromm E., 1978. Bekstvo od slobode. Beograd : Nolit. 269 s.
- McCaffery L., 2012. An Expanded Interview with David Foster Wallace // Conversations with David Foster Wallace. Jackson : University Press of Mississippi. P. 21–52.
- Slavujević, Z., 2009. Političko komuniciranje, politička propaganda, politički marketing. Beograd : Grafocard. 315 s.
- Thon F. M., Jucks R., 2014. Regulating Privacy in Interpersonal Online Communication: The Role of Self-Disclosure // Studies in Communication Sciences. Vol. 14, iss. 1. P. 3–11. DOI: 10.1016/j.scoms.2014.03.012

ИСТОЧНИКИ

- НКРЯ – Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorpora.ru>
- GBNV – Google Books Ngram Viewer. URL: <https://books.google.com/ngrams/>

СЛОВАРИ

- Леонтьева, Щетинина – Леонтьева Т. В., Щетинина А. В. Словарь актуальной лексики единения и вражды в русском языке начала XXI века. Екатеринбург : Ажур, 2021. 424 с.
- ССРЛЯ – Словарь современного русского литературного языка. В 17 т. М. ; Л. : Наука, 1948–1965.

REFERENCES

- Agranovskiy N.S., 2014. Dzhordzh Washington v izobrazitelnom iskusstve SShA XX veka:

- ot zabveniya k novoy iskrennosti [George Washington in Visual Art of the USA of the 20th Century: From Oblivion to New Sincerity]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Iskusstvovedenie* [Vestnik of Saint Petersburg University. Arts], no. 4, pp. 50-71.
- Antropova V.V., Markova D.A., 2023. Tekhnologiya «novoy iskrennosti» v rossiyskom reklamnom diskurse [The Technology of “New Sincerity” in the Russian Advertising Discourse]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya* [Sign: Problematic Field Media Education], no. 1 (47), pp. 63-69.
- Boltonova A.O., 2023. Novaya iskrennost v sovremennom brendinge [New Sincerity in Modern Branding]. *Aktualnye voprosy sovremennoy ekonomiki* [Topical Issues of Modern Economy], no. 6, pp. 761-765.
- Bokarev A.S., 2018. «Novaya iskrennost» v poezii Dmitriya Vodennikova: o povedencheskikh strategiyakh liricheskogo subyekta [“New Sincerity” in the Dmitry Vodennikov’s Poetry: On the Behavioral Strategies of a Lyric Subject]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* [Vestnik of Kostroma State University], vol. 24, no. 4, pp. 136-139.
- Vorobyeva E.I., 2020. Iskrennost, affekt, empatiya: poeticheskie soobshchestva i novye konteksty publichnosti [Sincerity, Affect, Empathy: Poetic Communities and New Contexts of Publicity]. *Russian Literature*, vol. 118, pp. 45-77. DOI: 10.1016/j.ruslit.2020.11.003
- Hoffman E., 2009. *Ritual vzaimodeystviya: ocherki povedeniya litsom k litsu* [Ritual Interaction: Essays on Face-to-Face Behavior]. Moscow, Smysl Publ. 309 p.
- Demytyev V.V., 2013. *Kommunikativnye tsennosti russkoy kultury: kategoriya personalnosti v leksike i pragmatike* [Communicative Values of Russian Culture: Personal Category in Vocabulary and Pragmatics]. Moscow, Global Kom Publ. 338 p.
- Zudilina N.V., 2013. Motivy ispolzovaniya anonimnosti v kiberprostranstve interneta kak faktor formirovaniya identichnosti cheloveka [Motives of the Use of Anonymity in the Cyberspace of the Internet as a Factor of Identity Formation of Man]. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Seriya: Problemy sotsialno-gumanitarnogo znaniya*, vol. 13, no. 9 (112), pp. 63-68.
- Issers O.S., 2020. Grani «novoy iskrennosti» v sovremennoy politicheskoy kommunikatsii [Dimensions of a “New Sincerity” in Modern Political Communication]. *Vestnik Novosibirskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya* [Vestnik NSU. Series: History and Philology], vol. 19, no. 6, pp. 216-227. DOI: 10.25205/1818-7919-2020-19-6-216-227
- Issers O.S., 2008. *Kommunikativnye strategii i taktiki russkoy rechi* [Communication Strategies and Tactics of Russian Speech]. Moscow, Izd-vo LKI. 288 p.
- Karasik V.I., 2002. *Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs* [Circular Language: Personality, Concepts, Discourse]. Volgograd, Peremena Publ. 477 p.
- Kelyina Yu.R., 2022. Rol SMI v formirovanii imidzha publichnogo litsa s ucheto trenda na «novuyu iskrennost» v politicheskoy kommunikatsii [The Role of the Media in Transforming the Image of a Public Figure Taking into Account the Trend Towards “New Sincerity” in Political Communication]. *Politika, ekonomika i innovatsii*, vol. 6 (47), p. 3.
- Kuznetsova M.O., 2019. Priemy tipazhnoy vyrazitelnosti aktera v kinematografe «novoy iskrennosti» [Methods of Using the Type Expressiveness of the Actor in the Cinema of “New Sincerity”]. *Vestnik VGIK*, vol. 11, no. 13 (41), pp. 65-75.
- Leontyeva T.V., Shchetinina A.V., 2022. Sochetaniye novaya iskrennost v leksikograficheskom aspekte [The Combination of New Sincerity in the Lexicographic Aspect]. *Nauchnyi dialog*, vol. 11, no. 6, pp. 183-201. DOI: 10.24224/2227-1295-2022-11-6-183-201
- Mikheeva Yu.V., 2023. Muzyka kinematografa «novoy iskrennosti» [Music of the Cinema of the “New Sincerity”]. *Problemy muzykalnoy nauki* [Music Scholarship], no. 2, pp. 140-149. DOI: 10.56620/2782-3598.2023.2.140-149
- Okonechnikova L.V., Ardi R., 2011. Issledovanie osobennostey anonimnosti i samoraskrytiya v internet-obshchenii (na primere indoneziyskoy i russkoy kultur) [Research Self-Disclosure and Anonymity Among Social Networking Users in Russia and Indonesian]. *Izvestiya Uralskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 1, Problemy obrazovaniya, nauki i kultury* [Izvestia Ural Federal University Journal. Series 1. Issues in Education, Science and Culture], vol. 95, no. 4, pp. 203-214.
- Ostapenko A.G., Sorokin R.V., Likhobabin S.V., Tkachenko A.O., Bartenev A.N., Pasternak Yu.G., 2020. «Infodemiya» i sotsialnye seti: aktualnye obyekty i zadachi issledovaniya [“Infodemia” and Social Networks: The Actual Objects and Objectives of the Study]. *Informatsiya i bezopasnost* [Information & Security], vol. 23, no. 4, pp. 535-544. DOI: 10.36622/VSTU.2020.23.4.006

- Podlubnova Yu.S., 2023. K mame s nebritymi nogami: «novaya iskrennost» v epokhu metamoderna [To the Mother with Unshaven Legs: “New Sincerity” in the Era of Metamodernity]. *Znamya*, no. 2, pp. 178-188.
- Severskaya O.I., 2023. «Novaya iskrennost» publichnogo politika s pozitsii govoryashchego i retsipientov [“New Sincerity” of a Public Politician from the Position of the Speaker and Recipient]. *Ot slova k diskursu: vzaimodeystvie form i (ne)predskazuemost smyslov: tez. Mezhdunar. nauch. konf. (Minsk, 12–13 maya 2023 g.)* [From Word to Discourse: Interaction of Forms and (Un)Predictability of Meanings. Abstracts of the International Scientific Conference (Minsk, May 12–13, 2023)]. Minsk, Minsk. gos. lingvist. un-t, pp. 238-240.
- Slatinov V.B., 2020. Stavka na «molodykh tekhnokratov» i «novuyu iskrennost» v regionalnoy kadrovoy strategii federalnogo tsentra: promezhutochnye efekty i narastayushchie protivorechiya [Relying on “Young Technocrats” and “New Sincerity” in the Regional Personnel Strategy of the Federal Center: Intermediate Effects and Growing Contradictions]. Gaman-Goluvina O.V. et al., eds. *Politicheskoe predstavitelstvo i publichnaya vlast: transformatsionnye vyzovy i perspektivy* [Political Representation and Public Power: Transformational Challenges and Prospects]. Moscow, Mosk. ped. gos. un-t, pp. 490-491.
- Ulshina V.V., Chernavskiy A.S., 2023. Fenomen «novoy iskrennosti» v brendirovanii sovremennogo publichnogo politika: tendentsii razvitiya [Phenomenon of “New Sincerity” in the Branding of Modern Public Politician: Development Trends]. *Youth World Politic*, no. 1, pp. 12-21.
- Tsurkan E.G., 2018. Kulturnye vyzovy globalnoy seti Internet [Cultural Challenges of the Internet]. *Tsifrovoy uchenyy: laborototiya filosofa* [The Digital Scholar: Philosopher’s Lab], vol. 1, no. 4, pp. 116-128. DOI: 10.5840/dspl20181450
- Bowden M., 2021. Shamelessness and New Sincerity: Dostoevsky, David Foster Wallace, and Trump’s America. *Literature of the Americas*, no. 11, pp. 155-182. DOI: 10.22455/2541-7894-2021-11-155-182
- Caspi A., Etgar Sh., 2023. Exaggeration of Emotional Responses in Online Communication. *Computers in Human Behavior*, vol. 146, art. 107818. DOI: 10.1016/j.chb.2023.107818
- Choi G. Y., Mitchell A.M., 2022. So Sorry, Now Please Watch: Identifying Image Repair Strategies, Sincerity and Forgiveness in YouTubers’ Apology Videos. *Public Relations Review*, vol. 48, iss. 4, art. 102226. DOI: 10.1016/j.pubrev.2022.102226
- Fromm E., 1978. *Bekstvo od slobode*. Beograd, Nolit. 269 s.
- McCaffery L., 2012. An Expanded Interview with David Foster Wallace. *Conversations with David Foster Wallace*. Jackson, University Press of Mississippi, pp. 21-52.
- Slavujević Z., 2009. *Političko komuniciranje, politička propaganda, politički marketing*. Beograd, Grafocard. 315 s.
- Thon F.M., Jucks R., 2014. Regulating Privacy in Interpersonal Online Communication: The Role of Self-Disclosure. *Studies in Communication Sciences*, vol. 14, iss. 1, pp. 3-11. DOI: 10.1016/j.scoms.2014.03.012

SOURCES

- Natsionalnyy korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. URL: <http://ruscorpora.ru>
- Google Books Ngram Viewer*. URL: <https://books.google.com/ngrams/>

DICTIONARIES

- Leontyeva T.V., Shchetinina A.V. *Slovar aktualnoy leksiki edineniya i vrazhdy v russkom yazyke nachala XXI veka* [Dictionary of Current Vocabulary of Unity and Enmity in the Russian Language at the Beginning of the 21st Century]. Yekaterinburg, Azhur Publ., 2021. 424 p.
- Slovar sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka. V 17 t.* [Dictionary of Modern Russian Literary Language. In 17 Vols.]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1948–1965.

Information About the Authors

Tatyana V. Leontyeva, Doctor of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of Mass Communication Languages, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Chapaeva St, 16, 620085 Yekaterinburg, Russia, t.v.leontieva@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7213-1582>

Siniša Atlagić, PhD (Political Sciences), Professor, Department of Journalism and Communication, Faculty of Political Science, Belgrade University, Jove Ilića St, 165, 11000 Belgrade, Serbia, sinisa.atlagic@fpn.bg.ac.rs, <https://orcid.org/0000-0001-5112-3682>

Информация об авторах

Татьяна Валерьевна Леонтьева, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой языков массовых коммуникаций, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина, ул. Чапаева, 16, 620085 г. Екатеринбург, Россия, t.v.leontieva@urfu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7213-1582>

Синиша Атлагич, PhD (политические науки), профессор кафедры журналистики и коммуникативистики, Белградский университет, ул. Йове Илича, 165, 11000 г. Белград, Сербия, sinisa.atlagic@fpn.bg.ac.rs, <https://orcid.org/0000-0001-5112-3682>

РАЗВИТИЕ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ РУССКОГО ЯЗЫКА

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.9>

UDC 811.16(091)
LBC 81.41-03

Submitted: 25.10.2023
Accepted: 05.12.2023

FRAGMENTS OF *KNYAZHY IZBORNIK* IN THE SERBIAN MISCELLANEA OF THE 16th CENTURY SLAV. 125 FROM THE COLLECTION OF THE AUSTRIAN NATIONAL LIBRARY¹

Irina M. Gritsevskaya

Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Syktyvkar, Russia

Viacheslav V. Lytvynenko

Charles University, Prague, Czechia

Abstract. This work studies the *Questions and Answers to Antiochus the Duke (QAD)* by Pseudo-Athanasius of Alexandria in the 16th century Serbian miscellanea Slav. 125 from the collection of the Austrian National Library. The authors show that the selection of 13 *QAs* in this codex represents a fragment of the early medieval Slavic miscellanea *Knyazhy Izbornik*, which genetically preceded *Izbornik 1076*. With this selection, the authors have added one more manuscript of *QAD* to the previously known 17 witnesses. The article provides the incipits and parallels to the *QAD* in the Serbian miscellanea, as well as explains the relationship between the *QAs* in Slav. 125 and those in *Knyazhy Izbornik*, known before. The authors methodically expose the presence or lack of innovations within each of the stages in which *Knyazhy Izbornik* was shaped. More specifically, they analyze the selection of 13 *QAs* and reveal their individual characteristics that are not found in the known manuscripts of *Knyazhy Izbornik*. Based on the fact that Slav. 125 contains no specific features of *Izbornik 1076*, it is argued that the Serbian text of *QAD* belongs to the stage of *Knyazhy Izbornik* that preceded *Izbornik 1076*. The study concludes that Slav. 125 represents an important piece of evidence of how this early medieval Slavic miscellanea evolved over time, enriching our understanding of the ways in which it circulated and developed, as well as how it was used and perceived in the Old Slavonic tradition.

Key words: Athanasius of Alexandria, Pseudo-Athanasius, *Questions and Answers*, *Knyazhy Izbornik*, *Izbornik 1076*.

Citation. Gritsevskaya I.M., Lytvynenko V.V. Fragments of *Knyazhy Izbornik* in the Serbian Miscellanea of the 16th Century Slav. 125 from the Collection of the Austrian National Library. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 2, pp. 113-133. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.9>

УДК 811.16(091)
ББК 81.41-03

Дата поступления статьи: 25.10.2023
Дата принятия статьи: 05.12.2023

ФРАГМЕНТЫ «КНЯЖЬЕГО ИЗБОРНИКА» В СЕРБСКОМ СБОРНИКЕ XVI в. SLAV. 125 ИЗ СОБРАНИЯ ВЕНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ БИБЛИОТЕКИ¹

Ирина Михайловна Грицевская

Сыктывкарский государственный университет им. П. Сорокина, г. Сыктывкар, Россия

Вячеслав Владимирович Литвиненко

Карлов университет, г. Прага, Чехия

Аннотация. В работе исследуются «Вопросоответы» Псевдо-Афанасия Александрийского в сербском сборнике XVI в. из собрания Венской национальной библиотеки (Slav. 125). Согласно наблюдениям авторов, вошедшие в данный кодекс 13 вопросоответов составляют фрагмент генетически предшествовавшего «Изборнику 1076 г.» древнего славянского сборника, известного как «Княжий изборник». К известным 17 спискам памятника в результате выполненного исследования прибавляется еще один. В статье приведены инципиты, указаны параллели к имеющимся в Венском сборнике вопросоответам, описано соотношение вопросоответов в Slav. 125 и ранее известных списках «Княжьего изборника». На основе систематического сопоставления списков выявлено наличие или отсутствие инноваций на каждом из основных этапов формирования древнего сборника. Результаты анализа 13 вопросоответов позволили обнаружить их особые черты, несвойственные известным ранее спискам «Княжьего изборника». Утверждается, что венский текст «Вопросоответов» принадлежит к той стадии формирования «Княжьего изборника», которая предшествовала «Изборнику 1076 г.», поскольку в Slav. 125 не проявились индивидуальные особенности «Изборника 1076 г.». Сделан вывод о том, что текст Slav. 125 представляет собой важное свидетельство эволюции древнейшего славянского сборника, сведения о нем обогащают научные представления о традиции его бытования и характере развития, разных аспектах использования и осмысления в древней славянской книжности.

Ключевые слова: Афанасий Александрийский, Псевдо-Афанасий, «Вопросоответы», «Княжий изборник», «Изборник 1076 г.».

Цитирование. Грицевская И. М., Литвиненко В. В. Фрагменты «Княжьего изборника» в сербском сборнике XVI в. Slav. 125 из собрания Венской национальной библиотеки // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 113–133. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.9>

Введение

Один из древнейших и ценнейших славянских сборников – «Изборник 1076 г.». Этот памятник на протяжении более чем двухсот лет входил в число основных источников изучения славянской письменности [Мушинская, 2015, с. 43]. К настоящему времени найдены славянские параллели, позволяющие проследить характер и пути формирования этого сборника (об этом см.: [Ангелов, 1979; Буланин, 1990; Копреева, 1976; 1979; Veder, 1983]; (Федер, 2008)). Выяснено, что текст «Изборника 1076 г.» является завершением длительной эволюции, в ходе которой менялся состав глав, трансформировались тексты, входящие в них. Первоначальный вид компиляции возник в Болгарии в X в. (Федер, 2008). Высказана гипотеза о том, что сборник был создан в Преславе для наставления наследников болгарских царей, притом был написан глаголицей (см.: (Федер, 2008); [Veder, 2018]); однако эту гипотезу поддерживают не все исследователи [Буланин, 2012; Мушинская, 2015, с. 47–48].

По предложению У.Р. Федер болгарский сборник, предшествовавший «Изборнику 1076 г.», принято называть «Княжьим изборником» (Федер, 2008). В исследованиях последних лет «Княжьим изборником» называют целое семейство сборников, возникших ранее «Изборника 1076 г.» [Мушинская, 2015].

Всего в настоящее время, помимо «Изборника 1076 г.», известно 17 списков «Княжьего изборника» [Мушинская, 2015, с. 56–60]. Большинство из них представляют собой фрагменты текста разного объема, вошедшие в иные по составу сборники XIII–XVII веков. 11 имеют восточнославянское происхождение, 5 – сербское, 1 – среднеболгарское.

Текстологическое исследование списков «Княжьего изборника» позволило выделить три основных этапа (стадии) его формирования, а именно: создание Княжьего изборника-1 (КИ1, гипархетип α), Княжьего изборника-2 (КИ2, гипархетип β), Княжьего изборника-3 (КИ3, гипархетипы γ , δ) [Мушинская, 2015, с. 74].

Из приведенных данных видно, что важными свидетельствами эволюции «Княжьего изборника» являются сербские списки, возникшие на нескольких этапах развития памятника². В настоящей статье будет представлено еще одно подобное свидетельство раннего бытования древнейшего славянского сборника в сербской книжности, и, таким образом, введен в научный оборот 18-й список «Княжьего изборника».

Материал и методы

Исследуемый список «Княжьего изборника» входит в сборник, хранящийся в Венской национальной библиотеке под шифром Cod. Slav. 125 (далее – Slav. 125).

В существующих описаниях рукопись Slav. 125 отнесена к XVI в. [Яцимирский, 1921, с. 225–229; Birkfellner, 1975; Otero, 1981, s. 59]. G. Birkfellner указывает, что кодекс является конволютом (Sammelhandschrift), принадлежавшим ранее монастырю Добриловина Св. Георгия Победоносца Будимлянско-Никшичской епархии Сербской православной церкви (с 1592 г.), Мойковац, северная Черногория [Birkfellner, 1975, s. 221]. В качестве языкового извода указан сербский.

Рукопись Slav. 125 хорошо известна в научной литературе в связи с изучением славянских версий апокрифических сочинений³. Будучи конволютом, она состоит из отдельных частей и, судя по находящейся в нашем распоряжении фотоконверсии, этих частей три. В первую часть (л. 4–162) входит ряд статей церковноправового содержания («Правило святых апостолов и святых семи соборов»; монашеские правила; правила исповеди и покаяния; правила мирским людям, в том числе о родстве и о браках, о различных искушениях). Вторую часть (л. 163–281 об.) составляет ряд эсхатологических и апокрифических текстов, в том числе «Откровение Мефодия Патарско-

го», «Слово Иоанна Златоуста о пришествии Предтечи во ад», а также «Вопросы Варфоломеевы к Богородице», разделенные на два самостоятельных раздела (л. 259 и 276). Третья часть конволюта (л. 245–361 об.) включает апокрифические сочинения («Откровение Павла», краткая редакция «Второй книги Еноха», «Вопросы Иоанна Богослова Господу на горе Фаворской»), ряд небольших текстов (л. 352: «Двѣ во ѣ тѣни ѡсобны ѡ тѣла...»; «А се ѡ правехъ розный. Стрѣхъ вѣжи ѡгонитъ злоба...»; л. 353: «И възидише снова вѣжи къ дѣщеремъ члѣвскы»; л. 353 об.: «Слово ѡ оустава стѣхъ апль. како же въ трѣи погруженїа крщенїа творени навою. иже въ гробѣ лежа гь трѣи дни...»; л. 358: «А се тлькованїе ѡ Фалтира възкратцѣ»), а также подборку из «Вопросоответов князю Антиоху» Псевдо-Афанасия Александрийского (л. 339 об.–351 об.), генетически родственную той, что вошла в «Княжий изборник» (далее – КИ)⁴ и впоследствии в «Изборник 1076 г.» (далее – И76)⁵. Именно эта подборка и является объектом изучения в настоящей статье.

Результаты и обсуждение

Структура подборки и содержание вопросоответов (далее – ВО) представлены в таблице 1.

Как видно из таблицы 1, в Slav. 125 имеются 13 вопросоответов, 12 из которых включались и в «Княжий изборник», и в «Изборник 1076 г.», а последний вопросоответ, отсутствуя в «Изборнике 1076 г.», входил в два списка «Княжьего изборника». В дальнейшем «Вопросоответы» обозначаются исходя из нумерации «Изборника 1076 г.», принятой в научной литературе. ВО № 13 (по нумерации в Slav. 125), не нашедший соответствия в «Изборнике 1076 г.», мы будем обозначать как **S13**. Отметим, что порядок вопросоответов в Slav. 125 не соответствует тому, что имеется в списках КИ и И76.

Таблица 1. «Вопросоответы» в Slav. 125

Table 1. Questions and Answers in Slav. 125

№ по Slav. 125	Л. по Slav. 125	Вопрос и инципит ответа по Slav. 125	ВО в И76: номер, рубрика и листы	Источники и параллели
1	Л. 339 об.–342	Въпрѣ что ꙗко съвршѣно хр҃г҃ианство. Ѡвѣ иже въ ст҃ы ѡца нашего а-фанасіа. Вѣра правда и дѣла бл҃гоч҃тивѣа. истинна бо вѣра. дѣла искушѣет се вѣра бо без дѣла мртва несть. такоже дѣла без вѣры. Тем же побѣдет в҃сео силою, т҃ворити волю бж҃го. что ꙗко вола бж҃а самъ г҃ь рече прїидѣте къ мнѣ вси...	№ I; 764–769; л. 114 об.–116 об.	– «Вопросоответы» Анастасия Синаита, ВО 1 (Richard, Munitiz, 2006, p. 5); – «Изборник 1073 г.», л. 27–28; – «Княжий изборник» (Федер, 2008, т. 2, гл. 12:1–8, с. 197–198)
2	Л. 342–342 об.	Въпрѣ Аще кто сътворитъ грѣхъ великъ и поменуѣ се начнетъ, плакатѣи и третїи день оумретъ како ꙗко въ семь разумѣти. Ѡвѣ . А-фанасіевъ . Аще начнетъ плакати се и вбратитъ дшоу свою ѡ злыя мысли. и положитъ заветъ свои къ бж҃у...	№ XVIII; 858–860; л. 195 об.*–196 об.*	– «Вопросоответы» Псевдо-Афанасия, ВО 79 (Patrologia Graeca, vol. 28, col. 648; Федер, 2016, т. 2, с. 150–151); – «Княжий изборник» (Федер, 2008, т. 2, гл. 12:94–96, с. 218); – «Лаврентьевский сборник» (Киев, 1981, с. 270)
3	Л. 342 об.–343	Въпросе . Понѣ съгрѣшихъ вскверныхом се. нѣ ли намъ сп҃сенію надежда и врачѣбы: Ѡвѣ . А-фанасіевъ . Елико оубо по нашїи дѣла непобнѣимъ нѣ. Елико по бл҃готи, неизгладнѣви...	№ XX; 866–869; л. 198*–199*	– патриарх Фотий, Гомилия 1 (Photii Patriarchae..., 1983, p. 4–5); – «Минейный сборник» (приписано Иоанну Златоусту); – «Княжий изборник» (Федер, 2008, т. 2, гл. 12:102–105, с. 219–220)
4	Л. 343–343 об.	Въпросе тако исповѣтъ Ѡвѣ . Блоуднаго ꙗко звати и припадати къ бж҃у съкроушенными ср҃дцемъ, дх҃и смѣренныи съгрѣши на нбо и прѣтвоею. прїими ме ѡче кающаго се...	№ XXI; 870–873; л. 199*–199 об.*	– патриарх Фотий, Гомилия 1 (Photii Patriarchae..., 1983, p. 4–5); – «Минейный сборник» (приписано Иоанну Златоусту); – «Княжий изборник» (Федер, 2008, т. 2, гл. 12:106–109, с. 220–221)
5	Л. 343 об.–344	Въпрѣ . Тако исповѣтъ. А-фанасіевъ . Ѡ всего ср҃ца своего обратитѣ стоаінемъ и плачѣи и ср҃дечный трезвеніемъ сзымирае се и млоуе ближнаго и оубогые и ѡпоущае прѣгрѣшенїа...	№ XXII; 874–883; л. 199 об.*–202*	– патриарх Фотий, Гомилия 1 (Photii Patriarchae..., 1983, p. 8–9); – «Минейный сборник» (приписано Иоанну Златоусту); – «Княжий изборник» (Федер, 2008, т. 2, гл. 12:110–118, с. 221–223)
6	Л. 344–345 об.	Въпрѣ [на полях] Аще кто въ грѣхы выпадеъ и състареет се. и постыгити се не мжетъ ни на жестоць легати ни в дѣти... Ѡвѣ . А-фанасіевъ . Гоу глающѣ гарьмъ мой бл҃гъ ꙗко. и време мое льгко ꙗко. доврѣ то вѣдѣмо ꙗко. тако старъ немоцнѣ, и оубогъ...	№ XIX; 861–865; л. 196 об.*–197 об.* ¹⁾ № XXIII; 884–895; л. 202*–205* ²⁾	– «Вопросоответы» Псевдо-Афанасия, ВО 92 (Patrologia Graeca, vol. 28, col. 653; Федер, 2016, с. 172–174: Аще кто въ грѣсѣхъ сътарѣвъ са...); – «Княжий изборник» (Федер, 2008, т. 2, гл. 12:97–101, с. 218–219, гл. 12:119–127, с. 223–225) (ср.: Patrologia Graeca, vol. 89, col. 361)

Продолжение таблицы 1

Continuation of Table 1

№ по Slav. 125	Л. по Slav. 125	Вопрос и инципит ответа по Slav. 125	ВО в И76: номер, рубрика и листы	Источники и параллели
7	Л. 345 об.–347	Взпросъ Ѡкоуоу вѣтъ члкъ како простилъ ѣ бз грѣхы его. Ѡвѣ [на полях] ВЗ млтвѣ нашени еѣа единѣ, никомоу видешѣ или слышеши прѣвѣтоимъ тоѣа разоумѣтъ дша како...	№ XXXI ; 962–976; л. 223 об.–226 об.	– «Вопросоответы» Псевдо-Анастасия Синаита, ВО 14 (Richard, Munitiz, 2006, р. 189–190, дополнения; Федер, 2011, т. 2, с. 95–98); – «Кормчая 1650 г.», л. 632 об. (глава 69) (Кормчая, 1650); – [Жоанне, 1993, с. 223–226] (публикация текста и греческого источника); – «Княжий изборник» [Федер, 2008, т. 2, гл. 12:196–208, с. 238–240]
8	Л. 347	Взпрѣ . Нѣции многажы ѡсѣкающе се грѣха и кающе се. и пакы поплъзюще ѡчѣвають себе глюще како се трѣа покаанѣа сътворши погѣбы ихъ. Ѡвѣ . Сѣтѣ Афанасѣа . Не погыбе ѡ бѣ троу. иже сътворивъ покаанѣныи члкъ...	№ XXVI ; 933–938; л. 215 об.–217	– «Вопросоответы» Псевдо-Анастасия Синаита, ВО 5 (Richard, Munitiz, 2006, р. 175, дополнения; Федер, 2011, т. 2, с. 78–79); – «Кормчая 1650 г.», л. 628 (глава 69) (Кормчая, 1650); – [Жоанне, 1993, с. 218] (публикация текста и греческого источника); – «Княжий изборник» (Федер, 2008, т. 2, гл. 12:169–173, с. 233–234)
9	Л. 347 об.	Взпрѣ . Аще нѣкыи властельи ѡ гнѣва многаа съ клетвами оуставить вѣцѣ тако же по клетвѣ покдет се разоумѣвъ како злѣ оустави что иматъ за се сътворити: Ѡвѣ . [на полях добавлено: ѡвѣтъ] [!] Афанасѣвъ . Исповѣдати се къ боу и зазираги в своемъ напраснѣствѣ, и разорити клетвы. петръ во рѣ апль къ гоу не оумыеши ноги моее въ вѣкы. покдав же се еже рѣ хвалѣ ѣ въ вѣкы...	№ XVII ; 855–857; л. 194 об.*–195 об.*	– «Вопросоответы» Псевдо-Афанасия, ВО 130 (Patrologia Graeca, vol. 28, col. 680; Федер, 2016, с. 241–242); – «Княжий изборник» (Федер, 2008, т. 2, гл. 12:91–93, с. 217); – «Лаврентьевский сборник» (Кув, 1981, с. 285–286)
10	Л. 347 об.–349 об.	Взпрѣ . Что соутъ истинѣныи поклонѣници иже на горѣ. ни въ ѣрлмѣ поклонѣют се вцоу боу... Ѡвѣ Афанасѣвъ . Грѣдѣ же поистинѣ и дивѣо члчю слоухѣ възпрошенѣе. да сего рѣт...	№ II ; 770–782; л. 116 об.–121	– «Вопросоответы» Анастасия Синаита, ВО 6 (Richard, Munitiz, 2006, р. 12–14); – «Вопросоответы» Анастасия Синаита, ВО 14 (Федер, 2011, т. 2, с. 24–29); – «Изборник 1073 г.», л. 33–34; – «Княжий изборник» (Федер, 2008, т. 2, гл. 12:9–21, с. 199–201); – «Лаврентьевский сборник» (Кув, 1981, с. 308–309)

Окончание таблицы 1

End of Table 1

№ по Slav. 125	Л. по Slav. 125	Вопрос и инципит ответа по Slav. 125	ВО в И76: номер, рубрика и листы	Источники и параллели
11	Л. 349 об.–350 об.	Въпрѣ . Аще кто не оусрьднѣ нь ноуде себѣ подаеть бл҃готвореніе иматъ лы мѣѣу ѿ ба или ни. ѿвѣ . Сзвршена оубо жртва ѣ. да ни векрѣвы ни ѿ ноужа. тыха бо датела любить бѣ...	№ XXVIII; 944–947; л. 218 об.–219 об.	– «Вопросоответы» Псевдо-Анастасия Синаита, ВО 16 (Richard, Munitiz, 2006, p. 191, дополнения; Федер, 2011, т. 2, с. 100–101); – «Кормчая 1650 г.», л. 629 (глава 69) (Кормчая, 1650); – [Жоанне, 1993, с. 220] (публикация текста и греческого источника); – «Княжий изборник» (Федер, 2008, т. 2, гл. 12:179–181, с. 235–236)
12	Л. 350 об.–351 об.	въпрѣ Велико в'семи искомо, рѣк ли хоце рѣци члѣвское житіе или ны. Аще ли рѣкь ѣ, то како рѣ дѣбь... ѿвѣ афанасіевь . Тако иже езекино цра и ниневытенѣ...	№ III; 782–792; л. 121–124	– «Вопросоответы» Псевдо-Афанасия, ВО 113 (Patrologia Graeca, vol. 28, col. 668; Федер, 2016, т. 2, с. 209–212); – «Лаврентьевский сборник» (Киев, 1981, с. 281); – «Княжий изборник» (Федер, 2008, т. 2, гл. 12:22–30, с. 202–204)
13	Лл. 351 об.–352	Въпрѣ ѿ колика образа блѣу и снѣд бывають въ члѣвѣ. ѿвѣ . іакѣ стѣи ѡци глѣють ѿ чѣтыри. ѿ іестьв'наго възгореніа...	В И76 не имеется ³⁾ .	– «Вопросоответы» Анастасия Синаита, ВО 25 (Richard, Munitiz, 2006, p. 51); – «Вопросоответы» Анастасия Синаита, ВО 10 (по греч. спискам – № 25) (Федер, 2011, т. 2, с. 17–19 с иной формулировкой); – «Изборник 1073 г.», л. 53–56; – [Мушинская, 2015, с. 152, примеч. 61]

Примечания. ¹⁾ Инципит: Аште въ грѣсѣхъ възпадъ кзто сзетарѣється... ²⁾ Инципит: Аште кзто старѣ и немощнѣ и отънемоглъ рекше не можетъ чрнѣць выти... ³⁾ Этот вопросоответ в том же переводе, но в иной редакции есть в списках «Княжьего изборника» Б2 и Р (в других списках нет) [Мушинская, 2015, с. 152, примеч. 61].

Notes. ¹⁾ Incipit: Аште въ грѣсѣхъ възпадъ кзто сзетарѣється... ²⁾ Incipit: Аште кзто старѣ и немощнѣ и отънемоглъ рекше не можетъ чрнѣць выти... ³⁾ The same translation of this Question-and-Answer, though in a different recension, is found in the manuscripts of *Knyazyh Izbornik* B2 and P (we do not have it in other manuscripts) [Mushinskaya, 2015, p. 152, footnote 61].

Отношения «Вопросоответов» Slav. 125 и «Княжьего изборника»

«Вопросоответы» входили в «Княжий изборник» на всех этапах его развития, однако объем и состав их изменялся с возникновением последующих гипархетипов, также ряд изменений появлялся в самом тексте. Нами проведено исследование текста Slav. 125 в аспекте реализации в нем специфических черт (инноваций), определенных М.С. Мушинской для разных стадий формирования «Княжьего изборника»; эти стадии обозначены ею как КИ1, КИ2, КИ3 [Мушинская, 2015, с. 153–158]. Получены следующие результаты.

Особенности текста КИ1 прослеживаются в подборке Slav. 125 почти полностью⁶. При этом в текстах «Вопросоответов» не отражены специфические особенности двух ранних сербских списков Б2 и Р.

Инновации КИ2 на уровне текста прослеживаются в Slav. 125 в полном объеме, без исключений. В КИ2 к подборке прибавлены вопросыответы из «Минейного изборника», оформленные в эрапокрифическом формате. Эта черта отражена в Slav. 125 в ВО XX, XXI, XXII. В соответствии со спецификой именно этого гипархетипа, в заглавии имеется надписание именем «Афанасий», чего нет в списках гипархетипа α. Именно на этом этапе прибавляется и завершающая группа вопросовответов, в Slav. 125 они представлены в ВО XXVI, XXVIII, XXXI.

Наличие инноваций КИ3 (гипархетипы γ и δ) неясно, поскольку нет достаточного материала для сверки. В ряде примеров инновации гипархетипа γ в Slav. 125 не имеется:

– истиньнии (И76, л. 117.12) – истовии (Slav. 125);
– оукрадетъ. ти дѣльнии домъ (И76, л. 116 об.8) –
и оукрадетъ дѣльнии домъ (Slav. 125).

При этом имеются примеры, свидетельствующие о том, что некоторые инновации γ и δ все же были известны и тексту Slav. 125:

– моужа (И76, л. 117 об.5) – моужа (Slav. 125)
вместо исконного моужь.

В одном из вопросовответов (XIX / XXIII) имеются две инновации, свойственные отдельным спискам гипархетипа γ, а именно: еже вме-

сто также (И76, л. 203*.10), добавление своим перед роукма (И76, л. 203 об.3) [Мушинская, 2015, с. 156, примеч. 64].

«Вопросоответы» в Slav. 125 не имеют индивидуальных особенностей, свойственных И76 (подробно о них см.: [Мушинская, 2015, с. 157–158]). В качестве единственного исключения можно привести форму нѣкы, зафиксированную в Slav. 125 (в И76 нѣкыи), в то время как в изначальном тексте читалось ѣгеръ.

Группа вопросовответов XXVI, XXVIII, XXXI имеет отдаленное структурное сходство со списками М и У в гипархетипе β, поскольку эти списки группируют в едином месте указанные три вопроса [Мушинская, 2015, с. 159, примеч. 65]. Возможно, протограф Slav. 125 восходит к подобной структуре. В этой группе вопросовответов в Slav. 125 не наблюдается индивидуальных особенностей, характерных для «Изборника 1076 г.». Например, здесь не произошло замен: цѣсарь → князь (И76, 216.8); вѣсы → врагы (И76, л. 216 об.5); блготворение → добротворение (И76, л. 218 об.13); вино → медъ (И76, л. 219 об.3); свобѡ → свободьнъ (И76, л. 226.2).

Таким образом, подборка «Вопросоответов» в Slav. 125 восходит к тексту, определенно прошедшему стадии формирования КИ1 и КИ2. При этом не вполне понятно, каким образом этот текст соотносится с КИ3 (гипархетипы γ и δ). Ясно, что текст принадлежит к семейству «Княжьих изборников», предшествовавших «Изборнику 1076 г.», и не поддерживает его индивидуальных особенностей.

Особые черты подборки «Вопросоответов» в Slav. 125

Практически каждый из вопросовответов в Slav. 125 имеет особые черты, несвойственные остальным спискам «Княжьего изборника». Рассмотрим эти особенности.

ВО I

В качестве источника данного вопросаответа в «Княжьем изборнике» исследователи называют аналогичную статью в «Симеоновом сборнике» [Абрамович, 1929; Мушинская, 2015, с. 149]. ВО I в Slav. 125 относится именно

к текстовой семье КИ, поскольку при расхождении текста КИ и «Симеонова сборника» (цитируется по тексту «Изборника 1073 г.», далее – И73) Slav. 125 всегда поддерживает чтения КИ. Этот вопросоответ в составе Slav. 125 имеет ряд инноваций, не свойственных ни КИ, ни «Симеонову сборнику».

1. В начале ответа в Slav. 125 сокращена фраза: ...кръстыанъ во есть истовыи домъ хвѣ. дѣлы благыи и оучении добротыи свѣтася (И76). При этом произведена редактура, в результате которой сохранена общая логичность текста.

2. Несколько текстовых инноваций, появление большей части которых можно объяснить целенаправленной стилистической редактурой (первый вариант из пары взят из «Изборника 1076 г.» и отражает традиционное чтение «Княжьего изборника», а второй – инновацию из Slav. 125):

- всеяж силою без[бл]агна хранити са → в'сею силою и дшею и тѣлѣмъ без' съблазньаа хранити се
- дѣлы са отъмештють → дѣлы ѿметают се
- или не разоумѣете како хсѣ живеть въ васъ → или не вѣсте како живеть хс въ ва
- ти тако живеть въ насъ въ → то тако живеть въ ва бѣ
- не ли ти → елико ти
- величаштася и прѣзрива. или грохоушштася и лихо глаоумаштася → величающа се. и прѣзрѣщаа оубогые и грохоующаа. или глаоумеща се
- Тъгда разоумѣеть како нѣсть въ дши → тогда разоумееть дѣволъ како нѣ ти и въ дши
- придемъ и обитѣль оу него сътворимъ → прїидѣвѣ и обитѣль оу него сътворивѣ
- добрыими дѣлы → дѣлы добрыи
- дшьныи домъ → домъ дшев'ныи

3. ВО I из Slav. 125 включает обширную центонную вставку с невыясненным источником, содержащую: а) три не оформленных графически вопросоответа: что ѣ воля вѣжа?, что ѣ малое стадо?, кто соу званїи. и кто ли избраннїи?; б) правило о времени первого покаяния (для мужского пола – 9 лет, для женского – 7 лет); в) ламентацию о собственной грешности (фрагмент из покаянного песнопения?). Приведем текст этой вставки:

(л. 339 об.) **ЧТО ѣ ВОЛЯ ВѢЖА** самъ гѣ рѣ прїидѣте къ мнѣ вси троужающїи се и азъ ва покою. то ѣ воля вѣжа еже ѣ рѣно на на спенїе. Кланати се стѣи троици. ѿцоу и сноу и

стѣмъ дхоу и крѣтоу чѣномъ. и триднвное вскрсенїе гнїе славити. и мгеръ вѣжо (л. 340) славити. како тою бѣ спенїе в'семъ мирѣ. и всѣ силѣ нѣныи и всѣ стѣи покланати се. и целовати люб'зною чѣтою и вѣрою. и втораго пришьствїа чадти съ оупованїемъ еже на ба надѣвати се. а на ии нїчтоже. нѣ толико на добраа дѣла. въ нїхъ же кожоо на сѣмрѣ застанеть. и достиг'неть что соу добраа дѣла. се соу днв'наа дѣла добраа. Кротость смѣренїе. добро оученїю, покоренїе благосрдїе. безъ нѣвїе и мѣть. Любовь немногланїе и прочаа добродѣтель. А се телеснаа дѣла добраа. поклоны, постъ. мѣтина и мѣтва. вѣзрѣжанїе похвты пльскые. нелѣность вѣдрветь. безъснїе не на мес'ци леганїе. пища не- (л. 340 об.) – слѣкаа. вдежа хоуда, храмы некрасныи. покланїе и прочаа добраа дѣла. безъ тѣхъ бо не пол'зѣ быти вѣр'ны. Аще ли кто вел'мы грѣшнѣ ѣ да не ѿлоучаи се понѣ рѣ снѣ вѣжи не бо и се малое стадо. како азъ ва испрошоу ѿ оца моего спенїе.

ЧТО ѣ МАЛОЕ СТАДО хрїтане поклан'ници, вѣр'ныи послуш'ници, мѣтив'ныи и боговазньвїи. тѣмъ то ѣ име малое стадо понѣ гѣ глїеть мнѣо званнїи, а мало избраннїи.

КТО соу званїи. и кто ли избран'ныи. иже прїишьшїи въ стое крценїе а не живѣтъ добрѣ. и къ црквы прїишьше не стоеть съ страхѣмъ. и съ гнѣвѣмъ в'се т'вореть. ни покланїа имоущїе все зло т'вореще. то соу званїи (л. 341) прїишьше въ стое крценїе добрѣ живоуть. въ боговазньствѣ въ кротости. въ послуш'шанїи добрааго оученїа. безъ гнѣ все любещи мѣтїно т'вореще. аще ли съгрѣшеть въ покланїе да прїишьше споуч' се. прѣтргѣтѣви же добрѣ. а въ цркви стоеть съ страхѣмъ, просто рекѣ все доброе т'вореще. ты соу избраннїи.

Вѣдомо же боуди сїе мужьскоу полѣ прїити въ покланїе .ф. лѣ. а жен'скому .з. лѣ. Аще ли не поклан' се оупрѣ. то лоч'ше быимъ не родити се в'сак' во члѣк грѣшнѣ ѣ

Оувы мнѣ оувы мнѣ. Како азъ паче всѣ грѣшнѣ есмь, тькмо бѣ единъ чѣтъ и прѣвѣтъ. паче в'сего горее еже себѣ имѣти моудрѣшшаа (л. 341 об.) всѣ. а не всѣ быти хѣжшоу. еже ѣ в'сего лоч'шїи како ѣ писано. възносеи се смѣрит се и снїзїтъ его гѣ. А смѣрени се възнѣтъ его гѣ.

В целом можно сказать, что текст ВО I претерпел стилевую и смысловую правку; в нем появилась вставка центонного характера, состоящая из пяти микротекстов (трех вопросоответов, канонического правила и фрагмента молитвословия).

ВО II

Источником данного вопросоответа в КИ и И76 является вопросоответ Псевдо-Анастасия в том славянском переводе, который вошел в «Лаврентьевский сборник» (далее – L) (см.: (Куев, 1981, с. 308–309); [Мушинская, 2015, с. 149]). Текст этого вопросоответа в Slav. 125 значительно расходится как с текстом «Лаврентьевского сборника», так и с

текстом Ки, отраженном в И76. Источником измененных фрагментов является ВО II из подборки вопросов «Симеонова сборника». В начальной части этого вопроса влияние «Симеонова сборника» незначительно и отражается в отдельных изменениях:

- ошьльцьж (И76), пришьельцоу (L) – отъходьникоу (И73), ѿходъныкъ (Slav. 125);
- прѣвьываникѣ (И76, L) – обитѣль (И73, Slav. 125);
- и пражьдникъ члвчъскыихъ (И76), и пражьдникъ члчъскыихъ (L) – и съборъ и пражьдникъ чловѣчъскыихъ (И73), и пражьдникъ и съборъ члчъскыи (Slav. 125);
- исто[в]оу слоужьбоу боу (И76), истинна слоужьба боу (L) – истинноюу жьртвоу боу (И73), жьртва истинна бѣ (Slav. 125);
- оутрь иерлимъ веселоушта дша (И76), атрѣнѣа иерусалимъ, веселоушца дша (L) – оутрь и горъшьниче цѣсарствине. и иерусалимъ црство во нѣсьское

рече въ вась есть (И73), и горънее црство иерлѣмъ. црство рѣгъ нѣсное въ вѣ іе (Slav. 125).

Влияние «Симеонова сборника» особенно проявляется в заключительной части вопроса. В таблице 2 приведена заключительная часть вопроса, аналогичная тексту И73 и не соответствующая ни L, ни И76.

Представленный материал позволяет сделать вывод, что составитель подборки «Вопросов» в Slav. 125 пользовался текстом «Симеонова изборника». Возможно, это был сербский список «Симеонова сборника», поскольку в Slav. 125 использована форма вьноутрь (в И76 и И73 – оутрь; в L – жтрь). Форма вьноутрь (повторяемая в этом тексте несколько раз) наблюдается в сербском списке «Симеонова сборника» (см. Хиландарский список: Афон, НМ SMS, № 382. Л. 96d).

Таблица 2. ВО II и «Симеонов сборник»

Table 2. QA II and Simeonov Sbornik

Slav. 125 Л. 347 об.–349 об.	И76 ВО II; 770–782; л. 116 об.–121	И73 Л. 33–34	L Л. 165–166 об. (Киев, 1981, с. 308–309)
... еже оуготова бѣ ловециимъ его. и ѿкры на бѣ дхѣ стѣи своимъ. животорециѣ въ на.	еже оуготовалъ есть и обавилъ намъ бѣ. дхѣ стѣимъ иже живеть въ насъ.	еже оуготова и отъкры намъ бѣ дхомъ своимъ живѣштинимъ въ (л. 34) насъ.	еже оуготовалъ есть и гавилъ намъ бѣ дхомъ своимъ. иже живеть въ на.
мы во дхѣ, немѣрныи пріехѣмъ иже ѿ ба да оузыримъ ѿ данна на иже глѣ	–	мы во дхѣ не мирьскыи приахомъ. нъ иже отъ ба. да оузыримъ отъ ба данна намъ. иже и глѣмъ.	–
иже спдоовит се Кто приобресть такы вбоживъ се.	иже аште кѣто достоинъ боудеть приобресть такы и обживъса:	еже съподобивыи са приобресть. акы ожить са въселеніемъ бжнемъ.	иже аще кто достоинъ бѣдетъ приобресть. такы и обживъ са
имъ же въ немъ е въ себѣ покланати. и слоужити видѣ свои храмъ тѣлесны. требныкъ бжїи и соуць въ немъ е видить испльненіе троичъское живѣще.	имъ же въ немъ бѣ боудеть. то тѣ кѣ томуу въ себѣ паче же рѣшти. самъ себе чѣте-ребныкъ бжїи и соуць въ свою жилиште бжне соуште.	таче оуже въ себѣ боу покланаетъ са. и слоужитъ трѣбныкъ бжїи соуць въ немъ же видить. испльнение троичъное живѣште.	имъ же въ немъ бѣ бѣдетъ, то тѣ кѣ томуу въ себѣ. паче же рѣши самъ себе чѣтетъ. видѣ свои плъть жилище бжне сѣще. и домъ и трѣбныкъ и свачение бжне сѣще.
даже такъ боудеть. то ни нѣсе ни жьртвы [л. 349 об.] ни ино что въ мире се вѣреть па свое црквы плъные.	Да иже такъ боудеть. то ни нѣснни аггели. ни жьртвы видимыа. ни иного ничѣсоже въ мирѣ семъ вѣрѣжетъ. нъ выше мира сего чѣтетъ. паче своеа цркве плътныа.	–	да иже такъ бѣдетъ, то ни невесе ни аггѣлъ ни жьртвы видимыѣ. ни иного ничѣсоже въ мирѣ семъ вѣрѣжетъ. нѣ выше мира сего, чѣтетъ паче своеа цркве плътныа.
–	иже вѣдить троца испльнение: Се слыша таиноу иже ны есть далъ хѣ приходъмъ (л. 121) своимъ.	–	иже видить испльнение троца сѣще. се слыша таинѣ аже ны далъ есть хѣ приходомъ своимъ кѣ намъ.

Окончание таблицы 2

End of Table 2

Slav. 125 Л. 347 об.–349 об.	И76 ВО II; 770–782; л. 116 об.–121	И73 Л. 33–34	L Л. 165–166 об. (Киев, 1981, с. 308–309)
<p>да се оубо всѣхъ болѣи ѿ добротѣ мльчаниѣ. ꙗкы вг^оразоумѣна вина, по глаголюмъ оупражните се. и разоумите ꙗко азъ есмь въ. Сего ради самъ гъ пакы мльчаниѣ образъ показа и соущиѣ ѿ него. плачѣ любе- цимъ паказаетъ гл҃е.</p>	—	<p>да се оубо естъ болѣе всѣхъ добротѣ мльчаниѣ. акы богоразоумѣниа вина. по глаголюмоу праздноучите и разоумите ꙗко азъ есмь въ. сего же дѣла и самъ тъ гъ пакы мльчаниѣ образъ показатъ. и соущиѣ отъ него плодъ. любаштоуоумоу него оуказатъ гл҃е:</p>	—
<p>ты же егда молиши се. вълезъ въ храмыноу свою и затвори дверь свою. помни се ѿцоу своемъ въ таниѣ и въздасть тебѣ гавѣ. сего ради рече исаею. на кого рече призроу на смыреннаго, и мльчаливаго и трепещущаго мой словесъ.</p>	—	<p>ты же егда молиши сѧ. вълѣзи въ хлѣвиноу своѧ и затвори двѣри своѧ и помози сѧ оцю твоѣмоу въ таниѣ и оць твои види тѧ въ таниѣ отъдасть ти гавѣ. сего ради исаи рече. на кого призврю нъ на смьреннаго и мльча- ливаго и трепещущаго моихъ словесъ.</p>	—

ВО III

Текст ВО III восходит, по наблюдениям исследователей, к «Вопросоответам» Псевдо-Афанасия (см.: [Мушинская, 2015, с. 149]; (Киев, 1981, с. 281)). Этот памятник, так же как и «Вопросоответы», включен в «Лаврентьевский сборник». Текст Ки и И76 достаточно полно следует этому тексту. Текст Slav. 125 имеет значительные отличия. Сравнивая тексты Slav. 125 и И76, отметим следующее.

1. В вопросе из Slav. 125 довольно много различий с И76. По-разному читаются некоторые слова и формы слов. Приведем примеры, в которых первый вариант чтения взят из «Изборника 1076 г.», второй – из Slav. 125:

- Великоиѣ и всѣмъ искомоѣ – Велико в^семи искомо
- како речече двѣзъ къ воу – како рече дѣвъ
- не възведи мене въ прѣполовлениѣ дни моихъ – възведи мене въ прѣполовлениѣ дни моихъ.
- како пакы тѣжде гл҃еть – то како иже дѣвъ пакы гл҃еть къ гоу
- положилаъ неси дни моѧ – дни мое положилаъ еси

2. Границы между вопросом и ответом в Slav. 125 и в И76 не совпадают.

3. Ответ композиционно строится из трех частей как в Slav. 125, так и в И76:

а) начальная часть ответа. В И76 и L эта часть начинается с цитирования послания Павла (1 Кор. 11:27) и продолжается рассуждением о недостойном причащении. Далее следует еще одна библейская цитата (Иов 42:7). В Slav. 125 эта часть очень кратка и говорит о добрых делах, которыми можно заслужить от Бога продление своей жизни. Цитаты отсутствуют, общий смысл совершенно иной;

б) центральная часть содержит примеры, доказывающие отсутствие рока и власти воли Бога над жизнью людей. В И76 и в Slav. 125 эти примеры различны. В И76 речь идет о Иове и Соломоне, спасенных Богом, а в Slav. 125 – о содомлянах и египтянах, погубленных Богом;

в) заключительная часть ответов (содержит вывод о том, что «рѣкъ оубо ѿ ѿлкѣ воля вжїа») производит впечатление текста с единым источником, однако либо в разных переводах, либо в сильно различающихся редакциях.

Славянский источник ВО XIX неизвестен, в качестве греческого источника назван ВО 93 из Псевдо-Афанасиевых «Вопросоответов к князю Антиоху» [Мушинская, 2015, с. 150]. В L данный вопросоответ не включен⁷. В качестве славянского источника ВО XXIII указана статья из «Симеонова сборника» (И73, л. 40а–г) [Абрамович, 1929; Мушинская, 2015, с. 150]. Сравнение показывает, что Slav. 125, несомненно, принадлежит ветви развития КИ. Так, Slav. 125 поддерживает сокращения текста И73, имеющиеся в И76.

Компилятивный характер вопросоответа отражен уже в заглавии, куда добавлена нехарактерная для ВО XIX, но имеющаяся в ВО XXIII вставка о чернеце (табл. 5).

ВО XX, XXI, XXII

Источником данных вопросоответов является «Минейный сборник», а конкретнее – входившие в него фрагменты 1-й гомилии патриарха Фотия [Мушинская, 2015,

с. 83–84, 150]. Сравнение текстов Slav. 125, И76 и «Минейного сборника» (далее – МС, цитируется по тексту рукописи: ОР РГБ. Гл. собр. рукописей Тр.-Серг. лавры. Ф. 304.1. Ед. хр. 12. Л. 169 об.–171). Сопоставление приводит к следующим выводам.

1. В соответствии с И76 текст оформлен в эратопокрифической форме. Эта черта свойственна «Князьему изборнику», начиная с этапа КИ2.

2. Текст Slav. 125 сокращен по сравнению с двумя другими текстами.

3. Ряд примеров текста ближе к И76, нежели к МС (табл. 6).

4. Ряд примеров из текста Slav. 125, напротив, ближе к МС (см. табл. 7).

5. В тексте довольно много инноваций (см. табл. 8):

Подводя итог наблюдениям над ВО XX–XXII, отметим, что в Slav. 125 вошел еще не сформировавшийся окончательно текст, представляющий собой некий промежуточный и сокращенный вариант текста КИ.

Таблица 5. Вставка о чернеце в Slav. 125, И76 и L

Table 5. An insertion about a monk in Slav. 125, И76 and L

Slav. 125 Л. 344–345 об.	И76 ВО XIX; 861–865; л. 196 об.*–197 об.*	И76 ВО XXIII; 884–895; л. 202*–205*
(л. 344) Възпрѣ [на полях] Аще кто въ грѣхы выпадеть и състарееет се. и постыти се не мжетъ (л. 344 об.) ни на жестоцѣ легати ни в'дѣтї и ни инѣ бол'ше сът'ворити. ни м'лтиню [на полях вставка: + ѿ ис'тлѣнїа] постыгнетъ дати. ни житїа ѿвреци се мжетъ, ни ч'рън'ць быти.	(л. 196 об. *) Възпрѣ: Аште въ грѣсѣхъ выпадъ кзто състарѣетьса. ни поститиса мжетъ ни на жестоцѣ лѣгати. ни в'дѣтї. ни иного больша сътворити. ни имѣнїа постигнетъ ддати. ни житїа мжетъ отъврѣциса.	(л. 202*) въпрос: Аште кзто старъ и немощь- (л. 202 об. *) -нъ и отънемогъ. рекше не мжетъ ч'рън'ць быти.

Таблица 6. Чтения, характеризующие близость Slav. 125 и И76

Table 6. Readings that show close relations between Slav. 125 and И76

Slav. 125	И76	МС
нѣ ли намъ спсєнїю надежда и вращ'бы	нѣ ли намъ спсєнїю надежда: нѣ ли овращени[ю] вращ'бы	нѣ ли намъ спсєнїа надежда. нѣ ли овращєнїа вращ'ба
по нашї дѣлѣмъ неподоб'нымъ	по нашимъ дѣломъ неподоб'нымъ	по нашимъ неподоб'нымъ дѣломъ
съмъри се прѣв'бѣ	съмъришиса прѣв'дъ бѣ	съмъриши предъ гдѣмъ
неправдоу	неправд'ноє	неправд'ноє
постѣмъ и рыданїемъ	постъмъ и рыданїемъ	постомъ рыданїемъ и плачѣмъ

Таблица 7. Чтения, характеризующие близость Slav. 125 и МС

Table 7. Readings that show close relations between Slav. 125 and МС

Slav. 125	И76	МС
и что оубо ѿ еже покаяніе истиннымъ и исповѣданіемъ. рекохѹ бо исповѣмъ	что оубо естъ. рекохѹ	что оубо естъ се. еже покаяніемъ истиннымъ исповѣданіе. рекохѹ бо
бѣ оставитъ грѣхы наше	да оцѣститъ грѣхы наша	да оставитъ грѣхы наша
сѣгрѣшій на нбо и прѣѣ тобою. пріими ме вѣе кающаго се.	сѣгрѣшихѹ оѣе на нбо прѣдѣ тобою. пріими ма кажшгаса	сѣгрѣшихѹ на нбо и прѣдо тобою. пріими ма оѣе кающа са
аще бо обратиши се и сѣмыри се грѣбъ гвѹ	—	аще бо обратиши се и сѣмбриши прѣдѣ гдѣмъ.
мѣтина бо мужевы	и милостыни мужж	милостыни мужевы
ликостояніа	ликѣствованія	ликостояніа

Таблица 8. Инновации в ВО XX, XXI, XXII

Table 8. Innovations in QAs XX, XXI, XXII

Slav. 125	И76	МС
обратитѣ стояніемъ	обращгаса. стѣнаніемъ	обращагаи са. Стѣнаніемъ
и помлоуетъ вы гѣ. мѣтивъ бо ѿ и щедръ и дълготръгѣливъ	и обратитѣса къ гоу боу вашнемуу. јако милостивѣ естъ и щедръ: д[лз] готъргѣливѣ	и обратитѣ са къ гдоу боу ваше-моу. јако милостивѣ и щедръ естъ. дълготръгѣливѣ и многомлстивѣ
такъ грѣсы попираютъ се	Такъ грѣси [п]отираютъса и очищаютьса	такъ грѣси потирають са
тогда гна мѣтъ јако въ наша срѣца вѣдѣжыть. и неприагънѣна лѣсть разроушитъ се.	Тъгда бо и гна милость јако дѣждь на трокотъ въ наша дша одѣжитъ. и неприагънина брань разроушиться:	тъгда бо и господьна мѣсть. акы дѣждь на трокотъ. въ наша дша одѣжитъ. и неприагънина брань разроушитъ са.

ВО XXVI, XXVIII, XXXI

Рассматривая эту группу «Вопросоответов», отметим, что данная подборка включена в КИ на позднем этапе его формирования [Мушинская, 2015, с. 158] и имеет параллели с «Кормчей» [Жоанне 1993; Мушинская, 2015, с. 150]. В большинстве случаев инновации, относимые к И76 [Мушинская, 2015, с. 159], в Slav. 125 не прослеживаются (например, нет замены цѣсарь → князь (И76, л. 216.8); сѣ вѣсвы → сѣ врагы (И76, л. 216 об.5); блготворение → довртворение (И76, л. 218 об.13); вино → медъ (И76, л. 219 об.3).

Таким образом, данная часть подборки восходит к виду текста, возникшему до «Изборника 1076 г.», следовательно являющемуся предшественником этого сборника и одним из вариантов «Княжьего изборника». Однако в Slav. 125 имеется одно из характерных для

«Изборника 1076 г.» чтений, а именно дѣла вместо ради (И76, л. 216.1). Вариант этот может быть и случайным, поскольку в предшествующих версиях КИ предлог дѣла в других позициях был изначально. Относительно замены в И76 архаичного прилагательного свобѣ на свобдынъ (И76, л. 226.2) можно отметить, что в Slav. 125 здесь появляется третий вариант – существительное свобода.

Характеризуя в целом данную группу «Вопросоответов» из Slav. 125, отметим, что, так же как и в остальных случаях, здесь имеют место значительные инновации. Укажем самые заметные из них в каждом из вопросовоответов.

В ВО XXVI конечная часть сокращена по сравнению с чтениями, имеющимися в И76, «Кормчей» и «Вопросоответе» Псевдо-Анастасия Синаита (по реконструкции У.Р. Федерата). Эта часть приведена в сравнении в таблице 9.

ВО XXVIII представлен в Slav. 125 особой, значительно расширенной редакцией. Кроме того, он содержит ряд заметных различий по сравнению с И76. Нами проведена сверка текстов этого вопросоответа в Slav. 125, И76, «Кормчей» и «Вопросоответах» Псевдо-Анастасия в реконструкции У.Р. Федерера. Отметим наличие чтений разных типов.

1. Чтения, общие у Slav. 125 и других источников, противопоставленные И76 (три чтения см. в таблице 10).

2. Чтение, объединяющее Slav. 125 и «Кормчую» (табл. 11).

3. Чтения, являющиеся инновацией Slav. 125 (см. табл. 12).

Обращает на себя внимание чтение, представленное в таблице 13.

Выскажем предположение, что чтение из таблицы 13 возникло на месте слова *дѣла*, характерного для И76, но непонятного для писца Slav. 125 и несвойственного в этой позиции другим родственным текстам.

Таблица 9. Конечная часть ВО XXVI

Table 9. Final part of QA XXVI

Slav. 125 Л. 347	И76 ВО XXVI; 936–938; л. 216 об.–217	«Кормчая 1650 г.» Л. 628–628 об.; глава 69	«Вопросоответы» Псевдо-Анастасия Синаита ВО 16 (Федер, 2011, т. 2, с. 78–79)
... т а к о в о с ѣ д ѣ в а е т ь д ш и с т о е щ е и н е в с л а в ѣ ю щ е и н ѣ б о р е щ и с е с ѣ б ѣ с н о в ѣ и.	Тако и бѣ паче съпострадиеть дши стояшти и не вслабляюшти. нѣ боржштиса сѣ врагы. паче не ворюштгаса нѣ себе отъчюадевшю. и прочене вестѣднѣ грѣхѣ твораштѣ не того же осужения имать иже іединою лѣта сѣгрѣшаѣ. іегоже. иже чѣсто сѣгрѣшаѣ: Іакоже не тоѣ же мѣзды имать. иже по вса дни твора- рить милостыню. паче твораштаго порѣды. Аште оубо тѣмами сѣгрѣшилѣ іеси. тѣмами покѣиса. да пришѣдѣши сѣмрѣти обрѣштеть та вѣ покѣянии	Тот же объем тек- ста, что и в И76	Тот же объем тек- ста, что и в И76

Таблица 10. ВО XXVIII: расхождение чтений в Slav. 125 и И76

Table 10. QA XXVIII: dissimilar readings in Slav. 125 and И76

Slav. 125 Л. 349 об.–350 об.	И76 ВО XXVIII; 944–947; л. 218 об.–219 об.	«Кормчая 1650 г.» Л. 629; глава 69	«Вопросоответы» Псевдо-Анастасия Синаита ВО 16 (Федер, 2011, т. 2, с. 100)
бл҃готвореніе	добротворение:	бл҃готвореніа	благотворение
бына	медоу	вина	вина
слышѣимъ г҃а	слышимъ б҃а	слышимъ г҃да	слышимъ господа

Таблица 11. ВО XXVIII: чтение, объединяющее Slav. 125 и «Кормчую»

Table 11. QA XXVIII: a common reading between Slav. 125 and *Kormchaya*

Slav. 125 Л. 349 об.–350 об.	И76 ВО XXVIII; 944–947; л. 218 об.–219 об.	«Кормчая 1650 г.» Л. 629; глава 69	«Вопросоответы» Псевдо-Анастасия Синаита ВО 16 (Федер, 2011, т. 2, с. 100)
и ѿрицающе се ноудѣтъ себѣ.	и отърицающе се	и ѿрицающеса ноудѣтъ се	и отърицающе се

Таблица 12. ВО XXVIII: инновации в Slav. 125

Table 12. QA XXVIII: innovations in Slav. 125

Slav. 125 л. 349 об.–350 об.	И76 ВО XXVIII; 944–947; л. 218 об.–219 об.	«Кормчая 1650 г.» Л. 629; глава 69	«Вопросоответы» Псевдо-Анастасия Синаита ВО 16 (Федер, 2011, т. 2, с. 100)
да ни wskрьбѣи	да ни отъ скръби	не ѿ скорби,	не отъ скръби
тыха бо даѣтелеа	тиха бо даѣвца	тиха бо даѣвца	тиха бо даѣвца
и иный сладенъ въздрѣжет се w себѣ единствующе.	и инѣхъ въздрѣжащеса и особьствуюште	и инѣхъ водержащеса, wсобьствѣющи	и инѣхъ въздрѣжаще са. и особьствующце.
и на земли легающе на коленѣ	и на земли лѣжюште:	на земли, плѣжюще,	и на земли лежаще.

Таблица 13. Особый случай, связанный с осмыслением архаичного предлога дѣла

Table 13. Special case of appropriating the medieval preposition дѣла

Slav. 125 Л. 349 об.–350 об.	И76 ВО XXVIII; 944–947; л. 218 об.–219 об.	«Кормчая 1650 г.» Л. 629; глава 69	«Вопросоответы» Псевдо-Анастасия Синаита ВО 16 (Федер, 2011, т. 2, с. 100)
и сѣи в'си ноуж'ные дѣлаѣтеле да прѣимоу мьзду ѿ ба,	и вси си ноуждениа дѣла мьзду отъ ба приемлжтъ:	и вси сѣи нѣждениа ради м'зду прѣемлютъ	и вси си нѣждениа ради мьзѣ отъ бога приемлжтъ.

Отметим также достаточно объемное дополнение, присоединенное в конце к вопросу в Slav. 125. Оно включает ряд специфических образов, имеющих отношение к хозяйственной деятельности: выпечке хлеба, стирке одежды и окислению металла. Приведем его текст:

(л. 350) И сѣи в'си ноуж'ные дѣлаѣтеле да прѣимоу мьзду ѿ ба, како п'шеница соушима пахаема. мелема, мѣсымаа печема чѣхъ хлѣбъ ѣвѣт се, тако и праведныци скръбѣи и бѣдами, безъ вины томѣми, или самы троужают се ба ради. жрѣтва чистаа боу ѣвѣт се. како желѣзу рѣжею (л. 350 об.) съедаемо тако и праведныци прѣвее съгрѣшив'ше и потѣмъ чистет се покданѣемъ и слѣзамы и троудѣмъ, напаст'мы и завист'мы. лѣжамы ѿ врагѣ. и поклѣпѣмъ велмы чистет се, какоже ризы мыемы свѣт'лыи ѣвѣляют се и бываю красныи. тако и правед'ныци бѣдами и напаст'мы лютьими свѣтлыи прѣвѣмъ ѣвѣляют се.

ВО XXXI в Slav. 125 также подвергся редактированию, но не имеет сокращений или дополнений по сравнению с И76. В таблице 14 даны примеры редактур.

Итак, в ВО XXVI, XXVIII, XXXI отсутствуют черты, характерные для поздней стадии развития КИ, особо отмеченные М.С. Мушинской (цѣсарь → князь; вино → мѣдъ), что позволило бы отнести текст к более раннему этапу развития КИ. Однако здесь обнаруживается очевидное следствие наличия в протографе предлога дѣла, характерного для И76, не понятого писцом и переделанного в дѣлаѣтеле. Таким образом, текст показывает противоречивые характеристики и нуждается в дополнительном исследовании.

ВО S13

Вопросоответ, обозначенный нами как S13, не вошел в подборку И76, однако он известен по одной из версий «Княжьего сборника». Это версия КИ1 (гипархетип α)⁸, являющаяся наиболее ранней в истории развития памятника.

Подборка «Вопросоответов» КИ1 невелика по объему, в нее входят лишь 9 вопросов: I, XVII, XII, IX, VIII, XVIII, XIX,

Таблица 14. Редакционные изменения ВО XXXI в Slav. 125

Table 14. Editorial changes within QA XXXI in Slav. 125

Slav. 125 Л. 345 об.–347	И76 ВО XXXI; 962–976; л. 223 об.–226 об.	«Кормчая 1650 г.» Л. 632 об.; глава 69	«Вопросоответы» Псевдо-Анастасия Синаита ВО 14 (Федер 2011, т. 2, с. 95–98)
въ црѣтви нбнѣвмъ	въ црѣствии бжии	въ црѣтвѣи бжѣи	въ цѣсарѣствии божи
погружень страсѣтми	погружень сладстьми	погрѣженъ сладстьми	погрѣженъ сладстьми
егда како гнѣ (3) къ бѣдрѣзаетъ члкъ, азъ бо рѣ босы есте и снове вышнѣаго вѣси исхощеци	егда како снѣ (3) къ боу дѣрзаетъ. азъ бо рѣхъ вози кесте и сынове вышнѣаго вѣси хоташтеи	егда какъ снѣ (3) къ бгѣ дѣрзаетъ. азъ бо рѣхъ, вози есте, и снове вышнѣагъ вси.	егда како сынѣ (3) къ богоу дѣрзаетъ. азъ бо рѣхъ вози кесте и сынове вышнѣаго вѣси хотаци
павль глаеть	павль възпиетъ	павель вопіетъ	павль възпиетъ
свобѣ свой грѣховъ	свободнъ своихъ грѣховъ	свободъ своихъ грѣхъвъ	свободъ своихъ грѣховъ
како истинное прощеніе грѣховъ	како истинныиное [так] знамение прощение грѣховъ	какъ истинное знаменіе прощеніа грѣхъвъ	како истинныиное знамение прощеніа грѣхъмъ

а также два вопросаответа, не вошедшие в И76 [Мушинская, 2015, с. 152]. В подборке Slav. 125, как уже отмечалось, всего 13 вопросаответов: I, XVIII, XX, XXI, XXII, XIX / XXIII, XXXI, XXVI, XVII, II, XXVIII, III, а также один вопросаответ, не вошедший в версию И76, а именно S13 – один из тех, что входил в Ки1. Очевидно, что данные подборки отчасти пересекаются, а именно имеют общие ВО I, XVII, XVIII, XIX, S13.

Текст ВО S13 опубликован М.С. Мушинской по двум спискам Ки1 (Б2 и Р) с разночтениями по ВО 25 Анастасия Синаита [Мушинская, 2015, с. 152, примеч. 61]. Этот текст вошел также в «Симеонов сборник» (И73, л. 53d6–56b2). Полный текст этого вопросаответа приводим по Slav. 125:

(351 об.) Въпрѣмѣ ѿ колика образа блѣду и снѣа бывають въ члцѣ. ѿвѣѣ. како стѣи ѿци глають ѿ чѣтыри. ѿ кѣствѣнаго възгореніа, и възгарде се и ѿ многоадѣвнѣи и питіа и многоа спасаніа и празнѣи величданіа и завѣсти вѣсовѣскые. Егда видѣт ны въ боеѣ прѣдысѣтѣюща. ѣ же и ѿ слабости и ѿ немоцнѣиыи сыли. ѣ пакы ѿ злѣ ѿвѣгана плѣнааго попоущати се на сѣрѣноу грѣховноу на блѣудь: (л. 352) Дѣѣ во ѣ тѣнѣи ѿсобнѣи ѿ тѣла. единою ѿсквѣрнѣае многоаци. а другоѣе ѿсцаѣ ны порѣ и тогоже и праведнымѣ тако сзлоучает се. ѿсцаѣи ѣ слѣза иже въ грѣсе испущаемаа. а ѿсквѣрнѣае ѣ сѣме. всакъ грѣѣ иже сѣтворить члкъ кромѣ тѣла ѣ. а блѣу тѣворенъ въ свое тѣлаѣ принѣсѣти жрѣтѣѣ лоукавомѣ бѣсоу. сего рѣ. дѣлѣ оучааше глѣ. ѿложимъ дѣла тѣмнѣа и ѿвѣцѣем се въ ороужіе свѣтло. како въ днѣ благообразно ходимъ.

не козогласованіемъ и пинаствѣѣ ни любодѣваніемъ. ни рѣвеніемъ ни завистію.

Сопоставление текста из разных источников приводит к выводу, что текст Slav. 125 гораздо ближе к тексту И73, нежели списки Ки1. Примеры этой близости многочисленны. Наиболее яркие из них представлены в таблице 15.

Из приведенных примеров очевидно, что «Вопросоответы» в И73 и Slav. 125, с одной стороны, и у Анастасия Синаита и в Ки1, с другой стороны, принадлежат разным переводам. При этом перевод И73 и Slav. 125 представляется более правильным. Так, в В, Slav. 125 и И73 «тѣѣн трѣѣѣѣѣ» переводится как «образ», а у Анастасия Синаита и в Ки1 как «врата».

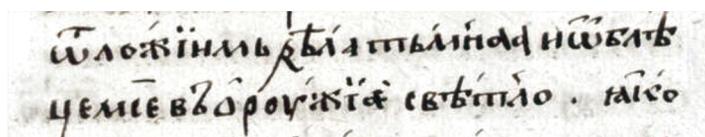
Помимо сказанного, необходимо отметить еще одну особенность текста вопросаответа Slav. 125. На л. 352 (см. рисунок) во фразе ѿложимъ дѣла тѣмнѣа и ѿвѣцѣем се въ ороужіе свѣтло в окончании слова «оружие» появляется глаголическая буква «юс малый».

По-видимому, она не имеет здесь грамматического смысла, юс малый не характерен для окончания винительного падежа единственного числа существительных ни в одном из изводов церковнославянского языка. А.-М. Тотоманова (Софийский университет, София) в частном письме высказала предположение, что появление данной буквы – плод исправления писцом буквы а (окончание мн. ч.) на букву е (окончание ед. ч.),

Таблица 15. Чтения, характеризующие близость Slav. 125 и И73

Table 15. Readings that show close relations between Slav. 125 and И73

Slav. 125	И73	«Вопросоответы» Анастасия Синаита	КИ1
Ѡ колика образа	отъ колика образъ	Отъ колицѣхъ съвратъ	Ѡ колицѣхъ вратъ
[Ѡ] величаниа	отъ величаниа	отъ прѣзорства	Ѡ грьдости
Ѡ слабости и Ѡ немоцѣные сыли	отъ слабости. и отъ не- моштыны силы	отъ расслаблениа. и отъ не- могыша са подыати	Ѡ расслаблениа, и Ѡ изнемогыши пыти
Ѡ злѣ ѡбычѣа пѣнааго попуцѣати се на скѣрѣноу грѣховноу на блондѣ	отъ злѣа ѡбычѣа пѣтѣнаа- го. попуцѣати са на скѣврѣнѣ на блондѣ	отъ привинениа злѣааго пѣти. порѣвѣаѣщи са на блѣдѣ	Ѡ наоучениа злѣа, Ѡ порѣвѣаѣщиесе пѣти на блондѣ

Глаголическая буква в Slav. 125, л. 352

Glagolitic letter in Slav. 125, f. 352

в соответствии с прилагательным «светло». Возможно, по мнению А.-М. Тотомановой, писец изначально хотел употребить мн. ч. «оружия» (то есть «доспехи»). Варьирование форм единственного и множественного числа в данной позиции наблюдалось в древнейших Апостолах. Ничего похожего, помимо этого примера, в Slav. 125 нам встретить не удалось.

Выводы

Подводя итоги, следует отметить, что подборка вопросоответов в Slav. 125 представляет собой фрагмент списка «Княжьего изборника» на стадии, предшествующей формированию текста «Изборника 1076 г.», и, таким образом, является значимой для исследования развития ранней славянской книжности.

В подборку вошли вопросоответы, имеющиеся во всех списках «Княжьего изборника». Так, ВО I, XVII, XVIII, XIX имелись уже в КИ1 (гипархетипе α), ВО XX–XXII относятся к гипархетипу, промежуточному между α и β [Мушинская, 2015, с. 155]. На позднем этапе были включены ВО XXVI, XXVIII, XXXI.

Отметим, что в Slav. 125 отражен порядок вопросоответов, который можно считать архаичным, отражающим древнее ядро подборки. Если начальное ядро подборки включает вопросоответы, источником которых являются

Псевдо-Афанасиевы «Вопросоответы к князю Антиоху», а именно ВО XVII, XVIII, XIX, то порядок их следования в Slav. 125 (XVIII, XIX, XVII) базируется на порядке послуживших источником ВО 79, 92, 130 Псевдо-Афанасия. В КИ1 порядок следования уже изменен на тот, который имеется в И76 [Мушинская, с. 152], но в Slav. 125 соответствует источнику.

«Изборник 1073 г.» для Slav. 125 выступает более значимым источником текста, нежели для других версий «Княжьего изборника».

Текстовые особенности Slav. 125 весьма разнообразны, есть примеры, характерные как только для ранних, так и только для поздних этапов. Определение позиции этой подборки вопросоответов в стемме «Княжьего изборника» представляется делом будущего.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование И.М. Грицевской выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект 23-28-00205 «Афанасий Александрийский и Псевдо-Афанасий в средневековой славянской книжности: Вопросоответы к князю Антиоху»).

The research by I.M. Gritsevskaya is supported by Russian Science Foundation (project 23-28-00205 “Athanasius of Alexandria and Pseudo-Athanasius in medieval Slavic tradition: *Questions and Answers to Antiochus the Duke*”).

² М.С. Мушинская отмечает сербское происхождение списков «Княжьего изборника» на самом раннем этапе формирования памятника КИ1 (списки Б2, Р, С), а также и на последнем, завершающем этапе КИЗ (списки А и Б1) [Мушинская, 2015, с. 214–215].

³ Особый интерес у исследователей вызывает вошедшая в сборник краткая редакция «Второй книги Еноха» [Мещерский, 1976, с. 203]; текст апокрифа по Slav. 125 был опубликован. В. Мочульский издал из этого же сборника «Варфоломеевы вопросы Богородице» [Мочульский, 1893, с. 231–247, 276–281]. На сегодня не имеется ни одного исследования, в котором был бы дан палеографический и кодикологический анализ рукописи, нет даже детальной датировки. Тем не менее сборник в настоящее время активно используется в исследованиях в связи с названными выше и иными включенными в него апокрифами (см., например: [Јовановић, 2003; Мильков, 2018; Страдомский, 2014; Хрома, 2014]).

⁴ Тексты «Княжьего изборника» даны по изданию: (Федер, 2008).

⁵ Тексты «Изборника 1076 г.» даны по изданию: (Изборник 1076 года, 2009).

⁶ Исключение составляет следующая замена, непротраживаемая в Slav. 125, но имеющаяся во всех списках «Изборника 1076 г.» и «Княжьего изборника», а именно *zazъritъ sebъ* не заменено на *pomъnuvъsa* (И76, л. 195 об.6))

⁷ Существует иная, помимо L, славянская версия Псевдо-Афанасиевых «Вопросоответов к князю Антиоху». ВО 92 здесь отстоит дальше от текста Slav. 125, нежели чтения КИ, отраженные, например, в «Мелецком сборнике» (Федер, 2016, т. 2, с. 277).

⁸ Версия отражена в списках: 1. Б2: Белград, НБС, Рс 266. Сборник. 1365–1375 гг., сербская со следами юсового (болгарского или македонского) оригинала [Мушинская, 2015, с. 57–58]; 2. Р: Москва, ГИМ, Воскр. 115-бум. Сборник. Сербская, 1°, 247 л., XIV в. [Мушинская, 2015, с. 58].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абрамович Д. И., 1929. До питанња про джерела Изборника Святослава 1076 року // Науковий збірник Ленінградського товариства дослідників української історії, письменства та мови. В 2 ч. Ч. 2. Київ : Всеукраїнська Академія наук. С. 65–74.
- Ангелов Б. С., 1979. За три съчинения в Симеоновите сборници // Старобългарска литература. Вып. 5. С. 10–37.
- Буланін Д. М., 1990. Неизвестный источник Изборника 1076 года // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб. : Акад. наук СССР. Т. 44. С. 16–178.
- Буланін Д. М., 2012. Изборник 1076 года и споры о национальных приметах в древнейших славянских переводах // Русская литература. № 2. С. 3–30.
- Жоанне Ж., 1993. Некоторые неизданные или забытые тексты-источники Изборника 1076 г. и Кормчей книги // Труды Отдела древнерусской литературы. СПб. : Акад. наук СССР. Т. 46. С. 199–226.
- Копреева Т. Н., 1976. Рукописные сборники энциклопедического состава XV–XVI вв. и славяно-русское Возрождение // Книга. Исследования и материалы. М. : Книга. Т. 32. С. 78–92.
- Копреева Т. Н., 1979. Новые данные для изучения текста Изборника 1076 года // Проблемы источниковедческого изучения рукописных и старопечатных фондов / ред. И. Н. Курбатова. Л. : Гос. публич. б-ка. Т. 1. С. 92–112.
- Мещерский Н. А., 1976. Апокрифы в древней славяно-русской письменности (ветхозаветные апокрифы) // Методические рекомендации по описанию славяно-русских рукописей для Сводного каталога рукописей, хранящихся в СССР / отв. ред. Л. П. Жуковская. М. : Наука. Вып. 2, ч. 1. С. 181–210.
- Мильков В. В., 2018. Справочник древнерусских апокрифических текстов, представляющих концепции земного рая // Язык и текст. Т. 5, № 4. С. 49–67. DOI: 10.17759/langt.2018050407
- Мочульский В. Н., 1893. Следы народной Библии в славянской и в древнерусской письменности. Одесса : Тип. Штаба Войск Одес. воен. окр. 285 с.
- Мушинская М. С., 2015. Изборник 1076 года. Текстология и язык. СПб. : Нестор-История. 479 с.
- Страдомский Я., 2014. Несколько замечаний о необычной славянской редакции «Видения апостола Павла» из рукописного собрания в Польше // Studia Ceranea. № 4. С. 193–207.
- Хрома М., 2014. Преславизмы в апокрифических Вопросах апостола Варфоломея // Studia Ceranea. № 4. С. 27–34.
- Яцимирский А. И., 1921. Описание южнославянских и русских рукописей заграничных библиотек. Петроград : Рос. акад. наук. 912 с. (Сб. отд-ния рус. яз. и словесности Рос. акад. наук ; т. 98).
- Birkfellner G., 1975. Glagolitische und kyrillische Handschriften in Österreich // Schriften der Balkankommission. Wien : Österreichische Akademie der Wissenschaften. Bd. 23, Heft II/81. S. 220–224.

- Јовановић Т., 2003. Апокриф о Еноху према српском препису из Народне библиотеке у Бечу // Археографски прилози. Београд : Народна библиотека Србије. Т. 25. С. 209–238.
- Otero A. D. S., 1981. Die handschriftliche Überlieferung der altslavisches Apokryphen. Berlin ; N. Y. : de Gruyter. Bd. 2. 317 S. (Patristische Texte und Studien ; Bd. 23).
- Veder W. R., 1983. The “Izbornik of John the Sinner”: A Compilation from Compilations // Polata knigopisnaja. Т. 8. P. 15–37.
- Veder W. R., 2018. In Search of the Filiation of Two Izborniki // Rossica Antiqua. № 1/2. P. 63–135.

ИСТОЧНИКИ

- Изборник 1076 года. В 2 т. Т. 1 / ред. М. С. Мушинская, Е. А. Мишина, В. С. Голышенко. М. : Рукопис. памятники Древ. Руси, 2009. 743 с. Кормчая. М. : Печ. двор, 1650. 679 л.
- Кувев М. К. Иван-Александровият сборник от 1348 г. София : Българска Академия на науките, 1981. 411 с.
- Федер У. Р. Княжий изборник. За възпитание на канартикина : в 2 т. Велико Търново : Св. св. Кирил и Методий, 2008. Т. 1 : Увод и показалци. 249 с. ; Т. 2 : Текст. 256 с.
- Федер У. Р. Авва Анастасий Синайский. Въпроси и отговори : в 2 т. Велико Търново : Св. св. Кирил и Методий, 2011. Т. 1 : Увод и показалци. 184 с. ; Т. 2 : Текст. 148 с.
- Федер У. Р. Псевдо-Атанасий Александрийски. Въпроси и отговори към княз Антиох : в 2 т. Шумен : Преславска книжовна школа, 2016. Т. 1 : Увод и показалци. 270 с. ; Т. 2 : Текст. 294 с.
- Patrologia Graeca / ed. by J. P. Migne. Vol. 1–162. Paris, 1857–1866.
- Photii Patriarchae Constantinopolitani Epistulae et Amphiloquia. Epistularum pars prima. In 6 vols. Vol. 1 / ed. B. Laourdas, L. G. Westerink. Leipzig : Teubner, 1983. 272 p.
- Richard M., Munitiz J. Anastasius Sinaita. Quaestiones et responsiones. Turnhout : Brepols, 2006. 287 p. (Corpus Christianorum. Series Graeca ; vol. 59).

REFERENCES

- Abramovich D.I., 1929. Do pytannya pro dzherala Izbornika Svyatoslava 1076 roku [On the Question of Sources of the Izbornik Svyatoslava 1076]. *Naukovyy zbirnyk Leningradskoho tovarystva doslidnykiv ukrainskoy istorii, pismenstva ta movy. V 2 ch. Ch. 2* [Scientific Collection of the Leningrad Society of

- Researchers of Ukrainian History, Literature and Language. In 2 Pts. Pt. 2]. Kyiv, Vseukrainska Akademiya nauk, pp. 65-74.
- Angelov B.S., 1979. Za tri sochineniya v Simeonovite sbornitsy [On Three Writings in the Miscellanea of Symeon]. *Starobolgarska literatura* [Old Bulgarian Literature], iss. 5, pp. 10-37.
- Bulanin D.M., 1990. Neizvestnyy istochnik Izbornika 1076 goda [Unknown Source of Izbornik 1076]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Works of the Department of Ancient Russian Literature]. Saint Petersburg, Akad. nauk SSSR, vol. 44, pp. 16-178.
- Bulanin D.M., 2012. Izbornik 1076 goda i spory o natsionalnykh hrmetakh v drevneyshikh slavyanskikh perevodakh [Izbornik 1076 and the Debate About National Signs in the Oldest Slavic Translations]. *Russkaya literatura*, no. 2, pp. 3-30.
- Zhoanne Zh., 1993. Nekotorye neizdannye ili zabytye teksty-istochniki Izbornika 1076 g. i Kormchey knigi [Some Unpublished or Forgotten Source Texts of the Izbornik 1076 and Kormchaya]. *Trudy Otdela drevnerusskoy literatury* [Works of the Department of Ancient Russian Literature]. Saint Petersburg, Akad. nauk SSSR, vol. 46, pp. 199-226.
- Kopreeva T.N., 1976. Rukopisnye sborniki entsiklopedicheskogo sostava XV–XVI vv. i slavyano-russkoe Vozrozhdenie [Manuscript Miscellanies of the Encyclopedic Content from the 15th–16th Centuries and Slavic-Russian Renaissance]. *Kniga. Issledovaniya i materialy* [Book. Studies and Materials]. Moscow, Kniga Publ., vol. 32, pp. 78-92.
- Kopreeva T.N., 1979. Novye dannye dlya izucheniya teksta Izbornika 1076 goda [New Materials for the Study of the Text of the Izbornik 1076]. Kurbatova I.N., ed. *Problemy istochnikovedcheskogo izucheniya rukopisnykh i staropechatnykh fondov* [Problems of Source Study of Handwritten and Early Printed Collections]. Leningrad, Gos. publich. b-ka, vol. 1, pp. 92-112.
- Meshcherskiy N.A., 1976. Apokrify v drevney slavyano-russkoy pismennosti (vetkhovetnyye apokrify) [Apocrypha in the Old Slavonic-Russian Tradition (Old Testament Apocrypha)]. Zhukovskaya L.P., ed. *Metodicheskie rekomendatsii po opisaniyu slavyano-russkikh rukopisey dlya Svodnogo kataloga rukopisey, khranyashchikhsya v SSSR* [Methodological Recommendations for the Description of Slavic-Russian manuscripts for the General Catalog of Manuscripts Stored in the USSR]. Moscow, Nauka Publ., iss. 2, pt. 1, pp. 181-210.

- Milkov V.V., 2018. Spravochnik drevnerusskikh apokrificheskikh tekstov, predstavlyayushchikh kontseptsii zemnogo raya [Reference Book to the Old Russian Apocryphal Texts Representing the Concepts of Earthly Paradise]. *Yazyk i tekst* [Language and Text], vol. 5, no. 4, pp. 49-67. DOI: 10.17759/langt.2018050407
- Mochulskiy V.N., 1893. *Sledy narodnoy Biblii v slavyanskoy i v drevnerusskoy pismennosti* [Traces of Folk Bible in Slavonic and Old Russian Tradition]. Odessa, Tip. Shtaba Voisk Odes. voen. okr. 285 p.
- Mushinskaya M.S., 2015. *Izbornik 1076 goda. Tekstologiya i yazyk* [Izbornik 1076. Textology and Language]. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya Publ. 479 p.
- Stradomskiy Ya., 2014. Neskolko zamechaniy o neobychnoy slavyanskoy redaktsii «Videniya apostola Pavla» iz rukopisnogo sobraniya v Polshe [Several Observations on the Unusual Slavonic Recension of the “Vision of Apostle Paul” from the Manuscript Collection in Poland]. *Studia Ceranea*, no. 4, pp. 193-207.
- Khroma M., 2014. Preslavizmy v apokrificheskikh Voprosakh apostola Varfolomeya [Preslavisms in the Apocryphal Questions of Apostle Bartholomew]. *Studia Ceranea*, no. 4, pp. 27-34.
- Yatsimirskiy A.I., 1921. *Opisanie yuzhno-slavyanskikh i russkikh rukopisey zagranichnykh bibliotek* [Descriptions of South-Slavic and Russian Manuscripts in the Libraries Abroad]. Petrograd, Ros. akad. nauk. 912 p. (Sb. otd-niya rus. yaz. i slovesnosti Ros. akad. nauk [Collection of the Department of Russian Language and Literature of the Russian Academy of Sciences], vol. 98).
- Birkfellner G., 1975. Glagolitische und kyrillische Handschriften in Österreich. *Schriften der Balkankommission*. Wien, Österreichische Akademie der Wissenschaften, Bd. 23, Heft II/81, S. 220-224.
- Jovanovich T., 2003. Apokrif o Enokhu prema srpskom prepisu iz Narodne biblioteke u Bechu [Apocrypha on Enoch According to the Serbian Transcript from the National Library in Vienna]. *Arkheografski prilozi*. Belgrade, Narodna biblioteka Srbije, vol. 25, pp. 209-238.
- Otero A.D.S., 1981. *Die handschriftliche Überlieferung der altslavischen Apokryphen*. Berlin, New York, de Gruyter, Bd. 2. 317 S. (Patristische Texte und Studien, Bd. 23).
- Veder W.R., 1983. The “Izbornik of John the Sinner”: A Compilation from Compilations. *Polata knjigopisnaja*, vol. 8, pp. 15-37.
- Veder W.R., 2018. In Search of the Filiation of Two Izborniki. *Rossica Antiqua*, no. 1/2, pp. 63-135.

SOURCES

- Mushinskaya M.S., Mishina E.A., Golysenko V.S., eds. *Izbornik 1076 goda. V 2 t. T. 1* [Izbornik 1076. In 2 Vols. Vol. 1]. Moscow, Rukopis. pamyatniki Drev. Rusi Publ., 2009. 743 p.
- Kormchaya*. Moscow, Pech. dvor, 1650. 679 l.
- Kuev M.K. *Ivan-Aleksandrovijyat sbornik ot 1348 g.* [Miscellanea of Ivan Alexander from the Year of 1348]. Sofia, Bolgarska Akademiya na naukite, 1981. 411 p.
- Feder U.R. *Knyazhiy izbornik. Za vospitanie na kanartikina: v 2 t.* [Knyazhiy Izbornik. For the Education of the Prince. In 2 Vols.]. Veliko Tarnovo, Sv. sv. Kiril i Metodii, 2008; vol. 1. 249 p.; vol. 2. 256 p.
- Feder U.R. *Avva Anastasij Sinaiskiy. Voprosy i otgovory: v 2 t.* [Father Anastasius of Sinai. Questions and Answers. In 2 Vols.]. Veliko Tarnovo, Sv. sv. Kiril i Metodii, 2011; vol. 1. 184 p.; vol. 2. 148 p.
- Feder U.R. *Psevdo-Atanasij Aleksandriiskiy. Voprosy i otgovory kom knyaz Antiokh: v 2 t.* [Pseudo-Athanasius. Questions and Answers to Antiochus the Duke. In 2 Vols.]. Shumen, Preslavska knizhovna shkola, 2016.; vol. 1, 270 p.; vol. 2. 294 p.
- Migne J.P., ed. *Patrologia Graeca*, vol. 1-162. Paris, 1857–1866.
- Laourdas B., Westerink L.G., eds. *Photii Patriarchae Constantinopolitani Epistulae et Amphilochia. Epistularum pars prima. In 6 vols. Vol. 1.* Leipzig, Teubner, 1983. 272 p.
- Richard M., Munitiz J. *Anastasius Sinaita. Quaestiones et responsiones*. Turnhout, Brepols, 2006. 287 p. (Corpus Christianorum. Series Graeca, vol. 59).

Information About the Authors

Irina M. Gritsevskaya, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Russian Philology, Pitirim Sorokin Syktyvkar State University, Prosp. Oktyabrskiy, 55, 167001 Syktyvkar, Russia, irgri@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9061-5070>

Viacheslav V. Lytvynenko, PhD, Researcher, Department of Philosophy, Charles University, Černá St, 646/9, 115 55 Prague, Czechia, vyacheslav.lytvynenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5519-8980>

Информация об авторах

Ирина Михайловна Грицевская, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии, Сыктывкарский государственный университет им. П. Сорокина, просп. Октябрьский, 55, 167001 г. Сыктывкар, Россия, irgri@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9061-5070>

Вячеслав Владимирович Литвиненко, PhD (философия), научный сотрудник кафедры философии, Карлов университет, ул. Черна, 646/9, 115 55 г. Прага, Чехия, vyacheslav.lytvynenko@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0001-5519-8980>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.10>

UDC 81'42:070
LBC 81.055.51.5

Submitted: 18.04.2023
Accepted: 30.01.2024

THE LANGUAGE OF ANTI-DIGITAL RESISTANCE: FEATURES OF PROTEST NOMINATION FORMATION IN RUSSIAN-LANGUAGE MEDIA TEXTS¹

Elena V. Marinova

Linguistics University of Nizhny Novgorod, Nizhny Novgorod, Russia

Abstract. The specifics of the word formation reflecting the certain protest of a society part against the Digital Society concept implementation in the country are considered on the material of Russian-language media texts. The aim of the study is to determine the semantic dominants and pragmatic peculiarities of the new nominations as the interpretive language function realization. The analysis of the material is carried out in line with functional sociolinguistics using the methodology of establishing the cognitive conditionality of language processes. The research resulted in revealing the contents of nominations, which reflect the protest attitude towards the concept of Digital Society. According to the type of the referent the following groups of lexical units are identified: the nominations of digitalization members, of the process itself and its consequences, as well as the foreseen future. The word-building peculiarities of the protest nominations are noted, their role in the key term elements structure of the Digital Society language is emphasized. The 'restriction of freedom' has been revealed to be the common semantic dominant of the new nominations. The coining of the units under consideration is characterized by the use of label-words and word-building formants that are typical of protest nominations. The semantic modification of the Digital Society terms shifts towards the ideologisation of meaning. The language and rhetoric of the official Digital Society concept followers, using their own ideologemes and word markers, are opposed to the language of the anti-digital resistance. The research outlook is in the analysis of pseudo arranging Digital Society nominations, which disguise the actual state of affairs.

Key words: Russian language of the Digital Society, discourse of protest, nomination process, ideologeme, key term elements, semantic dominant.

Citation. Marinova E. V. The Language of Anti-Digital Resistance: Features of Protest Nomination Formation in Russian-Language Media Texts. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 2, pp. 134-146. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.10>

УДК 81'42:070
ББК 81.055.51.5

Дата поступления статьи: 18.04.2023
Дата принятия статьи: 30.01.2024

ЯЗЫК АНТИЦИФРОВОГО СОПРОТИВЛЕНИЯ: ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ ПРОТЕСТНЫХ НОМИНАЦИЙ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ МЕДИАТЕКСТАХ¹

Елена Вячеславовна Маринова

Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова,
г. Нижний Новгород, Россия

Аннотация. На материале русскоязычных медийных текстов охарактеризованы номинации, отражающие своеобразный протест части населения России против реализации в стране концепции цифрового общества. Цель исследования – определить смысловые доминанты и прагматические особенности новых номинаций как проявление интерпретирующей функции языка. Работа выполнена в русле функциональной социолингвистики с помощью методики установления когнитивной обусловленности языковых процессов. В результате исследования зафиксирован состав номинаций, отражающих протестное отношение к концепции цифрового общества. В зависимости от типа обозначенного ими референта выделены следующие группы лексических единиц: названия участников цифровизации; самого процесса и его последствий; прогнозируемого будущего. Описаны словообразовательные особенности протестных номинаций, показана роль в

их структуре ключевых терминологических элементов языка цифрового общества (*цифровой, цифро-*). В качестве обшей смысловой доминанты новообразований установлена сема ‘ограничение свободы’. Обнаружено, что в создании рассматриваемых единиц использованы характерные для протестных номинаций слова-ярлыки и словообразовательные форманты. Определено, что семантическое преобразование терминов цифрового общества осуществляется в направлении идеологизации значения. Языку антицифрового сопротивления противопоставлены язык и риторика сторонников официальной концепции развития цифрового общества, имеющих свои идеологемы и ярлыки. Перспективы исследования видятся в изучении ложно ориентирующих номинаций в языке цифрового общества.

Ключевые слова: русский язык цифрового общества, протестный дискурс, процесс номинации, идеологема, ключевые терминологические элементы, смысловая доминанта.

Цитирование. Маринова Е. В. Язык антицифрового сопротивления: особенности создания протестных номинаций в русскоязычных медиатекстах // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 134–146. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.10>

Введение

Слово *антицифровой* в словарях русского языка пока не зафиксировано. Оно не используется ни в официальных документах, связанных с происходящей в России цифровизацией, ни в текстах федеральных и региональных СМИ, освещающих этот процесс. Однако, изучая формирующийся в настоящее время язык, обслуживающий реализацию в стране идеи цифрового общества (далее – ЦО), мы обратили внимание на предельно широкую сочетаемость ключевого слова этого языка – прилагательного *цифровой*, а также на его незуальные дериваты, представленные в разных дискурсах: *доцифровой* (об эпохе), *биоцифровой*, *цифрометрия* – в медийном, *цифролюция* – в научно-популярном, *цифропокалипсис* – в художественном, *цифровенькие* (иронично о новых технологиях) – в сетевом. Возникло предположение, что есть и другие производные от этого актуального, можно сказать, модного сегодня слова, например **антицифровой*. В подтверждение гипотезы мы обнаружили это производное слово (в сочетаниях со словами *катехизис, мир, прорыв*) на сайтах различных православных онлайн-изданий и информагентств.

Встретилось оно и в названии научной статьи религиоведов Б.К. Кнорре и А.А. Мурашовой «“В начале было Слово...” а в конце будет число? Православие и антицифровой протест в России: с 1990-х до коронавируса» [Кнорре, Мурашова, 2021]. Авторы статьи использовали, наряду со словом *антицифровой*, его дериват – *антицифровики* (о противниках цифровизации). Эти факты дали ос-

нование включить в название нашей статьи прилагательное *антицифровой* без кавычек.

Согласно исследованию Б.К. Кнорре и А.А. Мурашовой, противостояние процессу цифровизации в российском обществе началось уже в 90-е гг. XX в., то есть на заре цифровизации [Кнорре, Мурашова, 2021, с. 147]. Оно зародилось в среде верующих, воцерковленных людей, а его идеологами стали православные фундаменталисты, религиозные философы и проповедники, объяснявшие не только верующим, «своим», но и самой широкой публике причины неприятия Русской православной церковью некоторых новшеств надвигающейся цифровой эпохи, таких как идентификационный номер налогоплательщика (ИНН), штрихкод [Кнорре, Мурашова, 2021, с. 147]. Авторы статьи отмечают и новый всплеск антицифрового протеста в связи с запретами на посещение богослужений в пандемию 2020 года. Хотя лингвистическая составляющая антицифрового протеста в их статье не рассматривается (упоминаются лишь отдельные номинации типа *печатать Антихриста* – об ИНН, *проштрихованный гражданин*), авторы делают вывод о том, что «в ходе развития собственного правосознательного языка... происходит демаргинализация АП (антицифрового протеста. – Е. М.)» [Кнорре, Мурашова, 2021, с. 159].

Наше исследование посвящено изучению специфических номинаций, создаваемых участниками антицифрового дискурса. Именно в процессе вербального кодирования актуальных, значимых для говорящего реалий, в процессе стихийного словотворчества актуализируется интерпретирующая функция язы-

ка. С одной стороны, создаваемая номинация уже фактом своего появления выделяет объект, который она обозначает; с другой – она этот объект оценивает, тем самым выражая информацию об отношении к объекту говорящего. Цель исследования – в массиве неузуальных номинаций гомогенного с точки зрения идеологии дискурса определить общие смыслы, которые они выражают, и прагматические особенности.

Материал и методы

Источником для сбора материала послужил сервис «Архив СМИ» (1996–2023 гг.) электронного медиабанка «Интегрум». В качестве поискового запроса использовались ключевые термины-элементы, участвующие в формировании терминологии ЦО, прежде всего прилагательное *цифровой* и его усеченный вариант – *цифро-*. В результате поиска среди исчисляемых тысячами документов были обнаружены не только терминологические сочетания типа *цифровая безопасность*, *цифровой суверенитет* и т. п. (всего более 230 единиц), но и номинации, семантика которых отражает неприятие «цифровой трансформации мира», критическое отношение к этому процессу (*цифрократия*, *цифровой контроль*).

По структуре обнаруженные номинации являются либо однословными, либо составными. По критерию частотности выделяются номинации единичного, «разового» употребления (собственно окказионализмы – *расчеловечиватели*, *цифроволки*) и номинации воспроизводимые, претендующие таким образом на статус узальной единицы, однако не имеющие терминологического характера в силу эксплицитно выраженной резко отрицательной оценочности (*цифровой концлагерь*). Было обнаружено свыше 100 «протестных» номинаций, включая и самоназвания их авторов – *борцы с цифровизацией*, *цифроскептики*.

Анализ собранного материала выполнен в русле функциональной социолингвистики с применением методики установления когнитивной обусловленности языковых процессов: создание неузуальных номинаций изучалось посредством выявления связи между их структурно-семантическими свойствами и основны-

ми процессами познания и интерпретации мира – концептуализацией, категоризацией, оценкой (подробно о них см.: [Болдырев, 2016]), что позволило выявить общую смысловую доминанту номинативных единиц, относящихся к антицифровому дискурсу. Использовались также приемы контекстного (лингвоидеологический) и компонентного анализа.

Исследовательские шаги в ходе описания материала были следующими:

- классификация номинаций по их соотношенности с тем или иным референтом и определение количественного соотношения между номинациями обнаруженных групп, целью чего было установление значимого для протестного сознания объекта номинирования;
- анализ номинаций в аспекте их структуры, выбора производящей базы, семантики, способа словообразования (для однословных единиц) с целью описания характерных особенностей протестных номинаций;
- выявление общих сем и прагматического своеобразия новообразований для их лингвоидеологического комментария.

Результаты и обсуждение

В современном русскоязычном дискурсе формируется языковая среда, отражающая критическое отношение некоторых жителей России к официально принятому правительством страны курсу на всеобщую цифровизацию. Этот процесс, отчасти стихийный, проходит параллельно с целенаправленным созданием в официальном дискурсе терминологии ЦО. В обоих случаях используются **общие** ключевые элементы языка ЦО (*цифровой*, *цифро-*). На фоне формального сходства протестных и официальных номинаций одних и тех же современных реалий более заметным становится идеологический контраст между сторонниками и противниками цифровизации.

Обнаруженные с помощью сервиса «Архив СМИ» источники антицифрового контента представляют собой официальные сайты различных политических и общественных организаций, информагентства, коллективные блоги, новостные сайты, интернет-СМИ, онлайн-передачи. Ни один из источников, кроме телеканала (далее – ТК) «Спас», не позицио-

нирует себя как православное СМИ. Авторы протестных материалов выражают критическое отношение к цифровизации в самых разных сферах ее реализации: образование, экономика, юриспруденция, культура и искусство, сфера госуслуг, строительство, медицина, спорт, сельское хозяйство и др., что свидетельствует о выходе антицифрового протеста за рамки православного дискурса.

Излагая свои взгляды, идущие вразрез с официальной линией государства, авторы протестных материалов используют типичные языковые средства идеологизированного дискурса, к которым относятся и новообразования разной степени окказиональности. Объекты, которые они номинируют, характеризуются неодинаковым составом: наименования участников цифровизации, самого процесса и его последствий, номинации тревожного будущего; доминирующая сема обнаруженных наименований – ‘ограничение свободы’. Однословные номинации (около 30 % от общего количества собранных единиц) в подавляющем большинстве (88 %) образованы посредством аффиксидации, в остальных случаях – суффиксации (11,2 %), заменительной деривации – 0,5 %, сложения – 0,2 %, контаминации – 0,1 %.

Основными принципами создания протестных номинаций являются оценочное (пейоративное) переименование, генерализация, доминирование интерпретирующей, а не номинативной функции. Характерные производящие идеологемы (слова-ярлыки и словообразовательные маркеры «идеологической инородности») представляют собой прагматически заряженные номинативные и деривационные средства идеологизации медийного дискурса в целом.

Использование ключевых слов языка ЦО (*цифровой, цифровизация, цифра*) в качестве строевого материала для номинаций, обслуживающих идеологизированный дискурс, создает условия для дальнейшего изменения их семантики – приращения смысла за счет идеологического компонента.

Далее охарактеризуем создаваемые в медиатекстах протестные номинации в соответствии с типом **объекта**, который они обозначают (лицо, процесс, прогнозируемое будущее), и с учетом тех принципов, которые охарактеризованы выше.

Наименования лица

Наиболее представлены в выборке протестные номинации (54 % от общего количества), обозначающие сторонников цифровизации, ее активных (*цифроволки*) или (реже) пассивных участников (*цифриваны*). Устойчивых различий в создании номинаций активных и пассивных участников процесса цифровизации не обнаружено. Судя по нашим материалам, деление на «активных» и «пассивных» намечилось в антицифровом дискурсе, видимо, во время режима ограничений, вызванных пандемией 2020 года. Ср.:

(1) Как **цифроолигархи** разбогатели на коронабесии уже все в курсе? (Здесь и далее орфография и пунктуация источников сохранены. – Е. М.) (Континенталист. 07.01.2021);

(2) Идет большой мировой, а также и внутренний передел в России... А уж сколько будет ковидных или иных волн, которые позволят ковидизировать население в **цифровых пленников** и **рабов** (Akcenty.info. 25.07.2020).

Активность в создании номинаций лица объясняется типическими характеристиками идеологического дискурса. К одной из них относится выраженная оппозиция «свои – чужие», чему посвящена обширная литература (см., например: [Шейгал, 2004; Чудинов, 2007; Чапаева, 2010; и др.]). Для продвижения какой-либо идеи ее автору всегда важно представлять возражения явных или скрытых оппонентов, так называемый «образ врага», в то же время, как пишет Е.И. Шейгал, значима и консолидация со «своими», которой способствует не только наличие общей идеи, общего понятийного поля у единомышленников, но и наличие общих лингвистических идеологем как знаков интеграции [Шейгал, 2004, с. 119].

Противники цифровизации «чужими» считают прежде всего представителей власти и бизнеса – агентов цифровизации. Для их обозначения обычно используют суффиксальный дериват слова *цифровизация* – *цифровизаторы* (вариант: *цифроизаторы*). Номинация не является официальным названием и употребляется только в протестном дискурсе, всегда неодобрительно:

(3) Любопытная деталь: QR-код на корове в фильме – переход на твиттер Рогозина, главы Рос-

комоса. В его компании явно не хватает еще Грефа, тоже из секты **цифровизаторов**... (Сельский час. 24.11.2020);

(4) Согласно пожеланиям Всемирного банка (чьи идеи и внедряют **цифронизаторы** в наше образование), в школах будет собираться информация... о «социально-эмоциональных навыках, личностных и поведенческих установках...» (Родительское Всероссийское Сопротивление (rvs.su). 11.01.2021).

Реже используются (тоже с негативной окраской) суффиксальные дериваты, например *цифровики*, *оцифровщики*, составная номинация *цифровые трансформаторы* и сложение *глобоцифровизаторы*:

(5) Пряник за уничтожение собственной профессии: в регионах учреждают премии учителям-**оцифровщикам** образования (Геополитическая блог-платформа. 09.02.2021);

(6) **Цифровые трансформаторы** борются не с какой-то бюрократией и отсталостью, как они нам рассказывают, а с самой природой человека (РИА Катюша. 15.12. 2022).

Зафиксированы многочисленные номинации, создаваемые по общей модели: аффиксид *цифро-* (усечение от *цифровой*) + личное существительное (например, *цифрофашисты*), вариантами которых нередко выступают составные обозначения с полным прилагательным: *цифровые фашисты*. Номинации с *цифро-* имеют более яркую пейоративную окраску по сравнению со словами *цифровизаторы*, *цифровики*, *оцифровщики*. Она создается за счет прагматического потенциала производящих субстантивов: последние представляют собой слова-ярлыки, типичные для любого идеологического или идеологизированного дискурса, см. зафиксированные в «Словаре современных политических ярлыков» единицы: *глобалисты*, *изменники*, *сектанты*, *трансгуманисты*, *фашисты* и т. п. (Сковородников, Копнина). Главное их назначение – указать на «идеологическую инородность», а не обозначить реальные признаки референтов [Шейгал, 2004, с. 123]. Например:

(7) Почему-то один из главных **цифроизменников** нашей Родины не понимает одну простую истину: прибыль с продажи персональных данных в несколько раз перекрывает возможные штрафы (КПРФ.ru. 19.01.2023);

(8) Идея перевести всех на безналичный расчет у **цифрофашистов** бродит постоянно, и это последний раз свидетельствует о кризисе в нашей экономике (NewsTes.ru. 02.06.2017);

(9) **Цифролоббисты** из «Единой России» разрабатывают законопроект о биометрической идентификации новорожденных и малолетних детей (Наша Планета. Мир вокруг нас. 30.12.2018).

Самым частотным словом, образованным по данной модели, является существительное *цифросектанты*. По-видимому, это не случайно: «чужие» интерпретируются противниками цифровизации как секта (см. пример (3)), интересы которой на самом деле расходятся с интересами (ценностями, традициями) большинства. Приведем несколько иллюстраций:

(10) Главной «целью» РФ... является цифровая трансформация страны, т.е. то, чем в последние годы занимается Герман Греф и прочие **цифросектанты** (Континенталист. 03.02.2023);

(11) Вот так отлично выживают **цифросектанты** во власти... (Русский Дозор. 26.01.2023).

«Чужие» осмысливаются в большинстве случаев как некое неопределенное множество субъектов, занимающихся неприемлемой с позиции автора протестного материала деятельностью. Отсюда – доминирующее использование номинаций лица в форме множественного числа (принцип генерализации²), причем такие новообразования, как правило, метафоричны. См. примеры выше, а также:

(12) ЕПГУ по замыслу **цифрочиновников** должен стать центром взаимодействия гражданина с государством... (КПРФ.ru. 21.12.2022);

(13) Вот **цифронаркоманы** ликуют от возможностей цифридола (об искусственном интеллекте. – Е. М.) (Топ-50 – рейтинг постов в блогах рунета. 19.12.2022);

(14) Вы поняли, какие позиции и трансформации приготовили для вас **цифровые чиновники**? (ИТ новости. 21.06.2022);

(15) Не верьте **цифробесам**: российское ПО передает ваши данные за рубеж (Politforums.ru. 03.04.2021).

Однако возможны и более «адресные» номинации, объектом которых являются конкретные представители власти, например:

(16) Эта модель переключалась в нацпрограмму «Цифровая экономика», и теперь ее официально двигает **цифропремьер** Мишустин (Континенталист. 22.02.2023);

(17) Чтобы придать себе вес, Людмила Григорьевна пригласила на совещание еще и **цифроминистра** областного правительства Снегирева... (Другая Тверь. 14.03.2023);

(18) Через педсоветы (местами – не такие публичные и пафосные, как в Вологодской области, для которой записал выступление сам **министр цифроросвещения** Кравцов) власти региона обрабатывают мозги руководства школ... (РИА Катюша. 22.08.2022).

Использование в контекстах, связанных с официальной информацией, неофициальных номинаций (принцип переименования), безусловно, понижает статус референта. Такую прагматическую функцию («понижение в ранге») формант *цифро-* выполняет и в других номинациях, выступающих в протестном дискурсе в роли стилистически сниженных вариантов официальных названий; ср.: *цифровое правительство* и *цифropравительство*, *цифровое образование* и *цифрообразование*, *цифровой рубль* и *цифрорубль* и др.

Наименования процесса

Официальное название процесса, против которого направлены обследуемые нами протестные материалы, – *цифровизация*. Уже в 90-е гг. XX в. этот термин использовали не только как техницизм, обозначающий переход с аналогового способа обработки информации на цифровой, то есть оцифровку, оцифровывание, но и, судя по примерам в НСЗ, слово общественно-политической лексики, именующее внедрение новых технологий во все сферы общественной жизни человека (НСЗ, с. 1265).

В протестном дискурсе отрицательно-оценочные номинации получает и сам процесс цифровизации, и разнообразные его последствия (например, в сфере образования, права, сельского хозяйства, юриспруденции и др.):

(19) Наверно, в первый момент действительно поперхнулся бы (о К.Д. Ушинском. – Е. М.), услышав как министр с помощником пытаются притянуть за уши его педагогическое наследие для оправдания **цифроразрушения** системы образования России (ИТ новости. 05.03.2023);

(20) Название всему этому придумал русский писатель Валентин Курбатов – **цифроз** (VIPvideoClub.ru. 23.02.2021);

(21) Эпоха **цифробесия**: Глобальный Паниковский (Континенталист. 07.01.2021);

(22) Ноосферный человек конечный этап глобализации? ...**Цифрофрения** все более вытесняет аналоговое мышление... (Перемены. 04.03.2023).

В этих и подобных им неофициальных названиях процесса цифровизации задействованы типичные для протестного дискурса модели с формантами *-бесие*, *-френия*, *-безумие*, например, в лексиконе ковид-диссидентов – *вакцинобесие*, *маскобесие*, *коронафрения*, *ковидобезумие*. Можно заметить, что в составе окказиональных новообразований эти форманты выражают общую сему ‘чрезмерная активность, увлеченность, вызванные психическим расстройством’:

(23) Сегодня в обозначившейся тенденции радикальной трансформации правовой ткани общества в **судорогах цифролюционного экстаза** частный нотариат – последняя гарантия вменяемого гражданского оборота (Говорит нотариат. 22.02.2023).

Так, с помощью метафоры болезни, одной из самых распространенных в политическом дискурсе [Чудинов, 2007] и характерных для протестного дискурса [Маринова, 2022a], подчеркивается ненормальность происходящих событий (ср. также: *цифроз* – *психоз*, *цифроидальное (общество)* – *параноидальное*) и проявляется отрицательная оценка, причем не только процесса, обозначенного первым компонентом новообразований, созданных в результате заменительной деривации, но и – имплицитно – непосредственных инициаторов и участников этого процесса как субъектов с нездоровой психикой, одержимых. Не случайно некоторые номинации имеют коррелят – наименование лица: *цифроз* – *цифрозные чиновники*; *цифробесие* – *цифробесы* (см. примеры (14), (15)).

Однако большинство протестных номинаций цифровизации и ее последствий выражают иную идею – несвобода личности в цифровом обществе вследствие антигуманной сущности самого перехода «на цифру»³. Иными словами, цифровизация, цифровые технологии, цифровая революция интерпретируются

ся как абсолютное зло, направленное против природы человека, свободы личности. Например, характерный для материалов, отражающих подобные идеи, заголовок: *Опасность нашим правам!* предваряет следующее утверждение автора:

(24) ...5-я колонна в московском кремле готовит **цифрофашизм** в России – Новый Мировой Порядок изнутри (Litprichal.ru. 19.12.2022).

Антигуманистический смысл происходящих процессов выражают и встретившиеся нам в обследуемом дискурсе словосочетания на базе существительного *оцифровка*: *оцифровка личности (человека, населения)*. Семантика слова *оцифровка* не предполагает, что объект, на которого направлено действие, живое существо, поэтому выражения реализуют метафору несвободы, подчиненного положения.

Ключевым в таком восприятии цифровизации нередко становится слово *контроль*: пишут о *тотальном* или *глобальном цифровом контроле*, *технологическом контроле*, *едином* или *наднациональном цифровом контроле*, *электронном* или *прямом машинном контроле* и т. п., подчеркивая тем самым опасность потери свободы, ее ограничение в цифровом обществе. Метафорически эту идею в создаваемых протестных номинациях передают определяемые словом *цифровой / цифро-* существительные, именующие различные, чаще тоталитарные, режимы, репрессивные меры, насильственные действия (*гетто*, *диктатура*, *империя*, *казнь*, *концлагерь*, *рабство*, *фашизм* и др.) и нередко служащие в политическом дискурсе ярлыками⁴ – см. пример выше и следующие:

(25) Пора глазки-то открывать: нас готовят к **цифровому гетто** (Сельский час. 24.11.2020);

(26) ...У нас сейчас выстраивается внутренняя **диктатура**, в том числе – **цифровая** (РИА Катюша. 15.12.2022);

(27) Главная борьба разворачивается вокруг попытки Моргулиса... заполучить на свой форум Президента и подвергнуть его «**цифровой казни**» – так метафорично определяет писатель идею оцифровки верховной власти... (Изборский клуб. 28.02.2018);

(28) Если кто-то... решит, что он утратил свое имя и перестанет им пользоваться, то это будет его

личный шаг в «**цифровое рабство**» (Русская идея. 24.01.2022); (см. также: «Биометрическое рабство» – название выпуска передачи на ТК «Спас» от 05.12.2018).

В этом же ряду номинаций находится неологизм-контаминант *цифрократия* (ср.: *технократия*, *Нетократия*), созданный экономистом-международником, публицистом Валентином Катасоновым для характеристики современного периода – эпохи *цифрократии*, и новообразование *цифроконцлагерь*:

(29) Не успели противники **цифроконцлагеря** выдохнуть летом прошлого года, когда в Правительстве заявили об отмене планов по внедрению электронных удостоверений личности, как на совещании в Правительстве 15 февраля... огородили нас возвращением всех этих планов (Русский календарь. 19.02.2023).

Метафора концлагеря по отношению к новым технологиям не нова. В социальной антиутопии Виктора Пелевина «Любовь к трем цукербринам» (2014), рисующей картины «альтернативного» будущего, напоминающие кадры знакового фильма «Матрица» (реж. Л. и Э. Вачовски; 1999), жизнь человека в «системе» определяется рассказчиком как «мировой электронный концлагерь». В создании новообразований протестного дискурса используется и метафора матрицы из одноименного фильма:

(30) Добро пожаловать в новый дивный мир... Очередной закон в рамках **цифроматрицы** глобалистов... (Континенталист. 24.11.2021).

Выражение *электронный концлагерь* встречается в СМИ довольно часто, в том числе в качестве заголовка: так был назван, например, выпуск передачи «До самой сути» на ТК «Спас» от 25.08.2019; см. также название статьи В. Катасонова «Китай: Вход в *электронный концлагерь*» (VIPvideoClub.ru. 23.02.2021).

Примерно с 2020 г. встречается, судя по материалам «Интегрума», производное от слова *цифроконцлагерь* прилагательное, неуступающее по частотности исходному слову. Пишут о *цифроконцлагерных* законах, регионах, экспериментах над населением, *цифроконцлагерном* режиме, пространстве, Китае, «жесте власти» (имея в виду проект ЕБС – единой биометрической системы) и др.

Следует отметить, что сема 'ограничение свободы' является главной в номинациях пассивных участников цифровизации (*цифровые пленники и рабы; узники цифрового концлагеря; рабы цифровой системы; управляемые биообъекты; послушные «цифрованы»* и др.); с ней связан и единственный окказиональный глагол, обнаруженный нами в обследуемом материале (*цифроколонизовать* – сложение на базе слов *колонизовать* и *цифра* в значении 'цифровые технологии'):

(31) Поэтому рост без развития, которую определили для России планировщики ее стирания, вполне их устраивает, чтобы она разрушалась, была донором метрополии, дешевоющим ресурсом на мировом рынке во всех смыслах этого слова, с нищим населением, которое призвали **цифроколонизовать** нашим троянцам (Континенталист. 06.02.2020).

Номинации прогнозируемого будущего

Среди номинативных средств антицифрового дискурса футуристических новообразований не так много, как номинаций лица или процесса. Однако сама тема будущего – мы бы определили ее точнее как тему тревожного будущего (по аналогии с выражением *тревожная реальность* [Купина, 2020]) – занимает в исследуемом дискурсе значительное место. Апелляция к будущему, в котором человечество потеряет свою природу, свободу, подчинится «машине», «цифре», «цифроидолу», обесценится как понятие и превратится в «стадо биороботов» и т. д., в протестном дискурсе служит едва ли не главным доказательством угрожающей опасности цифровизации. Не случайно тема тревожного будущего звучит практически во всех материалах, посвященных последствиям цифровизации (см. примеры (22), (24), (25), (30), (31)), и отражается в некоторых номинациях, рассмотренных выше в связи с идеей несвободы: *цифроматрица, цифрофашизм, цифровое гетто, цифроколонизовать*, соотносятся не только с планом настоящего, но и с планом будущего.

Следует, однако, заметить, что в медиатекстах, освещающих официальную позицию власти в отношении цифровизации, тема будущего тоже регулярно поднимается. При этом

устойчивое выражение *цифровое будущее* используется как нейтральное или же с явной положительной окраской, которая создается благодаря соответствующему словесному окружению, например: *светлое цифровое будущее, новое цифровое будущее, горизонты цифрового будущего, вперед в цифровое будущее*. См. также фрагмент статьи из журнала, тематически связанного с IT, где сочетание *цифровое будущее* входит в оппозицию со словосочетанием *аналоговое прошлое*:

(32) Создатель NFT, Сара Цукер: аналоговое прошлое шоу Сары встречается с **головокружительным** цифровым будущим... (Cryptohamster.org. 06.04.2023).

Востребовано это выражение и в названии различных мероприятий: поисковая система выдает следующие факты – хакатон «*Цифровое будущее*», экспозиция «*Чувашия – регион цифрового будущего*», форум «*Открывая цифровое будущее*», конференция «*Цифровое будущее библиотек*» и т. п. Согласно сайту Posudka.ru цифровое будущее есть даже у бытовых товаров:

(33) **Цифровое будущее** рынка товаров для дома (Posudka.ru. 05.04.2023).

Однако противники цифровизации подобные высказывания воспринимают как утопию, иронизируя над доверчивостью своих идейных противников:

(34) Ну а что, действительно, очень «удобно» для контроля за человеком... отслеживать по его ID, что он читал, чем интересовался, с кем и на какие темы общался. Мечта «**цифрорая**»! (КПРФ.ru. 21.12.2022);

(35) Но вот и опасности для всех вписанных в электронный мир... обратно пропорциональны тем удобствам, которые сулят нам апологеты **цифрорая** (Гатчинка – районная вечерка. 27.12.2018).

С точки зрения авторов протестных материалов, цифровое будущее скорее антиутопия в духе Олдоса Хаксли. *Дивный цифровой мир, дивный новый онлайн-мир, новый дивный цифровой мир, цифрпервобытность* – ироничные названия этой антиутопии. Приведем характерный контекст:

(36) ...Многие нынешние схемы цифровизаторов и ультраглобалистов... это утопии (для большей части человечества – антиутопии), призванные убедить всех в неизбежности их трансгуманистического **ново нормального мира**... то есть подавить волю людей к сопротивлению их «**дивному новому миру**» (МедиаМера. 30.11.2021).

Частотно также обращение к другому прецедентному тексту футуристической направленности – *новый мировой порядок*. Выражение используется в ироничных контекстах критически настроенными представителями антицифрового сопротивления; нередко подвергается трансформации, например:

(37) Коронавирус это репетиция **нового мирового цифрорядка** под предлогом профилактики пандемии (Континенталист. 30.05.2022).

К футурологическим понятиям цифровой эпохи относится понятие «цифровая цивилизация». По наблюдению некоторых лингвистов, термин *цифровая цивилизация* встречается в «сотнях научных работ» [Волков, Волкова, 2020, с. 68], однако в медиатекстах, избранных для данного исследования, мы его не обнаружили. Тем не менее в контексте нашего исследования значима интерпретация этого термина и понятия в лингвистической литературе. Так, В.В. Волков и Н.В. Волкова пишут, что понятие «цифровая цивилизация» представляет собой феномен «двойного сознания»: одновременно утопия и антиутопия, а по сути, симулякр; сам же термин – косвенная номинация глобализации [Волков, Волкова, 2020, с. 71]. Авторы протестных материалов также связывают «цифропроекты» и «цифроинициативы» по обустройству будущего с процессами глобализации и идеологией глобализма, которые устойчиво ассоциируются с тоталитарными режимами (*тоталитаризм цифровой элиты; цифровой инклюзивный капитализм*) и, как уже говорилось, личной несвободой граждан:

(38) В **будущем цифром мире** мы вольемся в единую систему глобального контроля и управления... (Континенталист. 06.12.2021);

(39) Фактически это соглашение о подчинении новому мировому порядку, который будет иметь ярко выраженный окрас «**цифросанитарной диктатуры**» (Накануне.ru. 12.11.2021);

(40) Страна действительно превратится в **один бесконечный тоталитарный цифровой концлагерь** (КПРФ.ru. 21.12.2022).

В целом можно сказать, что с точки зрения создания футуристические номинации не имеют принципиальных отличий от номинаций лиц, номинаций процесса цифровизации и ее последствий. В этой группе, так же как и в двух других, наблюдаются активность модели «*цифро- + сущ.*» и использование слов-ярлыков в качестве опорных компонентов. Однако именно среди номинаций, обращенных к будущему, обнаружены новообразования, отсылающие к прецедентным феноменам. Семантика созданных таким способом наименований (*дивный цифровой мир, цифроматрица*) не только содержит оценку (иронию), что характерно и для семантики номинаций-ярлыков, но и вызывает в сознании адресатов речи конкретный образ будущего, сформированный прецедентными феноменами, прежде всего художественными произведениями.

Заключение

Рассмотренные в статье неузальные номинации, создающие язык антицифрового сопротивления, выполняют оценочную и интерпретирующую функции. Оценочность передается с помощью традиционных средств организации идеологического, политического дискурса – слов-ярлыков, метафоры болезни. Новым является использование в протестных номинациях усеченного варианта «ключевого слова текущего момента» – аффиксоида *цифро-*. Серийность номинаций с его участием, во-первых, формирует определенную коннотацию форманта: он становится маркером критического отношения к обозначаемому; во-вторых, составляет специфику антицифрового дискурса с точки зрения языковых средств, делает узнаваемым этот сегмент медиадискурса.

Интерпретирующая функция номинаций отражает процесс концептуализации происходящих в ходе цифровизации изменений, наблюдаемых и ожидаемых последствий. Так, смысловой доминантой в семантике создаваемых авторами антицифрового контента обозначений (номинаций лиц, процессов, будущего или настоящего) становится идея несвободы личности. Материальным носителем этой идеи в протестном дискурсе становятся ключевые

термины и терминологические элементы официального языка ЦО (*цифровой, цифровизация, оцифровка, цифра*). Погруженные в протестный контекст, эти единицы дискредитируются соответствующим словесным окружением, заряженным негативной оценкой (ср.: *насильственная, принудительная, насаждаемая, насильственно внедряемая цифровизация* и в дискурсе сторонников «цифры» – *всеобщая, полная*). Если принять во внимание, что свое идеологическое оружие есть и у сторонников цифровизации (например, зафиксированы ироничные обозначения их оппонентов: *цифровые анархисты <диссиденты, луддиты, пессимисты>; цифрофобы*), то можно утверждать, что в условиях мировоззренческого противостояния ключевые термины языка ЦО являются идеологемами: в медийных текстах более актуальным оказывается не их строго понятийное содержание, не их первичное терминологическое (техническое) значение, отражающее связь с новой (не аналоговой) технологией, а идеологический компонент и иллюкативный заряд.

Наш вывод подтверждает наблюдения за прагматическим использованием в современном дискурсе таких терминов ЦО, как *экосистема, цифровая экономика, цифровая цивилизация, искусственный интеллект, цифровая личность* [Алтухов, Афинская, 2021; Волков, 2020а; 2020б; Волков, Волкова, 2020; Клементьева, 2022; Маринова, 2023]. Из прагматических установок, реализуемых рассмотренными в статье номинациями, наиболее значимы, по-видимому, для авторов антицифровых материалов следующие: обозначить оппозицию «свои – чужие»; дискредитировать «чужих»; выразить негативную оценку происходящим процессам, интерпретируемым как антигуманные; через словесные образы тревожного будущего апеллировать к здравому смыслу своих оппонентов с предупреждающей интенцией.

Как утверждают специалисты, изучающие протестный контент, одна из причин, вызывающих сопротивление со стороны части социума, – вербальный обман, словесное ретуширование в языке власти [Манакина, 2011, с. 129]. Перспективы исследования мы видим в области изучения ложно ориентирующих, непрозрачных терминологических номинаций в языке ЦО (*цифровой портрет, цифровое*

портфолио, цифровая зрелость и др.), камуфлирующих реальное положение дел.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00991, <https://rscf.ru/project/23-28-00991/>.

The research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation № 23-28-00991, <https://rscf.ru/project/23-28-00991/>.

² О генерализации сообщения как одной из особенностей оппозиционной прессы см., например: [Какорина, 2000, с. 420].

³ Переосмыслению концепции человека, границ личной свободы в цифровую эпоху посвящена обширная литература как отечественных, так и зарубежных авторов: А. Барикко, С. Жижек, Г. Ловинк, Евг. Морозов, Ю.Н. Харари, У. Эко и др. (подробно об этом см.: [Маринова, 2022б, с. 163]).

⁴ Арсенал средств в новообразованиях русского языка коронавирусной эпохи тот же: *ковид-фашизм, карантин-концлагерь, ковидо-гетто, корона-диктатура* [Маринова, 2022а, с. 457].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Алтухов А. В., Афинская З. Н., 2021. К вопросу о пластичности термина *экосистема* // Вопросы когнитивной лингвистики. № 3. С. 109–116.
- Болдырев Н. Н., 2016. Когнитивные схемы языковой интерпретации // Вопросы когнитивной лингвистики. № 4. С. 10–20. DOI: 10.20916/1812-3228-2016-4-10-20
- Волков В. В., 2020а. Искусственный «интеллект» и человеческий ум: футуристическая синекдоха и реальность (лингвистический и лингвоментальный аспекты) // Вестник Российского ун-та дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. Т. 11, № 4. С. 745–759. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-745-759
- Волков В. В., 2020б. «Цифровая экономика»: лингвистические и лингвоментальные аспекты // Филологические науки. Вопросы теории и практики. С. 135–139. DOI: 10.30853/filnauki.2020.7.24
- Волков В. В., Волкова Н. В., 2020. «Цифровая цивилизация»: утопия, антиутопия или симулякр? // Гуманитарное знание и духовная безопасность : сб. материалов VII Междунар. науч.-практ. конф. Грозный ; Махачкала : Чечен. гос. пед. ун-т : АЛЕФ. С. 67–72.
- Какорина Е. В., 2000. Стилистический облик оппозиционной прессы // Русский язык конца

- XX столетия (1985–1995). М. : Яз. рус. культуры. С. 409–426.
- Клементьева А. А., 2022. К вопросу о функционировании термина *искусственный интеллект* в современном научном и публицистическом дискурсе // Мир русского слова. № 4. С. 14–23. DOI: 10.24412/1811-1629-2022-4-14-23
- Кнорре Б. К., Мурашова А. А., 2021. «В начале было Слово...», а в конце будет число? Православие и антицифровой протест в России: с 1990-х до коронавируса // Мир России. Т. 30, № 2. С. 146–166. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-2-146-166
- Купина Н. А., 2020. Пандемия коронавируса: метафорическая диагностика тревожной реальности в текстах СМИ // Известия Уральского федерального университета. Серия 1, Проблемы образования, науки и культуры. Т. 26, № 3. С. 5–13. DOI: 10.15826/izv1.2020.26.3.044
- Манакина О. Е., 2011. Протестная культура и политический дискурс: опыт Франции // Вестник МГИМО-Университета. № 2 (17). С. 128–134. DOI: 10.24833/2017-8160-2011-2-17-128-134
- Маринова Е. В., 2022а. Семантические доминанты новообразований 2020 года в аспекте кодирования действительности в русском языке // Русистика. Т. 20, № 4. С. 449–466. DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-4-449-466
- Маринова Е. В., 2022б. Оппозиция человек – машина в языковой картине XXI века // Гуманитарный вектор. № 17 (22). С. 161–170. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-161-170
- Маринова Е. В., 2023. Эволюция понятия «виртуальная личность» в цифровую эпоху (социолингвистическое исследование на материале русских текстов) // Научный диалог. Т. 12, № 1. С. 151–169. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-151-169
- Чапаева Л. Г., 2010. Идеологический дискурс 1830–1840-х годов: явные и скрытые смыслы лингвоидеологем // Вестник МГЛУ. № 22 (601). С. 9–18.
- Чудинов А. П., 2007. Политическая лингвистика. М. : Флинта : Наука. 256 с.
- Шейгал Е. И., 2004. Семиотика политического дискурса. М. : Гнозис. 326 с.
- XX века. Т. 3 / ред. Т. Н. Буцева, Е. А. Левашов. СПб. : Дмитрий Буланин, 2014. 1360 с.
- Сковородников, Копнина – Сковородников А. П., Копнина Г. А. Словарь современных политических ярлыков. Красноярск : Сиб. федер. ун-т, 2022. 176 с.

REFERENCES

- Altukhov A.V., Afinskaya Z.N., 2021. K voprosu o plastichnosti termina ekosistema [On Plasticity of the Term “Ecosystem”]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 3, pp. 109-116.
- Boldyrev N.N., 2016. Kognitivnye skhemy yazykovoy interpretatsii [Cognitive Schemas of Linguistic Interpretation]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 4, pp. 10-20. DOI: 10.20916/1812-3228-2016-4-10-20
- Volkov V.V., 2020a. Iskusstvennyy «intellect» i chelovecheskiy um: futuristicheskaya sinekdokha i realnost (lingvisticheskiy i lingvomentalnyy aspekty) [Artificial “Intelligence” and the Human Mind: Futuristic Synecdoche and Reality (Linguistic and Linguoamental Aspects)]. *Vestnik Rossiyskogo un-ta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics], vol. 11, no. 4, pp. 745-759. DOI: 10.22363/2313-2299-2020-11-4-745-759
- Volkov V.V., 2020b. «Tsifrovaya ekonomika»: lingvisticheskie i lingvomentalnye aspekty [“Digital Economy”: Linguistic and Linguoamental Aspects]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* [Philology. Theory & Practice], pp. 135-139. DOI: 10.30853/filnauki.2020.7.24
- Volkov V.V., Volkova N.V., 2020. «Tsifrovaya tsivilizatsiya»: utopiya, antiutopiya ili simulyakr? [“Digital Civilization”: Utopia, Dystopia, or Simulacrum?]. *Gumanitarnoe znanie i dukhovnaya bezopasnost: sb. materialov VII Mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Humanitarian Knowledge and Spiritual Security. Proceedings of the 7th International Scientific and Practical Conference]. Grozny, Makhachkala, Chechen. gos. ped. un-t, ALEF Publ., pp. 67-72.
- Kakorina E.V., 2000. Stilisticheskiy oblik oppozitsionnoy pressy [The Stylistic Image of the Opposition Press]. *Russkiy yazyk kontsa XX stoletiya (1985–1995)* [Russian Language of the Late 20th Century (1985–1995)]. Moscow, Yaz. rus. kultury Publ., pp. 409-426.
- Klementieva A.A., 2022. K voprosu o funktsionirovanii termina iskusstvennyy intellekt v sovremennom

ИСТОЧНИК

Интегрум : архивСМИ. URL: <https://search.integrum.ru>

СЛОВАРИ

НСЗ – Новые слова и значения : Словарь-справочник по материалам прессы и литературы 90-х годов

- nauchnom i publitsisticheskom diskurse [On the Issue of the Term “Artificial Intelligence” Functioning in Modern Scientific and Social-Political Discourse]. *Mir russkogo slova* [The World of Russian Word], no. 4, pp. 14-23. DOI: 10.24412/1811-1629-2022-4-14-23
- Knorre B.K., Murashova A.A., 2021. «V nachale bylo Slovo...», a v kontse budet chislo? Pravoslaviye i antitsifrovoy protest v Rossii: s 1990-kh do koronavirusa [In the Beginning Was the Word; Will a Number Be in the End? Orthodoxy and Anti-digital Protest in Russia: From the 1990s to the Coronavirus]. *Mir Rossii* [Universe of Russia], vol. 30, no. 2, pp. 146-166. DOI: 10.17323/1811-038X-2021-30-2-146-166
- Kupina N.A., 2020. Pandemiya koronavirusa: metaforicheskaya diagnostika trevozhnoy realnosti v tekstakh SMI [Coronavirus Pandemic: Metaphoric Diagnostics of Anxious Reality in the Media Texts]. *Izvestiya Uralskogo federalnogo universiteta . Seriya 1. Problemy obrazovaniya, nauki i kultury* [Bulletin of Ural Federal University Journal. Series 1: Issues in Education, Science and Culture], vol. 26, no. 3, pp. 5-13. DOI: 10.15826/izv1.2020.26.3.044
- Manakina O.E., 2011. Protestnaya kultura i politicheskii diskurs: opyt Frantsii [Protest Culture and Political Discourse: French Case]. *Vestnik MGIMO-Universiteta* [MGIMO Review of International Relations], no. 2 (17), pp. 128-134. DOI: 10.24833/2017-8160-2011-2-17-128-134
- Marinova E.V., 2022a. Semanticheskie dominanty novoobrazovaniy 2020 goda v aspekte kodirovaniya deystvitelnosti v russkom yazyke [Semantic Dominants of 2020 Neologisms as a Means of Coding Reality in the Russian Language]. *Rusistika* [Russian Language Studies], vol. 20, no. 4, pp. 449-466. DOI: 10.22363/2618-8163-2022-20-4-449-466
- Marinova E.V., 2022b. Oppozitsiya chelovek – mashina v yazykovoy kartine XXI veka [Opposition “Man – Machine” in the Language Picture of the World of the 21st Century]. *Gumanitarnyy vector* [Humanitarian Vector], no. 17 (22), pp. 161-170. DOI: 10.21209/1996-7853-2022-17-2-161-170
- Marinova E.V., 2023. Evolyutsiya ponyatiya «virtualnaya lichnost» v tsifrovuyu epokhu (sotsiolingvisticheskoe issledovanie na materiale russkikh tekstov) [Evolution of Concept VIRTUAL PERSONALITY in Digital Age (A Sociolinguistic Study Based on Russian Texts)]. *Nauchmy dialog*, vol. 12, no. 1, pp. 151-169. DOI: 10.24224/2227-1295-2023-12-1-151-169
- Chapaeva L.G., 2010. Ideologicheskii diskurs 1830–1840-kh godov: yavnye i skrytye smysly lingvoideologem [The Ideological Discourse of the 1830–1840 Years: The Explicit and Implicit Senses of the Lingvoideologems]. *Vestnik MGLU* [Vestnik of Moscow State Linguistic University], no. 22 (601), pp. 9-18.
- Chudinov A.P., 2007. *Politicheskaya lingvistika* [Political Linguistics]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 256 p.
- Sheygal E.I., 2004. *Semiotika politicheskogo diskursa* [The Semiotics of Political Discourse]. Moscow, Gnozis Publ. 326 p.

SOURCE

Integrum: arkhiv SMI [Integrum. Media Archive]. URL: <https://search.integrum.ru>

DICTIONARIES

- Novye slova i znacheniya: Slovar-spravochnik po materialam pressy i literatury 90-kh godov XX veka. T. 3 [New Words and Meanings: A Handbook Dictionary in the Press and Literature of the 1990s. T. 3. Vol. 3]. Saint Petersburg, Dmitry Bulanin Publ., 2014. 1360 p.
- Skovorodnikov A.P., Kopnina G.A. *Slovar sovremennykh politicheskikh yarlykov* [The Modern Political Labels Dictionary]. Krasnoyarsk, Sib. feder. un-t, 2022. 176 p.

Information About the Author

Elena V. Marinova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Teaching Russian as a Native and Foreign Language, Linguistics University of Nizhny Novgorod, Minina St, 31a, 603155 Nizhny Novgorod, Russia, marinova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3860-5606>

Информация об авторе

Елена Вячеславовна Маринова, доктор филологических наук, профессор кафедры преподавания русского языка как родного и иностранного, Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, ул. Минина, 31а, 603155 г. Нижний Новгород, Россия, marinova@list.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3860-5606>

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И СОПОСТАВИТЕЛЬНОЕ ИЗУЧЕНИЕ ЯЗЫКОВ

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.11>

UDC 811.111'42:004.738.5
LBC 81.432.1-51

Submitted: 11.10.2023
Accepted: 30.01.2024

LINGUISTIC MODELLING OF POSSIBLE WORLDS IN ENGLISH NETSPEAK DISCUSSIONS ¹

Victoria Yu. Kleimenova

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

Irina A. Schirova

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

Yulia V. Sergaeva

Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia

Abstract. The authors of the article use the semantics of possible worlds as a theoretical basis for the research into English-speaking linguistic creative activity of Netspeak participants, who develop and verbalize mutually stipulated and interdependent mental constructs. The teaser-trailers of *The Little Mermaid*, *Snow White*, *Peter Pan* and *Wendy* trigger spectators' discussion and creativity. Having watched the videos Internet users write comments in which they use linguistic and extra linguistic means to express their opinion. Thus, they embody two types of axiologically opposed possible worlds (PW) that fit in the general assessment dichotomy "good – bad". A PW gets the positive assessment if it meets the addressee's expectations and the pre-established genre canon. A PW gets the negative assessment if it differs in some aspects from what the spectator hoped to see. The article deals exclusively with the linguistic aspect of the comments. The results of the research show that the above-mentioned PWs are embodied either by universal assessment utterances whose pattern suits both PWs or special assessment utterances whose pattern suits only one of the PWs. Participants of the discussion use both explicit and implicit linguistic means to express their opinion. However, they use more varied expressive means to embody the negatively assessed mental construct. The utterances with the content that contradicts "the encyclopedia of the real world" (counter fact utterances) are of special interest because their authors resort to a strict structural and semantic pattern to express the disagreement with the political correctness and censorship.

Key words: possible world, Netspeak discussion, universal assessment utterance, special assessment utterance, counter fact utterance, explicit linguistic means, implicit linguistic means, cancel culture.

Citation. Kleimenova V.Yu., Schirova I.A., Sergaeva Yu.V. Linguistic Modelling of Possible Worlds in English Netspeak Discussions. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 2, pp. 147-157. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.11>

**ЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ МОДЕЛИРОВАНИЕ ВОЗМОЖНЫХ МИРОВ
В АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ИНТЕРНЕТ-ДИСКУССИИ¹****Виктория Юрьевна Клейменова**

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Ирина Александровна Щирова

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Юлия Владимировна Сергаева

Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, Россия

Аннотация. Идея возможных миров применяется в статье в качестве научно-теоретического основания для изучения результатов лингвокреативной деятельности участников англоязычной интернет-дискуссии, в ходе которой создаются и вербализуются взаимообусловленные и взаимосвязанные ментальные конструкции, противопоставленные по аксиологическому признаку. Установлено, что при обсуждении тизеров-трейлеров ремейков мультфильмов «Русалочка», «Белоснежка», «Питер Пен» авторы комментариев создают в рамках общеоценочной дихотомии «хорошо – плохо» два типа возможных миров: положительно оцениваемый возможный мир, который соответствует пресуппозиции адресата и оправдывает его жанровые ожидания, и негативно оцениваемый возможный мир, который не соответствует зрительской пресуппозиции. Выявлено, что в англоязычной интернет-дискуссии возможные миры моделируются с помощью универсальных оценочных высказываний, которые используются для объективации обоих типов возможных миров, и специальных оценочных высказываний, которые употребляются для объективации одного из типов возможных миров. Показано, что авторы комментариев применяют эксплицитные и имплицитные средства выражения мнения, что средства объективации негативно оцениваемого возможного мира отличаются разнообразием (контрфактические высказывания, риторические вопросы, сравнения), а также эмоциональностью и экспрессивностью. Охарактеризована структурно-семантическая модель контрфактических высказываний, которые формируют авторы комментариев, не согласные с пропагандируемой политикой политкорректности. В.Ю. Клейменовой разработана общая концепция исследования и проведена аналитическая обработка результатов; И.А. Щировой предложена методология и интерпретированы результаты проведенного коллективного исследования; Ю.В. Сергаевой выполнен отбор, систематизация, анализ эмпирического материала.

Ключевые слова: возможный мир, интернет-дискуссия, универсальное оценочное высказывание, специальное оценочное высказывание, контрфактическое высказывание, эксплицитные языковые средства, имплицитные языковые средства, культура отмены.

Цитирование. Клейменова В. Ю., Щирова И. А., Сергаева Ю. В. Лингвистическое моделирование возможных миров в англоязычной интернет-дискуссии // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 147–157. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.11>

Введение

В XXI в. языковая личность осуществляет значительную часть коммуникации в интернет-среде, сформированной блогами, социальными сетями и форумами. Так, проведенный в 2017 г. опрос жителей США и Великобритании выявил, что подавляющее большинство (70 %) респондентов, относящихся к поколению Z и миллениалам, отдают предпочтение не телефонным звонкам, а

виртуальному общению посредством текстовых сообщений [Stockwell, 2016]. Следовательно, изучение языковой специфики высказываний, созданных в процессе виртуальной коммуникации, позволяет установить особенности лингвокогнитивной деятельности интернет-пользователя.

Описывая язык сетевого общения (Netspeak), Д. Кристал отмечает его неоднородность, обусловленную использованием в пяти разных типах коммуникативных ситуа-

ций: электронных письмах, чатах, виртуальных игровых мирах и сетевых текстах [Crystal, 2006, p. 10–14]. В то же время исследователи выделяют ряд инвариантных характеристик виртуальной коммуникации, влияющих на выбор лингвистических средств: *глобальность* (нивелирование пространственно-временных границ, возможность синхронной и асинхронной коммуникации), *интерактивность* (непосредственное взаимодействие многих участников, возможность свободно присоединиться к любой ветке обсуждения), *мультимедийность* (наличие в тексте невербальных знаков, например эмодзи, мемов), *анонимность* (возможность сокрытия личных данных пользователя, его географической локализации), *гипертекстуальность* (наличие графически маркированной взаимосвязи между дополняющими друг друга структурными элементами, а пользователь имеет техническую возможность читать их в произвольном порядке) [Горшкова, 2012; Лутовинова, 2008; Сергаева, 2018; Сидорова, 2011; Crystal, 2006].

Одним из видов сетевого общения, в котором сохраняются инвариантные характеристики виртуальной коммуникации, является интернет-дискуссия по вопросам, вызывающим неоднозначную оценку социума. В процессе коллективной когнитивной лингвокреативной деятельности коммуниканты, придерживающиеся противоположных точек зрения, создают и вербализуют взаимообусловленные и взаимосвязанные возможные миры (далее – ВМ) – *ментальные конструкты, противопоставленные по аксиологическому признаку*.

ВМ трактуется в философии не как физически достижимый пространственный фрагмент реальности, а как мыслимое потенциальное состояние реального мира, как альтернативный настоящему возможный ход событий. Понятие ВМ активно разрабатывалось в теории логической семантики для установления истинности модальных высказываний [Руднев, 2017; Хинтика, 1980; Hintikka, 2019] и даже декларировалось в качестве общей парадигмы гуманитарной рациональности [Фатиев, 1997].

Семантика ВМ приобретает особую актуальность в русле когнитивно-дискурсивной парадигмы, поскольку само полагание бытия

иного характера есть акт реализации познавательной способности [Драгилина-Черная, 2011, с. 42]. ВМ имеет двойственную природу: с одной стороны, он представляет собой ментальный конструкт как совокупность концептов, с другой – материальный объект, имеющий языковую форму [Chrzanowska-Kluczevska, 2017, p. 38].

Концепция ВМ имеет многолетнюю и плодотворную традицию применения в лингвистике, поскольку «язык призван отражать этот действительный, реальный мир, но одновременно с ним в семантическом пространстве языка существуют миры, не являющиеся копиями того, что бытует в действительном мире» [Бабушкин, Стернин, 2018, с. 113]. Высказывания, объективирующие ВМ, соотносятся с разработанным Лейбницем понятием «возможно истинных высказываний», которые являются истинными в одном или нескольких возможных мирах, поскольку основаны на «истинах факта», познающихся посредством опыта или разума [Лейбниц, 1989, с. 76]. Традиционно, семантика ВМ служит когнитивным основанием для интерпретации художественного текста как амбивалентного конструкта, сочетающего представления о действительности и вымысел и не имеющего однозначной соотнесенности с действительностью; например, она помогает решению проблемы художественной истины [Щирова, 2011, с. 206], проблемы репрезентации реального и вымышленного в художественном тексте [Ильинова, 2008; Клейменова, 2023], проблемы референции в вымышленном мире [Крипке, 1986; Lewis, 1986; Ronen, 1994]. Понятие ВМ было использовано при изучении различных типов художественных текстов, например интериоризированных и экстериоризированных текстов психологической прозы [Щирова, 2003], лингвистического конструирования художественных миров фантастической литературы [Неронова, 2010; Pavkin, 2020], смысловой организации литературы нонсенса [Новикова, 2016], изображенных миров художественного нарратива [Ryan, 2019; 2021; Stockwell, 2016], цифровой художественной литературы [Bell, 2019].

В данной статье, посвященной проблеме объективации ментальных конструктов, противопоставленных по аксиологическому

признаку, концепция ВМ впервые применяется для исследования текстов нового типа – комментариев интернет-дискуссии. Цель исследования заключается в выявлении лексико-стилистических средств формирования оценочных высказываний, объективирующих каждый из ВМ, сконструированных в процессе оценивания объекта обсуждения.

Материалы и методы

Материалом исследования являются тексты комментариев (2022–2023 гг.), созданных участниками интернет-дискуссии о тизерах-трейлерах игровых фильмов – ремейков классических мультфильмов студии У. Диснея: «Little Mermaid» / «Русалочка» (LM), «Peter Pan» / «Питер Пен» (PP) и «Snow White» / «Белоснежка» (SW). Новые кинотексты послужили стимулом для обсуждения острых социальных проблем современности: толерантности, межрасовых отношений, гендерного многообразия. Участники дискуссии обсуждают допустимость изменения внешних данных персонажей в соответствии с пропагандируемыми тенденциями. Например, несогласие вызвал выбор актрис на главные роли в фильмах «Русалочка» и «Белоснежка», а также внешний вид гномов («Белоснежка») и появление девочек в группе персонажей «потерянные мальчики» («Питер Пен»). Участников дискуссии можно разделить на две группы: хейтеры и сторонники. Причем данные сайтов свидетельствуют о количественном преобладании хейтеров, например: трейлер о Русалочке положительно оценили 346 тыс. чел., а отрицательно – 1,2 млн (LM). Эти данные позволяют предположить более высокую степень вариативности и большее разнообразие языковых средств, используемых для выражения отрицательной оценки.

В ходе интернет-дискуссии активно используются как вербальные, так и невербальные средства коммуникации. В центре внимания авторов статьи находятся языковые средства объективации аксиологически противопоставленных ВМ. Комментарии-эмодзи и комментарии-мемы представляют собой объект отдельного исследования, посвященного проблематике поликодового текста, и поэтому не рассматриваются. При цитиро-

вании эмпирического материала сохраняются орфография и пунктуация авторов комментариев; оформление перевода примеров, выполненного авторами статьи, приближено к оригиналу.

Выбор методов и приемов исследования обусловлен многоаспектностью рассматриваемой научной проблемы. Авторы использовали комплексную методику, включающую лингвостилистическую интерпретацию текстового материала с учетом широкого историко-культурного контекста, сравнительно-сопоставительный и описательный методы, а также методы компонентного, контекстуального и дефиниционного анализа.

Результаты и обсуждение

В рассматриваемых интернет-дискуссиях тизеры-трейлеры являются объектами оценки и стимулом лингвокогнитивной деятельности субъектов оценки (участников обсуждения), которые осмысливают новое знание о мире, соотносят его с основанием оценки (мультфильмами «Русалочка», «Питер Пен», «Белоснежка», снятыми на студии У. Диснея), создают ментальный конструкт (ВМ) и объективируют его в языковой форме.

Представленные в сети результаты этой деятельности могут быть разделены на две группы в рамках общеоценочной дихотомии «хорошо – плохо». **ВМ+** конструируется автором комментария в том случае, если новый кинотекст соответствует его пресуппозиции. Следовательно, оправданные жанровые ожидания позволяют зрителю положительно оценить представленный ментальный конструкт как желаемый и потому лучший вариант изображенной реальности. **ВМ–** создается участником интернет-дискуссии в том случае, если политкорректный кинотекст, соответствующий концепции культуры отмены, не совпадает с его пресуппозицией и вследствие этого оценивается отрицательно как порицаемый вариант того же фрагмента изображенной реальности. Используя принцип достаточного основания, на котором базируется утверждение Лейбница о том, что разумное основание имеется «не меньше в истинах случайных, чем в необходимых» [Лейбниц, 1984, с. 496], можно утверждать, что **ВМ+** и **ВМ–** онтологически и эпис-

темологически равноправны. Стремление авторов комментариев обосновать именно свою точку зрения как истинную есть подтверждение идеи Д. Льюиса о том, что для находящегося внутри ВМ он является объективной реальностью [Lewis, 1986].

Оценочные ВМ интернет-дискуссии связаны с иными произведениями искусства, художественными текстами или их экранизациями, так как их статус (ВМ+ или ВМ-) определяется соответствием этим первоисточникам. Таким образом, ВМ интернет-дискуссии можно обозначить как семиотические дискурсивные миры (в терминологии Э. Кржановской-Ключевской), потому что они не только существуют в семиотическом пространстве культуры, но и создаются с опорой на широкий спектр текстов. Эти миры сочетают в себе противоположные начала: они характеризуются изменчивостью (выбор автором комментария культурного объекта для выражения своей точки зрения определяется его индивидуальными предпочтениями и личным культурным опытом) и стабильностью (комментарии сохраняются в Сети в неизменной форме в течение длительного времени).

Авторы комментариев интернет-дискуссии создают оценочные высказывания двух типов: *универсальные оценочные высказывания*, которые объективируют как ВМ+, так и ВМ-, и *специальные оценочные высказывания*, которые объективируют один из ВМ (ВМ+ или ВМ-).

В *универсальных оценочных высказываниях* коммуниканты используют эксплицитные и имплицитные средства выражения оценки.

Эксплицитные средства выражения оценки – это те лексические единицы и их функциональные эквиваленты, у которых оценочная сема входит в интенционал, благодаря чему «оценочные смыслы однозначно интерпретируются адресатом, при этом результаты оценочной интерпретации находят подтверждение в вербальных знаках» [Марьянич, 2013, с. 62]. В таблице 1 приведены примеры оценочных высказываний, в которых для объективации ВМ+ и ВМ- использованы глаголы, прилагательные и существительные, называющие положительные или отрицательные эмоции.

Имплицитные средства выражения оценки – это те лексические единицы и их функциональные эквиваленты, у которых оценочный компонент входит в импликационал или возникает в результате контекстуального приращения смысла. Это оценка «скрытая, не имеющая однозначно интерпретируемых сигналов в слове, высказывании», в которой оценочный компонент локализован на уровне ассоциативных сем и, следовательно, оценочность трактуется благодаря контексту и пресуппозициям, а реализуется на уровне подтекста [Марьянич, 2013, с. 62]. В таблице 2 приведены

Таблица 1. Эксплицитные средства формирования универсальных оценочных высказываний при объективации ВМ интернет-дискуссии

Table 1. Explicit means in universal assessment utterances that embody possible worlds of Internet discussion

ВМ+	ВМ-
<i>Глаголы</i>	
Personally I liked the trailer when I didn't expect to like it (LM) / Лично мне трейлер понравился, хотя я этого не ожидал	I love the part where this trailer ends (LM) / Мне очень понравилось, что трейлер закончился
<i>Имена прилагательные</i>	
Ok but this is actually a great trailer (SW) / ОК, это реально шикарный трейлер	Looks dull both visually and artistically (PP) / Все уныло, и зрительный ряд и актерская игра
<i>Имена существительные</i>	
This is one of those movies where the racists will point to how badly it was received and complain about woke disney, completely ignoring that it's a soulless cash-grab going straight to D+ (PP) / Это один из тех фильмов, о которых расисты говорят, что публика их не принимает, жалуются, что дисней стал повесточным, совершенно забывая, какую кассу он делает	another flop like little mermaid (PP) / еще один провал, как и русалочка

Таблица 2. Имплицитные средства формирования универсальных оценочных высказываний при объективации ВМ интернет-дискуссии

Table 2. Implicit means in universal assessment utterances that embody possible worlds of Internet discussion

ВМ+	ВМ–
<i>Обозначения физических ощущений / действий, вызванных сильными положительными / отрицательными эмоциями</i>	
It made me cry so beautiful (LM) / Я расплакался, такая красота	Take this film and any Charlie chocolate factory remake and send them both to the sun (PP) / Возьмите этот фильм и ремейк Чарли и шоколадная фабрика и бросьте подальше
<i>Обозначения событий / действий, получающих положительную / отрицательную оценку языкового сообщества</i>	
I know right the racists will have to just cope with their depression (LM) / Я точно знаю, расистам придется смириться со своей депрессией	They ruined my daughter’s childhood and mine (LM) / Они просто разрушили детство моей дочери и мое

примеры оценочных высказываний, содержащих аксиологически амбивалентные номинативные единицы различных тематических групп, использованные для объективации и **ВМ+**, и **ВМ–**.

Специальные оценочные высказывания, репрезентирующие **ВМ–**, характеризуются большим разнообразием языковых средств, чем средства создания **ВМ+**. Для выражения негативного мнения авторы комментариев используют: 1) контрфактические высказывания; 2) риторические вопросы; 3) сравнения.

1. Контрфактические высказывания, которые репрезентируют **ВМ–**, появились в комментариях в 2022 г. при обсуждении тизера-трейлера к игровому фильму «Русалочка». Поскольку подавляющему большинству зрителей не понравился выбор темнокожей актрисы на главную роль и выразили в сообщениях свое неодобрение, администрация канала YouTube, следуя принципам культуры отмены, удалила негативные отзывы. После этого недовольные зрители разместили множество комментариев, созданных по единой структурно-семантической модели: говорящий восторгается тизером, приписывая персонажам «Русалочки» узнаваемые реплики или действия, типичные для семантических пространств прецедентных текстов англоязычной культуры (например, кинотекстов или мемов). Сами пользователи назвали эту модель «‘I love the part’ comments» (LM).

Речемыслительная деятельность участника интернет-дискуссии при обработке контрфактического высказывания проходит следующие этапы:

- прочтение предшествующих комментариев;
- декодирование эксплицитной информации;
- идентификация цитируемого прецедентного (кино)текста англоязычной культуры;
- декодирование имплицитной информации;
- соотнесение высказывания с **ВМ–**;
- создание нового комментария по заданной модели – приписывание персонажу текста иной узнаваемой цитаты из другого прецедентного текста.

Например:

(1) I love the part where Flounder said “May the force be with you” to Ariel. So powerful (LM) / Мне очень нравится фрагмент, в котором Флаундер говорит Ариэль «Да пребудет с тобой сила». Мощно.

Автор контрфактического комментария приписывает персонажу по имени Флаундер (Камбала) знаменитую фразу из фильма «Звездные войны». Несоответствие цитаты из прецедентного текста фикциональному миру «Русалочки» обуславливает восприятие комментария, в котором эксплицитно выражается положительная оценка ролика, как ложного. Прилагательное *powerful*, узуальное значение которого содержит положительную имплицитную оценку, обретает противоположное по своей оценочной направленности контекстуальное значение и ироничный комментарий становится маркером **ВМ–**.

Аналогичным образом создаются и декодируются многочисленные контрфактические

кие комментарии в обсуждениях иных видеороликов.

(2) I like the part where snow white said “I now have to glue you back together, IN HELL” (SW) / Мне нравится фрагмент, в котором белоснежка говорит «Мне сейчас снова придется вас соединить, КЧЕРТУ»;

(3) Love the part when Gandalf shows up and said: You shall not be white and changes wendy skin color (PP) / Люблю фрагмент, в котором появляется Гендальф и говорит: Ты не должна быть белой и меняет цвет кожи венди.

Использование этой модели построения высказывания, востребованной среди коммуникантов, не согласных с пропагандируемой политикой политкорректности, обеспечивает комментариям эмоциональную окрашенность и экспрессивность. Такое языковое оформление **ВМ**– способствует увеличению количества сторонников этой точки зрения и, следовательно, дальнейшему расширению спектра языковых средств, объективирующих данный ментальный конструкт.

2. Риторические вопросы – это эмоционально окрашенные высказывания, синтаксическая структура которых соответствует вопросительному предложению, а смысловая – повествовательному. Они передают иронию, насмешку и возмущение коммуниканта, придавая комментарию дополнительную выразительность. Приведем примеры, в которых невозможность заявленных событий базируется на известных англоязычному сообществу данных культурной семиосферы, а реализация отрицательного оценочного потенциала высказываний обусловлена экстралингвистическим контекстом. Так, в ситуации пропагандируемой концепции культуры отмены исполнение роли индианки Покахонтас белой актрисой не представляется возможным:

(4) Are you going to use a white actress for Pocahontas for a live action movie? (SW) / Вы собираетесь пригласить белую актрису на роль Покахонтас в игровом фильме?

Авторы ремейков не создают новые истории, а используют культовые образы принцесс, например, Белоснежки, Русалочки, поскольку это обеспечивает успех фильма.

(5) If you wanna give more visibility to different ethnicities, why not creat new stories, new princesses

and characters for us to fall in love with? (SW) / Если вы хотите представить расовое разнообразие, почему бы не придумать новые истории, новых принцесс и персонажей, которых мы все полюбим?

Вопросительная форма высказывания, объективирующего **ВМ**–, стимулирует когнитивную активность читателей комментариев, вовлекает их в интернет-дискуссию в качестве участников и создает у них иллюзию самостоятельного принятия решения об отрицательной оценке **ВМ**.

3. Сравнения являются эффективным средством объективации **ВМ**–; для выражения негативной оценки используются как эксплицитные (6), так и имплицитные (7) узуальные языковые средства:

(6) This almost looks as **bad** as the little mermaid (PP) / Выглядит почти также **плохо**, как и русалочка;

(7) ...This looks like **junk**, and the cast when being interviewed could not possibly be more off-putting, UGH! (SW) / ...похоже на **мусор**, а актеры, у которых брали интервью, просто отвратительны, ФУУ!

Особо следует отметить, что узуальная аксиологическая направленность номинативных единиц может меняться в контексте обсуждения видеоролика.

(8) Looks like jungle book character replacing Peter pan (PP) / Похоже, вместо Питера Пэна снимался герой из книги джунглей.

Комментарий (8) касается внешнего облика смуглого актера в роли Питера Пэна, скорее напоминающего зрителю мальчика-индуса из сказок Киплинга. Такая расстановка акцентов не соответствует данным семиотического пространства культуры, в котором имплицитно заложена национальная принадлежность Питера Пэна. Персонаж Киплинга (*jungle book character*) традиционно оценивается положительно, но в анализируемом предложении происходит контекстуальное приращение смысла, и данная номинативная единица обретает отрицательную оценочную сему ‘неуместность, неправильность’.

Языковая репрезентация **ВМ**+ в специальных оценочных высказываниях менее разнообразна и более «прямолинейна». Обычно автор комментария прибегает к развернутому логическому обоснованию своего мнения.

(9) Ariel being black doesn't change anything about anything Ariel's a mermaid which is a mythical creature with the ability to sing angelic Halle does that very well her voice is exactly like Ariel's from the movie btw this is based of DISNEYS version of the little mermaid not some Viking or whatever story you just made up (LM) / То, что Ариэль чернокожая ничего не меняет, ведь русалочка Ариэль – это мифологическое существо, умеющее петь. Холли поет как ангел, у нее голос точно как у Ариэль в фильме, он основан на ДИСНЕЕВСКОЙ версии русалочки, а не на телесериале Викинг или другой придуманной вами истории.

Говорящий не только имитирует логическое изложение материала, но и, используя отсылки к «энциклопедии реального мира», создает иллюзию объективности, непредвзятости своего мнения и подводит собеседника к выводу о том, что новый вариант кинотекста следует оценить положительно.

Заключение

Онтологически и эпистемологически равноправные ВМ, конструируемые зрителями в процессе обсуждения рекламных роликов ремейков мультфильмов студии У. Диснея («Русалочка», «Питер Пен», «Белоснежка»), аксиологически противопоставлены друг другу. Статус ментального конструкта как **ВМ+** или **ВМ-** определяется высказанной коммуникантами положительной или отрицательной оценкой нового кинотекста. Оценка комментаторов, в свою очередь, зависит от соответствия увиденного на экране пресуппозиции адресата и семиотическому пространству культуры. ВМ интернет-дискуссии объективируются универсальными и специальными оценочными высказываниями, в которых используются эксплицитные и имплицитные языковые средства. Объективация **ВМ+** и **ВМ-** характеризуется квантитативно-структурной асимметрией. Лингвистические средства, отобранные авторами комментариев в ходе интернет-дискуссии для объективации **ВМ-**, значительно более разнообразны, чем средства объективации **ВМ+**.

ПРИМЕЧАНИЕ

¹ Исследование выполнено за счет внутреннего гранта РГПУ им. А.И. Герцена «Разработка

учебно-методического обеспечения англоязычной образовательной программы магистратуры «Теория и практика лингвистических исследований» (проект № 21ВГ).

The study is given the financial support by Herzen Pedagogical University grant “Preparing teaching materials for English language educational programme ‘Theory and Practice of Linguistic Research’” (project No. 21ВГ).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Бабушкин А. П., Стернин И. А., 2018. Когнитивная лингвистика и семасиология. Воронеж : Ритм. 229 с.
- Горшкова Е. И., 2012. Коммуникативные тактики согласия в интернет-коммуникации (на примере блогов) // Вопросы когнитивной лингвистики. № 3 (032). С. 107–112.
- Драгалина-Черная Е. Г., 2011. Дедукция существования. Путешествуя по возможным и невозможным мирам // Возможные миры. Семантика, онтология, метафизика. М. : Канон+ ; Реабилитация. С. 40–66.
- Ильинова Е. Ю., 2008. Вымысел в языковом сознании и тексте. Волгоград : Волгогр. науч. изд-во. 513 с.
- Клейменова В. Ю., 2023. Фикциональный мир как итог и стимул интерпретации результатов когниции // Понять другого: проблемы интерпретации текста в современной науке. СПб. : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. С. 122–145.
- Крипке С., 1986. Загадка контекстов мнения // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 18. С. 194–241.
- Лейбниц Г. В., 1984. Об универсальной науке, или философском исчислении // Сочинения. В 4 т. Т. 3. М. : Мысль. С. 494–500.
- Лейбниц Г. В., 1989. Опыты теодицеи о благодати Божией, свободе человека и начале зла // Сочинения. В 4 т. Т. 4. М. : Мысль. С. 49–554.
- Луговина О. В., 2008. Интернет как новая «устнописьменная» система коммуникации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 11 (71). С. 58–65.
- Марьянчик В. А., 2013. Аксиологичность и оценочность медиа-политического текста. М. : URSS. 266 с.
- Неронова И. В., 2010. Детализация и лакунарность как принципы конструирования художественных миров в творчестве братьев Стругацких 1980-х гг. // Ярославский педагогический вестник. № 4. Т. 1: Гуманитарные науки. С. 281–285.

- Новикова А. В., 2016. Анализ наносмыслов в актуализации художественного мира как разновидности возможных миров // Вестник ПНИПУ. Проблемы языкознания и педагогики. № 3. С. 52–59. DOI: 10.15593/2224-9389/2016.3.5
- Руднев В. П., 2017. Энциклопедический словарь культуры XX века. СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус. 859 с.
- Сергаева Ю. В., 2018. Творчество виртуальной языковой личности как основа антропоцентрической неографии // Язык и текст в антропомерной науке : коллектив. моногр. СПб : Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена. С. 166–187.
- Сидорова И. Г., 2011. Коммуникативно-прагматические характеристики персональных и интерперсональных жанров Интернет-дискурса // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. № 2 (14). С. 154–159.
- Фатиев Н. И., 1997. Философское значение семантики возможных миров : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. СПб. 45 с.
- Хинтикка Я., 1980. Логико-эпистемологические исследования. М. : Прогресс. 447 с.
- Щирова И. А., 2003. Психологический текст: деталь и образ. СПб. : Филол. фак. С.-Петербург. гос. ун-та. 120 с.
- Щирова И. А., 2011. Текстовый мир, фикциональный мир, возможный мир и теория разума: о плодотворности междисциплинарных исследований текста // STUDIA LINGUISTICA XX. Язык в логике времени: наследие, традиции, перспективы. СПб. : Политехника-сервис. С. 203–211.
- Bell A., 2019. Digital Fictionality: Possible Worlds Theory, Ontology, and Hyperlinks // Possible Worlds Theory and Contemporary Narratology / ed. by A. Bell, M.-L. Ryan. Lincoln : University of Nebraska Press. P. 249–271.
- Chrzanowska-Kluczevska E., 2017. Possible Worlds – Text Worlds – Discourse Worlds and the Semiosphere // State University Herald. Humanities Research. Humanitates. Vol. 3, № 3. P. 35–57.
- Crystal D., 2006. Language and the Internet. Cambridge : Cambridge University Press. 304 p.
- Hintikka J., 2019. Perspectives on the Logical Study of Language // Logica Universalis. № 13 (2). P. 151–163.
- Lewis D. K., 1986. On the Plurality of Worlds. Oxford : Blackwell. 276 p.
- Pavkin D., 2020. A Cognitive Linguistic Approach to the Analysis of Fantasy Text Characters // Cognition, Communication, Discourse. № 20. P. 41–61.
- Ronen R., 1994. Possible Worlds in Literary Theory. Cambridge ; N. Y. : Cambridge University Press. 244 p.
- Ryan M.-L., 2019. From Possible Worlds to Storyworlds. On the Worldness of Narrative Representation // Possible Worlds Theory and Contemporary Narratology. Lincoln : University of Nebraska Press, 2019. P. 62–87.
- Ryan M.-L., 2021. Possible Worlds, Artificial Intelligence, and Narrative Theory. Bloomington : Indiana University Press. viii, 291 p.
- Stockwell P., 2016. Cognitive Stylistics // The Routledge Handbook of Language and Creativity. L. : Routledge. P. 240–252. URL: <https://www.liveperson.com/blog/digital-lives-of-millennials-and-gen-z>

ИСТОЧНИКИ

- SW – Disney’s Snow White. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4trPzeqaUOk>
- PP – Peter Pan & Wendy. URL: https://www.youtube.com/watch?v=UkQj_ICAOeQ
- LM – The Little Mermaid. URL: https://www.youtube.com/watch?v=kpGo2_d3oYE

REFERENCES

- Babushkin A.P., Sternin I.A., 2018. *Kognitivnaya lingvistika i semasiologiya* [Cognitive Linguistics and Semasiology]. Voronezh, Ritm Publ. 229 p.
- Gorshkova E.I., 2012. Kommunikativnye taktiki soglasiya v internet-kommunikatsii (na primere blogov) [Communicative Tactics Expressing Agreement in Internet Communication (The Example of Blogs)]. *Voprosy kognitivnoy lingvistiki* [Issues of Cognitive Linguistics], no. 3 (032), pp. 107-112.
- Dragalina-Chernaya E.G., 2011. Deduktsiya sushchestvovaniya. Puteshestvuya po vozmozhnym i nevozmozhnym miram [Deductions of Existence. Travelling in Possible and Impossible Worlds]. *Vozmozhnye miry. Semantika, ontologiya, metafizika* [Possible Worlds. Semasiology, Ontology, Metaphysics]. Moscow, Kanon+ Publ., Reabilitatsiya Publ., pp. 40-66.
- Ilyinova E.Yu., 2008. *Vymysel v yazykovom soznanii i tekste* [Fiction in Linguistic Consciousness and in Text]. Volgograd, Volgogr. nach. izd-vo. 513 p.
- Kleyменова V.Yu., 2023. Fiksionalnyy mir kak itog i stimul interpretatsii rezultatov kognitsii [Fictional World as a Result and Spur of Cognition]. *Ponyat drugogo: problemy interpretatsii teksta v sovremennoy nauke* [To Understand the Other: Problem of Text Interpretation in Modern Science]. Saint Petersburg, Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, pp. 122-145.

- Kripke S., 1986. Zagadka kontekstov mneniya [A Puzzle About Belief]. *Novoe v zarubezhnoy lingvistike* [New in Foreign Linguistics], iss. 18, pp. 194-241.
- Leybnits G.V., 1984. Ob universalnoy nauke, ili filosofskom ischislenii [About Universal Science or Philosophical Estimation]. *Sochineniya. V 4 t. T. 3* [Works. In 4 Vols. Vol. 3]. Moscow, Mysl Publ., pp. 494-500.
- Leybnits G.V., 1989. Opyty teoditsei o blagosti Bozhiey, svobode cheloveka i nachale zla [Experiments in Theodicy About the Goodness of God, Human Freedom, and the Beginning of Evil]. *Sochineniya. V 4 t. T. 4* [Works. In 4 Vols. Vol. 4]. Moscow, Mysl Publ., pp. 49-554.
- Lutovinova O.V., 2008. Internet kak novaya «ustno-pismennaya» sistema kommunikatsii [Internet as a New “Oral-Written” Communication System]. *Izvestiya Rossiyskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena* [Izvestia: Herzen University Journal of Humanities & Sciences], no. 11 (71), pp. 58-65.
- Maryanchik V.A., 2013. *Aksiologichnost i otsenochnost media-politicheskogo teksta* [Axiology and Assessment of Media-Political Text]. Moscow, URSS Publ. 266 p.
- Neronova I.V., 2010. Detalizatsiya i lakunarnost kak printsipy konstruirovaniya khudozhestvennykh mirov v tvorchestve bratyev Strugatskikh 1980-kh gg. [Detail and Lacunarity as Fictional Worlds Construction Principles of the Strugatsky Brothers’ 1980s Works]. *Yaroslavskiy pedagogicheskii vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin], no. 4, vol. 1: Gumanitarnye nauki, pp. 281-285.
- Novikova A.V., 2016. Analiz nanosmyslov v aktualizatsii khudozhestvennogo mira kak raznovidnosti vozmozhnykh mirov [Concerning Nano-Sense in the Actualization of a Narrative World, an Offshoot of Possible Worlds]. *Vestnik PNIPU. Problemy yazykoznaniiya i pedagogiki* [Bulletin of PNRPU. Issues in Linguistics and Pedagogics], no. 3, pp. 52-59. DOI: 10.15593/2224-9389/2016.3.5
- Rudnev V.P., 2017. *Entsiklopedicheskiy slovar kultury XX veka* [Encyclopedic Dictionary of the Culture in the 20th Century]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ. 859 p.
- Sergaeva Yu.V., 2018. Tvorchestvo virtualnoy yazykovoy lichnosti kak osnova antropotsentricheskoy neografii [Creativity of the Virtual Language Personality as the Basis for Anthropocentric Neography]. *Yazyk i tekst v antropomernoy nauke: kollektiv. monogr.* [Language and Text in Anthropocentric Science. Collective Monograph]. Saint Petersburg, Izd-vo RGPU im. A.I. Gertsena, pp. 166-187.
- Sidorova I.G., 2011. Kommunikativno-pragmaticheskie kharakteristiki personalnykh i interpersonalnykh zhanrov internet-diskursa [Pragmatic Communication Characteristics of Personal and Interpersonal Genres in the Internet Discourse]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], no. 2 (14), pp. 154-159.
- Fatiev N.I., 1997. *Filosofskoe znachenie semantiki vozmozhnykh mirov: avtoref. dis. ... d-ra. filos. nauk* [Philosophical Knowledge in the Semantics of Possible Worlds. Dr. philos. sci. abs. diss.]. Saint Petersburg. 45 p.
- Khintikka Ya., 1980. *Logiko-epistemologicheskie issledovaniya* [Research on Logics and Epistemology]. Moscow, Progress Publ. 447 p.
- Shchirova I.A., 2003. *Psikhologicheskii tekst: detal i obraz* [Psychological Text: Detail and Image]. Saint Petersburg, Filol. fak. S.-Peterb. gos. un-ta. 120 p.
- Shchirova I.A., 2011. Tekstovyy mir, fiktsionalnyy mir, vozmozhnyy mir i teoriya razuma: o plodotvornosti mezhdistsiplinarnykh issledovaniy teksta [Text World, Fictional World, Possible World and the Theory of Mind: On Productivity of Interdisciplinary Text Study]. *STUDIA LINGUISTICA XX. Yazyk v logike vremeni: nasledie, traditsii, perspektivy* [Language in the Time Flow: Heritage, Traditions, Perspectives]. Saint Petersburg, Politekhniko-servis Publ., pp. 203-211.
- Bell A., 2019. Digital Fictionality: Possible Worlds Theory, Ontology, and Hyperlinks. Bell A., Ryan M.-L., eds. *Possible Worlds Theory and Contemporary Narratology*. Lincoln, University of Nebraska Press, pp. 249-271.
- Chrzanowska-Kluczevska E., 2017. Possible Worlds – Text Worlds – Discourse Worlds and the Semiosphere. *State University Herald. Humanities Research. Humanitates*, vol. 3, no. 3, pp. 35-57.
- Crystal D., 2006. *Language and the Internet*. Cambridge, Cambridge University Press. 304 p.
- Hintikka J., 2019. Perspectives on the Logical Study of Language. *Logica Universalis*, no. 13 (2), pp. 151-163.
- Lewis D.K., 1986. *On the Plurality of Worlds*. Oxford, Blackwell. 276 p.
- Pavkin D., 2020. A Cognitive Linguistic Approach to the Analysis of Fantasy Text Characters. *Cognition, Communication, Discourse*, no. 20, pp. 41-61.
- Ronen R., 1994. *Possible Worlds in Literary Theory*. Cambridge, New York, Cambridge University Press. 244 p.

Ryan M.-L., 2019. From Possible Worlds to Storyworlds. On the Worldness of Narrative Representation. *Possible Worlds Theory and Contemporary Narratology*. Lincoln, University of Nebraska Press, pp. 62-87.

Ryan M.-L., 2021. *Possible Worlds, Artificial Intelligence, and Narrative Theory*. Bloomington, Indiana University Press. viii, 291 p.

Stockwell P., 2016. Cognitive Stylistics. *The Routledge Handbook of Language and Creativity*. London, Routledge, pp. 240-252. URL: <https://>

www.liveperson.com/blog/digital-lives-of-millennials-and-gen-z/

SOURCES

Disney's Snow White. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=4trPzeqaUOk>

Peter Pan & Wendy. URL: https://www.youtube.com/watch?v=UkQj_ICAOeQ

The Little Mermaid. URL: https://www.youtube.com/watch?v=kpGo2_d3oYE

Information About the Authors

Victoria Yu. Kleimenova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of English Philology, Herzen State Pedagogical University of Russia, reki Moiki Emb., 48, 191186 Saint Petersburg, Russia, victoria.kleimenova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7529-9957>

Irina A. Schirova, Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of English Philology, Herzen State Pedagogical University of Russia, reki Moiki Emb., 48, 191186 Saint Petersburg, Russia, schirova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3378-8677>

Yulia V. Sergaeva, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Head of the Department of English Philology, Herzen State Pedagogical University of Russia, reki Moiki Emb., 48, 191186 Saint Petersburg, Russia, ysergaeva@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2868-5190>

Информация об авторах

Виктория Юрьевна Клейменова, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. реки Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия, victoria.kleimenova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7529-9957>

Ирина Александровна Щирова, доктор филологических наук, профессор кафедры английской филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. реки Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия, schirova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3378-8677>

Юлия Владимировна Сергаева, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, наб. реки Мойки, 48, 191186 г. Санкт-Петербург, Россия, ysergaeva@herzen.spb.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2868-5190>

www.volsu.ru

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.12>

UDC 81'253
LBC 81.18

Submitted: 31.05.2023
Accepted: 30.01.2024

SIMULTANEOUS INTERPRETER PROFESSIONAL COMPETENCE IN A COGNITIVE AND DISCURSIVE PARADIGM

Marina Ye. Korovkina

MGIMO University, Moscow, Russia

Abstract. The paper presents a simultaneous interpreter professional competence that consists of three components – communicative, extralinguistic and procedural or specialized (sub)competences. It is focused on the third component, which includes the abilities of inferencing, probabilistic forecasting and compression, specifically required for simultaneous interpreting (SI). Inferencing is a two-staged process of retrieving assumptions with regards to composing invariant senses, which means deriving inferences of the message in the source language (SL) and generating implicatures in the target language (TL). Probabilistic forecasting is based on the analysis of the invariant sense prompts in the SL message and boils down to anticipating invariant sense evolution in the context. It is closely related to compression – an ability to eliminate the redundant information and to condense the retrieved invariant sense in the SI for linguistic and extralinguistic reasons, such as interlanguage asymmetries between the source and target languages and an acute shortage of time because of the speaker's speed. Moreover, compression is one of the key discursive strategies used by the simultaneous interpreter in speech production. These information processing abilities stand for the SI inherent cognitive features or mechanisms and cognitive-and-discursive strategies employed by the simultaneous interpreter in order to meet the pragmatic needs of a SI communicative situation. Descriptive, comparative, model simulation, introspection and observation methods were used for the research task realization. The outcomes of the study show that the above mentioned three cognitive mechanisms, discursive strategies and abilities closely interact in the SI; it is manifested through inferences and implicatures generated on the basis of presuppositions. Relying on his/her professional competence and employing discursive strategies of inferencing, probabilistic forecasting and compression, the simultaneous interpreter chooses the adequate language means to render invariant sense in its transition from the source to target languages. The choice is facilitated by presuppositional knowledge rooted in the worldview of the source and target languages, constituting the simultaneous interpreter's language and conceptual thesauri. Another important factor assisting SI cognitive processes and the choice of discursive strategies is the analysis of text functions that makes it possible to elicit presuppositions helpful for inferencing and probabilistic forecasting.

Key words: simultaneous interpreting, competence, inferencing, probabilistic forecasting, compression, inference, implicature, presupposition.

Citation. Korovkina M. Ye. Simultaneous Interpreter Professional Competence in a Cognitive and Discursive Paradigm. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 2, pp. 158-171. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.12>

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ СИНХРОННОГО ПЕРЕВОДЧИКА В КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНОЙ ПАРАДИГМЕ

Марина Евгеньевна Коровкина

Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России,
г. Москва, Россия

Аннотация. В статье приводятся результаты моделирования профессиональной компетенции переводчика-синхрониста, состоящей из трех компонентов – коммуникативной, экстралингвистической и специальной (под)компетенций. Основное внимание уделено третьему компоненту, объединяющему специальные умения и навыки, необходимые для осуществления синхронного перевода: инферирование, вероятностное прогнозирование и компрессию. Инферирование представляет собой двухэтапный процесс извлечения и порождения смысловых выводов в отношении инварианта смысла: извлечение инференций переводчиком в процессе понимания смысла сообщения на исходном языке и порождение импликатур при формулировании данного смысла на языке перевода. Вероятностное прогнозирование основывается на анализе смысловых опор сообщения на исходном языке и проявляется в предугадывании развития инварианта смысла в контексте. Компрессия представляет собой ключевую дискурсивную стратегию, заключающуюся в элиминировании избыточной информации. В своей речемыслительной деятельности переводчик прибегает к компрессии по лингвистическим и экстралингвистическим причинам: в силу межъязыковой асимметрии между исходным языком и языком перевода, а также острого дефицита времени в связи с большой скоростью речи оратора. Данные умения, относящиеся к сфере переработки информации, отражают когнитивную природу синхронного перевода, или его когнитивные механизмы, и позволяют реализовать соответствующие им когнитивно-дискурсивные стратегии, которые использует переводчик согласно прагматике коммуникативной ситуации синхронного перевода. Результаты исследования показали, что в процессе синхронного перевода реализация когнитивных механизмов инферирования, вероятностного прогнозирования и компрессии, связанных с ними умений переводчика и когнитивно-дискурсивных стратегий проявляется в порождении смысловых выводов (инференций и импликатур) на основе пресуппозиционного знания. Синхронный переводчик, обладая необходимым уровнем профессиональной компетенции и основываясь на вышеназванных дискурсивных стратегиях, производит отбор языковых средств в процессе передачи инварианта смысла из исходного языка в язык перевода. Данному выбору способствуют знания пресуппозиций, укорененные в языковых картинах мира исходного языка и языка перевода и служащие основой языкового и концептуального тезаурусов переводчика. Установлено, что важным фактором, облегчающим когнитивные процессы переработки информации в синхронном переводе, выступает анализ функций текста, помогающий выделить необходимые для инферирования и вероятностного прогнозирования пресуппозиции.

Ключевые слова: синхронный перевод, компетенция, инферирование, вероятностное прогнозирование, компрессия, инференция, импликатура, пресуппозиция.

Цитирование. Коровкина М. Е. Профессиональная компетенция синхронного переводчика в когнитивно-дискурсивной парадигме // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 158–171. – (На англ. яз.). – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.12>

Introduction

Simultaneous interpreting (hereinafter – SI) is an area of great interest for researchers, as it offers significant psychological and cognitive challenges. The greatest challenge is the speed of information processing, which is imposed by external factors (speaker's speed and information linearity) while an interpreter is simultaneously involved in two speech activities. Attempts to understand better the SI cognitive specifics have

been extensively made since the first high-profile use of SI at the Nuremberg process. Below follows an overview of the research studies on the subject.

Interpreting as a discursive activity can be described both as process and its outcomes and results. The analysis of SI as a process includes all stages of information processing and sense interpretation – understanding, sense analysis in the source language (hereinafter – SL) and search for linguo-specific means in the target language

(hereinafter – TL) to convey the invariant sense of the SL message/text. The interpreter's solutions are the outcomes of the interpretation process and the interpreter's choices.

SI was studied initially in the frame of linguistics, psycholinguistics, and psychology; at present, its academic description has widened to cognitive linguistics and neurosciences. Moser-Mercer singles out the two most important SI research paradigms: natural sciences and liberal arts [Moser-Mercer, 1994]. The first paradigm focuses on the research of brain functions and cognitive mechanisms of information processing [Gerver, 1975; Massaro, 1975; Moser, 1978; Lambert, 1988; Shlesinger, 2000]. The liberal arts paradigm views interpreting as a process and text analysis given to its discursive (pragmatic and cognitive) features. It is represented mostly by the Paris school [Seleskovitch, 1998; Lederer, 1981; Déjean Le Féal, 1991]. Researchers of the German school of thought do SI research in the frame of the communicative-and-cognitive paradigm [Pöhhacher, 1995; Kalina, 1992]. Representatives of these two paradigms have made an important contribution to SI research, and many of their 20th-century insights are still valid today.

One of the first universal models of translation as a process was designed by the Soviet psycholinguist Zimnaya who singled out three stages in the translation/interpreting process: 1) comprehension of the text in the source language; 2) switching over to the target language; 3) production of the text in the target language [Zimnaya, 1978, pp. 43-45].

As is often the case in research, other researchers worked along the same lines. For example, Shiriyayev described the SI model as a three-stage process consisting of nearly the same phases, with slightly different terminology: 1) comprehension of the text in the source language; 2) search for translation decisions; 3) production of a text in the target language [Shiriyayev, 1979, p. 101]. Chernov developed a probability prediction model, which he presented in his 1987 book [Chernov, 1987]. Looking at SI as a sense-oriented communicative activity severely constrained by external factors [Chernov, 1992], he focuses on the transfer of the message from the source into target language via probability prediction and inferencing based on implicatures

derived from presuppositions or preexisting (background) knowledge. Another important factor that makes probability forecasting and inferencing possible is information redundancy. A simultaneous interpreter is supposed to reconsider information density and the sentence functional perspective (theme and rheme in the terminology accepted in the Russian communicative paradigm), resorting to compression in rendering thematic or other textually redundant information.

One of the best-known SI models in European countries is the interpretative model designed by Seleskovitch and Lederer mentioned above, which is also known as *théorie du sens* (sense theory). The model represents interpreting as a three-phase process: 1) auditory perception in the source language; 2) retention of the mental representation of the message; 3) production of a new utterance in the target language [Seleskovitch, 1998, p. 8]. Describing this process, Lederer refers to other terms that are extensively used with regards to SI: 1) comprehension of the message in the source language; 2) sense deverbalisation and mental representation of sense units; 3) sense reverbalsation in the target language [Lederer, 2003, pp. 12, 18, 35-36]. Some researchers single out only two phases of the translation/interpreting process. For example, Lagarde and Gile outline its two phases: 1) comprehension of the text in the source language; 2) its reformulation in the target language [Lagarde, Gile, 2011]. These two phases are presented in Gile's sequential model of translation: the meaning hypothesis based on comprehension passes the plausibility test and moves on to the second stage: reformulation [Gile, 2009, pp. 101-110]. Nevertheless, while describing the interpreter's mental resources needed for SI, Gile looks at it through the lenses of psycholinguistics and cognition, singling out three or even four steps. Offering four process steps as its constituency, he called this representation *the efforts model*: (1) a listening and analysis component, (2) a speech production component, and (3) a short-term memory component, which interact through (4) a coordination effort [Gile, 2009, pp. 157-190]. These steps make it possible for the interpreter to produce a text in the target language adequate to the text in the source language.

The two currently best-known SI models in Russia are the models by Chernov, and by

Seleskovich and Lederer described above. Chernov believed that his model of probabilistic forecasting [Chernov, 2004, p. XXV] was the bridge that connects the two above-mentioned paradigms of interpreting process studies singled out by Moser. Anyway, there is no impenetrable wall between them, as those who analyse brain functions needed for SI are also interested in applied research and the study of information processing via SI cognitive mechanisms and discursive strategies, and vice versa. Currently the interdisciplinary approach is gaining momentum and it makes it possible to explore both the outcomes and the process of SI per se.

Another important issue that needs to be covered is an overview of research studies that describe approaches to translation/interpreting and, specifically, to SI competence. In this regard, it seems pertinent to highlight the landmark research studies in this area (though Zabotkina et al. have already conducted a detailed survey done in a linguodidactic paradigm [Zabotkina, Korovkina, Sudakova, 2019]). The term *communicative competence* was introduced into linguistics, psycholinguistics and translation studies by Zimnaya [1978]. Later Komissarov [1997] and Latyshev [2001] attempted to build a generalised competence-based translation model, using their own terms and notions, which only later were made compatible with the mainstream process. Noteworthy among leading European researchers are Nord [2005], whose functional perspective is crucial for interpreting, as well as Kiraly [2013], or Göpferich [2009].

Other researchers, including Setton and Gile, were specifically interested in the professional competences of simultaneous interpreters. Setton devised an all-round interpreting expertise model as the integration of four competencies – language, knowledge, skills, and professionalism, which included both declarative and procedural knowledge [Setton, Dawrant, 2016, p. 42]. The procedural component of knowledge highlighted by Setton has always attracted the attention of researchers interested in better understanding of interpreter's mental processes manifest in his/her speech activities aimed at solving pragmatic tasks and bringing about the required interpreting outcomes (see Gile's gravitational model fine-tuned to the SI mode [Gile, 2009, p. 234], or Ricardi's views on SI in terms of

procedural competence [Ricardi, 2005]). Studies of the interaction between declarative and procedural knowledge have always been a hallmark of the Soviet methodology and research, and now it is an area of interest of cognitive sciences.

The overview presented above proves the interest towards the SI cognitive processes, which may be explained by the desire to better understand them in order to adjust the cognitive and discursive strategies used by simultaneous interpreter to the pragmatic goals of a SI communicative situation. In this regard, the goal of the paper is to show the communicative and discursive specifics in realizing the SI cognitive strategies of inferencing and probabilistic forecasting and the communicative strategy of compression in the communicative practice of a simultaneous interpreter. The objectives of the paper are to:

- present a competence-based SI model devised in the course of SI practice, training and research;

- make an analysis of the key SI cognitive mechanisms or features and discursive strategies such as inferencing, probabilistic forecasting and compression, as well as of their interaction with the simultaneous interpreter's competences and abilities, and to show that these abilities are a mirror reflection of SI cognitive features and discursive strategies;

- highlight the dependence of inferencing, probabilistic forecasting and compression on the knowledge of presuppositions which makes it possible to realize the above-mentioned cognitive strategies in SI production.

The hypothesis of the research study boils down to the following assumption: the simultaneous interpreter competence model presented in the article shows that a professional level of interpreting requires a closely-knit interaction of the three blocks of competences that will be described below in the relevant subsections. The third procedural competence, though broader in its structure, comprises the abilities of inferencing, probabilistic forecasting and compression. They are activated in the interpreter's discursive practice in a SI communicative situation with the help of the knowledge of linguistic and extralinguistic information, related to the language and conceptual worldviews of the source and target languages, which in its essence can be reduced to

the knowledge of presuppositions. Presuppositional knowledge is an enabling factor for the first two competences as well. Presuppositions are manifested in the text through the text language structures (including word combinability), its cohesion and coherence, as well as through extralinguistic information, and their acquisition is facilitated to a greater extent by the study of the functional parameters of LSP texts (LSP standing for language for special purposes) that belong to the specific domains of knowledge.

Material and methods

The study is based on the descriptive method that presents the focal points of applied research with regards to the SI cognitive mechanisms and interpreter's discursive strategies, as well as their interaction in the SI process; a method of comparative analysis actively used in this paper, as the comparison is made between the interlingual asymmetries of the source and target languages and between the SI input and output. Other important methods used are SI simulation, observation and introspection, as a SI trainer and interpreter doing research is observing her students and herself in the SI process.

The material subject to the theoretic analysis in the paper is the SI process in training and in real SI communicative situations, as well as the SI outcomes, which stands for the comparison of the LSP texts in the source and target languages. Text in simultaneous interpreting are understood as both the process of interpreter's discursive activity (speech) and its outcomes. LSP texts taken for the analysis in the paper mainly belong to political, economic and legal discourse, and they are analyzed in the paper as SI outcomes. The key function of LSP-texts is denotational (referential) with a certain influence of an expressive one. Interpreting practice shows that the text function affecting the text discursive features has a great influence on the translation method and facilitates inferencing, probabilistic forecasting and compression. LSP texts are usually full of technical terms belonging to specific domains of knowledge and have a high level of cohesion and coherence expressed by linguo-specific language means. Moreover, the discursive text analysis for interpreting encompasses both linguistic factors (the linguistic means of cohesion, its genre and

leading function mentioned above) and extralinguistic factors such as the text's recipients, cultural context, deixis of the SI communicative situation.

The examples presented in the paper mainly show interpreting from a foreign language (English, Spanish, French) into a mother tongue (Russian), as is accepted in international organizations, though retour interpreting (from Russian into English) is also subject to analysis. Though discursive strategies expostulated below may be regarded as universal tools and can be applied to any language, there are some differences in their communicative realization because of linguistic and pragmatic factors such as intercultural and interlanguage asymmetries between SL and TL, which may refer both to different languages and the direction of interpreting – from a foreign language into a mother tongue and vice versa (retour).

Results and discussion

Cognitive and communicative perspective in the choice of SI discursive strategies

The SI objectives, that is, making a success of an act of intercultural communication through mediation, can be attained only if the simultaneous interpreter has the required skills and abilities. These abilities help to resort to discursive strategies enabling him/her to convey the message from the source into the target language. The types of the discursive strategies and their language realization depend on the pragmatic features of the SI communicative situation and the cognitive nature of simultaneous interpreting per se.

The discursive text analysis for the SI purposes means that a simultaneous interpreter has to know the deixis of the SI communicative situation – its time, place, speakers and SI recipients, as well as the topic of the discussion. He/she has also to be well-versed in the specific domain of knowledge to be discussed during a SI event and the linguistic means and discursive features of LSP text, as well as to be capable of using general (encyclopaedic) knowledge about the world and cultures. All this knowledge, both linguistic and extralinguistic, is activated through the procedural skills of information processing – inferencing, probabilistic forecasting and

compression that enable the interpreter to interpret and render the invariant sense, switching over from the source into target languages.

Below, in Figure 1, follows a graphic representation of a competence-based model of simultaneous interpreting that demonstrates the SI feasibility. The SI professional competence model is based on the translation competence model first presented in [Korovkina, 2017].

The competences are incorporated into the interpreter’s ‘language personality’, which has several ideational layers. The term *language personality (homo loquens)* was introduced into the Russian linguistics by Karaulov [2004]. He singled out three levels of *language personality* related to language and cognition: verbal or semantic (lexicon, grammar and connectors), conceptual (ideas and notions), and pragmatic or motivations (mindset, behavioral dynamics). The first two levels are called by Karaulov language and conceptual

thesauri. The first relates to the specifics of the worldview expressed in the language structures, and the second to the differences in the worldview’s conceptualization and categorization reflected in scripts, frames, etc. These two levels of the *language personality* are closely tied to the SI competence components.

The first competence component of the model is *the communicative competence*, which includes language/linguistic and pragmatic constituents. The pragmatic constituent comprises the following subcompetences: *deictic* defined by the parameters of the communicative situation; *discursive* related to the text features and functions; and *sociocultural*, which amounts to realizing cross-cultural competence in speech. The pragmatic constituent is closely related to the linguistic one, as it is manifested in text through language structures (that is why it is included in the communicative competence), as well as to

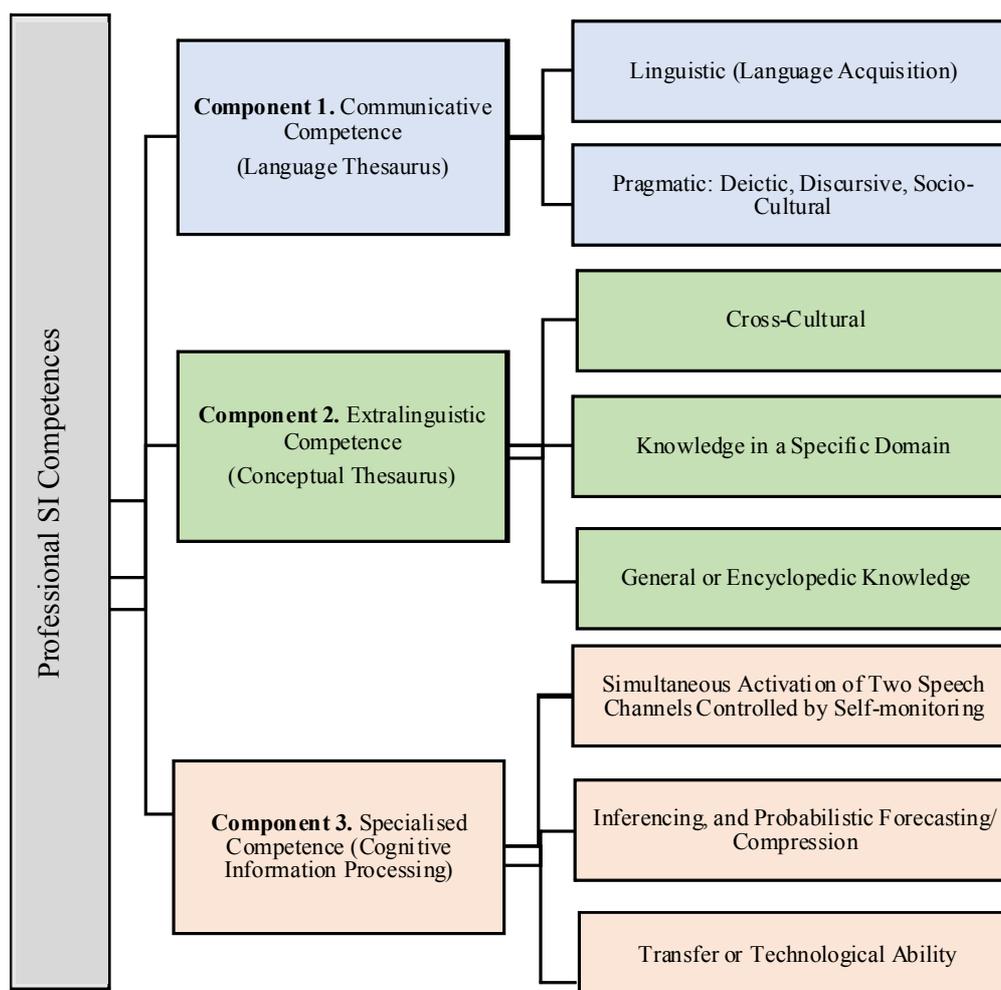

Fig. 1. SI professional competence model

extralinguistic information that determines the simultaneous interpreter's choice of discursive strategy. The communicative competence reflects the level of the development of the interpreter's language world views or thesauri (of source and target languages).

The second component represents *the extralinguistic competence*, which includes knowledge of the world in general (or encyclopedic knowledge), of the cultures of source and target languages, and of specific domains or subject areas referred to in SI. It also represents the interpreter's knowledge of the conceptual worldview and of terms and notions.

The third component relates to a *specialized or procedural competence*, which comprises the following three procedural abilities and skills:

1) *simultaneous activation of two speech channels* controlled by self-monitoring, which means listening and speaking at the same time;

2) *information processing abilities – inferencing, probabilistic forecasting and compression* – SI inherent cognitive features or mechanisms introduced above; they stand for interpreter's specific procedural information processing cognitive abilities, as well as for his/her discursive strategies chosen for a specific act of communication interpreted simultaneously. The SI discursive strategies result in the SI outcomes that present invariant sense interpretation often done with the help of specific translation shifts or transformations in case of language asymmetries or through a stereotypic speech patterns;

3) *transfer or technological subcompetence*, the ability to switch over from the source to target language resorting to the above-mentioned information processing abilities and discursive strategies.

The first two components represent the declarative knowledge, while the third one includes the procedural knowledge or abilities, activating the first two competences in the process of interpreting in their reception and production phase. In the phase of reception the simultaneous interpreter listens to SL message and grasps its invariant sense, in the production phase he/she reformulates or reverbalsizes it. The translation decision may take just a fraction of a second, nevertheless it is singled out as a stage in the SI process and it connects the reception and production phases.

Though all the competences described in the model are manifested in SI in a very specific way, the success in SI to a greater extent depends on the procedural and analytic abilities of information processing through inferencing, probabilistic forecasting/anticipation and compression, which also represent the SI key cognitive mechanisms and interpreter's discursive strategies. There are two types of discursive strategies – cognitive and communicative ones – the simultaneous interpreter resorts to. The first type stands for those preconditioned by the cognitive nature of interpreting, or speech reception and production activity that involves shifts between the source and target languages. They include inferencing and probabilistic forecasting, and, as has already been mentioned, they are inherent cognitive features of simultaneous interpreting. The SI discursive strategies of the second type can be called communicative, as they are to a greater extent manifested in the language expression and depend on the linguistic and pragmatic features of the SI communicative situation. Only the key communicative strategy, which is sense compression, is explored in the paper. Both the cognitive and communicative strategies are used by the simultaneous interpreter in order to process information related to the invariant sense contained in the source language text and to convey it in the target language.

As Chernov was making his breakthrough realization, he began to see inferencing as a key component of his model, though he did not use the term, calling this process 'deriving implicatures'. The term 'inference/inferencing' with regards to SI is extensively used by Setton. He means by inferencing "pragmatic processing" of information in the course of simultaneous interpreting and gives the following definition of an inference: it is "an act of forming an assumption by processing one or more other assumptions (derived from whatever source)" [Setton, 1999, pp. 179, 364]. It is based on the knowledge of extralinguistic information and the analytic ability to make inferences and derive implicatures from presuppositions regarded as knowledge shared by communicants. In English the act of forming an assumption while grasping the message is called inference, while the process of doing it – inferencing. In Russian there is no such distinction in linguistic terms, that is why we propose to use

the term ‘*inferirovaniye*’ (inferencing) in line with the rules in the Russian language of creating process-denoting nouns [Korovkina, Semenov, 2022, p. 344].

In order to be able to interpret the invariant sense the simultaneous interpreter has to grasp the sense of the message in the source language through inferences – assumptions made in the course of understanding the speaker. As stated above, the second stage of the interpreting process is making a translation decision, which takes a fraction of a second in SI, while in translation it may take quite an extended period of time. The third stage of the interpreting process stands for reformulation or reverbalization of the SL message in TL. While reformulating the message in the target language the interpreter generates implicatures trying to realign the presuppositional knowledge of the communicants. Through interactive realignment (the term introduced in translation studies by Zabotkina [2020, pp. 77-78]) an interpreter has to take into account the gaps in linguistic and extralinguistic knowledge or intercultural and interlanguage asymmetries between source and target languages and make respective adjustments, which may also be regarded as the realignment of the mental space or language world views of intercultural communicants. In our view, the simultaneous interpreter makes mental realignment through the choice of discursive strategies based on the adjustments in prepositional knowledge of the communicants representing different linguistic communities.

The cognitive nature of presuppositions is similar to that of inferences/implicatures, which has made it possible to break up both presuppositions and inferences/implicatures into two groups: language-based/linguistic and cognitive/extralinguistic.

Language-based presuppositions relate, on the one hand, to the linguistic structures of the text in the source and target languages that reflect language asymmetries caused by the discrepancies in the worldviews between both languages, including word combinability and the discursive specifics of the text in the source and target languages. This stands for the text cohesion and coherence, which is expressed in the way the information is presented: theme and rheme (sentence functional perspective), repetitions at

both the lexical and the semantic levels (which can create an adequate level of information redundancy in the text), use of logical connectors and other means of text coherence. Language-based presuppositions also refer to denotates or referents described in the text, which makes them correlate with the extralinguistic reality and extralinguistic presuppositions. Below follow the examples of language-based presuppositions related to the key language asymmetries: grammar metaphor or animalism of the European languages: *the month has seen a bankruptcy – в этом месяце произошло банкротство...*, *la economia real no despega – в реальной экономике продолжается кризис*, *la crise financière lui a fait perdre ses illusions – после финансового кризиса он расстался со всеми своими иллюзиями*; metaphors referring to specific denotates in different languages – the imagery of the language: *to go down the drain, foul play, les entraves, le miroir aux alouettes, redil atlántico, bacanazo* – the translation of these expressions in SI (as well as in other translation modes) depends on the context. There are many examples of other types of language asymmetries, for example, language-specific word collocations – *strong man, deep love, heavy rain*, in Russian the invariant sense is covered by one word: *сильный человек, сильная любовь, сильный дождь*; implicit language models, when the situation is described with one word or with lesser number of worlds in one language compared to the other, for example, the English word *compliance* needs explicitation in the translation into Russian.

Extralinguistic presuppositions arise from extralinguistic information, narrow text and broad pragmatic contexts that include both general encyclopedic knowledge, knowledge of culture of both languages and knowledge in a specific domain that would be covered by an SI event (there may be several related subject areas) and its specific communicative situation (topic, speakers, listeners, deixis). An example below deals with fishing, and its understanding and interpreting is possible only on the basis of extralinguistic knowledge. If an interpreter does not immediately remember the exact translation of all the words relating to fishing, he/she will be able to render an invariant sense of this sentence making inferences and generating implicatures

on the basis of the presuppositional knowledge about fishing – lake – trout (fish) – chum:

(1) Adam Jonas, head of global auto research at Morgan Stanley, a bank, explains it with a **fishing analogy**: “The IRA (Inflation Reduction Act) stocks **the lake full of trout**. And now the states are there trying to attract **the trout** with **chum**.” – Адам Джонас, глава отдела исследований глобального автомобильного рынка банка «Морган Стэнли», объясняет ситуацию, прибегая к аналогии **с рыбной ловлей**: «Данный закон (Акт о сокращении инфляции) привлекает в озеро много **форели**. А теперь штаты пытаются **ловить форель на наживку**».

The cognitive strategy of inferencing is closely related in SI to probabilistic forecasting that stands for the identification of the key invariant sense prompts that make it possible to predict how the sense will unfold in the text. Sometimes these two strategies may overlap, if the invariant sense is anticipated at the level of a small translation unit, such as a word or an utterance. If it is anticipated at the level of several utterances or even the whole text, which happens only in SI, it is probabilistic forecasting per se. The realization of this cognitive strategy in SI is facilitated by an analysis of textual density of information and its redundancy. If redundancy is detected, the interpreter resorts to compression described below, leaving out textually redundant information. The activation of these strategies – both cognitive and communicative – is assisted by the knowledge of presuppositions of both types. The language-based presuppositions help to identify key language means used to convey invariant sense, while the extralinguistic ones serve as the basis for the general understanding of the text logic and sense unfolding. If the prediction or sense anticipation is not confirmed while interpreting, an interpreter makes relevant adjustments, as in the example following below:

(2) La ley 7 de 2013 **para la esterilización femenina gratuita** requiera a las mujeres tener mínimo 23 años, dos hijos y una recomendación médica, mientras que sólo **exige a los hombres** tener 18 años.

Wrong: В соответствии с **законом о бесплатной женской стерилизации**, женщине должно быть не менее 23 лет.

Correct: В соответствии с **Законом № 7 от 2013 года**, для осуществления бесплатной стерилизации женщине должно быть не менее 23 лет, она

должна иметь двух детей и получить медицинскую рекомендацию, в то время как для мужчин требуется лишь достижение 18-летнего возраста.

The interpreter has decided that the law refers only to women, which shows that she lacked the required prepositional knowledge about the law content and made wrong inferences (or mistakes in inferencing). In the course of text involvement, when men were mentioned, she realized her mistake and corrected it.

The interpreting practice shows that the third SI cognitive feature and discursive strategy used by the simultaneous interpreter is compression. It can be regarded as a communicative strategy, as to a great extent it depends on the communicative situation and its pragmatic features. The interpreter has to resort to it both due to extralinguistic reasons – the speaker’s speed, and the linguistic ones – language asymmetries in implicit information, quite often accompanied by various types of transformational shifts (explicitation or implication, generalization, specification, metonymy). In all translation modes the translator/interpreter deverbalizes and reverbalses the invariant sense choosing between the clichés and stereotypes and sense interpretation (see Gile’s gravitational model and the need for a high language availability in SI) [Gile, 2009, p. 234]. Often different features of the denotational situation in the source language become explicit or implicit in the target language. But in SI the interpreter must make a decision on specific language means without any delays because of the speaker’s speed. If it is above 100–120 words per minute, the interpreter has to catch up with the speaker, so he or she has to eliminate redundant information based on inferencing and probabilistic forecasting, irrespective of the direction of interpreting. Moreover, the need to resort to compression becomes even more acute in case of the return interpreting in the language pairs of English and Russian because of the structural and semantic interlanguage asymmetries, as English is more implicit compared to Russian. If interpreting is direct, for example, from English into Russian, even if the speed is under 100–120 words per minute, the interpreter must resort to sense compression, leaving out redundant bits, for the same reason of greater implicitness of the source language. Moreover, in both directions of interpreting the interpreter may also have to make

some explicitation of the key information explaining some points in order to make realignment between the worldviews of the sender of the message in the source language and its recipient in the target language. Below follows an example of compression used in SI retour from Russian into English:

(3) **Пандемия коронавируса** стала дополнительным фактором фрагментации и тревожности в международных отношениях. Вместе с тем глобальный кризис **вновь со всей очевидностью показал** необходимость сообща выработать **системные** ответы на общие вызовы, **противодействовать реальным, а не надуманным угрозам.** – **The pandemic** has become an additional factor of anxiety in international relations. The global crisis has **again shown** the need to jointly work out (**omission**) responses **to common real challenges.**

The analysis of the example shows that an interpreter resorted to structural-semantic compression, as is often the case in retour interpreting from Russian into English.

The simultaneous interpreter is capable of resorting to all the described discursive strategies and produce SI outcomes adequate to the communicative situation, with the focus on the invariant sense and text’s cohesion, only if he/she has acquired a set of professional competences described above.

The Figure 2 below shows the interaction between the SI cognitive features, the simultaneous interpreter’s discursive strategies and his/her professional competences.

As it has been stated above, the use of discursive strategies depends on the mastery of the competences, which in its turn is facilitated by the step-by-step acquisition of presuppositional knowledge on the basis of LSP texts belonging to the specific domains, which is a never-ending process for the simultaneous interpreter. The specific features of LSP texts described above require a high degree of equivalence and adequacy in interpreting: fidelity for the source texts, coherence for the target texts [Schaeffner, 2000] and loyalty for both. Loyalty in interpreting

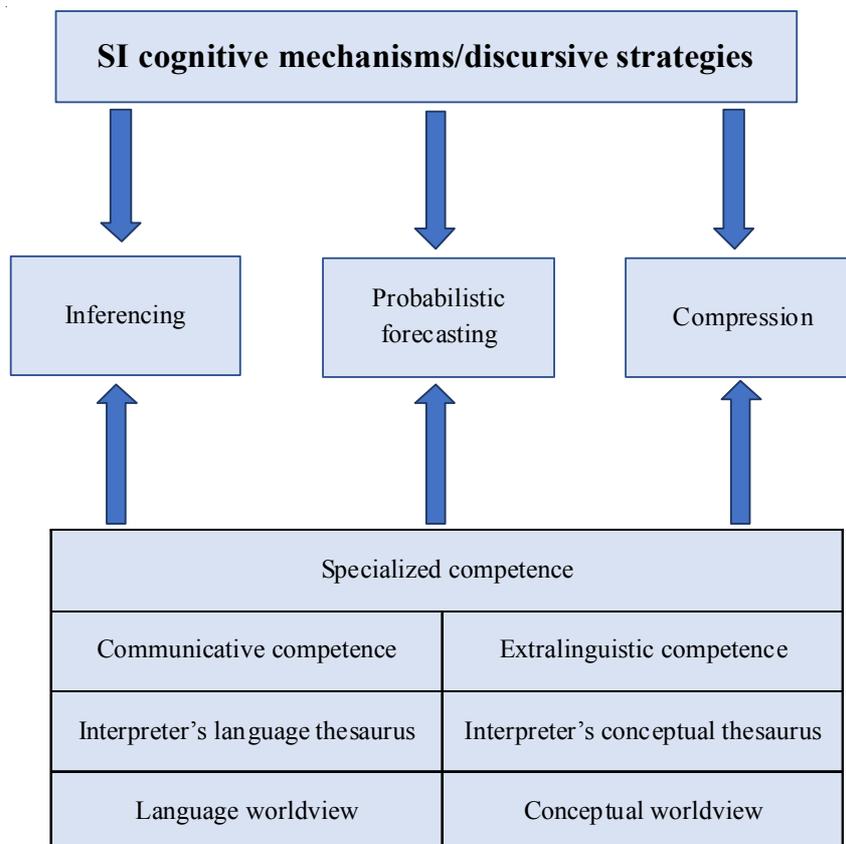

Fig. 2. The interaction between the SI cognitive mechanisms and discursive strategies, SI professional competences and the language worldview

is understood as rendering communicative intentions of the sender of SL text and living up to the expectations of the TL text recipients [Nord, 2005]. In SI there is a certain degree of freedom attributable to the need of resorting to probabilistic forecasting and compression due to extralinguistic factors. The focus in SI is on the invariant sense and text's cohesion, which has to be reproduced in SI by linguospecific means of the target language. Figure 3 below shows the interaction between the discursive strategies chosen by the simultaneous interpreter and the text function in rendering the invariant sense of the SL message in the target language.

The example below illustrates how the interaction of linguistic and extralinguistic prepositional knowledge (shown in bold type) confined to the texts of international and economic political discourse, which have specific text functions mentioned above, enables an interpreter to grasp the invariant sense in the source language and to render it in the target one:

(4) We would not have **the UN Law of the Sea or the UN Framework Convention on Climate Change** and **a great many other outcomes** – but for the political will of **SIDS**. We are a quarter of **this body's membership**. – Мы бы не смогли принять **Конвенцию ООН по морскому праву, Рамочную конвенцию ООН об изменении климата** и **многие другие международные договоры / инструменты** (the second more exact interpretation option: **или добиться других важных результатов**), если бы не по-

литическая воля **малых островных государств (МОРАГ)**. **Ведь мы составляем четверть членов ООН (нашей организации)**.

Conclusions

The knowledge of the language as a set of rules and of the extralinguistic situation serves as anchors for better understanding of the invariant sense unfolding in the SL message in the process of simultaneous interpreting. The text reproduced by simultaneous interpreter is the outcome of his/her discursive activity based on cognitive information processing done with the help of the discursive – cognitive and communicative – strategies described in the article. Their interaction in the SI process and interrelation with three components of interpreter's professional competence is a holistic process that depends on the level of development of 'an interpreter's language personality' based on the interpreter's language and conceptual thesauri rooted in the language and conceptual word view. Both thesauri represent presuppositional knowledge that facilitates the communicative realization of SI cognitive mechanisms in the format of discursive strategies. Their selection and communicative realization depends in its turn on the mastery of the communicative, extralinguistic and specialized or procedural competences described in the SI professional competence model presented in the paper.

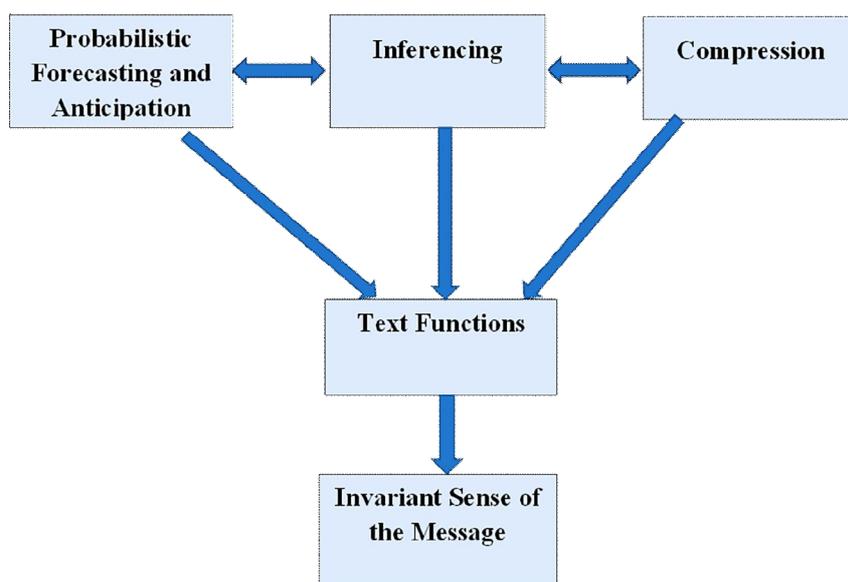

Fig. 3. The SI discursive strategies and text function

The communicative competence stands for the mastery of the linguistic knowledge and speech skills given the discursive, cultural and structural specifics of the source and target languages. This component is supported by the extralinguistic competence, which, as has been highlighted in the article, includes the knowledge of cultures, of specific domains, and general encyclopedic knowledge. The third specialized or procedural competence consists of cognitive information processing abilities – inferencing, probabilistic forecasting and compression – that makes the SI feasible. Though comprising a broader set of skills and abilities, the third component is a mirror reflection of the SI cognitive mechanisms.

In the process of a SI communicative act an interpreter uses his/her a whole set of competences to implement the cognitive strategy of inferencing. This means inferring the invariant sense of the text/message in the source language and implying it in the target language. Inferencing is facilitated by the cognitive strategy of probabilistic forecasting, as the interpreter makes a forecast of sense unfolding in the SL text. If the anticipation is not correct, the interpreter makes respective adjustments in the TL text. The cognitive strategies of inferencing and probabilistic forecasting reflect the SI inherent cognitive features that make SI possible. Their language realization is facilitated by compression, a third discursive strategy used by the interpreter for linguistic reasons – differences in the implicit language models between SL and TL, as well as the extralinguistic ones – acute shortage of time. As compression depends on the specific features of a SI communicative situation, it may be called a communicative strategy. It also makes it possible to leave out redundant bits of information and presupposes a certain freedom of interpreting constrained by an acute shortage of time. Moreover, the specific language means are chosen with due regard for the differences in the worldview between the source and target languages and for the need to make interactive mental alignment of the discrepancies in the worldviews of communicants belonging to different linguistic communities.

The employment of these three discursive strategies leads to successful sense interpretation in a SI communicative act on the basis of the presuppositional knowledge of both linguistic and

extralinguistic nature, given text functions and its discursive features, enabling a simultaneous interpreter to make a choice of linguistic means adequate to the SI communicative situation with regards to the need in interactive alignment and rendering of the invariant sense of the message from the source to target language.

REFERENCES

- Chernov G.V., 1987. *Osnovy sinkhronnogo perevoda* [The Fundamentals of Simultaneous Interpreting]. Moscow, Vyssh. shk. 256 p.
- Chernov G.V., 1992. Conference Interpreting in the USSR: History, Theory, New Frontiers. *Meta* 37, no. 1, pp. 149-162. DOI: <https://doi.org/10.7202/002227ar>
- Chernov G.V., 2004. *Inference and Anticipation in Simultaneous Interpreting. A Probability-Prediction Model*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company. 266 p.
- Déjean Le Féal, K., 1991. “La liberté en traduction.” *Meta* 36, no. 2-3, pp. 448-455. DOI: <https://doi.org/10.7202/003449ar>.
- Gerver D., 1975. A Psychological Approach to Simultaneous Interpretation. *Meta* 20, pp. 119-128.
- Gile D., 2009. *Basic Concepts and Models for Interpreter and Translator Training*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company. 283 p.
- Göpferich S., 2009. Towards a Model of Translation Competence and Its Acquisition: The Longitudinal Study Trans Comp. Göpferich S. et al., eds. *Behind the Mind: Methods, Models and Results in Translation Process Research*. Copenhagen, Samfundslitteratur, pp. 12-38.
- Kalina S., 1992. Discourse Processing and Interpreting Strategies – An Approach to the Teaching of Interpreting. Dolerup C., Loddegaard A., eds. *Teaching Translation and Interpreting: Training, Talent and Experience. Papers from the First Language International Conference. Elsinore, Denmark, 31 May – 2 June 1991*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, pp. 251-259.
- Karaulov Y., 2004. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost* [The Russian Language and Language Personality]. Moscow, URSS Publ. 264 p.
- Kiraly D., 2013. Towards a View of Translator Competence as an Emergent Phenomenon: Thinking Outside the Box(es) in Translator Education. Kiraly D. et al., eds. *New Prospects and Perspectives for Educating Language Mediators*. Tübingen, Gunter Narr, pp. 197-224.
- Komissarov V., 1997. *Teoreticheskie osnovy metodiki obucheniya perevodu* [Theoretic Fundamentals

- of Translation Teaching Methods]. Moscow, Rema Publ. 110 p.
- Korovkina M., 2017. *Teoreticheskie aspekty smyslovogo modelirovaniya spetsialnogo perevoda s rodnogo yazyka na inostranny (na materiale publitsisticheskikh tekstov ehkonomicheskoy tematiki): dis. ... kand. filol. nauk* [Theoretic Aspects of Sense Modelling in LSP-Translation from Mother Tongue into Foreign Language (on the Basis of Journalistic Texts of Economic Discourse). Cand. philol. sci. diss.]. Moscow. 241 p.
- Korovkina M., Semenov A., 2022. Inferirovanie i funktsionalnyy podkhod k tekstu: na materiale sinkhronnogo perevoda [Inferencing and Functional Approach to Text: Based on Simultaneous Interpreting]. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika* [Bulletin of Russian People's Friendship University. Series: Language Theory. Semiotics. Semantics], vol. 13, no. 2, pp. 337-352.
- Lagarde L., Gile D., 2011. Le traducteur professionnel face aux textes techniques et à la recherche documentaire. *Meta* 56, no. 1, pp. 188-199. DOI: <https://doi.org/10.7202/1003517ar>
- Lambert S., 1988. Information Processing Among Conference Interpreters: A Test of the Depth-of-Processing Hypothesis. *Meta* 33, no. 3, pp. 377-387. DOI: <https://doi.org/10.7202/003380ar>
- Latyshev L., 2001. *Tekhnologiya perevoda* [Translation Technology]. Moscow, NVI-Tesaurus Publ. 278 p.
- Lederer M., 1981. *La traduction simultanée: expérience et théorie*. Paris, Minard Lettres Modernes. 454 p.
- Lederer M., 2003. *Translation. The Interpretative Model*. Manchester, St. Jerome Publishing. 239 p.
- Massaro D., 1975. Language and Information Processing. Massaro D., ed. *Understanding Language*. New York, Academic Press, pp. 3-28.
- Moser B., 1978. Simultaneous Interpretation: A Hypothetical Model and Its Practical Application. Gerver D., Sinailo H.W., eds. *Language Interpretation and Communication*. New York, London, Plenum Press, pp. 353-368.
- Moser-Mercer B., 1994. Paradigms Gained or the Art of Productive Disagreement. Lambert S., Moser-Mercer B., eds. *Bridging the Gap: Empirical Research in Simultaneous Interpreting*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, pp. 17-23.
- Nord Ch., 2005. *Text Analysis in Translation: Theory, Methodology and Didactic Application of a Model for Translation-Oriented Text Analysis*. Amsterdam, New York, Rodopi. 274 p.
- Pöschhacher F., 1995. Simultaneous Interpreting: A Functionalist Perspective. *Hermes, Journal of Linguistics*, no. 14, pp. 31-53.
- Riccardi A., 2005. On the Evolution of Interpreting Strategies in Simultaneous Interpreting. *Meta* 50, no. 2, pp. 753-767. DOI: <https://doi.org/10.7202/011016ar>
- Schaeffner Ch., 2000. Running Before Walking? Designing a Translation Programme at Undergraduate Level. Schaffner C., Adab B., eds. *Developing Translation Competence*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins, pp. 143-155.
- Seleskovitch D., 1998. *Interpreting for International Conferences*. Washington, Pen and Booth. 138 p.
- Setton R., 1999. *Simultaneous Interpretation: A Cognitive-Pragmatic Analysis*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company. 397 p.
- Setton R., Dawrant A., 2016. *Conference Interpreting: A Trainer's Guide*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company. 650 p.
- Shiriyayev A., 1979. *Sinkhronnyi perevod: Deyatel'nost sinkhronnogo perevodchika i metodika prepodavaniya sinkhronnogo perevoda* [Simultaneous Interpretation. The Activity of a Simultaneous Interpreter and Methods of Teaching Simultaneous Interpretation]. Moscow, Publishing House of the Defense Ministry. 183 p.
- Shlesinger M., 2000. Interpreting as a Cognitive Process: How Can We Know What Really Happens? Tirkkonen-Condit S., Jaaskelainen R., eds. *Tapping and Mapping the Processes of Translation and Interpreting: Outlooks on Empirical Research*. Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, pp. 3-16.
- Zabotkina V., 2020. Kognitivnye mekhanizmy mezhkulturnogo dialoga [Cognitive Mechanisms of Intercultural Dialogue]. *Kognitivnye issledovaniya yazyka* [Cognitive Studies of Language], no. 2 (41), pp. 76-80.
- Zabotkina V., Korovkina M., Sudakova O., 2019. Competence-Based Approach to a Module Design for the Master Degree Programme in Translation: Challenge of Tuning Russia Tempus Project. *Tuning Journal for Higher Education*. Vol. 7, no. 1, pp. 67-92. DOI: [http://dx.doi.org/10.18543/tjhe-7\(1\)-2019pp67-92](http://dx.doi.org/10.18543/tjhe-7(1)-2019pp67-92)
- Zimnaya I., 1978. *Psikhologicheskie aspekty obucheniya govoreniyu na inostrannom yazyke* [Psychological Aspects of Teaching Speaking a Foreign Language]. Moscow, Prosveshcheniye Publ. 160 p.

Information About the Author

Marina Ye. Korovkina, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of English Language No. 1, MGIMO University, Prosp. Vernadskogo, 76, 119454 Moscow, Russia, mekorovkina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7423-0541>

Информация об авторе

Марина Евгеньевна Коровкина, кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка № 1, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, просп. Вернадского, 76, 119454 г. Москва, Россия, mekorovkina@gmail.com, <https://orcid.org/0000-0002-7423-0541>

DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.13>

UDC 81'16
LBC 81.0

Submitted: 01.11.2023
Accepted: 27.02.2024

METALANGUAGE IN THE REFLECTION OF ITS FUNCTIONS

Michail A. Kravchenko

Rostov State Transport University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. The research is devoted to the topical issues of linguistics, determined by the necessity of clarifying the scientific approaches to identification of the natural language functions, systematization of data on its metalanguage function, and the construction of a scientifically grounded representation of the metalanguage function implementation in a modern text (discourse). The relevance of the work is explained by the increased number and diversity of metalanguage contexts in modern communicative practice. The paper represents the results of a comprehensive study and description of the content and variants of manifestation in the text (discourse) of the metalanguage function of the language. The taxonomy of metalanguage functions is presented on the material of modern Russian literature works. The metalanguage is revealed to perform two basic functions: information research and modelling. The information and research function has an ontological basis and is characterized by a substantial heterogeneity, which made it possible to identify a number of specific functions: metaphatic, explanatory, characterizing, evaluative, searching, connecting and categorizing. The modelling function has psychological foundations, meaningfully aimed at creative understanding of the code for the purpose of its subsequent processing and creative use in speech activity, which provides a new modelling of reality. It is shown that when updating this function, the potential of pun, or play on words, is widely used. It is established that the modelling function is characterized by the implicitness of its realization in the text.

Key words: metalanguage, metalanguage reflection, metalanguage function of the language, information and research function, modelling function.

Citation. Kravchenko M.A. Metalanguage in the Reflection of Its Functions. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 2. Yazykoznanie* [Science Journal of Volgograd State University. Linguistics], 2024, vol. 23, no. 2, pp. 172-184. (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2024.2.13>

УДК 81'16
ББК 81.0

Дата поступления статьи: 01.11.2023
Дата принятия статьи: 27.02.2024

МЕТАЯЗЫК В ЗЕРКАЛЕ ЕГО ФУНКЦИЙ

Михаил Александрович Кравченко

Ростовский государственный университет путей сообщения, г. Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Статья посвящена вопросам лингвистики, связанным с необходимостью уточнения научных подходов к определению функций естественного языка, систематизации данных о его метаязыковой функции, необходимостью построения научно обоснованной картины реализации метаязыковой функции в современном тексте (дискурсе). Актуальность работы обусловлена увеличением количества и разнообразия метаязыковых контекстов в современной коммуникативной практике. Цель исследования состоит в комплексном описании содержания и вариантов манифестации в тексте (дискурсе) метаязыковой функции

языка. На материале произведений современной русской литературы представлена таксономия функций метаязыка. Выявлено, что метаязык выполняет две базовые функции: информационно-исследовательскую и моделирующую. Информационно-исследовательская имеет онтологическую основу и отличается содержательной неоднородностью, что позволило выделить ряд видовых функций: метафатическую, пояснительную, характеризующую, оценочную, поисковую, связующую и категоризирующую. Моделирующая функция имеет психологическую основу, содержательно направлена на творческое осмысление языкового кода с целью его последующей переработки и креативного использования в речевой деятельности, что обеспечивает новое моделирование действительности. Показано, что при актуализации данной функции широко задействуется потенциал языковой игры. Установлено, что моделирующая функция характеризуется имплицитностью реализации в тексте.

Ключевые слова: метаязык, метаязыковая рефлексия, метаязыковая функция языка, информационно-исследовательская функция, моделирующая функция.

Цитирование. Кравченко М. А. Метаязык в зеркале его функций // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2, Языкознание. – 2024. – Т. 23, № 2. – С. 172–184. – DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu.2024.2.13>

Введение

Вопрос изучения функций языка не теряет актуальности на протяжении тысячелетий: им задавались еще античные мыслители и продолжают интересоваться современные лингвисты. Размышления о функциях языка обычно предваряют любой методологический поворот в лингвистической науке и содержат теоретические обоснования становления новых научных направлений. Так, наличие у языка когнитивной функции дало онтологические предпосылки для масштабного развития когнитивной лингвистики, на изучении проявлений кумулятивной функции базируются исследования в области лингвокультурологии, а игровая функция формирует материал для лингвистики креатива и т. д.

Необходимо отметить, что термин «функция языка» в силу своей определенной методичности не совсем точно описывает предмет лингвистического изучения. Точнее было бы наделять функциями только язык-деятельность (не язык-способность). В этой связи отечественные ученые указывали на целесообразность говорить не о функциях языка, а о функциях речевой деятельности в сосюрковском понимании этого термина [Иваницкий, 2004, с. 104], а некоторые зарубежные лингвисты напрямую связывали вопросы функциональности с речевой деятельностью (см., например, употребление знаменитым французским лингвистом А. Мартине термина *language* («речевая деятельность»), а не термина *langue* («язык») в статье о речевых (языковых) функциях [Martinet, 1969]).

Однако, осознавая предметно-понятийную противоречивость термина «функция языка», мы считаем допустимым его использование для решения задач данной работы ввиду сформировавшейся традиции употребления данного терминологического сочетания в трудах по лингвистике.

Предметом нашего исследования выступают особенности содержания и варианты манифестации на поверхности текста метаязыковой функции языка.

Актуальность предпринятого исследования определяется, прежде всего, тем фактом, что количество метаязыковых контекстов в современной коммуникативной практике неуклонно растет. Некоторые ученые видят в увеличении количества метаязыковых высказываний важнейшую характеристику современного этапа истории речевой коммуникации. Так, Н.Б. Мечковская в насыщенности метаязыковых контекстов усматривает долговременную тенденцию, «состоящую в усилении значимости в общении метаязыковой семантики» [Мечковская, 2006, с. 175]. Обилие в речи метаязыковых комментариев позволили И.Т. Вепревой говорить о «метаязыковом привкусе эпохи» [Вепрева, 2014, с. 128–129]. Современная коммуникация все чаще рассматривается как переплетение единиц языка и метаязыка [Kačerauskas, Mickūnas, 2020]. Вместе с тем, несмотря на значительный рост интереса к изучению результатов метаязыковой рефлексии, вопрос о содержании метаязыковой функции и специфике ее реализации в речевой деятельности до настоящего времени не получил всестороннего освещения.

Цель исследования заключается в комплексном изучении и описании содержания метаязыковой функции языка. Достижение поставленной цели осуществляется посредством решения следующих задач: 1) проведении ретроспективного анализа научных традиций в исследовании функций языка; 2) систематизации данных о метаязыковой функции естественного языка; 3) построении научно обоснованной картины реализации метаязыковой функции в современном художественном дискурсе.

Материал и методы

Источником для отбора речевого материала послужили относящиеся к разным литературным направлениям художественные произведения современных русских писателей, опубликованные в период с 1990 по 2022 год. Выбор указанной группы текстов обусловлен тем, что в них отражаются тенденции развития языка и актуальные особенности дискурсивных практик. Эмпирические данные собирались методами сплошной и направленной выборки отрезков с метаязыковой семантикой из текстов произведений.

В качестве основного метода использован описательный метод, включавший приемы обобщения, систематизации и классификации, дополненные элементами контекстуального и функционально-прагматического анализа.

Результаты и обсуждение

Обращение к истории вопроса дает основания для утверждения о том, что в изучении функций естественного языка сформировались глубокие теоретические традиции. С собственно лингвистических позиций проблема функций языка впервые была рассмотрена К. Бюлером. Немецкий лингвист обосновал положение о системном характере функций языка [Бюлер, 2000, с. 34–37]. В своих теоретических построениях К. Бюлер отталкивался от структуры коммуникативного (речевого) акта, из каждого компонента которого «вырастает» функция языка. При этом в трактовке ученого коммуникативный акт имеет простую трехчастную структуру: отправитель сообщения, получатель сообщения и

предмет сообщения. С компонентом структуры «отправитель сообщения» К. Бюлер связывал экспрессивную функцию, сущность которой состоит в выражении отношения говорящего к фактам речи. Апеллирующая функция нацелена на адресата речи. К формам ее выражения К. Бюлер, в частности, относил высказывания с побудительной семантикой. Наконец, третьей и главной, по мнению К. Бюлера, является репрезентативная функция, заключающаяся в отражении предмета речи.

Впоследствии модель функций К. Бюлера была переработана и дополнена Р. Якобсоном. Именно модель, предложенная Р. Якобсоном в работе «Лингвистика и поэтика» [Якобсон, 1975], приобрела в лингвистической науке статус «классической», что в свою очередь определило ее высокую цитируемость в специальной литературе. Внесение изменений в модель К. Бюлера обусловлено наличием более сложной и расчлененной структуры коммуникативного акта в интерпретации Р. Якобсона. Помимо адресанта (в терминологии К. Бюлера – отправитель сообщения), адресата (получатель сообщения) и контекста (предмет сообщения), Р. Якобсон вводит в структуру коммуникативного акта такие компоненты, как код, контакт и сообщение [Якобсон, 1975, с. 198]. Соответственно, количество функций в его модели возрастает до шести: коммуникативная (референтивная), экспрессивная (эмотивная), апеллятивная (конативная), фатическая, поэтическая и метаязыковая [Якобсон, 1975, с. 203]. Содержание первых трех указанных функций в целом соответствует содержанию функций, принятых в модели К. Бюлера. Фатическая функция заключается в установлении и поддержании контакта между коммуникантами в процессе речевого общения. Поэтическая – фиксируется в случаях концентрации внимания на сообщении как таковом, в случаях представления сообщения в качестве эстетического феномена. Наконец, ориентация сообщения на код (то есть ситуация, когда предметом высказывания становится сам код) осуществляется с помощью метаязыковой функции. Именно в модели Р. Якобсона метаязыковая функция впервые получила теоретическое обоснование в качестве неотъемлемой части функциональной системы языка.

Традиции исследования функций языка не исчерпываются построением собственно лингвистических моделей, опирающихся на структуру речевого акта. Функциональные модели языка могут иметь экстралингвистическую природу. Ярким примером такой традиции выступает разработанная М. Халлидеем модель, ориентированная на психосоциальные критерии: передачу культурного опыта и процесс социализации личности [Halliday, 1975, p. 18]. М. Халлидей описывает функции языка, сопровождающие процесс психического развития ребенка. По мнению автора, в онтогенезе язык имеет шесть базовых функций: инструментальную, регуляторную, интерактивную, персональную, эвристическую и имажинативную (функцию воображения) [Halliday, 1975, p. 19]. По мнению М. Халлидея, указанные функции проявляются в процессе развития ребенка последовательно. Инструментальная функция выполняет роль удовлетворения материальных потребностей ребенка, поэтому иносказательно М. Халлидей определяет ее как функцию «Хочу». Регуляторная функция призвана осуществлять контроль поведения собеседника, о чем свидетельствует ее альтернативное название «Делай как говорю». Интерактивная функция обеспечивает установление речевого контакта и взаимодействие с коммуникантами (отсюда ее альтернативное название – «Я и ты»). Персональная функция позволяет ребенку выразить собственную уникальность, противопоставить себя окружающему миру. К реализациям данной функции относятся высказывания, в которых проявляются личные чувства, эмоциональные реакции и волевые интенции говорящего. Содержание этой функции поясняется ее альтернативным названием «Вот и я». Эвристическая функция связана с исследованием ребенком окружающего пространства. Она материализуется в вопросах и предложениях познавательного характера, поэтому она трактуется автором как функция «Скажи почему?». Функция воображения, или функция «Предположим...», запускает вербализацию процессов творческого осмысления действительности. Следует отметить, что М. Халлидей упоминает также информативную функцию языка (функцию «У меня есть что сказать»). Однако в научном сочинении последняя не получает должного рассмотрения ввиду того, что, по мнению автора, не соотносится с фазами раз-

вития языка [Halliday, 1975, p. 19–21]. Указанная избирательность свидетельствует, на наш взгляд, об ограниченности модели функций языка, предложенной М. Халлидеем.

На современном этапе развития лингвистики наиболее дискуссионным является вопрос о количественном составе функций и их системном взаимодействии. Несколько умаляя разнообразие существующих в этом направлении теоретических подходов, можно говорить о существовании двух основных моделей представления функций языка: монофункциональной и полифункциональной.

До последнего времени монофункциональная модель превалировала в лингвистическом мире. Ее суть заключается в выделении одной главенствующей функции (как правило, коммуникативной). При этом остальные функции рассматриваются в качестве вспомогательных. Позиции монофункционализма с полной ясностью выражены в высказывании А.В. Карабыкова о том, что «единственной функцией языка является коммуникативная. В процессе речи она осуществляется в виде системы своих частных реализаций – эпифункций» [Карабыков, 2008, с. 84]. Указанная точка зрения разделяется в большинстве работ, посвященных вопросам установления функций языка (см., например: [Иваницкий, 2004; Карабыков, 2008; Малявина, 2010; Мамушкина, 2016; Korneeva, Kosacheva, Purpura, 2019; Martinet, 1969; Searle, 2014]). Особенно сильны позиции монофункционализма в отечественной лингвистике. Сложившаяся ситуация во многом подготовлена содержательными императивами советского периода в развитии лингвистической науки. Становление монофункциональной модели в советском языкознании имело объективные и субъективные предпосылки. К объективным предпосылкам отнесем наличие выраженного социологизаторского крена в лингвистике, что предопределило выделение собственно общественной, коммуникативной, функции языка. Субъективные предпосылки, на наш взгляд, точно сформулированы Е.В. Савицкой, которая справедливо отмечает, что многие советские лингвисты оказались «в плену» у знаменитого ленинского определения языка как важнейшего средства человеческого общения [Савицкая, 2023, с. 14], в результате чего политическая

целесообразность отодвинула на второй план научную объективность.

Однако новейшие исследования демонстрируют отход от монофункциональной традиции, при этом их авторы высказываются в пользу идей полифункционализма [Колесов, 2021; Карасик, 2022; Савицкая, 2023]. Сторонники полифункционализма не принимают постулат о примате одной функции в системе функций языка, в своей научной программе они отталкиваются от факта многоаспектности языка и стремятся к рассмотрению языка во всей полноте его проявлений. Так, И.Ю. Колесов справедливо замечает, что язык обеспечивает не только коммуникацию, но и создает уникальный для данной лингвокультуры способ интерпретировать действительность, что позволяет говорить о наличии у языка отдельной интерпретирующей функции. Изучение данной функции открывает новые горизонты перед лингвистикой [Колесов, 2021]. Е.В. Савицкая предлагает отказаться от постулата о доминировании одной из функций в функциональной системе языка, утверждая, что речевая деятельность обеспечивается взаимодействием его мыслеформирующей, моделирующей и коммуникативной функций [Савицкая, 2023]. В.И. Карасик обратился к моделированию функций языка, результатом которого стало создание фрактальной модели языковых функций [Карасик, 2022]. Функциональный потенциал языка имеет векторную организацию. При этом «каждый из векторов функций языка допускает фрактальное уточнение и может быть развернут в той или иной объяснительной модели» [Карасик, 2022, с. 39], а «модель языковых функций должна быть многовекторной, поскольку мир многопричинен и многовариантен» [Карасик, 2022, с. 39].

Наше исследование выполнено в русле полифункциональной традиции. Руководствуясь известным высказыванием Р. Якобсона о том, что «язык следует изучать во всем разнообразии его функций» [Якобсон, 1975, с. 197], мы обратились к определению содержания метаязыковой функции.

Она представляет собой способность языка самому выступать в качестве референта высказываний (именно поэтому метаязыковую функцию иногда называют «авторефе-

рентной»). В случаях автореференции имеет место семиотическое переключение с репрезентации окружающего мира на репрезентацию самого средства репрезентации – языкового кода. Метаязыковая функция порождает явление метаязыка. Последнее понятие нашло в лингвистике как узкое, так и широкое толкование. Узкая трактовка метаязыка сводит его к лингвистической терминологии. Широкая трактовка позволяет отнести к метаязыку потенциально любые языковые структуры, так как «метаязык в широком смысле – это все языковые средства, референт которых способен присутствовать в языке и речи; его главная ценность в способности эксплицировать все связанные с языком и его использованием явления, давать им метаимена и метаквалификацию» [Рябцева, 2005, с. 439].

Необходимо отметить, что исследование содержания метаязыковой функции сопряжено с рядом объективных трудностей. Первая из них заключается в отсутствии у метаязыка собственной субстанциональной основы и уникального инструментария средств выражения. Метаязык консубстанционален языку. Вторая трудность во многом видится следствием первой и связана с проблемой позитивного разграничения высказываний о слове (метаязыковых контекстов) и высказываний о денотате. Действительно, далеко не всегда при анализе дискурса удается достоверно отличать языковые высказывания от метаязыковых.

Необходимо заметить, что исследования, в которых поднимались бы вопросы содержания метаязыковой функции с выходом на построение классификаций видовых функций (эпифункций метаязыка), не многочисленны. Остановимся на наиболее заметных из них. К числу таковых, безусловно, нужно отнести фундаментальные исследования в области метаязыковой рефлексии, принадлежащие И.Т. Вепревой. Автор изучает метаязыковые комментарии с позиций социолингвистики. При этом к вопросу определения метаязыковой функции (функции метаязыковой рефлексии) она обращается не напрямую, а через оценку функций так называемых «рефлексивов» (отрезков текста, обладающих метаязыковой семантикой). И.Т. Вепрева выделяет две базовые функции рефлексивов: коммуникатив-

ную (первичную, выполняющую роль коммуникативной правки кода) и концептуальную (вторичную, связанную с отражением аксиологической динамики и трансляцией актуальных мировоззренческих установок в обществе) [Вепрева, 2005, с. 8–9]. Констатируем, что социальные императивы, взятые на вооружение автором, не позволяют продемонстрировать в приведенной классификации внутренние особенности метаязыковой функции языка. Согласно И.Т. Вепревой, метаязыковой комментарий – это только своеобразный показатель, передающий информацию из внешнего внеязыкового пространства.

Изучению функций метаязыковой рефлексии уделила внимание М.Р. Шумарина. Рассматривая метаязыковую рефлексию в художественных текстах, она выделила три группы функций: текстовые, дискурсивные и социальные. Текстовые функции обеспечивают организацию текста, дискурсивные – осуществляют связь речевого отрезка с конкретной коммуникативной ситуацией и выполняют роль регулятора процесса общения, социальные – связывают метаязыковую деятельность с внешней внеязыковой средой [Шумарина, 2011, с. 24–27].

В исследовании, выполненном Т.А. Кравцовой, выделен следующий набор функций метаязыкового содержания: герменевтическая, характерологическая и экспрессивная [Кравцова, 2014, с. 6]. Если герменевтическая функция раскрывает метаязыковое содержание (она апеллирует к коду, нейтрализуя коммуникативное напряжение и обеспечивая информационную устойчивость текста), то характерологическая и экспрессивная функции, на наш взгляд, переносят акцент на художественное творчество: они наполнены художественным содержанием. Так, характерологическая функция нацелена на описание и оценку персонажей. Экспрессивная функция направлена на стимулирование лингвокреативной деятельности читателя и выступает одной из констант в формировании творческого почерка, идеостиля писателя. Поэтому указанные две функции связаны с использованием метаязыковых комментариев в качестве изобразительно-выразительных средств художественного текста и имеют ярко выраженную стилистическую окраску.

По нашему мнению, наиболее разработанную и последовательную функциональную классификацию метаязыковых конструкций (не лишенную вместе с тем определенных недостатков) предложила Е.А. Андрусенко. Автор утверждает, что метаязыковые отрезки способны выполнять в тексте четыре основные функциональные роли: коммуникативную, характеризующую, эстетическую и стилистическую [Андрусенко, 2011]. Коммуникативная функция включает четыре подфункции: семантизирующую, фатическую, аффективную и номинативно-оценочную, каждая из которых передает специфическое метаязыковое содержание. Объединение последних в одну таксономическую группу, по-видимому, объясняется тем фактом, что Е.А. Андрусенко ведет исследование в русле монофункциональной традиции. Поэтому практически любое обращение к коду должно иметь коммуникативные «последствия». Семантизирующая подфункция связана с толкованием (уточнением) значений языковых единиц. Фатическая подфункция направлена на установление и поддержание внимания субъектов на особенностях кода. Аффективная и номинативно-оценочная подфункции служат для выражения через номинации эмоций и чувств, а также разного рода оценок.

Если коммуникативная функция метатекста в трактовке Е.А. Андрусенко наполнена метаязыковым содержанием, то остальные функции имеют с метаязыком лишь отдельные точки пересечения. Так, характеризующая функция связана с характеристикой персонажа произведения как языковой личности (содержание данной функции оказывается очень близким природе характерологической функции в концепции Т.А. Кравцовой). Суть эстетической функции заключается в использовании специальных стилистических приемов для передачи художественных смыслов. Стилистическая функция направлена на объяснение употребления стилистически маркированных слов. В последнем случае вызывает вопросы сам факт выделения этой функции, так как содержательно она вполне соответствует семантизирующей подфункции.

Проведенный анализ позволил нам прийти к выводу, что ни одна из существующих функциональных моделей в полной мере не определяет природу метаязыка. Содержание

такой важнейшей функции языка, как метаязыковая, нуждается в дальнейшем осмыслении и уточнении.

Нами были изучены разнообразные проявления метаязыковой функции языка. В сфере нашего интереса вошли широкие метаязыковые возможности языка, находящиеся далеко за пределами лингвистической терминологии. К главным результатам исследования нужно отнести установление и описание системы функций естественного метаязыка (вновь оговоримся, что правильнее было бы говорить о функциях метаязыковой деятельности). Каждая из них представляет собой своеобразную грань реализации метаязыковой рефлексии, а их системное представление позволяет увидеть целостную картину реализации метаязыкового начала в дискурсе.

В ходе работы было установлено, что естественный метаязык выполняет две базовые функции: информационно-исследовательскую и моделирующую. Каждая из них имеет онтологическую основу на уровне человеческого сознания, представленную в форме специального психического субстрата.

Информационно-исследовательская функция опирается на ориентировочно-исследовательские механизмы психики субъекта, открытые для науки П.Я. Гальпериным [Гальперин, 2002]. Информационно-исследовательская функция обеспечивает возможность обращения субъектов коммуникации к языковому коду в ходе речевой деятельности с целью концентрации на нем дополнительного внимания, осуществления разного рода исследовательских процедур (как наивного, так и профессионального характера), а также извлечения из него необходимой информации, важной для поддержания эффективной коммуникации. В аспекте частотности реализации, информационно-исследовательская функция, безусловно, является главной функцией естественного метаязыка (из 2550 проанализированных метаязыковых контекстов она реализуется в 2356). Однако при этом данная функция характеризуется содержательной неоднородностью, что делает целесообразным выделение в ней видовых функций. Каждая из них занимает в системе свою содержательную нишу и способствует раскрытию объема общего понятия. К видовым функциям мы

относим метафатическую, пояснительную, характеризующую, оценочную, поисковую, связующую и категоризирующую функции. Ниже дадим краткую характеристику указанным функциям.

Метафатическая функция содержательно близка фатической функции, которую в своей модели выделил Р. Якобсон. Она также связана с установлением контакта, но контакта не между отправителем и получателем сообщения. Метафатическая функция призвана поместить тот или иной отрезок текста (дискурса) в фокус сознания, тем самым обеспечивая его дополнительное осмысление. Данная функция манифестируется в тексте разнообразными способами, наиболее частотными из которых являются использование лексико-семантического повтора, формирование специального метаязыкового комментария и применение параграфемных средств (иногда в сочетании с нестандартной графикой и орфографией):

(1) На одной их чаше покоилось светлое будущее с крепкой, добела отмытой карьерной лестницей... с гарантированной месткомовской путевкой в летние (летние!) Гагры (Степнова, 2022, с. 172);

(2) Мы помчались в «Ремонт аквариумов», куда-то на Электродный проезд. **Бывают же названия!** (Поляков, 2021, с. 204).

Пояснительная функция направлена на поддержание коммуникативной ясности кода. Экспликация семантики единиц кода в большинстве случаев преследует цель преодоления агнонимичности языковых структур. Последняя обычно вызвана употреблением в речи слов иноязычного происхождения, историзмов, архаизмов, диалектизмов, а также лексико-фразеологических элементов разного рода социальных и профессиональных жаргонов:

(3) Он очень интересно рассказывал про жизнь эвенков. Они себя называют «чавчыв» – **оленьи люди** (Шишкин, 2017, с. 57);

(4) Но избитый, как на грех, оказался младшим братом печально знаменитого Гвоздя – Мишки Гвоздева, недавно откинувшегося, **что значит – вернувшегося из тюрьмы** (Поляков, 2022, с. 285).

Пояснения распространяются не только на содержательную сторону кода. Они могут касаться формы языковых единиц (как внешней,

так и внутренней). Пояснения внешней формы знака сопровождаются комментариями по поводу его звуковой (графической) оболочки:

(5) Линдта они любили – впрочем, на полигонах любили всех «промыслов» (**ударение на второе, густое «о»**)... (Степнова, 2022, с. 156).

Пояснения внутренней формы знаков, как правило, представляют собой комментарии к этимологии слов:

(6) Да, теперь пишут **«шариковыми ручками» (внутри пера шарик)** – так вот, это то, что Валентина несколько дней назад от меня прятала (Водолазкин, 2016, с. 42).

Характеризирующая функция, в отличие от одноименной функции в модели Е.А. Андрусенко и характерологической функции в модели Т.А. Кравцовой, направлена не на характеристику языковой личности персонажа художественного произведения, а на характеристику элементов языкового кода. Данная функция является в определенной степени продолжением пояснительной функции, но отражает более глубокие исследовательские процедуры, проведенные отправителем сообщения. Результаты рефлексии над кодом представлены в виде его разнообразных характеристик, которые могут иметь семантический, семантико-стилистический, функциональный, коммуникативный, нормативный характер:

(7) Кто-то будет строить алюминиевый завод неподалеку, кто-то переедет ниже по реке воздвигать новую станцию, **новую «гидру», как у них говорят** (Сенчин, 2015, с. 192);

(8) И все-таки я патриот – я люблю наше жестокое несправедливое общество живущее в условиях вечной мерзлоты. **После слова «общество» должна была стоять запятая** (Пелевин, 2013, с. 21).

В **оценочной функции** реализуются другие возможности исследования кода. Если пояснение и характеристика кода связаны с выявлением его дескриптивных сущностей, то при оценивании исследование переходит в область аксиологических сущностей и в мета-языковых комментариях дается оценка элементу кода:

(9) «Посмотрим. В любом случае – мы с рыбой.» «Мы, – повторил про себя Топкин и потом

еще долго повторял: «Мы... мы.» «Мы» – это она, Ольга, и он, Андрей. **«Мы» – какое хорошее, надежное слово** (Сенчин, 2021, с. 36).

Поисковая функция реализуется в случаях, когда денотативная отнесенность отправителем сообщения определена, но он испытывает затруднения с облечением ее в знаковую форму. В отличие от вышеописанных функций, поисковая функция осуществляется по отношению к семиозису не *post factum*, а *ante factum*, то есть непосредственно в процессе кодирования, когда адресант осуществляет выбор необходимого элемента кода:

(10) Наша культура была в то время, **я бы сказал, э-э-э... Довольно пугающей. Героически-насилственной, так сказать** (Пелевин, 2013, с. 168);

(11) Настоящего удивления (**даже, пожалуй, восхищения**) заслуживало только одно... (Рубина, 2011, с. 29).

Связующая функция, или функция связности, способствует формальному и смысловому единству текста (дискурса). В процессе реализации данной функции текст насыщается специальными метаязыковыми (метатекстовыми) элементами, которые фиксируют внутритекстовые связи. Связующие элементы представляют информацию, указывающую на смысловую эквивалентность, причинно-следственные отношения отрезков текста, ход мыслей адресанта, на их резюмирование, а также обеспечивают «навигацию» внутри текста:

(12) А второй закон звучал так: «Творящая воля человека не должна создавать радикально новых форм». **Другими словами**, отныне медиумам разрешалось лишь воспроизводить существующее (Пелевин, 2018, с. 115);

(13) А я хотел, чтобы она сама посидела над меню, выбрала, отвергла что-то и снова выбрала, **короче** – вступила в контакт с окружающим миром... (Рубина, 2011, с. 223).

Категоризирующая функция заключается в таком осмыслении знака (последовательности знаков), которое позволяет видеть в нем признаки, обеспечивающие возможность причислить его к некоторым категориям. Эти слова-категории фигурируют в качестве семантических ниш, в которые можно заключить исходные единицы кода. Катего-

ризирующая функция реализуется в метаязыковых отрезках двух типов. В отрезках первого типа слово-категория в тексте следует за фрагментом кода, подвергшимся категоризации (то есть находится в постпозиции):

(14) **Леклер ликовал (красивая аллитерация)** (Водолазкин, 2021, с. 176);

(15) **«Кто не с нами – тот против нас».** Помните этот **лозунг?** (Сенчин, 2021, с. 222).

В отрезках второго типа слово-категория предшествует категоризируемому элементу (то есть находится в препозиции):

(16) Прибегая к **оксюморону**, я бы сказал, что **кладбище должно быть живым** (Водолазкин, 2020, с. 61).

Следует отметить, что категоризирующая функция в системе информационно-исследовательских функций естественного метаязыка занимает промежуточное положение между характеризующей и связующей функциями. С характеризующей функцией ее сближает то, что сам факт категоризации предполагает внутреннюю характеристику объекта, со связующей – способность содействовать связности текста. При этом последняя поддерживается на денотативном уровне: категоризирующий и категоризируемый элементы кода образуют единое поле денотативной отнесенности.

Второй базовой функцией естественного метаязыка является **моделирующая функция**. Она отличается от информационно-исследовательской онтологически, структурно и содержательно. Так, моделирующая функция опирается на творческие механизмы психики субъекта и не образует сложной структуры в виде подфункций. Содержательно она направлена не на извлечение информации о коде, а на его творческое осмысление с целью последующей переработки и креативного использования в речевой деятельности, то есть нового моделирования действительности. Моделирующая функция широко задействует потенциал языковой игры. В этом смысле она может называться игровой функцией. Основными предпосылками языковой игры выступают глубокое знание адресантом и его тонкое умение оперировать элементами кода, что невозможно вне метаязыковой рефлексии.

Поэтому языковую игру мы причисляем к метаязыковым категориям.

Еще одной характерной чертой моделирующей функции является имплицитность ее реализации в тексте. В отличие от информационно-исследовательской функции, которая, как правило, манифестируется эксплицитно в форме специального более или менее развернутого метаязыкового комментария, метаязыковое моделирование осуществляется в свернутом виде:

(17) Если Италии нет – **о вкусах спорят. Деньги пахнут. О мертвых можно все. Все дороги ведут в пустоту** (Толстая, 2008, с. 83);

(18) В декабре роту расквартировали в колхозе **«Восьмое марта»**, но теплее от этого не стало (Водолазкин, 2014, с. 405).

Распространенной формой реализации моделирующей функции естественного метаязыка выступают фрагменты кода, в которых смоделированы аллюзии, апеллирующие к прецедентным феноменам, семантике и внутренней форме отдельных знаков.

Заключение

В исследовании функций языка преобладают две научные традиции: монофункциональная и полифункциональная. Монофункциональная традиция на первый план выдвигает коммуникативную функцию, рассматривая ее либо как единственную, либо как ключевую. Полифункциональная традиция настаивает на «равноправии» функций и их последовательном изучении, что позволит описать язык во всех его проявлениях.

Результаты анализа научных работ, посвященных исследованию проявлений метаязыковой рефлексии в тексте, позволил прийти к выводу о том, что вопрос о содержании метаязыковой функции языка остается дискуссионным. Недостаток существующих точек зрения заключается в том, что они не лишены признаков эклектики при описании содержания метаязыковой функции лингвисты, как правило, объединяют имманентные характеристики метаязыковой деятельности и характеристики, привнесенные из разного рода социокультурных, прагматических и художественных контекстов. Это зачастую приводит

к смешению релевантных и нерелевантных для метаязыка ролей.

Информационно-исследовательская функция связана с извлечением информации о коде. В качестве ее психического субстрата выступают ориентировочно-исследовательские механизмы психики субъекта. Информационно-исследовательская функция может реализовываться в тексте (дискурсе) в виде одной из своих подфункций (эпифункций), образующих нижний уровень таксономии. Такими вариантами реализации информационно-исследовательской функции выступают метафатическая, пояснительная, характеризующая, оценочная, поисковая, связующая и категоризирующая функции.

Метафатическая функция позволяет поместить языковую единицу в фокус метаязыковой рефлексии, привлечь к ней дополнительное внимание коммуникантов. Пояснительная функция, как правило, связана с трактовкой семантики языковых единиц. Характеризующая функция направлена на фиксацию свойств и признаков элементов языкового кода. Оценочная функция обеспечивает восприятие и экспликацию языковых фактов в аксиологических терминах. Поисковая функция определяет выбор элементов кода, соответствующих денотату. Связующая функция направлена на формирование связей между элементами кода. Категоризирующая функция дает возможность описать элементы кода посредством их категоризации, то есть отнесения к определенным семантическим категориям.

Моделирующая функция направлена на преобразование кода, а не извлечение информации о нем. Данная функция базируется на творческих механизмах психики рефлексизирующего субъекта. Релевантными признаками моделирующей функции выступает использование механизмов языковой игры, а также имплицитный характер реализации в тексте.

Таким образом, система контекстуально обусловленных метаязыковых ролей, обладающих информационно-исследовательской и моделирующей спецификой, образуют содержание феномена, который в лингвистике принято называть метаязыковой функцией языка.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андрусенко Е. А., 2011. Функции метатекста в художественном тексте (на материале произведений В. Астафьева) // Сибирский филологический журнал. № 1. С. 89–94.
- Бюлер К., 2000. Теория языка. Репрезентативная функция языка. М. : Прогресс. 501 с.
- Вепрева И. Т., 2005. Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху. М. : ОЛМА-ПРЕСС. 384 с.
- Вепрева И. Т., 2014. Метаязыковой привкус эпохи. Избранные работы последнего десятилетия. Saarbrücken : Palmarium Academic Publishing. 223 с.
- Гальперин П. Я., 2002. Лекции по психологии. М. : Кн. дом «Университет». 399 с.
- Иваницкий В. В., 2004. Функции языка // Вестник Новгородского государственного университета. № 29. С. 103–110.
- Карабыков А. В., 2008. К вопросу о системном представлении функций языка // Вестник Омского университета. № 3. С. 79–84.
- Карасик В. И., 2022. Моделирование функций языка // Язык и культура. № 58. С. 29–42.
- Колесов И. Ю., 2021. Интерпретирующая функция языка и пространственная метафора // Исследования языка и современное гуманитарное знание. Т. 3, № 2. С. 153–159.
- Кравцова Т. А., 2014. Содержательно-прагматический потенциал метаязыкового комментария в англоязычном художественном дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Барнаул. 22 с.
- Малявина О. Н., 2010. Варианты и инварианты функций языка в социокультурном контексте // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 1 (17). С. 126–132.
- Мамушкина С. Ю., 2016. Коммуникативная релевантность языковых функций // Балтийский гуманитарный журнал. Т. 5, № 4 (17). С. 84–87.
- Мечковская Н. Б., 2006. Естественный язык и метаязыковая рефлексия в век Интернета // Русский язык в научном освещении. № 2. С. 165–185.
- Савицкая Е. В., 2023. К вопросу о приоритетах в спектре функций естественного языка // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. № 1. С. 13–19.
- Рябцева Н. К., 2005. Язык и естественный интеллект. М. : Academia. 640 с.
- Шумарина М. Р., 2011. Язык в зеркале художественного текста : (Метаязыковая рефлексия в произведениях русской прозы). М. : Флинта : Наука. 328 с.

- Якобсон Р., 1975. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М. : Прогресс. С. 193–230.
- Halliday M. A. K., 1975. Learning How to Mean: Explorations in the Development of Language. L. : Arnold. 176 p.
- Kačergauskas T., Mickūnas A., 2020. Language. Metalanguage and Communication // Between Communication Theories Through One Hundred Questions. Humanities. Arts and Humanities in Progress. Cham : Springer. Vol. 14. P. 127–157.
- Korneeva A., Kosacheva T., Purpura O., 2019. Functions of Language in the Social Context // SHS Web of Conferences 69, CILDIAH-2019. URL: <https://www.researchgate.net/publication/336802501>
- Martinet A., 1969. Fonctions du langage et linguistique appliquée // Communication et langages. № 1. P. 9–18.
- Searle J. R., 2014. The Structure and Functions of Language // Studies in Logic, Grammar and Rhetoric. № 36 (49). P. 27–40.

ИСТОЧНИКИ

- Водолазкин Е. Г. Авиатор : роман. М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2016. 410 с.
- Водолазкин Е. Г. Близкие друзья // Совсем другое время : роман, повесть, рассказы. М. : АСТ, 2014. С. 375–428.
- Водолазкин Е. Г. Какие разные похороны // Идти бестрепетно: между литературой и жизнью. М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2020. С. 50–62.
- Водолазкин Е. Г. Оправдание Острова : роман. М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2021. 405 с.
- Пелевин В. Амфир «В». М. : Эксмо, 2013. 416 с.
- Пелевин В. Смотритель : роман. СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2018. 480 с.
- Поляков Ю. М. Советство : роман. М. : АСТ, 2021. 384 с.
- Поляков Ю. М. Советство 2. Пионерская ночь : роман. М. : АСТ, 2022. 416 с.
- Рубина Д. Синдром Петрушки : роман. М. : Эксмо, 2011. 432 с.
- Сенчин Р. Дождь в Париже : роман. М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2021. 416 с.
- Сенчин Р. Зона затопления : роман. М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015. 381 с.
- Степнова М. Л. Женщины Лазаря : роман. М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2022. 445 с.
- Толстая Т. Н. Без // Река : сборник. М. : Эксмо, 2008. С. 80–83.
- Шишкин М. П. Письмовник : роман. М. : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2017. 414 с.

REFERENCES

- Andrusenko E.A., 2011. Funktsii metateksta v khudozhestvennom tekste (na materiale proizvedeniy V. Astafyeva) [Metatext Functions in a Literary Text (Based on the Material of V. Astafyev's Works)]. *Sibirskiy filologicheskii zhurnal* [Siberian Journal of Philology], no. 1, pp. 89-94.
- Byuler K., 2000. *Teoriya yazyka. Rerezentativnaya funktsiya yazyka* [Theory of Language. The Representative Function of Language]. Moscow, Progress Publ. 501 p.
- Veprva I.T., 2005. *Yazykovaya refleksiya v postsovetskuyu epokhu* [Linguistic Reflection in the Post-Soviet Era]. Moscow, OLMA-PRESS Publ. 384 p.
- Veprva I.T., 2014. *Metazykovoy privkus epokhi. Izbrannye raboty poslednego desyatiletiya* [Metalanguage Flavor of the Era. Selected Works of the Last Decade]. Saarbrucken, Palmarium Academic Publishing. 223 p.
- Galperin P.Ya., 2002. *Lektsii po psikhologii* [Lectures on Psychology]. Moscow, Kn. dom «Universitet». 399 p.
- Ivanitskiy V.V., 2004. Funktsii yazyka [Language Functions]. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 29, pp. 103-110.
- Karabykov A.V., 2008. K voprosu o sistemnom predstavlenii funktsiy yazyka [On the Question of the System Representation of Language Functions]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Herald of Omsk University], no. 3, pp. 79-84.
- Karasik V.I., 2022. Modelirovanie funktsiy yazyka [Modeling of Language Functions]. *Yazyk i kultura* [Language and Culture], no. 58, pp. 29-42.
- Kolesov I.Yu., 2021. Interpretiruyushchaya funktsiya yazyka i prostranstvennaya metafora [Interpretive Function of Language and Spatial Metaphor]. *Issledovaniya yazyka i sovremennoe gumanitarnoe znanie* [Language Studies & Modern Humanities], vol. 3, no. 2, pp. 153-159.
- Kravtsova T.A., 2014. *Soderzhatelno-pragmaticheskiy potentsial metazykovogo kommentariya v agloyazychnom khudozhestvennom diskurse: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk* [The Content-Pragmatic Potential of Metalanguage Commentary in the English-Language Artistic Discourse. Cand. philol. sci. diss.]. Barnaul. 22 p.
- Malyavina O.N., 2010. Varianty i invarianty funktsiy yazyka v sotsiokulturnom kontekste [Variants and Invariants of Language Functions in a Socio-Cultural Context]. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsialnye nauki* [Vestnik of Lobachevskiy State University of Nizhniy Novgorod. Series: Social Sciences], no. 1 (17), pp. 126-132.

- Mamushkina S.Yu., 2016. Kommunikativnaya relevantnost yazykovykh funktsiy [Communicative Relevance of Language Functions]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal* [Baltic Humanitarian Journal], vol. 5, no. 4 (17), pp. 84-87.
- Mechkovskaya N.B., 2006. Estestvennyy yazyk i metayazykovaya refleksiya v vek Interneta [Natural Language and Metalanguage Reflection in the Internet Age]. *Russkiy yazyk v nauchnom osveshchenii* [Russian Language and Linguistic Theory], no. 2, pp. 165-185.
- Savitskaya E.V., 2023. K voprosu o prioritetakh v spektre funktsiy estestvennogo yazyka [On the Issue of Priorities in the Spectrum of Natural Language Functions]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Lingvistika i mezhkulturnaya kommunikatsiya* [Proceedings of Voronezh State University. Series: Linguistics and Intercultural Communication], no. 1, pp. 13-19.
- Ryabtseva N.K., 2005. *Yazyk i estestvennyy intellekt* [Language and Natural Intelligence]. Moscow, Academia Publ. 640 p.
- Shumarina M.R. 2011. *Yazyk v zerkale khudozhestvennogo teksta: (Metayazykovaya refleksiya v proizvedeniyakh russkoy prozy)* [Language in the Mirror of a literary Text. (Metalanguage Reflection in Works of Russian Prose)]. Moscow, Flinta Publ., Nauka Publ. 328 p.
- Yakobson R., 1975. Lingvistika i poetika [Linguistics and Poetics]. *Strukturalizm: «za» i «protiv»* [Structuralism: “For” and “Against”]. Moscow, Progress Publ., pp. 193-230.
- Halliday M.A.K., 1975. *Learning How to Mean: Explorations in the Development of Language*. London, Arnold. 176 p.
- Kačerauskas T., Mickūnas A. Language, Metalanguage, and Communication. *Between Communication Theories Through One Hundred Questions. Humanities. Arts and Humanities in Progress*. Cham, Springer, vol. 14, pp. 127-157.
- Korneeva A., Kosacheva T., Purpura O., 2019. Functions of Language in the Social Context. *SHS Web of Conferences 69, CILDIAH-2019*. URL: <https://www.researchgate.net/publication/336802501>
- Martinet A., 1969. Fonctions du langage et linguistique appliquée. *Communication et langues*, no. 1, pp. 9-18.
- Searle J.R., 2014. The Structure and Functions of Language. *Studies in Logic, Grammar and Rhetoric*, no. 36 (49), pp. 27-40.

SOURCES

- Vodolazkin E.G. *Aviator: roman* [Aviator. Novel]. Moscow, AST Publ., Redakciya Eleny Shubinoj, 2016. 410 p.
- Vodolazkin E.G. *Blizkie druzya* [Close Friends]. *Sovsem drugoe vremya: roman, povest, rasskazy* [A Completely Different Time. Novel, Novella, Short Stories]. Moscow, AST Publ., 2014, pp. 375-428.
- Vodolazkin E.G. *Kakie raznye pohorony* [What the Different Funerals]. *Idti bestrepetno: mezhdu literaturoj i zhiznyu* [To Go Fearlessly: Between Literature and Life]. Moscow, AST Publ., Redakciya Eleny Shubinoj, 2020, pp. 50-62.
- Vodolazkin E.G. *Opravdanie Ostrova: roman* [Justification of the Island. Novel]. Moscow, AST Publ., Redakciya Eleny Shubinoj, 2021. 405 p.
- Pelevin V. *Ampir «V»* [Empire «V»]. Moscow, Eksmo Publ., 2013. 416 p.
- Pelevin V. *Smotritel: roman* [Caretaker. Novel]. Saint Petersburg, Azbuka Publ., Azbuka-Attikus Publ., 2018. 480 p.
- Polyakov Yu.M. *Sovdetstvo: roman* [Soviet Childhood. Novel]. Moscow, AST Publ., 2021. 384 p.
- Polyakov Yu.M. *Sovdetstvo 2. Pionerskaya noch: roman* [Soviet Childhood 2. Pioneer Night. Novel]. Moscow, AST Publ., 2022. 416 p.
- Rubina D. *Sindrom Petrushki: roman* [Petrushka Syndrome. Novel]. Moscow, Eksmo Publ., 2011. 432 p.
- Senchin R. *Dozhd v Parizhe: roman* [Rain in Paris. Novel]. Moscow, AST Publ., Redakciya Eleny Shubinoj, 2021. 416 p.
- Senchin R. *Zona zatopeniya: roman* [The Flood Zone. Novel]. Moscow, AST Publ., Redakciya Eleny Shubinoj, 2015. 381 p.
- Stepnova M.L. *Zhenshchiny Lazarya: roman* [Lazarus' Women. Novel]. Moscow, AST Publ., Redakciya Eleny Shubinoj, 2022. 445 p.
- Tolstaya T.N. *Bez* [Without]. *Reka: sbornik* [River. Collection]. Moscow, Eksmo Publ., 2008, pp. 80-83.
- Shishkin M.P. *Pismovnik: roman* [Pismovnik. Novel]. Moscow, AST Publ., Redakciya Eleny Shubinoj, 2017. 414 p.

Information About the Author

Michail A. Kravchenko, Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor, Department of Mass Communication and Applied Linguistics, Rostov State Transport University, Rostovskogo Strelkovogo Polka Narodnogo Opolcheniya Sq., 2, 344038 Rostov-on-Don, Russia, mak@rgups.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6776-4131>

Информация об авторе

Михаил Александрович Кравченко, кандидат филологических наук, доцент кафедры массовой коммуникации и прикладной лингвистики, Ростовский государственный университет путей сообщения, пл. Ростовского Стрелкового Полка Народного Ополчения, 2, 344038 г. Ростов-на-Дону, mak@rgups.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6776-4131>

Миссия журнала «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание» состоит в содействии развитию лингвистики посредством создания платформы для научной коммуникации представителей международного профессионального сообщества, открывающей широкому кругу читателей свободный доступ к достижениям национальных лингвистических школ и направлений.

Редакционная политика журнала направлена на решение следующих задач:

- комплексное представление достижений современной лингвистики посредством публикации результатов оригинальных исследований в области теории языка, прикладной и сравнительно-сопоставительной лингвистики, истории и современного состояния языков разных групп и семей; объединения в рамках одного номера статей схожей проблематики, авторы которых принадлежат разным научным школам, актуализируют традиционные и реализуют современные направления лингвистики, апробируют новые методы и концепции изучения языков, их функционирования в разных сферах (в том числе в интернет-коммуникации) и в разные периоды развития;

- поддержка исследований междисциплинарного характера в области компьютерной лингвистики, юридической лингвистики, социолингвистики, гендерной лингвистики, переводоведения, теолингвистики и др.;

- расширение международной аудитории журнала посредством привлечения к сотрудничеству зарубежных авторов, публикации на русском и английском языках научных обзоров современных теоретических и экспериментальных исследований, выполненных российскими и зарубежными учеными;

- повышение интереса зарубежных специалистов к российским исследованиям посредством перевода на английский язык русскоязычных статей, посвященных изучению славянских языков, в частности русского, и межкультурной коммуникации;

- поддержка интернациональных научных коллективов, объединенных сравнительно-сопоставительным изучением языков в рамках конкретных тем.

В качестве критериев отбора статей учитываются: обращение авторов к новым языковым явлениям и новым источникам, знание и использование авторами новейших отечественных и иностранных публикаций по теме исследования, научная объективность и качественный анализ фактов с применением соответствующих современному уровню развития методологии и методов научного исследования, дискуссионность. Поддерживая развитие научного взаимодействия, редакция приветствует статьи, написанные в соавторстве российскими и зарубежными исследователями в рамках международных проектов.

The mission of the *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* is to promote the development of linguistics by providing a platform for scientific communication between Russian linguists and the international scholarly community. The journal gives open access to the achievements of national schools of linguistics to a broad readership.

The editorial policy of the Journal is aimed at achieving the objectives set:

- comprehensive presentation of the achievements of modern linguistics through publishing the results of original research in language theory, applied and comparative linguistics, history, and the current state of languages of different groups and families; bringing together in a single issue articles on similar research topics conducted by authors belonging to different schools of thought, publishing manuscripts using traditional and contemporary trends in linguistics, and applying new methods, research designs, and concepts to investigate linguistic phenomena and functions of languages in different discourse domains (including Internet communication) in synchronic and diachronic perspectives;

- supporting interdisciplinary research in the fields of computational linguistics, legal linguistics, sociolinguistics, gender linguistics, translation studies, theolinguistics, etc.;

- expanding the journal's international readership by publishing high-quality manuscripts by foreign authors and reviews of current theoretical and experimental research carried out by Russian and foreign scientists in Russian and English;

- enhancing interest in Russian studies on behalf of foreign professional linguists by translating into English Russian-language articles on the issues of Slavic languages, in particular Russian, and intercultural communication;

- supporting international research projects dedicated to the comparative study of languages within the framework of specific topics.

The criteria for selecting the articles to be published are the following: the authors' appeal to new linguistic phenomena and new sources, the authors' familiarity with latest publications on the research topic carried out by domestic and foreign scholars and application of their results, scientific objectivity and thorough analysis of facts using the methods of scientific research that correspond to the current level of methodology development, and actual discussion potential. The Editorial Board promotes the development of scientific cooperation and welcomes the articles written in co-authorship by Russian and foreign researchers in the framework of international projects.

УСЛОВИЯ И ПРАВИЛА ОПУБЛИКОВАНИЯ СТАТЕЙ В ЖУРНАЛЕ

1. Редакционная коллегия журнала «Вестник ВолГУ. Серия 2. Языкознание» принимает к печати оригинальные авторские статьи.

2. Подача, рецензирование, редактирование и публикация статей в журнале являются бесплатными. Никаких авторских взносов не предусмотрено.

3. Авторство должно ограничиваться теми, кто внес значительный вклад в концепцию, дизайн, исполнение или интерпретацию опубликованного исследования. Все они должны быть указаны в качестве соавторов.

4. Статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы. Представляемая для публикации статья не должна быть ранее опубликована в других изданиях.

5. Автор несет полную ответственность за подбор и достоверность приведенных фактов, цитат, статистических и социологических данных, имен собственных, географических названий и прочих сведений, за точность библиографической информации, содержащейся в статье.

6. В случае обнаружения ошибок или неточностей в своей опубликованной работе автор обязан незамедлительно уведомить редактора журнала (или издателя) и сотрудничать с ним, чтобы отменить статью или внести в нее исправления.

7. Автор обязан указать все источники финансирования исследования.

8. Представленная статья должна соответствовать **принятым журналом правилам оформления**.

9. Текст статьи представляется по электронной почте на адрес редколлегии журнала (vestnik2@volsu.ru). Бумажный вариант не требуется. **Обязательно** наличие сопроводительных документов.

10. Полнотекстовые версии статей, аннотации, ключевые слова, информация об авторах на русском и английском языках размещаются в **открытом доступе (Open Access)** в Интернете.

Отправка автором рукописи статьи и сопроводительных документов на e-mail редакции vestnik2@volsu.ru является формой **акцепта оферты** на принятие договора (публичной оферты) предоставления права использования произведения в периодическом печатном издании «Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 2. Языкознание».

Редакционная коллегия приступает к работе со статьей после получения всех сопроводительных документов по электронной почте.

Решение о публикации статей принимается редакционной коллегией после рецензирования. Редакция оставляет за собой право отклонить или отправить представленные статьи на доработку на основании соответствующих заключений рецензентов. Переработанные варианты статей рассматриваются заново.

Среднее количество времени между подачей и принятием статьи составляет восемь недель.

Более подробно о процессе подачи, направления, рецензирования и опубликования научных статей смотрите на сайте журнала <https://l.jvolsu.com> в разделе «Для авторов».

CONDITIONS AND RULES OF PUBLICATION IN THE JOURNAL

1. The Editorial Staff of *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* publishes only original articles.

2. The submission, reviewing, editing and publication of articles in the journal are free of charge. No author fees are involved.

3. Authorship should be limited to those who have made a significant contribution to the conception, design, execution, or interpretation of the reported study. All those who have made significant contributions should be listed as co-authors.

4. An article must be relevant and must include a task (issue) statement, the description of main research results and conclusions. The submitted article must not be previously published in other journals.

5. The author bears full responsibility for the selection and accuracy of facts, citations, statistical and sociological data, proper names, geographical names, bibliographic information and other data contained in the article.

6. If the author discovers a significant error or inaccuracy in his/her own published work, it is the author's obligation to promptly notify the journal editor or publisher and cooperate with the editor or publisher to retract or correct the article.

7. The author must disclose all sources of the financial support for the article.

8. The submitted article must comply with the **journal's format requirements**.

9. Articles should be submitted in electronic format only via e-mail vestnik2@volsu.ru. The author **must** submit the article accompanied by cover documents.

10. Full-text versions of published articles and their metadata (abstracts, key words, information about the author(s) in Russian and English) are available in **the Open Access** on the Internet.

Submitting an article and cover documents via the indicated e-mail vestnik2@volsu.ru the author **accepts the offer** of granting rights (public offer) to use the article in *Science Journal of Volgograd State University. Linguistics* print periodical.

The Editorial Staff starts the reviewing process after receiving all cover documents by e-mail.

The decision to publish articles is made by the Editorial Staff after reviewing. The Editors reserve the right to reject or send submitted articles for revision on the basis of the relevant opinions of the reviewers. Revised versions of articles are reviewed repeatedly.

The review usually takes 8 weeks.

For more detailed information regarding the submission, reviewing and publication of academic articles please refer to the journal's website <https://l.jvolsu.com/index.php/en/> (section "For Author").

Science Journal of Volgograd State University. Linguistics
is indexed by:

